Великая Отечественная: Неизвестная война

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БОЙНЯ

Владимир Бешанов

СТРАШНАЯ ПРАВДА о БЛОКАДЕ

Никакой обороны не было!

Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

Ленинградская бойня

СТРАШНАЯ ПРАВДА О БЛОКАДЕ

Никакой обороны не было!

Москва
«Яуза-пресс»
2010

УДК 355/359
ББК 68
Б 57

Оформление серии *П. Волкова*

Бешанов В. В.

Б 57 Ленинградская бойня. Страшная правда о Блокаде / Владимир Бешанов. — М. : Яуза-пресс, 2010. — 416 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-9955-0176-3

Самая «неудобная» и скандальная книга популярного историка. Продолжение бестселлеров «Кроваво-Красная Армия» и «Танковый погром 1941 года». Новый взгляд на трагедию Ленинградской Блокады. Страшная правда о самом долгом и жестоком побоище Великой Отечественной, продолжавшемся более двух лет и унесшем миллионы жизней. Опровергая официальную советскую версию «обороны Ленинграда», эта книга доказывает, что на самом деле **никакой обороны не было**, что битва за Ленинград – *«это одно сплошное наступление Красной Армии, немыслимо кровавое, безуспешное, зачастую бессмысленное. Участвовавшие в этой бойне войска Ленинградского и Волховского фронтов не оборонялись никогда. Они непрерывно наступали. Месяцами атакующие на одних и тех же направлениях, советские армии несли огромные потери, которые увеличивались десятикратно за счет необученности наших войск, слабой профессиональной подготовки отцов-командиров и пренебрежения к человеческой жизни. Битва за Ленинград продолжалась три года и обошлась нам в три миллиона убитых, пропавших без вести, получивших ранения военнослужащих. Еще один миллион погиб в самом городе...»* Эта книга впервые проливает свет на самую страшную бойню Второй Мировой, которая по уровню потерь превзошла даже печально известную «Ржевскую мясорубку», – до сих пор окрестности Ленинграда, где полегли миллионы наших бойцов, представляют собой огромное кладбище, охватывающее город в радиусе десятков километров...

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0176-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЛОКАДА — особая форма ведения военных действий, которая заключается в изоляции блокируемого объекта путем нарушения его внешних связей. Целями блокад являются: принуждение противника к капитуляции, подрыв военно-экономической мощи вражеского государства, истощение сил и средств блокируемой группировки вооруженных сил противника и создания благоприятных условий для ее последующего разгрома и овладения объектом блокады.

Всем известно, что город на Неве собирались удушить блокадой. Даже не овладеть, а просто уничтожить, не принимая капитуляции. О блокадном Ленинграде написано множество книг. В основном о стойкости его жителей, о бомбежках, артобстрелах, голоде, Дороге жизни, о радости прорыва и повышения хлебного пайка. Но крайне мало вразумительного о военных аспектах ленинградской битвы, за исключением первой фазы операция «Искра».

Германская армия, по определению, применила «особую форму» ведения военных действий, она устанавливала блокаду. А чем занималась Красная Армия? Говорить, что «обороной Ленинграда», неверно, опять же, по классическому определению, данному еще профессором А.И. Верховским: «Бой называется оборонительным, когда войска, расположившись на месте, добровольно уступают неприятелю инициативу действий и за счет выигранного таким образом времени производят: 1) заблаговременную

организацию огня; 2) укрепление местности и маскировку; 3) подготовку встречных ударов. Такая предварительная организация позволяет меньшими силами связать крупные силы врага, а освободившиеся за счет обороны силы использовать для нанесения решающего удара там, где старший начальник хочет добиться победы».

Под Ленинградом все было наоборот: советские войска не стояли на месте, инициативу противнику не уступали и обладали силами, гораздо более крупными, чем враг.

«Война за Ленинград» — это уникальное в своем роде сражение, это одно сплошное наступление, немыслимо кровавое, безуспешное, зачастую бессмысленное. Участвовавшие в этой войне войска Ленинградского и Волховского фронтов не оборонялись никогда. Они непрерывно наступали, а немцы по большей части вели «оборонительный бой», связывая «крупные силы врага». Месяцами атакующие на одних и тех же направлениях советские армии всегда численно превосходили врага и, вполне в соответствии с военной теорией, несли большие потери. Эти потери увеличивались десятикратно за счет необученности наших войск, слабой профессиональной подготовки отцов-командиров и пренебрежения к человеческой жизни. «Старшие начальники» очень хотели добиться победы, посему битва продолжалась три года и обошлась нам в три миллиона убитых, пропавших без вести, получивших ранения военнослужащих. Еще один миллион погиб за это время в самом городе.

Тайну того, как это у них получилось, наши самые именитые полководцы унесли с собой в могилу, а советские историки писали «истории» на основе их мемуаров, из которых можно почерпнуть байки о героизме красноармейцев, вырубавших топором немецкие танки вместе с экипажами или под ураганным огнем искавших на нейтральной полосе потерянный партийный билет, но порой трудно даже разобрать, с кем данный генерал воевал. Большинство из них, складывается впечатление, были по жизни пацифистами и, увлеченные карьерой, мало интересовались военным делом. К примеру, генерал Попов, командовав-

ший 70-й армией, все этапы операции «Багратион» помнил только по организованным в честь освобождения того или иного города банкетам.

Лишь в последнее десятилетие был опубликован ряд документов на тему ленинградского сидения, переведены воспоминания участников событий с той стороны. И относительно совсем недавно благодаря современным питерским энтузиастам появилась возможность увидеть войну снизу, «с точки зрения солдата, ползущего на брюхе по фронтовой грязи, а иногда и уткнувшего нос в эту грязь». Их осталось мало, но те, кто остался, надеются, что мы их услышим.

Глава 1

РАЗГРОМ РККА В ПРИБАЛТИКЕ

(июнь — август 1941 года)

Как известно, план «Барбаросса» предусматривал одновременное нанесение сокрушающих ударов на трех стратегических направлениях: Ленинградском, Московском и Киевском. При этом взятие Ленинграда и овладение побережьем Балтийского моря рассматривалось как важнейшая цель наступления вермахта.

Нацистское руководство, стремясь захватить «колыбель русской революции», учитывало не только стратегическое, но и огромное политическое и экономическое значение города на Неве. Здесь находились ведущие заводы важнейших отраслей промышленности, в том числе машиностроительной, авиамоторной, радиотехнической, судостроительной, танковой, электромеханической, оптической и других. Примерно 75% выпускаемой продукции приходилось на оборонный комплекс. Кроме того, Ленинград являлся и крупнейшим транспортным узлом. Успех на этом направлении позволял немцам добиться господства в обширном регионе от Прибалтики до Скандинавии, обеспечивал морские пути для вывоза в Рейх шведской руды и финского никеля, устанавливал контакт на сухопутном театре с потенциальным союзником в войне — Финляндией.

Для наступления на Ленинград в Восточной Пруссии была развернута группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Риттера Вильгельма фон Лееба в

составе 18-й и 16-й полевых армий и 4-й танковой группы. Группа «Север» имела 29 дивизий, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные, в которых насчитывалось 787 тысяч человек личного состава, 8348 орудий и минометов, 679 танков и штурмовых орудий. Действия наземных сил должны были поддерживать 830 самолетов 1-го воздушного флота генерал-полковника Келлера, в их числе 203 истребителя и 271 бомбардировщик. Директивой № 21 от 18 декабря 1940 года войскам фон Лееба ставилась задача уничтожить находившиеся в Прибалтике части Красной Армии и, овладев портами Балтийского моря, Ленинградом и Кронштадтом, лишить советский флот опорных пунктов. В рамках этой задачи группа армий «Север» наносила главный удар в направлении Двинска (Даугавпилса), выдвигая как можно быстрее свое усиленное правое крыло в район северо-восточнее Опочка с целью не допустить отхода советских войск из Прибалтики. К нанесению первоначального удара на северо-западном направлении привлекалась и часть сил группы армий «Центр», размещенных в Восточной Пруссии: два армейских корпуса 9-й полевой армии и 3-я танковая группа.

Вся немецкая группировка, сосредоточенная на границе Литвы, насчитывала 43 дивизии, в том числе 7 танковых и 6 моторизованных, свыше 13 тысяч орудий и минометов, около 1500 танков и более 1000 самолетов.

С советской стороны группе армий «Север» противостояли войска Прибалтийского особого военного округа под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова, до 1941 года ничем выше полка не командовавшего, составившие с началом войны Северо-Западный фронт. В его 8, 11 и 27-й армиях имелось 25 дивизий, в том числе 4 танковые и 2 механизированные, 1 стрелковая и 3 воздушно-десантные бригады — 440 тысяч человек, 7467 орудий и минометов, 1514 танков, 1814 самолетов.

На территории Восточной Финляндии разворачивались три группировки: немецкая армия «Норвегия», финские Юго-Восточная и Карельская армии. Немцы должны были продвигаться на ухтинском, кандалакшском и мурманском

направлениях, а финны — на Карельском перешейке и севернее его, чтобы соединиться с войсками группы армий «Север» в районе Ленинграда и на реке Свирь. На финские части возлагалась также ликвидация советской базы на полуострове Ханко и прикрытие армии «Норвегия» с юга. Всего в Финляндии было сосредоточено 21,5 расчетных дивизий, в которых насчитывалось 407,5 тысячи человек, 3084 орудий и минометов, 192 танка и 424 самолета 5-го воздушного флота и финских ВВС (впрочем, участие финнов в войне против Советского Союза еще стояло под вопросом).

Таким образом, германское командование рассчитывало захватить Ленинград двойным ударом: с севера — финскими войсками, с юга — силами немецкой группы армий «Север». При этом германский Генштаб понимал, что наличных сил вермахта может не хватить для успешных действий сразу на всех стратегических направлениях. Поскольку Гитлер считал овладение Ленинградом «неотложной задачей», в плане «Барбаросса» была заложена идея остановки наступления группы армий «Центр» на рубеже Днепра и переброски части ее сил на север для победоносного завершения операции по овладению Северной столицей СССР. **Наступление на Москву — мечта германского генералитета — до взятия Ленинграда не планировалось.**

Защиту «города имени великого Ленина» с суши, в первую очередь от посягательств со стороны «фашистской» Финляндии, должны были обеспечить войска Ленинградского военного округа под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова. Они насчитывали 15 стрелковых дивизий, средняя укомплектованность которых составляла 12 тысяч человек и была значительно выше, чем в других приграничных округах. Артиллерийские части стрелковых соединений были полностью укомплектованы личным составом и боевой техникой. Накануне войны округ имел 436 тысяч бойцов и командиров, 9599 орудий и минометов, в его состав входили 1-й и 10-й механизированные корпуса. Бронетанковые войска в июне 1941 года насчитывали 1857 танков и 514 бронемашин, а военно-воздушные

силы — 2104 самолета. Кроме того, на северо-западном направлении находилось 656 самолетов ВВС Балтийского флота (в том числе 172 бомбардировщика и 353 истребителя) и 115 самолетов Северного флота. Шесть артиллерийских полков 2-го корпуса ПВО, прикрывавшие Ленинград, имели на вооружении около 600 новых 85-мм зенитных орудий. Две истребительные дивизии (3-я и 54-я), выделенные для ПВО города, насчитывали 200 самолетов. С 19 июня из частей истребительной авиации началось формирование 7-го авиакорпуса ПВО.

Балтийский флот имел в своем составе 2 линейных корабля, 2 крейсера, 2 лидера, 21 эскадренный миноносец, 66 подводных лодок, 6 минных заградителей, 33 тральщика, 7 сторожевых кораблей, 48 торпедных катеров и ряд вспомогательных судов. В береговой обороне насчитывалось 424 орудия крупных калибров. В системе ПВО флота имелось 352 орудия. Всем этим хозяйством руководил вице-адмирал В.Ф. Трибуц, за два года чистки в вооруженных силах шагнувший с мостика эсминца на должность командующего флотом, «по пути» отметившись на штабных постах, — четвертый флагман за четыре с половиной предвоенных года. Товарищ Сталин не боялся смело выдвигать новые кадры, впрочем, как и без колебаний их задвигать.

В общем, силы наши были немалые, и рассказы советских маршалов о количественном превосходстве противника — сказки для советских же граждан, от которых вышеприведенные цифры скрывали полвека как величайший государственный секрет. В силу означенной причины бывший начальник Генштаба маршал А.М. Василевский мог авторитетно рассуждать о «целых армадах фашистской авиации» и трехкратном превосходстве группы армий «Север» с 679 танками и 830 самолетами над Прибалтийским округом, имевшим 1514 танков и 1814 самолетов. Надо же было как-то объяснить, почему начало войны для войск как Северо-Западного фронта, так и всей «непобедимой и легендарной» ознаменовалось серией катастрофических поражений.

Уже к концу 22 июня 1941 года немцы, продвинувшись на 20—70 км, захватили переправы через Неман. Советская оборона оказалась прорванной на нескольких направлениях, система связи нарушена, централизованное управление войсками потеряно. Войска генерала Ф.И. Кузнецова, не ориентировавшиеся в реальной обстановке и не взаимодействовавшие между собой, пытались осуществить довоенные планы по освобождению заграничных пролетариев от гнета тамошних капиталистов и помещиков. Авиация, вместо того чтобы поддерживать наземные силы, совершала налеты на объекты в Восточной Пруссии и, в условиях хорошо организованной системы ПВО противника, несла большие потери. Механизированные корпуса получили приказ нанести контрудар в полосе 8-й армии генерал-полковника П.П. Собенникова вдоль шоссе Шяуляй—Тильзит. В трехдневном встречном сражении с 41-м моторизованным корпусом генерала Георга Рейнгардта (1-я и 6-я танковая, 36-я моторизованная, 269-я пехотная дивизии — около 400 танков), советские 12-й и 3-й мехкорпуса, действовавшие без поддержки пехоты, авиации, тылового обеспечения и связи друг другом, были разгромлены, потеряв почти 1300 танков. В донесении начальника автобронетанкового управления Северо-Западного фронта от 2 июля говорилось: *«3-й механизированный корпус не существует. Остатки 12-го механизированного корпуса и остатки личного состава 3-го механизированного корпуса необходимо вести вместе, расположив их в районе города Луга для нового формирования»*.

Разбив советские части, Рейнгардт бросил свой корпус к Двине.

Дивизии 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова также не выдержали сосредоточенного удара бронетанковых кулаков. Армия, понесшая тяжелые потери и рассеченная на две части, начала откатываться на северо-восток. Направление Каунас, Двинск оказалось практически без прикрытия. Сюда вклинились 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизия из 56-го корпуса генерала Эриха фон Манштейна, насчитывавшие около 200 танков.

Под давлением соединений 4-й танковой группы, поддержанных бомбардировочной авиацией, войска Северо-Западного фронта отходили по расходящимся направлениям: дивизии 8-й армии — к Риге, части 11-й армии — на Свентяны, Дисну. Требовалось проведение срочных мероприятий по организации обороны на реке Западная Двина и ликвидации прорыва на центральном участке фронта.

Оборону на рубеже Двины решено было организовать силами армии генерала Собенникова и выдвигаемой из глубины 27-й армии под командованием генерал-майора Н.Э. Берзарина. Согласно приказу командующего фронтом 8-я армия, в которую входили остатки 10-го, 11-го стрелковых корпусов и 202-й механизированной дивизии, должны были занять оборону на рубеже от Риги до Ливани. Левее от Ливани до Краславы отступали соединения 16-го стрелкового корпуса. Для объединения действий этих соединений комфронта решил выдвинуть вперед управление 27-й армии с частями обслуживания. Штаб генерала Берзарина на автомобилях перебазировался в район Резекне и с вечера 28 июня вступил в командование частями на даугавпилском направлении. Из Московского военного округа Ставка перебрасывала сюда недоукомплектованный 21-й механизированный корпус генерал-майора Д.Д. Лелюшенко — «всего» 175 танков и 129 орудий. Однако генерал Берзарин не успел организовать оборону до подхода противника.

Уже утром 26 июня, на четвертый день войны, 8-я танковая дивизия генерала Брандербергера, преодолев около 400 км, прорвалась к Даугавпилсу, захватила неповрежденными два больших моста через Западную Двину и заняла плацдарм на правом берегу. На следующий день реку форсировала 3-я мотодивизия генерала Яна. 28 июня немцы успешно отбили контратаку корпуса Лелюшенко и брошенного в «пехотный бой» 5-го воздушно-десантного корпуса, оттеснив их на 40 км от Даугавпилса. Генерал Манштейн всей душой стремился продолжить лихой рейд по советским тылам, но командующий танковой группой приказал ему остановиться. Гёпнер опасался, что 56-й мо-

токорпус, оторвавшийся от основных германских сил на 100—130 км, может оказаться в окружении, и потому решил подождать выхода к Двине войск 16-й армии генерал-оберста Эрнста Буша и корпуса Рейнгардта.

В полосе обороны 8-й армии до 29 июня противник активных боевых действий не вел, подтягивая войска к Западной Двине. Отдельные советские части прорывались на восток, в частности остатки 12-го механизированного корпуса, в котором еще имелось около 40 танков, отошли за реку в районе Риги. Штаб корпуса, потерявший связь с высшим командованием и собственными частями, был в этот день окружен в лесах южнее Борисели и уничтожен немцами. Командир корпуса генерал-майор Н.М. Шестопалов попал в плен и умер от ран 6 августа в лагере военнопленных в Шяуляе.

29 июня 41-й моторизованный корпус форсировал Двину в районе Крустпилса. А 30 июня передовым отрядом 26-го армейского корпуса 18-й армии генерал-оберста Георга фон Кюхлера были захвачены мосты в Риге. Все это исключительно осложнило положение 8-й советской армии, которая отступала на правый берег медленнее, чем наступал противник. 1 июля немцы заняли Ригу.

В период с 29 июня по 1 июля командование группы армий «Север» накапливало силы на плацдармах для последующего наступления и приводило соединения в порядок. Согласно приказу Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) соединения 4-й танковой группы должны были повести стремительное наступление через Резекне в направлении на Остров и Псков с целью отрезать советским войскам путь отхода южнее Чудского озера. Корпус Манштейна за это время полностью сосредоточился в районе Даугавпилса, включив в себя третье моторизованное соединение — дивизию СС «Мертвая голова»; корпус Рейнгардта — в районе Крустпилса. Одновременно к Двине подтянулась пехота 18-й и 16-й армий. Всего в конце июня в группе армий «Север» насчитывалось 25 дивизий, в том числе 3 охранные, входившие в состав 101-го тылового корпуса.

Казалось бы, у командования Северо-Западного фронта появилась возможность укрепить свои позиции и организовать прочную оборону за водной преградой. Этого больше всего опасался Манштейн: «...после внезапного рейда корпуса на Даугавпилс прошло уже шесть дней. Противник имел время преодолеть тот шок, который он получил при появлении немецких танков на восточном берегу Двины». Однако советское командование делало одну ошибку за другой. Вначале войскам 24-го и выделенного из резерва Ставки 41-го стрелковых корпусов 29 июня было приказано сосредоточиться в районах Виляка, Остров, доукомплектоваться и быть готовыми нанести контрудар на Даугавпилс с целью восстановления обороны 27-й армии по Западной Двине. На другой день это решение было отменено и принято другое. Кузнецов отдал приказ на отход в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы. Войска приступили к исполнению этого приказа. Видимо, это было самое правильное решение в данной обстановке.

1 июля немцы не вели активных боевых действий. Советская фронтовая разведка доложила, что численность войск противника на даугавпилском плацдарме составляет около пехотной дивизии, усиленной танками. Узнав об этом и учитывая требования Ставки о ликвидации вражеских плацдармов, генерал Кузнецов отменил свой приказ от 30 июня и вновь велел войскам подготовиться к наступлению, которое должно было начаться 2 июля. На подготовку отводилось девять часов, исходное положение для удара надо было занять к 10 часам утра. 8-й армии надлежало ликвидировать крустпилский плацдарм, 27-й — уничтожить противника в районе Даугавпилса.

В армиях в первую очередь приняли меры к тому, чтобы остановить отход войск и возвратить части на рубеж Западной Двины в ранее занимаемые ими районы. Утром 2 июля войска фронта все еще находились в движении и не были готовы ни к наступлению, ни к обороне. В 5 часов утра при поддержке всей авиации нанесли свой удар немцы. В итоге советским армиям так и не удалось закрепиться на рубеже

реки Западная Двина, их остатки с арьергардными боями отходили по расходящимся направлениям: 8-я армия — в Эстонию, 27-я — на восток, к реке Великая, 11-я — в районе Невеля. Завершался полный разгром Северо-Западного фронта. На псковском направлении образовалась брешь, в которую устремилась 4-я танковая группа. К исходу дня немецкие подвижные соединения, продвигаясь по шоссе Даугавпилс—Остров, вышли в район 20—25 км южнее Резекне и на следующий день заняли город.

Следя за развитием событий на данном направлении, Ставка Главного командования еще 29 июня дала указание заблаговременно организовать оборону на рубеже река Великая и прочно закрыть направление на Ленинград. Она приказала сосредоточить в районах Псков, Остров, Порхов 22, 24, 41-й стрелковые и 1-й механизированный корпуса. Опираясь на укрепленные районы, эти соединения должны были подготовить прочную оборону на ленинградском направлении.

1-й мехкорпус, которым командовал генерал-майор М.Л. Чернявский, был полностью укомплектован и поначалу имел 1039 танков. Однако к моменту развертывания боевых действий на псковско-островском направлении он был раздерган по частям и потерял свое значение как крупное подвижное соединение. Его 1-я Краснознаменная танковая дивизия была переброшена на Северный фронт, а 163-я механизированная переподчинена командованию 27-й армии. Фактически у генерала Чернявского оставалась только 3-я танковая дивизия генерал-майора И.М. Кузнецова, разместившаяся в лесах в 20 км северо-западнее Пскова, но и из ее состава один танковый и один механизированный полки были переданы 41-му стрелковому корпусу.

41-й корпус под командованием генерала И.С. Кособуцкого в составе 90, 111, 118 и 235-й стрелковых дивизий с 1 июля начал выгружаться на станциях Псков, Карамышево, Черская. По окончании сосредоточения он должен был занять Старо-Псковский, Ново-Псковский и Островский укрепрайоны. Все его дивизии были полностью укомплек-

тованы личным составом, но, как и абсолютное большинство соединений Красной Армии, не имели инженерного имущества и средств связи, во всяком случае, радиостанций не было ни одной. 22-й стрелковый корпус сосредоточивался в районе Порхова, 24-й — в районе Острова.

Вечером 3 июля генерал Собенников неожиданно получил с мотоциклистом предписание вступить в командование Северо-Западным фронтом. 8-ю армию у него принял генерал-лейтенант Ф.С. Иванов. В этот же день на должность начальника штаба фронта был назначен генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. Прежнее командование сгинуло в окружении, и о его судьбе ничего не было известно. Позже выяснилось, что генерал-полковник Ф.И. Кузнецов остался жив и в конце июля выбрался к своим.

Тем временем танковая группа Гёпнера разделилась: корпус Манштейна, передав 3-ю мотодивизию в подчинение генерала Рейнгардта, резко повернул в направлении Себеж, Опочка; 41-й моторизованный корпус наносил удар на Остров. Немцы выигрывали в темпе: оборону в Островском районе занимали лишь 154-й отдельный пулеметный батальон и 398-й стрелковый полк 118-й дивизии, не имевшие артиллерии, гранат, противотанковых мин. Сюда должна была прибыть 235-я стрелковая дивизия, но ее эшелоны, следовавшие от Иваново, задерживались в пути. Между тем утром 4 июля 1-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Кирхнера достигла южной окраины Острова, с ходу форсировала реку Великая и к вечеру овладела городом. Маневр был значительно облегчен тем, что русские вновь не успели взорвать автомобильный и железнодорожный мосты, захваченные немецкими мотоциклистами. Советские части, вступавшие в бой с колес, противостоять противнику не смогли и поспешно оставили оборонительные позиции. 56-й мотокорпус в это время, с трудом преодолевая болотистую местность, продвигался к Себежскому укрепрайону, в котором закрепились части 21-го механизированного корпуса генерала Лелюшенко.

Оценив обстановку, Собенников приказал командирам 41-го стрелкового и 1-го механизированного корпусов

с рассветом 5 июля уничтожить немецкие части в районе Острова и восстановить оборону по реке Великая. Генерал Ватутин в телефонном разговоре предупредил генерала Кособуцкого: «Имейте в виду, ликвидация и уничтожение врага возлагаются персонально на вас, под вашу личную ответственность. За выполнение этого приказа вы отвечаете своей головой». Для решения поставленной задачи был выделен 468-й стрелковый полк 111-й дивизии и 3-я танковая дивизия с тяжелыми машинами КВ-1 и КВ-2.

В 16.00 советские танкисты ворвались в город, обратив противника в бегство. На следующий день бои в районе Острова разгорелись с новой силой и приняли еще более ожесточенный характер. Однако, по уже ставшей традицией привычке, красные командиры не организовали взаимодействие, вследствие чего дрались в отрыве друг от друга. То есть танки без пехоты, пехота без танков, и каждый сам по себе. Поэтому закрепить успех им не удалось. Дважды танкисты врывались в Остров, потеряли в атаках 140 боевых машин, но без поддержки пехотных соединений удержать его не смогли. Немцы, подтянув дополнительные силы, сломили 6 июля сопротивление обескровленных советских частей и вынудили их к отходу. 1-я танковая дивизия начала быстро продвигаться на Псков, а 6-я — на Порхов.

В докладной записке на имя члена Военного совета Северо-Западного фронта корреспондент «Красной Звезды» М. Косарев писал: «...командир 5-го танкового полка Посенчук рассказывал о бое за Остров. Из его рассказа следует, что сил у немцев на островском направлении очень мало и что захват города нашими частями сорвался только лишь потому, что с поля боя постыдно дезертировала 111-я стрелковая дивизия, ее командиры бежали первыми, споров петлицы и сняв знаки различия. Наших сил под Островом сосредоточено очень много, но все они действуют вразнобой, не осуществляя никакого взаимодействия».

После оставления Острова наши дивизии отходили к Пскову. 7 июля германским танкам удалось прорваться через боевые порядки корпуса Кособуцкого и стремительно выдвинуться к южным окраинам города. Для ликвидации

этого прорыва советское командование утром 8 июля приказало 41-му стрелковому и 1-му механизированному корпусам нанести контрудар и уничтожить противника. Однако, пока они готовились к контратаке, германские войска в 12 часов дня возобновили наступление. Соединения 41-го мотокорпуса обрушились на части 41-го стрелкового, которые вынуждены были беспорядочно отойти за реку Великая. К этому времени артиллерия советских стрелковых дивизий осталась без боеприпасов, личный состав был деморализован видом отступавших на восток через их боевые порядки тылов 8-й и 27-й армий и нередко самовольно оставлял позиции, присоединяясь к бегущим. Положение усугублялось безнаказанностью действий вражеской авиации. Остатки 1-го мехкорпуса отступали к Порхову.

Весь этот погром немцы учинили силами трех дивизий!

Правда, им не удалось ворваться в Псков с ходу. На этот раз мосты через реку Великая и ее притоки русские успели взорвать, не дожидаясь даже отхода своих частей. Оставшиеся на западном берегу подразделения 118-й, 111-й стрелковых дивизий и 25-го укрепрайона, бросив всю технику, форсировали реку на подручных средствах. Ни о какой организованной обороне уже не могло быть и речи.

8 июля генерал Собенников приказал войскам фронта перейти к упорной обороне на рубеже Псковский укрепрайон — река Великая — река Череха — Опочка. Одновременно с этим он потребовал создать группировки на флангах порховского направления для нанесения контрудара с целью уничтожения прорвавшегося противника. Такие маневры в советской военной науке получили название «активная оборона». Генералу В.И. Морозову, уже растерявшему все войска 11-й армии, 9 июля было приказано прибыть в Дно и объединить под своим командованием усилия 41-го, 22-го стрелковых и 1-го механизированного корпусов.

И снова немцы опередили. К вечеру 9 июля моторизованный корпус Рейнгардта обошел Псков с востока и начал развивать наступление на Лугу. Никем не управляемые войска 41-го советского корпуса разбегались. Его разроз-

ненные части, потерявшие связь с вышестоящими штабами, были обнаружены командованием только 13 июля под Стругами Красными и Лугой.

Причем войска Северо-Западного фронта ретировались со столь завидной быстротой, что глубокомысленный противник воспринимал их действия как продуманный заранее и хорошо отработанный маневр. Генерал Эрхард Раус писал:

«Обычно когда русские терпели поражение на широком фронте, они восстанавливали свои линии, только отступив на значительное расстояние. Они передвигались очень быстро, даже если отступали большими силами... Когда они решали отступать, они делали это одним рывком, а потом немедленно переходили к активной обороне. Когда наши танковые дивизии прорывали фронт и начинали преследование вдоль дорог, русские очень умело исчезали на пересеченной местности. Отступив, они отрывались и снова быстро собирались вместе. Поэтому русских можно считать мастерами отступлений. Например, к югу от Ленинграда 6-я танковая дивизия захватила несколько пленных из тех же полков 125-й стрелковой дивизии, с которой мы впервые столкнулись, когда пересекали границу в Тауроге. Русские сумели отступить на 500 миль!»

Однако высокое советское начальство «мастерство отступления» своих войск не оценило. Генерал И.С. Кособуцкий и отвечавший за оборону Пскова командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н.М. Гловацкий «за трусость, бездействие власти, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» пошли под трибунал — отвечать головой.

К этому времени стало ясно, что Манштейну с двумя дивизиями не прорвать Себежский укрепрайон, и его войска были переброшены обратно в район Острова.

Падение Пскова означало, что группа армий «Север» успешно выполнила первую половину своей стратегической задачи, вторгшись подвижными соединениями в пределы Ленинградской области. Сражение в Прибалтике, в

котором приняли участие 40 советских дивизий, в том числе 7 танковых и 4 механизированные, было Красной Армией проиграно вчистую. Ее потери составили почти 90 тысяч человек (по большей части пленными), 2523 танка (по 140 машин в сутки), 3651 орудие и миномет, 990 боевых самолетов. Советские войска отступили на 400—450 км, корабли Балтийского флота вынуждены были перебазироваться из Либавы и Вентспилса в Таллин.

8 июля 1941 года в Ставке фюрера прошло совещание Верховного главнокомандования германских вооруженных сил (ОКВ), на котором одним из главных обсуждавшихся вопросов был вопрос о наступлении вермахта на Ленинград и начале наступления финских войск с севера. Гитлер утвердил предложенный начальником Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Францем Гальдером план дальнейших действий, подчеркнув при этом необходимость отрезать Ленинград с востока и юго-востока силами 4-й танковой группы генерала Гёпнера. Именно на этом совещании фюрер объявил свое твердое решение «сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы воспрепятствовать там остаться населению, которое мы должны будем кормить зимой». Уничтожение двух столиц России, по разумению Гитлера, символизировало победу «высшей расы» и должно было нанести в сердца «недочеловеков» неотразимый морально-психологический удар, вызвать «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и русских вообще».

В условиях непосредственной угрозы выхода противника к Ленинграду советская Ставка решила привлечь для защиты юго-западных и южных подступов к городу часть сил Северного фронта. 4 июля генерал М.М. Попов получил приказ организовать глубоко эшелонированную оборону на рубеже по реке Луга от Финского залива до озера Ильмень. Ставка потребовала создать на этом рубеже предполье глубиной 10—15 км со сплошными заграждениями, оставив лишь пути отхода для войск Северо-Западного фронта. На Лугу к 10 июля были спешно выдвинуты 177-я

и 191-я стрелковые, 24-я танковая дивизии, 1-я отдельная горнострелковая бригада, ленинградские стрелково-пулеметное и пехотное училища и почти все артиллерийские полки РГК, объединенные в Лужскую оперативную группу во главе с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом К.П. Пядышевым. По воспоминаниям маршала артиллерии Г.Ф. Одинцова, Константин Павлович Пядышев — «талантливый военачальник строго придерживался суворовских принципов обучения войск, обладал исключительным даром интуиции и предвидения, так много значащих в бою», — выдвинув передовые отряды к реке Плюссе, немедленно приступил к созданию прочных заслонов на Киевском шоссе и по обеим сторонам Варшавской железной дороги.

В Лужскую группу включались и отходившие на север части 41-го стрелкового корпуса. В целях централизации боевой деятельности авиации военно-воздушные силы Северного и Северо-Западного фронтов, Балтийского флота и 7-й авиакорпус ПВО были подчинены единому командованию в лице генерала А.А. Новикова.

Руководство военными действиями Северного, Северо-Западного фронтов, Балтийского и Северного флотов с 10 июля осуществлялось Главным командованием Северо-Западного направления во главе с «первым маршалом» К.Е. Ворошиловым. Штаб направления поспешно сколотили в основном из преподавателей академий.

Еще 27 июня 1941 года Военным советом Северного фронта было принято постановление о привлечении жителей Ленинграда и его пригородов к трудовой повинности. Каждый ленинградец «обоего пола», не связанный с военным производством, направлялся на строительство оборонительных сооружений. Ежедневно работало около 150 тысяч человек. За уклонение от трудовой повинности полагалось шесть месяцев тюремного заключения или штраф до 3000 рублей.

Основная тяжесть в деле создания фортификаций выпала на плечи женщин. Они рыли траншеи, окопы, противотанковые рвы и эскарпы, устраивали лесные завалы.

Немецкие летчики разбрасывали над ними листовки: «Дамочки! Не копайте ямочки! Все равно пройдут наши таночки!» Если верить мемуарам партийного пропагандиста А.Д. Окорокова, листовки вызывали смех. Так прямо и шпарит генерал-комиссар: женщины, оставившие дома детей, с лопатами и кирками роют противотанковый ров. Под самым Ленинградом. В туфельках. Над ними пролетают немецкие самолеты, иногда они сбрасывают листовки, чаще бомбы. Проходят мимо разбитые советские дивизии, бегущие от германских «таночков». Всем весело: «Под Лугой меня окружили смеющиеся женщины... Я тоже не мог не рассмеяться».

На улицах возводились баррикады, все гражданские стройки были свернуты, чтобы нацелить людские и технические ресурсы на создание военно-инженерных сооружений, прежде всего Лужской линии обороны. На ближних подступах к городу с юго-запада и юга строились Красногвардейский и Слуцко-Колпинский укрепленные районы, на севере совершенствовался Карельский УР. Пояс оборонительных сооружений с узлами сопротивления создавался также по линии Петергоф — Пулково.

Наряду с призывом военнообязанных с 29 июня развернулось форсированное создание в помощь кадровым частям Ленинградской армии народного ополчения численностью в 200 тысяч человек. Военный совет фронта поначалу просил 100 тысяч «физически выносливых и политически надежных» добровольцев в возрасте от 18 до 35 лет. Ленинградский партийный вождь и член Военного совета направления А.А. Жданов своей рукой увеличил «квоту» вдвое, а возраст до 50 лет. Будучи хорошо информирован, цену боеготовности Красной Армии и лозунгу про победу «малой кровью» он узнал еще в финской кампании. Советские полководцы в 30-е годы были приведены к похвальному послушанию и единообразию, воспитаны в беспредельной преданности делу Ленина—Сталина, но владели только одним тактическим приемом — залить врага кровью красноармейцев по самые ноздри.

Были организованы Военный совет и штаб ЛАНО. Командующим армией назначили генерал-майора А.И. Субботина. 4 июля приняли решение сформировать 15 дивизий народного ополчения с количественным составом 12 тысяч человек и **немедленно** отправить их на фронт. Обязанность по отбору добровольцев возлагалась на райкомы партии. К 10 июля было набрано 110 тысяч человек. Большинство ополчения составили рабочие предприятий, представители интеллигенции и студенчества. В добровольцы вступили 80 ленинградских писателей и композитор Д.Д. Шостакович. В короткий срок в Кировском, Московском, Дзержинском, Куйбышевском и Фрунзенском районах были сформированы первые три дивизии совокупной численностью в 31 тысячу человек и 15 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов — около 15 тысяч человек.

Поспешность, с которой создавались эти формирования, не могла не отразиться на их качестве. Ополченцы почти не имели тяжелого вооружения, количество пулеметов в подразделениях было гораздо ниже штатного, поскольку формировавшие дивизии территориальные районы сами, в силу возможностей, и обеспечивали их снаряжением, оружием и боевой техникой. Бойцы получали в руки залежавшиеся на складах винтовки канадского производства, иногда учебные — с просверленной казенной частью, иногда — и вовсе ничего. В принципе это не имело значения, поскольку на передовой патронов к ним было взять негде.

Личный состав, демонстрировавший исключительно высокий моральный дух, никакой военной подготовки не имел, многие не служили в армии и никогда не держали в руках оружие (1-я дивизия народного ополчения на 60% состояла из запасников и людей, не имевших военной подготовки; во 2-й дивизии «рядовых необученных» было 3894 человека, младших командиров — 205; в 3-й дивизии до 50% личного состава вовсе не имело военной подготовки). Обучение приходилось начинать с правильного наматывания портянок и умения есть ржаные сухари,

не превращая рот в кровоточащую рану, но даже это искусство осваивали по пути на передовую. Например, 1-я ДНО генерал-майора Ф.П. Родина формировалась с 4 по 10 июля, а уже на следующий день занимала оборону на одном из участков Лужского рубежа; 2-я ДНО полковника Н. Угрюмова закончила формирование 12 июля, сутки спустя она прибыла на фронт и заняла позиции по реке Луге в районе Поречье, Ивановское, Сабск. Командный состав дивизий народного ополчения в подавляющем большинстве пришел из запаса и был слабо подготовлен к руководству ведением боевых действий, к примеру, в 3-й дивизии имелось шесть кадровых командиров.

Как вспоминает бывший боец Ижорского батальона С.В. Сорокин:

«...мы, бойцы маленького заводского отряда, пошли на войну, где смерть на каждом шагу, где нужно самому бить врага. Как бить — мы сами не знали. Бить, и все. Хоть кулаком, хоть винтовкой, но только бить! И в самом деле, что мы тогда могли противопоставить врагу? Свои военные знания? Их у нас не было. Боевой опыт? Его тоже не было. Оружие? Сначала оно у нас было очень плачевным. Что же тогда? Грудь! И мы ее подставили».

10—14 июля 1-я Кировская, 2-я Московская и 3-я Фрунзенская дивизии народного ополчения были переданы Лужской оперативной группе и «выбыли на боевые рубежи». Несколько позже была укомплектована 4-я ДНО под командованием полковника П.И. Радыгина численностью 4267 человек, которую называли еще «легкострелковой» или «дивизией облегченного типа по вооружению и численному составу». Что это означает, можно легко представить, а можно и прочесть в воспоминаниях П.А Чугая, бывшего механика-водителя 84-го танкового батальона: «3-го или 4-го подошли ополченцы 4-й дивизии. Вид у них был плачевный: многие без обмундирования, винтовка — только у старшего, у остальных — ничего».

Во второй половине июля началось формирование четырех гвардейских дивизий народного ополчения. Почетное наименование, по мысли Жданова и Ворошилова,

должно было означать, что эти дивизии укомплектованы «подлинной гвардией рабочего класса» (не эта ли идея подтолкнула Сталина к возрождению в Вооруженных силах гвардейских частей?). Утверждается, что рабочая гвардия была «вооружена несколько лучше», но главным оружием по-прежнему оставалась грудь.

Со временем дело с вооружением поправили, дивизии народного ополчения переименовали в стрелковые, но принципы формирования новых соединений не изменились. К концу 1941 года немцы разгромили и уничтожили 186 советских дивизий — это 109% от имевшихся на 22 июня. От кадрового состава Красной Армии осталось не более 8 %. Новые дивизии «лепились» пачками — только в 1941 году сформировано 419 дивизий и 305 бригад — и немедленно бросались на фронты, где командующие как раз проводили очередную очень-очень важную операцию, обещая товарищу Сталину всенепременно разгромить какого-нибудь «подлеца Гудериана» или взять Киев к годовщине пролетарской революции, жалуясь при этом на нехватку своих сил и непомерную мощь неприятеля и требуя от Верховного пополнений, пополнений, пополнений. Снова свежеиспеченные солдаты уже в эшелонах учились наматывать портянки, впервые узнавали о существовании воинского Устава, вступали в бой и погибали, не успев запомнить фамилию своего непосредственного начальника. Поскольку потери при такой методе были огромны, боевой опыт сохранялся и накапливался мучительно долго. Подобная практика сохранялась до самой Победы. В этом смысле всю Красную Армию времен Отечественной войны можно назвать Армией Народного Ополчения.

Помимо дивизий народного ополчения в Ленинграде в июле—августе создавались и другие добровольческие формирования: истребительные и партизанские отряды, рабочие батальоны.

Было также сформировано семь партизанских полков общей численностью 6600 человек, в состав которых, помимо гражданских добровольцев, милиционеров, сотрудников НКВД, вошло около 1000 пограничников. Шесть

таких полков-самоубийц перебросили в тыл врага уже в первой половине июля. Это была непродуманная авантюра, обреченная на закономерный финал. Во-первых, громоздкие формирования, не имевшие замаскированных баз и средств связи, были лишены маневренности и скрытности, не умели и не имели возможности использовать партизанскую тактику, легко выявлялись противником. Во-вторых, задачи им ставились совершенно не партизанские, а именно «борьба с частями вражеской армии». В результате вооруженные лишь стрелковым оружием, слабо подготовленные в военном отношении полки действовали в основном в прифронтовой полосе, где насыщенность немецких войск была максимальной, вступали в открытый бой с регулярными частями противника, использовавшими танки, артиллерию и авиацию, и довольно быстро были уничтожены, не принеся особой пользы. Характерно, что тогда они назывались не партизанскими, а истребительными полками. Позже из их остатков, вернувшихся в Ленинград, были созданы отдельные диверсионно-разведывательные группы.

В целях подготовки необходимого резерва защитников города 13 июля было принято постановление о военном обучении всех мужчин в возрасте от 17 до 55 лет. Вводилась всеобщая обязательная военная подготовка населения. В составе всех добровольческих формирований из Ленинграда на фронт ушло около 160 тысяч человек.

В соответствии с решением СНК от 8 июля в городе, как и во всей стране, была введена карточная система распределения продуктов. Рабочие получали 800 грамм хлеба в день, служащие — 600 грамм, иждивенцы и дети — по 400 грамм. По карточкам выдавались также установленные нормы крупы, мяса, жиров и кондитерских изделий. Многие виды товаров еще свободно продавались в магазинах по твердым государственным ценам, а некоторые основные продукты можно было приобрести по коммерческой цене.

Для большинства обывателей война еще казалась чем-то далеким и не страшным: «Ожидали скорых побед на-

шей армии, непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах. Первые военные дни в городе сложилась своеобразная праздничная обстановка. Стояла ясная, солнечная погода, зеленели сады и скверы, было много цветов. Город украсился бездарно выполненными плакатами на военные темы. Улицы ожили. Множество новобранцев в новехонькой форме деловито сновало по тротуарам. Повсюду слышалось пение, звуки патефонов и гармошек: мобилизованные спешили последний раз напиться и отпраздновать отъезд на фронт».

Несмотря на то что ход войны уже явно не вписывался в сюжет военно-патриотических утопий писателей П. Павленко и Н. Шпанова, советский народ верил, что вот-вот грядет «большой день» и «наши стальные полки принесут свободу и счастье всему трудящемуся человечеству».

10 июля 1941 года является официальной датой начала битвы за Ленинград.

В этот день немецкие и финские войска одновременно нанесли удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии и Восточной Карелии.

На Онежско-Ладожском перешейке перешла в наступление армия «Карелия».

Фюрер германской нации в деле скорейшего овладения Ленинградом на «смелый народ» Финляндии, «преисполненный желанием мести», возлагал большие надежды. Хотя никакого формального соглашения с Рейхом подписано не было, и ничего конкретно финны немцам не обещали. Однако оказавшаяся после падения Норвегии и Франции между германским молотом и советской наковальней страна Суоми с четырехмиллионным населением при всем желании не имела никаких шансов на сохранение нейтралитета.

Горький опыт «зимней войны» 1939/40 года, непрерывное политическое давление и угрозы Кремля, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела лишь укрепили убежденность финского народа во враждебности СССР. Финны стали искать политическую поддержку везде, где ее

можно было найти. Неизгладимое впечатление произвели также оккупация и присоединение «к счастливой семье советских народов» независимых прибалтийских республик, осуществленные Красной Армией летом 1940 года. Финское правительство воочию увидело уготованное стране будущее. К тому же до финнов дошли слухи о требованиях относительно Финляндии, предъявленных Молотовым во время ноябрьского визита в Берлин.

А Вячеслав Михайлович, обсуждая с Гитлером разграничение сфер интересов «в мировом масштабе» и планы выхода к Индийскому океану, упорно настаивал на том, что сначала Кремлю хотелось бы получить все, что причитается по секретному протоколу 1939 года, который выполнен не по всем пунктам: «Финский вопрос до сих пор остается неразрешенным... Советское правительство считает своим долгом окончательно урегулировать финский вопрос».

Причем «урегулирование» кремлевские мечтатели трактовали однозначно — оккупация, советизация и «добровольное» присоединение Финляндии к СССР. Как ни уговаривал фюрер советского премьера войти в положение ведущей войну и экономически заинтересованной в финских и шведских поставках Германии, как ни просил обождать хотя бы год или полгода до заключения мира, Молотов был непреклонен, выражая решительное непонимание: с какой стати Советский Союз «должен откладывать реализацию своих планов на шесть месяцев или на год»? В самом деле, уже два месяца как подписан документ № 103203 — «Соображения по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией».

25 ноября 1940 года Молотов передал в Берлин условия, на которых Советский Союз был готов присоединиться к Тройственному пакту для участия в совместном германо-итало-японо-советском проекте по перекраиванию карты мира. Первым пунктом в этом документе значится признание права Москвы на приватизацию Финляндии.

В тот же день нарком обороны Тимошенко направил командованию Ленинградского округа директиву о подготовке войны с «финской козявкой». Директива стави-

ла задачи «разгромить Вооруженные силы Финляндии, овладеть ее территорией» и выйти к Ботническому заливу. Хельсинки предполагалось «освободить» на 25-й день операции.

Финны опасались, что безусловный нейтралитет, которого они придерживались ранее, приведет лишь к войне одновременно против Германии и СССР. Предпочтительнее было вовремя выбрать одну из сторон. Перспективы дружбы со Сталиным вырисовывались достаточно ясно, а абсолютное большинство «белофиннов» категорически не желало перекрашиваться в «красных». Верховный главнокомандующий маршал К.Г. Маннергейм в одном из интервью сказал, что, с точки зрения финнов, переход на сторону Советского Союза означал бы «то же самое, что поражение»: «Не было ничего удивительного в том, что настроения в народе отличались глубоким недоверием к Советскому Союзу. Могли ли мы доверять такому соседу, который начал войну с целью подчинить себе нашу страну и который после определения основных условий для мирного соглашения стал предъявлять новые требования?»

Западные державы помочь ничем не могли. В то же время Германия сама протянула руку, предложив заключить транзитное соглашение и организовать поставки военной техники. С осени 1940 года финны взяли курс на сближение с Рейхом. «Каждый понимал, — вспоминает Маннергейм, — что интерес Германии к Финляндии являлся для нас той соломинкой, за которую хватается утопающий, хотя никто не знал, как она нас сможет выдержать. Инициатива Германии дала Финляндии долгожданную передышку после более чем полугодового непрерывного на нее давления. На какое-то время требования русских прекратились».

Еще более тесному сотрудничеству двух стран способствовали действия советского руководства, внезапно в одностороннем порядке разорвавшего торговое соглашение и лишившее финнов поставок зерна, топлива и сырья. Вскоре более 90% финского импорта приходилось на долю Германии.

В конце мая 1941 года в Зальцбурге состоялись финляндско-германские военные консультации, в ходе которых немцы намекнули на возможность вооруженного конфликта между Германией и СССР. Как указывает генерал Дитмар, по мнению разработчиков плана «Барбаросса» «решающей предпосылкой для ведения операций против Ленинграда с севера, а также операции по захвату Мурманской железной дороги было вступление Финляндии в войну на стороне Германии. Советский Союз сам способствовал этому. Затеянная под пустячным предлогом зимой 1939/40 года война, суровые условия Московского мира, которым она закончилась, и почти открытые угрозы самому существованию Финляндии со стороны Советского Союза явилось причиной возникновения в финском народе чувства такого отчаяния и тревоги, что присоединение к сильной, стоявшей тогда в зените своего могущества, Германии казалось для финнов единственным выходом из создавшегося положения».

Впрочем, немцы на финнов не давили, конкретными планами не делились, беседы проводили в сослагательном наклонении, да и Финляндия не спешила с заверениями в союзнической верности, избегая любых обязательств. В июне была достигнута договоренность о перемещении германских войск из Норвегии в финское Заполярье, а также о совместном ведении боевых действий в случае нападения Советского Союза на Финляндию. При этом президент страны Ристо Рюти особо подчеркнул, что Финляндия намерена оставаться нейтральной, пока сама не станет жертвой агрессии. Гитлер на сей счет особо не беспокоился, не сомневаясь, что «агрессия» состоится. Знал об этом и маршал Маннергейм: «Поле для маневра во внешней политике, если вообще можно было говорить о каком-либо поле, было очень ограниченно, — продолжает Маннергейм. — На самом деле, можно было сказать, что все зависело, и независимость Финляндии в том числе, от отношений с Германией... Выбор между Германией и Советским Союзом завел нас в тупик... Финляндия не имела возможности свободно распоряжаться своей судьбой. В практиче-

ском плане не было никакой возможности остаться в стороне от приближающегося конфликта».

15 июня финское правительство получило телеграмму фельдмаршала Кейтеля, сообщавшую, что война с СССР неизбежна. Двое суток спустя была объявлена всеобщая мобилизация. Нейтралитет Финляндии к этому времени стоял под вопросом, чему способствовала переброска германских войск в Лапландию, разрешение немецким минным заградителям укрываться у финского побережья, а бомбардировщикам Люфтваффе приземляться 22 июня на аэродроме в Куовола.

В первый день германского нападения на Советский Союз русские самолеты атаковали финские военные корабли и береговые укрепления. Артиллерийские батареи советской базы на полуострове Ханко начали обстрел финской территории, а наши доблестные пограничники в нескольких местах нарушили границу. Финны в безнадежных попытках сохранить нейтралитет три дня терпели эти безобразия. Армия получила приказ «избегать любых действий, которые могли бы дать русским повод для провокации». Дипломаты во всех столицах выражали протесты и разъясняли позицию своего правительства. В результате 24 июня и Лондон, и Берлин признали Финляндию нейтральной страной. Москву мирное разрешение ситуации не устраивало.

Несмотря на военные приготовления Финляндии, поводом к началу войны стали массированные советские бомбардировки, начавшиеся 25 июня 1941 года. Конечно, без объявления войны. Это правительства помещиков и капиталистов были обязаны придерживаться норм международного права, а первая в мире «республика трудящихся» ни с кем не воевала, а лишь оказывала помощь «угнетенным классам».

История Ленинградского военного округа с гордостью сообщает: «24 июня *(финский посол в это время пытался выяснить у Вячеслава Молотова, может ли Финляндия считать себя нейтральным государством)* Ставка Главного Главнокомандования Вооруженных сил СССР информи-

ровала Военные советы Северного фронта, Северного и Балтийского флотов, что на территории Финляндии сосредоточиваются немецкие войска и авиация для нанесения ударов по Ленинграду и захвата Мурманска и Кандалакши. Чтобы предупредить их нападение, советская авиация по указанию Ставки на рассвете 25 июня нанесла удары по восемнадцати аэродромам противника, совершив 487 самолето-вылетов. Было уничтожено 30 вражеских самолетов на земле и 14 сбито в воздушных боях. Удары по вражеским аэродромам продолжались и в последующие дни».

Заодно успешно отбомбились по финским городам и весям, включая Хельсинки и Турку.

Сотни тонн бомб обрушились на мосты, дороги, заводы, железнодорожные станции и жилые кварталы по всей стране. Причем, судя по воспоминаниям главного маршала авиации А.А. Новикова, поведавшего о «первой в истории советской авиации» многодневной воздушной операции, все было даже еще масштабнее:

«Последние приготовления, уточнение данных, короткие переговоры с командирами ависоединений, и на аэродромах заревели моторы. Воздушная армада из 263 бомбардировщиков и 224 истребителей и штурмовиков устремились на врага... Налет длился несколько часов, одна группа сменяла другую. Впервые в истории наших ВВС к одновременным действиям привлекалось такое количество боевой техники, причем на всем фронте: от Выборга до Мурманска».

Финны засчитали себе 26 сбитых бомбардировщиков, вылетавших на боевые задания, как правило, без истребительного прикрытия. Примечательно, что буквально за три дня до этого Сталин еще «боялся» всяческих провокаций. А вот теперь бомбит «чудесный грузин» соседа, ничего на самом деле не зная о планах «захвата Мурманска и Кандалакши». Но зато он еще свято верил, что Красная Армия могучими ударами перенесет боевые действия на чужую территорию.

На советско-финлядской границе уже развернулись и, «сверкая блеском стали», застыли в ожидании приказа 1-й и 10-й механизированные корпуса (примерно 1500 танков), которые начали выдвижение на исходные рубежи 17 июня 1941 года!

В тот же вечер на заседании финского парламента было заявлено, что война начинается с того же, с чего «зимняя война», — с нападения СССР. 26 июня президент Рюти в выступлении по радио объявил о состоянии войны между Финляндией и Советским Союзом, а финским войскам было разрешено открывать огонь по нарушителям границы.

Однако согласно советской трактовке событий агрессором выступала Финляндия:

«Советское правительство и Верховное Командование, не желая дать финской армии повод для открытия военных действий, приказали своим войскам не открывать огня до тех пор, пока финские сухопутные части не перейдут в наступление... 23 и 24 июня финская авиация пыталась бомбардировать Ленинград, Кронштадт и города Карело-Финской ССР».

Однако факт остается фактом: финны на нас «внезапно» не нападали и Ленинград за всю войну принципиально не бомбили ни разу. Специальный приказ военно-воздушным силам категорически запрещал даже полеты над городом.

Главной целью Талвисоты (войны-продолжения) было объявлено возвращение утраченных в результате Московского мира территорий, далее все зависело от хода войны и желания немцев делиться приобретенным с «братьями по оружию». План кампании предусматривал три этапа: наступление севернее Ладоги и выход к реке Свирь и Онежскому озеру, «освобождение» Карельского перешейка и вступление в Карелию. Поскольку никаких наступательных планов финский Генштаб до этого не имел, ему потребовалось три недели на разработку операций и перегруппировку войск. В армию мобилизовали «все людские резервы страны, в том числе и призывников самых старших возрастов».

Для решения первой задачи была сосредоточена 100-тысячная группировка под командованием начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Хейнрихса, в состав которой вошли 6-й и 7-й армейские корпуса, а также руководимая генерал-майором Ойноненом группа «О» — всего 5 пехотных дивизий, 1 кавалерийская и 2 пехотные бригады.

Им противостояли 54, 71 и 168-я стрелковые дивизии, 26-й (Сортавальский) укрепленный район и 55-я смешанная авиадивизия, входившие в 7-ю армию генерал-лейтенанта Ф.Д. Гореленко. Выдвинувшиеся на линию государственной границы советские войска особых сюрпризов от финнов не ожидали, оборонительных рубежей не готовили, информации о противнике не имели никакой, сосредоточение ударной группировки вдоль единственной в данном районе железнодорожной линии не заметили. А кого опасаться, финнов, что ли?

Товарищ Сталин, как всегда, правильно указал, что чухна белоглазая воевать толком не умеет. «Дурачки, — сказал величайший стратег всех времен и народов, подводя итоги «зимней войны», — сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают... А наступление финнов гроша ломаного не стоит. Вот за три месяца помните ли вы хоть один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии?»

10 июля армия генерала Хейнрихса перешла в наступление, имея ближайшей целью выйти к северо-восточному побережью Ладожского озера, а в дальнейшем развивать успех на Петрозаводск и Олонец. Главный удар в стык 71-й и 168-й дивизий наносил усиленный пехотной бригадой 6-й корпус генерал-майора Хягглунда. Войска генерала Гореленко, растянутые на широком фронте (так, 71-я дивизия «держала» кордоном 125 км границы), отразить удар не сумели и начали отходить в восточном и юго-восточном направлениях. Через образовавшуюся брешь противник выдвинулся к станции Лоймола и 14 июля перерезал единственную железнодорожную коммуникацию в полосе 7-й армии. 16 июля финны захватили Питкяранту и достигли

берега Ладоги, а следовавшая в авангарде 1-я пехотная бригада полковника Лагуса вышла к реке Тулокса. Армия Гореленко оказалась расчлененной на две части. Сортавальская группа — 168-я стрелковая дивизия, 74-й отдельный разведывательный батальон, один полк 71-й стрелковой дивизии и ее части усиления — оказалась отрезанной от основных сил и 21 июля была подчинена 23-й армии. Финны продолжали развивать наступление на трех направлениях: петрозаводском, олонецком и сортавальском.

В сложившейся обстановке Военный совет Северного фронта усилил 7-ю армию одним полком 198-й механизированной дивизии, полком 36-й противотанковой бригады, двумя горнострелковыми батальонами, двумя танковыми ротами и бронепоездом. Для ликвидации прорыва противника из частей и подразделений, направленных на Онежско-Ладожский перешеек, сформировали две оперативные группы: петрозаводскую под командованием генерал-лейтенанта М.А. Антонюка и южную генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева. Эти группы ударами с востока и юго-востока должны были уничтожить прорвавшиеся в район Ведлозеро, Сальми части врага и в дальнейшем овладеть станцией Лоймола.

23 июля войска 7-й армии после артиллерийской подготовки перешли в контрнаступление. Частям петрозаводской оперативной группы за два дня боев удалось продвинуться на несколько километров в западном направлении. Войска южной группы продвинуться вперед не смогли, а 24 июля были отброшены на восточный берег реки Тулокса.

Чтобы оказать содействие группе Цветаева, в тыл и фланг финского 6-го корпуса, на острова Лункулунсари и Мантинсари, катерами Ладожской военной флотилии были высажены два батальона из состава 4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б.Н. Ненашева. Десанты высаживались в спешке, без подготовки, без огневого обеспечения и без оперативного взаимодействия с генералом Цветаевым, ради помощи которому все это и затевалось. Правда, что само по себе редкость, была произведена пред-

варительная воздушная и наземная разведка, но неприятеля на островах она не обнаружила. Хотя он там был, успел оборудовать на Лункулунсари, соединявшимся с материком дамбой, береговую батарею, а одна из разведгрупп исчезла бесследно. 24 июля морские пехотинцы высадились на остров Мантинсари, 27-го — на Лункулунсари. Однако финны имели возможность беспрепятственно наращивать свои силы, а десантники никакой поддержки не получали. Дальнейшие подробности историки нашего флота опускают, но, конечно, «десанты оттянули на себя часть вражеских сил», а в 4-й бригаде стало на два батальона меньше.

К концу июля линия фронта стабилизировалась на рубеже реки Тулокса.

Северо-Западный фронт в середине июля располагал 23 стрелковыми, 5 танковыми, 4 механизированными дивизиями, 1 стрелковой и 3 воздушно-десантными бригадами. Правда, в 22 дивизиях потери в личном составе и технике составляли более 50%. Всего имелось около 300 тысяч человек.

В распоряжении фон Лееба для действий в Эстонии и нанесения удара по Ленинграду было 23 дивизии, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные. Группа армий «Север» должна была правым флангом 4-й танковой группы отрезать Ленинград с востока и юго-востока. Закрепление успеха ударной группировки возлагалось на 16-ю армию. Фон Кюхлер получил задачу отсечь и уничтожить советские войска в Эстонии, захватить Моонзундские острова и главную военно-морскую базу Балтийского флота — Таллин.

Без оперативной паузы с рубежа Псков, река Великая немецкие моторизованные корпуса устремились к Луге и Новгороду.

Соединения 56-го мотокорпуса продвигались в направлении Порхов, Шимск, Новгород, нацеливаясь перерезать железнодорожную линию Москва—Ленинград в районе Чудово. Для глубокого обходного маневра Манштейн имел только две дивизии — 8-ю танковую и 3-ю моторизован-

ную. Им предстояло преодолеть сильно заболоченную и лесистую местность, неблагоприятную для действий бронетехники. Но уже 10 июля 3-я мотодивизия в ожесточенном бою взяла Порхов, а 8-я танковая двигалась на Сольцы. Оборонявшийся на этом направлении 22-й стрелковый корпус (180-я и 182-я стрелковые дивизии) задержать противника не сумел. Корпус был эстонский, и значительная часть командиров и красноармейцев из его состава перешла на сторону противника.

41-й корпус Рейнгардта, прорвав оборону советских войск северо-восточнее Пскова, тремя дивизиями выкатывался на Струги Красные.

Все это время силами ленинградцев, местного населения и выдвигавшихся войск на северном берегу реки Луги строился оборонительный рубеж, протянувшийся от Финского залива до озера Ильмень, состоявший из двух полос протяженностью около 175 км и глубиной 10—15 км. Перед передним краем и в глубине устанавливались мины, копались противотанковые рвы, эскарпы, устраивались лесные завалы. Одновременно с оборонительными работами войска Лужской оперативной группы усиленно готовились к предстоящим сражениям, а некоторые части с 12 июля уже вели бои в предполье. Чтобы выиграть время на подготовку обороны на Лужском рубеже, Военный совет Северного фронта создал несколько отрядов заграждения и направил их на шоссе Луга—Псков. В эти отряды были включены стрелковые, артиллерийские и инженерные части. Здесь же с боями отходили соединения 11-й армии.

Поддержанные активными действиями авиации и сильной артиллерийской группировкой, советские части оказывали упорное сопротивление 41-му моторизованному корпусу, вынужденному из-за сильно пересеченной и заболоченной местности действовать исключительно вдоль единственной дороги на Лугу. 12 июля лобовое немецкое наступление, лишившись внезапности и маневра, завязло в районе Плюссы. Это заставило генерала Гёпнера отказаться от прямого прорыва на Лугу и повернуть глав-

ные силы Рейнгардта на северо-запад, оставив под Лугой только 269-ю пехотную дивизию генерала фон Лейзера.

Немецкие танкисты, совершив 170-километровый форсированный марш по лесным дорогам, считавщимся у нас непроходимыми для техники (впрочем, один из участников рейда тоже охарактеризовал пройденную трассу как трясину «самого гнусного характера»), в ночь с 13 на 14 июля скрытно вышли к реке в районах Ивановского и Сабска, в 20—25 км юго-восточнее Кингисеппа. Хотя перед подходом 1-й танковой дивизии мост у Сабска был разрушен, ей удалось захватить здесь плацдарм. Переправы у Ивановского, благодаря действиям диверсионных подразделений полка «Брандербург», 6-я танковая дивизия генерала Франца Ландграфа заняла неповрежденными и тоже перебралась на противоположный берег. Однако развить наступление с плацдармов не удалось. Монументальное советское исследование утверждает, что здесь сработали диверсанты из полка «Бранденбург». На самом деле два моста у Ивановского достались противнику целыми и невредимыми благодаря внезапности его действий и безалаберности охраны.

«Упорной и активной обороной выдвигавшихся от Ленинграда войск наступление германских подвижных частей было остановлено», — сообщает российский историк. Хотя, если быть точным, дело было совсем наоборот. Форсировав Лугу, Рейнгардт оказался в той же ситуации, что и Манштейн под Двинском: серьезного противника впереди практически не было, Ленинград лежал в двух переходах, «панцеры» ждали приказа атаковать, но вести дальнейшее наступление лишь подвижными соединениями без поддержки пехоты фон Лееб считал слишком рискованным предприятием. Основные силы группы армий «Север» и почти вся авиация, в соответствии с планом глубокого флангового охвата противника с юго-востока, были нацелены на озеро Ильмень и Новгород. Генерал Рейнгардт получил стоп-приказ.

Это позволило советскому командованию подтянуть к плацдармам дополнительные силы, которые выгружались

из эшелонов прямо на глазах у немцев. Это прибыли на войну ленинградские дивизии народного ополчения. Их немедленно бросал в бой лично примчавшийся из Новгорода К.Е. Ворошилов. В небе господствовали советские самолеты, для нанесения ударов по переправам была привлечена авиация Балтфлота и 7-го истребительного корпуса ПВО.

«1-я стрелковая дивизия народного ополчения, — вспоминал руководивший обороной плацдарма генерал Эрхард Раус *(номера советских дивизий генерал путает)*, — в сопровождении танков появилась перед нами утром, стремительно наступая на Ивановское по дороге, ведущей к деревне с запада. Она намеревалась захватить оба моста через Лугу в тот же день. Внезапный огонь хорошо укрытых немецких батарей заставил русскую пехоту отступить. Хотя вражеские танки сначала остановились в замешательстве, вскоре они снова двинулись вперед короткими рывками. Неопытная русская пехота следовала за ними, подгоняемая офицерами и комиссарами, которые угрожали солдатам пистолетами. Танки, постепенно набирая скорость, катились строем клина и уже грозили прорвать немецкую линию, когда внезапно заговорили наши 88-мм и 105-мм орудия, открывшие огонь из засад с дистанции не более 500 метров. После каждого выстрела поднималось облако дыма, отмечая попадания. Тем временем наша артиллерия и пулеметы выкашивали ряды русской пехоты, следовавшей за танками. Атака русских выдохлась... Тем временем 3-я добровольческая дивизия народного ополчения, наступавшая от села Юрки, собралась на исходных позициях на опушке густого леса, подступавшего к Ивановскому с востока. Эта атака, проведенная без артиллерийской поддержки, началась ближе к вечеру. Русские наступали несколькими волнами по обе стороны дороги и бежали к дамбе по совершенно открытой местности. Наша артиллерия, которая раньше обстреливала районы сосредоточения, теперь обрушила огневой вал на эту желто-коричневую массу. Пулеметы и танковые пушки открыли бешеный огонь, засыпав противника смертоносными снарядами. Атака за-

хлебнулась буквально через несколько минут, и результатом этого бессмысленного поступка была только ужасная бойня. Но даже после этого атаки до вечера повторились еще трижды и каждый раз завершались неудачей. В ходе атак русские понесли ужасающие потери, но не захватили ни пяди земли».

Дело дошло до того, что под брань маршала взобрался в танк и рванул разведывать врага сам командующий Северным фронтом, но «тридцатьчетверку» быстро подбили, а чудом спасшийся генерал Попов тут же получил фитиль «за безрассудную удаль». Хотя и самому маршалу СССР там делать было нечего, но не мог он руководить войной по карте, не той закалки был человек.

«На стиль деятельности Ворошилова конечно же влияли привязанности и представления периода гражданской войны, в ходе которой он сформировался как зрелый и крупный советский военачальник, — утверждает бывший командующий 23-й армией генерал А.И. Черепанов. — Он и тогда, мы знаем это, не отсиживался в штабах и не кланялся пулям. Но тогда и природа боя была иной. А его и теперь, в новых условиях, влекло в войска, на поле боя, хотя, конечно, увидеть, схватить здесь можно было не всю широкомасштабную картину происходящего, а только небольшую ее часть». Слова из песни «первый маршал в бой нас поведет» Климент Ефремович воспринимал буквально. Отсюда родился в Красной Армии целый ворошиловский эпос:

«Рассказывают, что в 1941 году Ворошилов, чтобы предотвратить отход отдельных наших подразделений на направлении главного удара немцев, бросился с группой офицеров наперерез отступавшим и тем восстановил положение, предотвратив прорыв фронта».

В отчете за этот период командир 41-го моторизованного корпуса писал:

«Для частей у предмостных укреплений наступило время упорной борьбы, связанной с большими потерями. Противник начал беспрерывно атаковать их. Потом четыре недели солдаты основных дивизий, привыкшие к стре-

мительным атакам и прорывам, вели здесь, глубоко зарывшись в землю, позиционную войну».

Поэтому правильней было бы сказать, что две дивизии Рейнгардта «упорной и активной обороной» сумели не только удержать, но и, отбив все атаки, расширить захваченные плацдармы.

Причем даже не дивизии, основные силы которых еще продолжали форсировать болота и мостить многокилометровые гати, а их передовые отряды. Так, первые шесть дней на плацдарме у Ивановского по несколько раз в день отбивала атаки, уничтожив при этом 78 советских танков, боевая группа полковника Рауса, в которой насчитывалось 1500 солдат, 36 гаубиц и полевых орудий, 9 противотанковых пушек, 12 зениток калибра 88 мм, 26 зенитных автоматов, 230 пулеметов и 60 легких танков, в основном чешских 35(t).

Ворошилов и Жданов быстро назначили виновных: командующего Лужской опергруппой «талантливого военачальника» К.П. Пядышева сначала сняли с должности за неумелое руководство войсками, нераспорядительность и безынициативность, а потом арестовали и отдали под суд за «контрреволюционные высказывания» и «неверие в наши силы» (в хрущевские времена гибель генерала инкриминировали «бериевской клике»). Полковник Н.С. Угрюмов был отстранен от командования 2-й ДНО.

36-я моторизованная дивизия генерал-лейтенанта Оттенбахера, очищая от советских войск восточное побережье Чудского озера, вышла к Гдовскому боевому участку, который сопротивлялся недолго.

Генерал Манштейн, оказавшийся вследствие задуманного Гёпнером маневра в еще более изолированном положении, все еще продолжал наступать. Его войска прорвались к Лужскому рубежу западнее Шимска.

Обстановка здесь резко обострилась. В приказе войскам Северо-Западного фронта от 14 июля главком направления подчеркивал, что над Ленинградом нависла прямая угроза вторжения и требовал от командиров частей «навести воинский порядок на фронте и в тылу, положить конец без-

волию, нерешительности и медлительности в действиях, не останавливаться перед крайними мерами, уничтожать трусов и паникеров на месте»:

«...В то время как войска Северного фронта мужественно бьются с озверелыми фашистско-шюцкоровскими полчищами на линии от Баренцева моря до Ханко и Таллина, героически защищают каждую пядь нашей родной советской земли, войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение, чем еще больше поощряют обнаглевшего врага. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают паники, не организуют и не ведут свои части в бой, но и своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта.

Обнаглевший враг продолжает продвигаться вперед. Мною даны указания провести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и старые заслуги, предать суду полевых трибуналов с применением самого сурового наказания, вплоть до расстрела».

Поскольку «обнаглевшая» 16-я немецкая армия наступала южнее озера Ильмень в направлении на Холм и Старую Руссу, между ее соединениями и 56-м моторизованным корпусом образовался разрыв в 200 километров.

Эту брешь советское командование решило использовать для срыва вражеского наступления на Новгород и разгрома прорвавшихся к Шимску соединений противника. В период с 14 по 18 июля по приказу маршала Ворошилова силами нескольких соединений 11-й армии был подготовлен и осуществлен контрудар с севера и с юга по флангам войск Манштейна в районе Сольцы. С воздуха операцию поддерживали 235 самолетов четырех авиационных дивизий и дальнего бомбардировочного авиакорпуса. Немецкие

8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии были практически окружены и отрезаны от своих коммуникаций. С советской стороны их пытались уничтожить 3 стрелковые дивизии и переброшенная с Карельского перешейка 21-я танковая дивизия полковника Л.В. Бунина. Кроме того, операцию 11-й армии с юга обеспечивала 202-я механизированная, с запада 182-я стрелковая дивизии. Манштейн вспоминал: «Нельзя сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения». Ожесточенные бои продолжались пятеро суток, в иные дни немцы отражали до семнадцати атак в день. Войска Манштейна, получая снабжение по воздуху, сумели продержаться до 18 июля, когда им на помощь подоспела дивизия СС «Мертвая голова». Кольцо окружения было прорвано, фронт восстановлен на рубеже Дно. Тем не менее немцев отбросили на 40 км, опасность их прорыва к Новгороду была временно ликвидирована.

«Кичливый враг, — ликует маршал Василевский; вроде бы крупный военачальник, а обстановку излагает на уровне ротного замполита, — был вынужден несколько отступить, а остатки его моторизованных соединений бежали в панике».

19 июля германское командование приказало войскам группы армий «Север» приостановить наступление на Ленинград и возобновить его только после подтягивания к Лужскому рубежу соединений 18-й армии и приведения в порядок частей 4-й танковой группы, которая потеряла к этому времени до 50% материальной части. В конце июля Манштейн жаловался обер-квартирмейстеру ОКХ генералу Паулюсу, что в результате неправильного использования танковых войск на неподходящей для этого местности потери в людях в трех его дивизиях «за прошедшее время» достигли «уже 600 человек». Неясно, какой отрезок времени имел в виду танковый генерал, зато известно, что войска Северо-Западного фронта теряли до 2 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными ежедневно.

Вынудив противника прекратить наступление на рубеже реки Луги, советские войска выиграли почти три не-

дели для организации обороны на ближних подступах к Ленинграду, а также на подтягивание на это направление свежих сил.

В Эстонии 8-я армия под командованием генерала Ф.С. Иванова, переданная приказом Ворошилова от 14 июля в состав Северного фронта, двумя потрепанными стрелковыми корпусами успешно отражала атаки двух пехотных дивизий противника из 26-го армейского корпуса на рубеже Пярну, Тарту. Для содействия советским войскам и обеспечения озерных коммуникаций приказом от 3 июля была сформирована Чудская военная флотилия с главной базой в Гдове. Основу ее боевой мощи составили пять учебных колесных и винтовых пароходов дореволюционной постройки, принадлежавшие военно-морскому училищу имени Дзержинского. Имелось также несколько катеров и буксиров. 10—12 июля на посудины установили две 76-мм пушки Лендера и девять «сорокапяток», снятых с крейсера «Аврора». В результате такой модернизации получили канонерские лодки «Нарова», «Исса», «Эмбах», «Плюсса» и посыльное судно «Уку».

Генерал Ф.С. Иванов, не обладая информацией о группировке и намерениях противника, умозрительным путем пришел к выводу, что немцы будут изо всех сил рваться к Таллину. Поэтому две трети армии он сосредоточил на своем правом фланге. Противник решил иначе. 22 июля, подтянув еще три пехотные дивизии, он возобновил наступление в Эстонии, ударом в стык 10-го и 11-го корпусов в направлении Пыльтсама, Мустве. Это направление с оперативной точки зрения считалось «важным», за эстонскими городками открывалась дорога на Нарву и далее в Ленинград. Но нашего войска там не стояло. Быстро продвигаясь на восток, практически не встречая сопротивления, немцы 25 июля достигли западного побережья Чудского озера в районе Мустве, отрезав 11-й стрелковый корпус от главных сил. Командование Северного фронта направило Военному совету 8-й армии вразумляющую шифротелеграмму:

«Перед фронтом вашей армии действуют дивизии резервного 26-го корпуса, имеющие чрезвычайно растянутые и пустые тылы. Противник действует дерзко, нахально, выходя небольшими частями на ваши коммуникации, создавая лишь видимость окружения.

Этот противник при умелом активном руководстве может и должен уничтожаться. Однако вместо активных действий командование всех степеней крайне болезненно реагирует на появление в своем тылу небольших группировок противника и отводит войска, вместо того чтобы их организовать для активного разгрома противника, выходящего на тылы...

Приказываю:

1) Прекратить необоснованный отход войск, не допускать оборону кордонным расположением и перейти к активным действиям ударными группировками по флангам и тылам прорывающегося противника.

2) На участке 10 ск создать ударную группу с целью противодействия прорывам противника и его решительного подавления».

В этот же день четырьмя немецкими истребителями из пушек и пулеметов были обстреляны корабли Чудской флотилии. Несколько моряков было убито, а на «Нарове» даже пробита палуба. Этот налет произвел настолько неизгладимое впечатление на командующего флотилией капитана 1 ранга Н.Ю. Авраамова, что он запросил разрешение затопить корабли. Из Ленинграда последовал категорический отказ, но деятельность флотилии все равно была парализована. Один за другим запаниковавшие экипажи выбрасывали «канонерские лодки» на мели и разбегались по лесам. Остатки 11-го стрелкового корпуса к 30 июля пробились из окружения на север вдоль берега озера и попытались закрепиться на рубеже реки Мустве.

Генерала Ф.С. Иванова на посту командарма-8 сменил генерал-майор И.М. Любовцев, который «рулил» ровно неделю. Несмотря на прибывающие маршевые пополнения и

технику, свежую 268-ю стрелковую дивизию и 4-ю дивизию народного ополчения, армия продолжала отступать. К исходу 7 августа немцы вышли на побережье Финского залива. 8-я армия оказалась рассеченной на две изолированные части, 10-й стрелковый корпус генерал-майора И.Ф. Николаева (10, 16 и 22-я стрелковые дивизии) откатывался к Таллину. Вновь назначенный командарм генерал-лейтенант П. П. Пшенников получил задачу сформировать ударную группировку, «уничтожить и разгромить впереди стоящего противника» и восстановить положение. Но вместо этого отводил остатки армии, получившие в боевых приказах наименование «восточной группы», на восточный берег реки Кунда.

Глава 2

ТАЛЛИНСКИЙ ПРОРЫВ КБФ

(август 1941 года)

С выходом противника на южное побережье Финского залива советские морские коммуникации оказались под ударами вражеской авиации, а корабли Балтийского флота — в Таллинской ловушке. 14 августа ответственным за оборону главной базы флота маршал Ворошилов назначил командующего Балтийским флотом вице-адмирала В.Ф. Трибуца, подчинив ему войска 10-го стрелкового корпуса.

Ни в теоретическом, ни в практическом отношении флот к проведению подобной операции не готовился. Никто и в страшном сне не мог узреть, что находящейся за сотни километров от государственной границы военно-морской базе противник будет угрожать с сухопутного направления. На случай войны с Германией нарком ВМФ ставил Балтийскому флоту следующие задачи: быть готовым к отражению морских десантов на острова Эзель и Даго, совместно с военно-воздушными силами уничтожить флот противника при попытке его проникновения в Финский и Рижский заливы и содействовать флангам сухопутных войск, которые, естественно, должны были громить врага на его же территории. Штурманы 1-го минно-торпедного, 37-го и 73-го бомбардировочных полков КБФ на полетных картах прокладывали курсы на Тильзит, Мемель, Данциг, Кёнигсберг.

Основная мощь Кригсмарине была направлена против

Англии. Уничтожение Балтийского флота планировалось достигнуть путем захвата его баз с суши и нанесения ударов с воздуха. До этого момента следовало блокировать советские корабли и обеспечивать свои коммуникации на морском театре. Для действий на Балтике немцы выделили 28 торпедных катеров, 7 сторожевиков, 10 минных заградителей, 5 тральщиков и 5 подводных лодок. Оперативные замыслы германского командования сводились к тому, чтобы «слабыми силами, но очень искусно поставить русский флот в неблагоприятные условия путем применения активных минных заграждений». Для этих целей оно сформировало три минно-заградительные группы, придав им 2 флотилии торпедных катеров и 2 флотилии тральщиков. В период с 20 по 23 июня 1941 года эти группы скрытно выставили 1062 мины и 368 минных защитников в операционной зоне (!) Балтийского флота. Как противнику удалось все это проделать в условиях абсолютного превосходства нашего флота, под самым его носом, причем в условиях белых ночей, — тайна сия велика есть. Ни советские корабельные дозоры, ни вылетавшие на разведку по нескольку раз в сутки гидросамолеты ничего подозрительного не обнаруживали. Как утверждает контр-адмирал Н.М. Соболев, служивший в оперативном управлении Главного морского штаба, советская разведка выявила немецкие минные заградители в финских портах и командованию «было понятно», что они прибыли туда «не на прогулку, а с определенной военной целью». Однако «...мы этому факту не придали должного значения. Окончательно оценили его лишь после того, как минные заградители выполнили свою боевую задачу».

В дальнейшем немцы продолжали «минную войну» и до 10 июля, не встречая абсолютно никакого противодействия, только в Финском заливе поставили 1738 мин и 1659 минных защитников. Советские корабли на основании указания Главного Морского штаба «ставить мины круглосуточно, использовать все, что можно» занимались тем же самым, выстраивая в устье залива минно-артиллерийскую позицию по планам времен адмиралов

Эссена и Колчака. Лишь совсем недавно признали, что «создание минно-артиллерийской позиции у входа в Финский залив не имело смысла. В очередной раз мы оказались в плену шаблона». При этом ни до войны, ни с ее началом никто не организовал разведывательное траление, ведь согласно все тому же «шаблону» это вражеские корабли с десантами на борту должны были рваться к нашим берегам и гибнуть на наших минах. На деле получилось наоборот. Уже в ночь на 23 июня вышедший из Таллина для постановки мин отряд кораблей оказался на немецком минном заграждении.

«Корабли ставили мины в Финском заливе у главной базы флота — Таллина, — анализирует операцию адмирал Н.М. Соболев. — Действовали они ночью. Противника в районе не было, минным постановкам никто не препятствовал. И в этих условиях командование КБФ направило крейсер «Максим Горький» и эсминцы для прикрытия минных заградителей. Требовалось ли такое прикрытие? Вряд ли. Тем не менее корабли прикрытия вышли в море, потому что это предусматривалось планом и классической схемой. А вот отдать приказ протралить район маневрирования отряда кораблей никто не догадался. Такого пункта в планах не было». В итоге тяжелые повреждения получил крейсер «Максим Горький», которому оторвало носовую часть, и эсминец «Гордый», погибли эсминец «Гневный» и тральщик Т-208 «Шкив».

А тральщиков не хватало катастрофически. В свете самой наступательной доктрины их почти не строили. Из примерно 200 потребных флоту кораблей этого класса в наличии имелось всего 33 единицы. Отмобилизованные на военную службу бывшие рыболовные суда проходили переоборудование и вступали в строй крайне медленно. Но и они чаще всего использовались не по назначению: несли дозорную службу, перевозили бомбы и авиационное топливо на остров Эзель, обеспечивая деятельность дальней авиации, наносившей удары по Берлину, и гибли. За два месяца войны Балтийский флот потерял третью часть своих «пахарей моря».

Противоминное вооружение оставалось на уровне Первой мировой войны и было представлено подсекающими тралами Шульца образца 1898 года, змейковыми тралами образца 1911 года и параванами-охранителями типа К-1. Что такое неконтактные магнитные и антенные мины противника вроде ЕМС, ТВМ или LMA и как с ними бороться, в РККФ не знали и знать не хотели, своих образцов не производили (истины ради отметим, что были у балтийцев индукционные мины МИРАБ отечественного производства, принятые на вооружение в 1939 году, целых 20 штук, поэтому, когда петух клюнул, пришлось покупать у англичан). Проводка конвоев выполнялась непосредственно за тралами без положенной по Наставлению предварительной минной разведки. Нестолько даже из-за нехватки противоминных кораблей, сколько с параноидальной целью «маскировки фарватеров» от взора супостата. Это нововведение было закреплено приказом командующего флотом от 10 августа, хотя Трибуц в мемуарах сам же и указывает на его идиотизм: «Навигационные особенности (банки, мели, острова) дают возможность плавать в Финском заливе строго по определенным направлениям, которые в силу знания географии были хорошо известны противнику. Поэтому для засорения минами наших коммуникаций он имел идеальные условия».

Другим «сюрпризом» стала эффективность и безнаказанность действий немецкой авиации и беспомощность «сталинских соколов». А наши корабли отличались мощным артиллерийским и торпедным, но крайне слабым зенитным вооружением.

Советские флотоводцы не видели на море не только равноценного, но вообще никакого противника, а между тем теряли корабли чуть ли не ежедневно. 23 июня на переходе из Либавы в Усть-Двинск торпедой с немецкой субмарины была уничтожена подлодка М-78. 24—26 июня при оставлении Либавы пришлось взорвать эсминец «Ленин», подводные лодки С-1, М-71, М-80, М-83, «Ронис»и «Спидола». Командира эсминца капитан-лейтенанта Ю.М. Афанасьева, руководившего уничтожением сто-

явших в ремонте кораблей, за несанкционированную, а значит, наказуемую инициативу по приказу Трибуца расстреляли. Затем командование и политотдел базы с чистой совестью, «выполняя приказ Ставки», эвакуировались на катерах, оставив гарнизон «отражать бешеные атаки фашистов» и прорываться на Виндаву. Из окружения мало кому удалось вырваться. «Мы никогда не готовились к эвакуации наших баз, — сообщает бывший начальник штаба КБФ адмирал Н.А. Пантелеев, — и потому отступление из Либавы было трагическим. Осуждать за это кого-либо я не берусь. Мы пожинали плоды того, что посеяли: ведь мы собирались воевать «только на чужой территории». Флот потерял важнейшую военно-морскую базу, армия — 67-ю стрелковую дивизию и ее командира генерал-майора Н.А. Дедаева, погибшего при обороне города. По поводу дальнейшей судьбы защитников адмирал Пантелеев откровенно фантазирует: «Большинство моряков и пехотинцев остались во вражеском тылу, примкнули к партизанам и самоотверженно боролись с захватчиками до освобождения Прибалтики нашими войсками (!)».

Ушедшая из Либавы на прорыв, неспособная погружаться, подлодка С-3 под командованием капитан-лейтенанта Н.А. Костромичева была перехвачена двумя «шнелльботами» из состава 3-й флотилии и потоплена после получасового артиллерийского боя, на месте ее гибели немцы подобрали 20 человек. 27 июня в Рижском заливе катерами 2-й флотилии был атакован эскадренный миноносец «Сторожевой». Взрывом торпеды кораблю оторвало носовую часть вместе с надстройкой и мачтой, погиб командир капитан 3 ранга И.Ф. Ломакин и 84 члена экипажа, вторая половина эсминца осталась на плаву и была отбуксирована в Таллин, затем в Кронштадт. В тот же день германские катера тяжело повредили и захватили торпедный катер ТКА-47, а самолеты потопили ТКА-27. 28 июня в районе острова Даго подлодка U-149 торпедировала советскую М-99; в Данцигской бухте канула без вести С-10. В оставленной Виндаве немцам достались пять транспортов общим водоизмещением около 10 тысяч тонн.

1 июля у острова Вормси от взрыва донной мины затонула М-81, спаслось два человека, у острова Саарема — «приватизированный» в 1940 году вместе с Латвией тральщик Т-299 «Иманта». 6 июля подорвался на мине и мгновенно затонул Т-216, 7 июля — ТЩ-101 «Петрозаводск», 9-го — Т-890 «Налим». 16 июля подорвался эсминец «Страшный», взрывом была полностью разрушена носовая часть, корабль с трудом удалось отбуксировать в Кронштадт, до конца войны в море он не выходил. 18 июля на собственной мине подорвался СКР «Туча», корабль лишился руля и винтов, погибло 8 человек. При атаке на конвой противника артиллерийским огнем был уничтожен ТКА-123. Сутки спустя в Моонзундском проливе, получив прямое попадание авиабомбы в котельное отделение, взорвался и затонул эсминец «Сердитый», погибло 35 членов экипажа, ранения получили более 100 человек. 10 июля подорвался на мине и выбросился на берег транспорт «Расма» водоизмещением 3200 тонн. 21 июля немецкой подлодкой была торпедирована М-94 старшего лейтенанта Н.В. Дьякова, чудом спаслось одиннадцать моряков. В тот же день на минах погиб танкер «Железнодорожник». 22 июля в Рижском заливе в бою с немецкими катерами погиб ледокол «Лачплесис» и сопровождавший его ТКА-71, экипаж которого проявил исключительный героизм. На следующий день подорвался, но остался на плаву заградитель «Ристна». 26 июля финская канонерская лодка артиллерийским огнем потопила МЩ-238. 27 июля в Ирбенском проливе, прикрывая корабли, ставившие минные заграждения, подорвался и был добит торпедами эскадренный миноносец «Смелый». 29 июля подорвался на мине и затонул со всем экипажем ТЩ-51 «Змей», 30 июля — Т-201 «Заряд». 31 июля финской артиллерией был тяжело поврежден Т-203 «Патрон».

Удрученное каждодневными потерями, флотское начальство, в том числе и флагманский минер (!), никак не могло найти ответ на вопрос, почему корабли взрываются, даже если следуют непосредственно за тральщиками? И пребывали в глубокой задумчивости, пока вызванные из Ленинграда «самые квалифицированные специалисты» по

борьбе с минной опасностью не разъяснили, что есть, мол, у врага (да и у нас тоже, на складе у того же флагманского минера) такие мины — электромагнитные и акустические, а для борьбы с ними нужны специальные тралы.

Вот оно как! — удивилось «командование». Где же нам взять эти тралы?

«Выяснилось, — вспоминает адмирал Пантелеев, — что Морским научно-техническим комитетом **давно** разработаны отечественные электромагнитные и акустические тралы. Они уже прошли все испытания и получили самые высокие оценки. Сейчас оба трала еще более совершенствуются. Эта справка поразила нас всех. Мы, оказывается, имеем хорошие тралы, но хотим сделать их еще лучше, а тем временем подрываются и тонут наши корабли, гибнут люди! Командующий флотом затребовал через Москву хотя бы два экземпляра тралов...»

2 августа на донных минах погибла подлодка С-11, которой командовал капитан-лейтенант А.М. Середа, 3 августа на минах погиб Т-212 «Штаг», 7-го пикировщики утопили танкер «Спиноза» и повредили эсминец «Энгельс». Ушла в боевой поход и никогда уже не вышла на связь подлодка С-6. 8 августа авиация противника потопила ТЩ-76 «Вал», эсминец «Карл Маркс», на котором погибло 38 человек. Рядом с эсминцем погиб малый «охотник» МО-229 со всем экипажем. 10 августа затонул транспорт ВТ-572 «Бартава». 11 августа подорвался на мине и погиб Т-213 «Крамбол». Тяжелые повреждения от подрыва на минах получили эсминец «Стерегущий» и транспорт «Вячеслав Молотов». Авиация утопила транспорт «Алтай». В Ирбенском проливе со всем экипажем погиб заградитель «Суроп» и обеспечивающее судно «Вал». 13 августа немецкими и финскими торпедными катерами потоплен транспорт и ТЩ-41 «Ленводпуть-12». Подорвался на мине и затонул ТЩ-68. 15 августа погиб на мине Т-202 «Буй» и транспорт «Креченга», 16 августа — посыльное судно «Артиллерист». 18 августа от подрыва на минах погибли эскадренный миноносец «Статный» и его командир капитан 3 ранга Н.Н. Алексеев, 19-го торпедными катерами был потоплен ледокол «Мери-

кару» и ТЩ-80. 20 августа погиб на минах МО-207, 21-го — транспорт «Леени» и гидрографическое судно «Норд». От удара с воздуха затонуло госпитальное судно «Сибирь», погибло более 600 человек. 23 августа в Выборгском заливе, получив повреждения, выбросился на берег и попал в руки финнов бронекатер БКА-215. Еще через сутки, сопровождая конвой, на минном заграждении у мыса Юминда погибли эсминец «Энгельс», спаслось 11 человек из 180 членов экипажа; тральщики Т-209 «Кнехт» и Т-214 «Бугель»...

За этот же период Балтийской флот смог записать на свой боевой счет вспомогательное судно и танкер, потопленные лодками С-11 и С-4, германскую подлодку U-144, уничтоженную «щукой»-307, а также погибшие на минах вражеский тральщик и сторожевик.

Быстрый отход Красной Армии из Прибалтики создал для флота чрезвычайно тяжелую обстановку. Вслед за Либавой пали Виндава и Рига, вся система базирования оказалась нарушенной и находилась под непрерывными ударами, в руки противника попало две трети запасов топлива. Положение 50-тысячного советского гарнизона в Таллине, блокированном частями четырех немецких пехотных дивизий, тоже не вызывало оптимизма. Уже в первой декаде августа стало очевидно, что войска и флот придется выводить, но тем не менее задача подготовиться к эвакуации перед морским командованием не ставилась.

19 августа противник вышел на передовой рубеж обороны Таллина. Утром следующего дня после артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление по всему фронту. Главный удар наносился с востока на прибрежном участке обороны. В течение трех дней при поддержке авиации и 270 орудий корабельной, береговой, железнодорожной, корпусной и зенитной артиллерии защитники базы отражали атаки противника. 25 августа советские войска отошли на главный рубеж обороны. С этого времени город и порт простреливались на всю глубину. Прямые попадания артиллерийских снарядов получили лидер «Минск» и эсминец «Славный», затонул транспорт «Луначарский». Положение становилось безнадежным, однако Трибуц

имел на руках строжайший приказ Ворошилова: об отходе не может быть и речи, а даже совсем наоборот, «нанести удар во фланг и тыл». В этот день Военный совет Балтфлота, докладывая обстановку главкому направления, вновь запросил указаний на случай прорыва немцев в город, специально отметив, что при подобном раскладе посадка сухопутных войск на транспорты будет уже невозможна. Ворошилов переадресовал вопрос в Кремль. Сталин удивился: «А что, разве корабли еще в Таллине?»

На свой страх и риск флотское командование постепенно вывозило из Таллина материальные средства на одиночных судах и мелкими конвоями. Чтобы не попасть в списки «паникеров», эти перевозки приходилось скрывать не только от противника, но и от бдящих органов. Таким образом удалось почти полностью вывезти арсенал, часть судоремонтного предприятия, около 15 тысяч тонн технического имущества и другие грузы, эвакуировать около 17 тысяч женщин и детей, до 9 тысяч раненых военнослужащих. Тем не менее в главной базе оставалось много береговых учреждений, больших и малых гражданских судов, совершенно ненужных для ведения боевых действий.

Утром 26 августа адмирал Трибуц получил, наконец, запоздавшую, по крайней мере на неделю, директиву эвакуироваться в Кронштадт. На подготовку операции отводились одни сутки.

При разработке плана перехода предстояло выбрать один из трех существовавших фарватеров. Южный проходил между берегом и южной кромкой немецкого минного заграждения «Юминда». До середины августа по этому маршруту прошло свыше 220 транспортов, из которых только один подорвался на мине. Но 12 августа директивой Военного совета Северо-Западного направления, не спрашивая мнения моряков, маршал Ворошилов, опасаясь возможного наличия артиллерийских батарей противника в районе поселка Кунда, закрыл этот район для плавания. Северный фарватер, проходивший по кромке финских шхер, был наиболее безопасен: здесь имелось некоторое количество малых боевых кораблей противника и почти не

было мин. Однако предложивший этот маршрут автоматически попадал под подозрение в желании сдать советские корабли противнику. Кроме того, флотская разведка понятия не имела, какие силы немцы успели сосредоточить в финских шхерах.

Поэтому особенно дебатировать было не о чем и выбор пал на центральный фарватер, проложенный в средней части Финского залива, наиболее опасный в минном отношении. Здесь было выставлено заграждение «Юминда», которое немцы постоянно усиливали. За период с 11 по 27 августа по фарватеру прошло 9 конвоев. При этом из 40 кораблей и судов 14 (35%) было потеряно и повреждено от подрыва на минах и действий авиации противника. Заграждение «Юминда» ни разу советскими кораблями не протраливалось и не разведывалось, границы его были неизвестны, количество мин «нам никто не мог сообщить».

Гигантскому каравану предстояло «в лоб» форсировать минное заграждение из 30 линий мин и минных защитников. Плотность его на намеченном пути движения была не менее 150 мин и 105 минных защитников на милю фронта, на каждый кабельтов тральной полосы приходилось не менее 15—16 мин. Заграждение такой плотности могло быть нормально форсировано только при условии проводки в светлое время суток, позволявшее обнаруживать и уничтожать подсеченные мины, за двумя-тремя рядами контактных тралов с обязательным обвехованием кромки тральной полосы. Но обеспечивавших переход 10 базовых, 18 мобилизованных и 26 катерных тральщиков для этого явно не хватало (по прикидкам минеров, для такой операции тральщиков требовалось не менее ста). Реально корабли и суда могли проводиться только за одним-двумя рядами тралов, а некоторые из них вообще должны были следовать самостоятельно. Фарватер из соображений секретности не был обвехован, и сделать это по ходу прорыва не представлялось возможным, так как тральные вехи, в том числе светящиеся, уже были погружены на один из транспортов. Причем никто не знал, на какой именно. Не имелось и необходимого количества запасных тралов. Из 26 катеров

типа «Рыбинец», вооруженных тралами Шульца, и нескольких катеров типа КМ и КЛТ с катерными тралами по прямому назначению было использовано только два. Что касается подсчета вероятного количества потерь в корабельном составе в ходе прорыва, то, по признанию адмирала Пантелеева, «под грохот рвущихся в гавани снарядов мы не особенно старались заострять внимание на столь неприятных цифрах».

Прорыв из Таллина в Кронштадт предполагалось совершить в походном порядке, состоявшем из отряда главных сил, отряда прикрытия, арьергарда и четырех конвоев. В отряд главных сил под командованием адмирала Трибуца входило 28 боевых кораблей, в том числе флагманский крейсер «Киров», 3 эскадренных миноносца, 4 подводные лодки, 6 малых охотников. Отрядом прикрытия, состоявшим из лидера «Минск», двух эсминцев, одной подводной лодки, сторожевых и торпедных, командовал контр-адмирал Ю.А. Пантелеев, арьергардом — контр-адмирал Ю.Ф. Ралль, державший флаг на эсминце «Калинин».

Отряд главных сил должен был прикрыть первый и второй конвои на переходе от мыса Юминда до острова Гогланд, отряд прикрытия — защитить второй и третий конвои на переходе от острова Кери до острова Вайндло, а арьергард — прикрыть с тыла третий и четвертый конвои. Вместо того чтобы создать один сильно охраняемый конвой из кораблей основных классов и наиболее крупных судов, советские флотоводцы разделили силы на семь групп совершенно разнотипных — от шхун до эсминцев — плавсредств, нарушив один из важнейших принципов военного искусства.

Из состава сил Кронштадтской военно-морской базы сформировали специальный отряд под командованием капитана 2 ранга И.Г. Святова. Он состоял из 12 тральщиков, 4 сторожевых кораблей, 6 торпедных катеров, 8 малых охотников, 2 буксиров, 4 мотоботов и спасательных судов и был развернут на остров Гогланд. Он должен был защитить конвои от атак торпедных катеров и подводных лодок на конечном участке, обеспечив их проводку за тралами, и оказать помощь терпящим бедствие.

На позиции в районе маяка Порккала и у подходов к Хельсинки были направлены подводные лодки М-98 и М-102 с задачей «топить военные и торговые суда противника», прикрывая отходящий флот с запада.

Обеспечить постоянное воздушное прикрытие на всем маршруте из-за удаленности аэродромов не представлялось возможным. Лишь на конечном участке «траектории» предусматривалось поднять в воздух 65 истребителей с задачей всемерно оберегать в первую очередь боевые корабли.

27 августа в 11 часов Трибуц отдал приказ об отходе войск и посадке их на суда. Отход прикрывался береговой артиллерией и заградительным огнем кораблей. В первую очередь суда заполнялись ранеными, служащими учреждений флота и отдельными подразделениями; одновременно грузили боевую технику и наиболее ценные материальные средства. На крейсере «Киров» разместили золотой запас, Военный совет флота и тех членов правительства и ЦК ВКП(б) Советской Эстонии, которые не перебежали к немцам. Противник вел интенсивный огонь по городу и порту, его авиация небольшими группами, по 5—9 самолетов, на протяжении всего светлого времени наносила бомбовые удары по транспортам и кораблям. В 18 часов подрывные команды приступили к уничтожению ценных объектов и материальных средств. В Русско-Балтийской гавани и у маяка Пакри паровозы и вагоны (более тысячи) по колее скатывались в море. В Купеческой гавани сначала взрывали вагоны с боеприпасами, а затем арсенал. В Минной гавани подняли на воздух нефтехранилище. В порту еще оставалось немало плавсредств, часть из которых уничтожил противник, а остальные были затоплены командами на входах в гавани.

Посадка на суда основных сил 10-го корпуса началась около 22 часов и продолжалась до наступления рассвета. Для обеспечения их отхода артиллерия флота и корпуса в течение двух часов вела массированный неподвижный заградительный огонь.

Всего на борт было принято свыше 20 тысяч военнослужащих и вольнонаемных, около 7,5 тысячи гражданских

лиц. С помощью буксиров суда, набитые людьми и техникой, выводились в район сбора и формирования конвоев. После полуночи на причалах Беккеровской гавани осталось около 4000 бойцов и командиров, за ними так и не пришли, при том, что четыре транспорта ушли из Таллина незагруженными.

Первый конвой должен был начать движение 27 августа в 22 часа, а последний — покинуть рейд 28 августа в 10.30. Однако помешал ветер, усилившийся до 7 баллов. Тральщики не могли следовать с поставленными тралами. Трибуц отдал приказ до улучшения погоды всем кораблям и судам стать на якорь у островов Найсаар и Аэгна. До съемки с якоря к конвоям присоединилось еще до 30 шхун, буксиров, мотоботов и возвратившаяся из боевого похода подводная лодка Щ-301. Из-за вынужденной стоянки отодвинулись сроки выхода, поэтому форсировать минные заграждения пришлось не днем, как это предусматривалось планом, а ночью. Германское командование по каким-то причинам не сумело воспользоваться ситуацией и массированного воздушного удара по скоплению кораблей, катеров и судов в 220 вымпелов не нанесло.

28 августа в 11.35, после того как ветер стих, суда стали сниматься с якорей. Отряд главных сил начал движение около 16 часов. В 17.15 выступил отряд прикрытия, обгоняя транспорта и одновременно прикрывая их с запада. Арьергард держался на выходе с Таллинского рейда до наступления темноты, прикрывая общий отход. В это время заградительный отряд минировал гавани и рейды и район у острова Аэгна.

Конвои следовали за тихоходными тральщиками со скоростью не более 6 узлов. Отряды главных сил и прикрытия, каждый за 5 тральщиками, шли со скоростью 10—12 узлов. На противоминных кораблях имелись только подсекающие буксируемые тралы, ощутимо снижавшие скорость перехода. Через 2—3 часа после съемки с якорей корабли и суда вытянулись в одну линию протяженностью более 15 миль. Всего в прорыве, по данным контр-адмирала Р.А. Зубкова, участвовало 153 боевых корабля и

катера и 75 судов, в том числе один крейсер, 10 эсминцев, 9 сторожевиков, 3 канонерские, 11 подводных лодок и 10 базовых тральщиков.

Впереди шел отряд главных сил, затем первый конвой, отряд прикрытия, третий и четвертый конвои, а параллельно, чуть севернее, шел второй конвой. Во второй половине дня несколько налетов произвела авиация противника. Появились плавающие мины, на одной из которых в 18 часов подорвался ВТ-530 «Элла» из состава первого конвоя. Судно и свыше 900 человек, в их числе 693 раненых, пошли ко дну в течение 2—3 минут. Когда к месту гибели «Эллы» подошло судно «Нептун», на поверхности воды плавали лишь 49 человек. Вскоре от вражеских бомб затонул ледокол «Вальдемарс», получил тяжелые повреждения и затонул транспорт «Вирония», на котором эвакуировались отделы штаба и политуправления флота. Погиб на мине спасатель «Сатурн».

В районе к северу от мыса Юминда лидер «Минск» и эсминец «Скорый» артиллерийским огнем отбили атаку пяти немецких торпедных катеров 1-й флотилии капитан-лейтенанта Бирнбахера. За несколько минут до наступления темноты в районе острова Кери отряд главных сил, а за ним другие вошли на минное заграждение «Юминда».

Ночь на 29 августа оказалась самой тяжелой. Строй из пяти базовых тральщиков обеспечивал надежное прикрытие проводимых кораблей в полосе шириной около 3 кабельтовых. Однако он был хорош до тех пор, пока параван-тралы не перебивались взрывами мин или минных защитников. У трех тральщиков, за которыми шел отряд главных сил, минными защитниками тралы были перебиты. Около 20 часов на мине погиб ТЩ «Краб», затем ТЩ «Барометр». Неразрывность протраленной полосы нарушилась, в темноте не удавалось расстреливать все подсеченные и всплывшие мины, их отталкивали от бортов шестами и руками. Уклоняясь от мин, корабли выходили из строя и подрывались. Из отряда главных сил первой погибла подводная лодка С-5, с нее спаслось лишь 9 моряков. Потом взорвался и затонул с большей частью экипажа эскадрен-

ный миноносец «Яков Свердлов», а эсминец «Гордый» получил тяжелые повреждения.

В критическом положении оказался отряд прикрытия. Около 21 часа из пяти базовых тральщиков, осуществлявших проводку кораблей, четыре оторвались от отряда и присоединились к главным силам. Попытка адмирала Пантелеева вернуть их на свое место закончилась безрезультатно, адмирал Трибуц, более всего озабоченный судьбой флагмана, поставил отбившиеся тральщики в охранение крейсера «Киров». Оставшиеся без противоминного обеспечения, корабли один за другим подрывались на минах. Серьезные повреждения получили лидер эсминцев «Минск» и эскадренный миноносец «Славный». При попытке взять на буксир беспомощно дрейфовавший на минном поле лидер погиб эсминец «Скорый»; новейший корабль, прослуживший в составе Балтийского флота 28 дней, переломился пополам и затонул через 15 минут после взрыва в районе кормового машинного отделения. Наиболее тяжелые потери понес арьергард, так как он с самого начала следовал без противоминного обеспечения. Вся надежда была только на параваны, которые, как выяснилось на практике, на малой скорости не отводили мины, а, наоборот, подтягивали их к борту. С 22 до 24 часов из состава арьергарда на минах погибли эскадренные миноносцы «Калинин», «Артем», «Володарский» — последние «новинки» Балтийского флота, сторожевые корабли «Циклон», «Снег» и «Топаз».

Конвои из-за слабого противоминного охранения, отсутствия навыков совместного плавания с тральщиками и большого количества плавающих мин также понесли значительные потери. В первом конвое взрывом оторвало корму у Щ-301, были спасены 13 членов экипажа. Из состава второго конвоя быстро затонул ВТ-545 «Эверита», имевший на борту гарнизон с острова Найсаар численностью около 1500 бойцов. Спасти удалось не более 10 человек. Погиб на минах ВТ-584 «Найсаар» с 2500 тысячами человек на борту. В третьем конвое подорвался и был оставлен командой транспорт «Луга», перевозивший почти полторы тысячи раненых. Большую их часть принял на

борт ВТ-529 «Скрунда», ушедший из Таллина пустым. Погиб транспорт «Балхаш», на нем эвакуировался гарнизон Палдиски общей численностью 2000 человек. В четвертом конвое взорвалась канонерская лодка И-8.

В этих условиях около полуночи Трибуц приказал всем кораблям и судам встать на якорь и ждать восхода солнца, чтобы утром продолжить движение на восток. Решение, в общем правильное, было вызвано исключительно незнанием обстановки, поскольку к этому времени минное заграждение было фактически преодолено.

С наступлением рассвета боевые корабли снялись с якорей и, бросив конвои, с максимально возможной скоростью скрылись в направлении Кронштадта. Тихоходные и маломаневренные, практически невооруженные суда с войсками на борту остались без охранения. Истребительное прикрытие отсутствовало. В 7.15 над беззащитными транспортами появилась вражеская авиация. Немецкие летчики действовали безнаказанно, как на учениях, выбирая наиболее крупные цели. Это привело к тяжелым потерям, особенно в личном составе.

Так, на грузовом судне «Калпакс», выдержавшем 40 атак, погибло более 900 человек, в том числе 700 раненых бойцов. Катера подобрали 70 человек, оставшихся в живых. В районе острова Родшер от авиабомб погиб ВТ-546 «Аусума». Шесть поврежденных транспортов затонули на Западном Гогландском плесе, два транспорта и плавучая мастерская «Серп и Молот» выбросились на камни у южной оконечности Гогланда, транспорт «Алев» — в нескольких милях западнее острова Лавансаари, потерявший управление транспорт «Казахстан», на борту которого находилось до 5000 военнослужащих и гражданских лиц, — у острова Вайндло.

Отряды боевых кораблей, преодолев 170 миль, прибыли в Кронштадт 29 августа в 18 часов. Утром 30-го числа пришли остальные уцелевшие корабли и суда. Избитый «Казахстан» второй помощник капитана Л.Н. Загорулько и оставшиеся на судне члены экипажа сумели ввести в строй и дотащить до Кронштадта, за это все они были награж-

дены боевыми орденами и отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего № 303 как «группа смельчаков, беззаветно преданных Родине». Капитан «Казахстана» В.С. Калитаев, выброшенный за борт взрывной волной и подобранный из воды подводной лодкой Щ-322, прибыл в базу на неделю раньше своего теплохода, за что и был расстрелян как трус и дезертир. Позднее его наградили орденом Боевого Красного Знамени посмертно.

Отряд капитана 2 ранга Святова собирал людей с терпящих бедствие транспортов и островов до 8 сентября. Начальник штаба флота доносил: «Все воинские подразделения... вышедшие из боя, были посажены на транспорты и вывезены из Таллина и Палдиски, ни одного корабля или воинской части в Таллине не осталось». Нарком ВМФ 31 августа доложил Верховному Главнокомандующему о том, что при прорыве из Таллина в Кронштадт погибли 8 боевых кораблей, 12 транспортов и 8 других вспомогательных судов, противнику не оставлено ни одной исправной пушки, ни одного подразделения — все либо вывезено, либо уничтожено.

При более внимательном подсчете цифры оказались еще более «неприятными»: в ходе эвакуации флот потерял 22 боевых корабля и катера, в том числе 5 эсминцев, 3 сторожевика, 2 подводные лодки, а также 43 вспомогательных судна, причем почти половина из них имела водоизмещение более 1000 тонн. Кроме того, 38 судов и кораблей были оставлены или затоплены в Таллинском порту. На переходе погибло около 7700 военнослужащих и более 3000 гражданских лиц. По данным противника, в Таллине немцами было захвачено 11 432 советских бойца и командира, 293 исправных орудия, 304 пулемета, 91 бронеавтомобиль, 2 бронепоезда, 4000 мин, 3500 торпед.

В Кронштадт и Ораниенбаум было доставлено 12 738 военнослужащих и вольнонаемных Балтийского флота и 10-го стрелкового корпуса, которые впоследствии активно включились в оборону Ленинграда.

Своим «беспримерным в истории прорывом» Балтийский флот, потеряв более 100 кораблей и судов, как водит-

ся, снова «сорвал планы противника». Правда, товарищ Сталин поначалу раздумывал, а не отправить ли за столь сомнительные достижения под трибунал командование флота в полном составе, организовав для адмиралов по горячим следам «длительные ночные беседы с прокурорами и следователями», которые как дважды два доказывали, что именно моряки виноваты в сдаче Таллина, поражениях Красной Армии на сухопутном фронте и гибели Парижской коммуны: «Всем хотелось отыскать реального виновника наших неудач, провала всех наших победных планов и расчетов. Даже большие люди еще не сознавали, что мы переживаем крах нскоторых положений нашей довоенной доктрины, не до этого было! Нужен живой виновник!»

Но в конце концов адмирала Трибуца наградили орденом Нахимова, который по статусу полагается за выдающиеся победы на море. А заодно и строчившего на него доносы дивизионного комиссара В.Н. Лебедева.

Глава 3

БОИ НА ПОДСТУПАХ К ЛЕНИНГРАДУ

(август — начало сентября 1941 года)

«Финский фронт»

Напряженная обстановка складывалась к концу июля севернее Ленинграда. На Карельском перешейке 31 июля начала общее наступление финская Юго-Восточная армия. В нее входили 4-й армейский корпус (4, 8, 12-я пехотные дивизии) генерал-лейтенанта Оеша, 5-й армейский корпус (10-я пехотная дивизия и кавалерийская бригада), 2-й армейский корпус (2, 15, 18-я пехотные дивизии) генерал-майора Лаатикайнена. Кроме того, на Сортавалу должны были наступать 11-я и 7-я пехотные дивизии 7-го корпуса, образовавшие вскоре специально созданный для этой цели 1-й армейский корпус под командованием генерал-майора Мякинена.

Финнам противостояла 23-я советская армия в составе 19-го стрелкового корпуса (142-я и 115-я стрелковые дивизии), 50-го стрелкового корпуса (43, 70 и 123-я стрелковые дивизии), 27-го (Кексгольмского) и 28-го (Выборгского) укрепрайонов. В армию входили также 24, 28, 43, 573-й корпусные артполки, 101-й гаубичный артполк, 108-й и 519-й гаубичные артполки большой мощности РГК, 20-й отдельный минометный батальон (48 минометов калибра 120 мм), 27-й и 241-й отдельные зенитные дивизионы, а также 198-я механизированная дивизия из состава 10-го мехкорпуса. Приданная армии авиация включала в себя

5-ю смешанную авиадивизию, 41-й бомбардировочный авиаполк, 15-ю и 19-ю корректировочные эскадрильи.

Главный удар финны наносили 2-м армейским корпусом на кексгольмском направлении с целью выйти к западному побережью Ладожского озера, занять железнодорожный узел Хийтола, отрезать с юга группировку советских войск в Сортавале и расчленить 23-ю армию. В дальнейшем Маннергейм планировал развивать наступление по направлению к реке Вуокси, форсировать ее и выйти в тыл Выборгской группировке Северного фронта. На выборгском направлении готовился вступить в дело 4-й армейский корпус.

142-я и 115-я советские дивизии, обороняясь на фронте в 106 километров, ничего не смогли противопоставить тактике противника. Финны отдельными группами просачивались в тыл, выходили на коммуникации, нарушали связь, срывали подвоз боеприпасов, блокировали опорные пункты. Вообще бои на Карельском перешейке в нашей истории не освещены вовсе. Что, например, можно почерпнуть из коллективного труда «Непокоренный Ленинград», кроме невнятных историй о героизме: «Так, солдаты и офицеры 461-го стрелкового полка 142-й стрелковой дивизии 23-й армии под командованием полковника В.А. Трубачева за десять дней боев на Карельском перешейке уничтожили почти половину (?) наступавших на них солдат противника. За мужество и храбрость полковник В.А. Трубачев и пулеметчик А.И. Заходский были удостоены звания Героя Советского Союза». Половина — это сколько? А что из себя представляло «целое»? Каковы наши потери?

5 августа 198-я механизированная и 142-я стрелковая дивизии попытались нанести контрудар, но понесли большие потери и отошли на исходные рубежи. 6 августа финны — видимо, вторая, неуничтоженная половина — продолжили наступление и к исходу 9 августа вышли в район Лахденпохья, Куркиеки и Хийтола к Ладоге. В результате правый фланг 23-й армии оказался рассеченным на три изолированные друг от друга и прижатые к Ладожскому

озеру группировки. Их общая численность составляла около 40 тысяч командиров и красноармейцев.

В первой, окруженной севернее и северо-западнее Лахденпохья, образовалась смесь из частей 23-й и 7-й армий — полки 168, 71 и 115-й стрелковых дивизий. Вторая группировка в составе 142-й стрелковой и 198-й механизированной дивизий оказалась в районе севернее и северо-восточнее Хийтола. Сводная группа пограничников под командованием полковника С.И. Донского была окружена западнее Кексгольма.

На помощь им пришла Ладожская военная флотилия. Приказ о ее создании на базе Учебного отряда ВМУЗ был подписан на третий день войны. В состав флотилии вошли канонерские лодки — в основном спешно вооруженные грунтовозные шаланды Спецгидростроя НКВД, тральщики — они же мобилизованные речные буксиры, бронекатера и малые охотники. С 12 по 22 августа эти корабли произвели эвакуацию войск 142-й стрелковой и 198-й механизированной дивизий в район старой границы. Части 168-й дивизии сначала перебросили на близлежащий остров Валаам, а затем — в район Колпино. Эвакуацию прикрывали огнем канонерские лодки «Бира», «Бурея», «Олекма», «Селемджа», «Шексна», два тральщика и десять катеров. Всего с изолированных плацдармов за десять дней было вывезено 26 тысяч бойцов, 155 орудий, около 800 автомашин и тракторов. Кто руководил морской частью операции, достоверно сказать трудно, так как в августе у флотилии сменилось трое командующих.

Чтобы предотвратить дальнейшее продвижение противника в юго-восточном направлении, командующий 23-й армией генерал-лейтенант М.Н. Герасимов бросил в брешь прибывшую из резерва Ставки 265-ю стрелковую дивизию.

10 августа финны отразили советский контрудар у Хийтолы и на следующий день возобновили наступление по всему Карельскому перешейку. 4-й армейский корпус начал активные боевые действия против Выборгской группировки. В тыл ей, форсировав Вуокси, выходил 2-й

корпус. Теперь угроза окружения нависла над тремя дивизиями левого крыла 23-й армии. 16 августа 7-я пехотная дивизия полковника Свенсона взяла Сортавалу. В общем, финны грамотно били нас по частям, а мы отражали наступление «превосходящих по численности неприятельских войск».

20 августа советские войска на левом фланге начали отступление к бывшей линии Маннергейма, одновременно взрывались фортификационные сооружения, свертывались и эвакуировались подразделения береговой обороны. Батареи, расположенные на островах Выборгского залива, корабли шхерного отряда кораблей и посланные им на помощь эсминцы «Сильный» и «Стойкий» своим огнем прикрывали отход войск и отражали десанты противника. Для действий на приморском участке фронта был создан сводный полк моряков.

Однако планомерного отхода не получилось. 24 августа финны высадили южнее Выборга один полк и перерезали приморские железную дорогу и шоссе, ведущие в Ленинград. Попытка уничтожить десант успеха не имела. Выборгская группировка советских войск была обойдена с юга и юго-востока; 43-я Краснознаменная, 115, 123 и 265-я стрелковые дивизии оказались в окружении. С помощью сводного полка моряков отдельные части, потеряв все танки и большую часть артиллерии, пробились к Финскому заливу в районе Койвисто. Здесь при поддержке береговых батарей с островов Бьеркского архипелага они несколько дней удерживали плацдарм. 31 августа началась их эвакуация в Ленинград, для чего были выделены корабли и баржи. Всего флот вывез 27 тысяч бойцов и командиров, 188 артиллерийских орудий, 950 автомашин.

Недовольство Сталина действиями командования Ленинградского фронта, запросившего разрешение на перегруппировку сил, было выражено в требованиях Ставки от 28 августа:

«Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всяческими ужасами

насчет прорывов, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а будете только статистом, передающим жалобы армий, Вам придется тогда через несколько дней сдавать Ленинград, но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предположениям.

Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа линии Маннергейма. Ставка запрещает Вам оголять Лужскую губу и отдавать ее противнику. Если даже придется 8-й армии чуточку отступить, то она все же во что бы то ни стало должна прикрыть Лужскую губу вместе с полуостровом.

Ставка требует, чтобы Вы наконец перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую Вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск».

Через два с половиной часа ценные указания руководства были спущены Военному совету 23-й армии:

«Характерной особенностью в вашем управлении армией Военный совет фронта отмечает незнание обстановки, отсутствие точных данных о противнике и положении своих войск, неуверенность в действиях и нетвердое управление войсками. Все это вы прикрываете разговорами о принятии мер, об отсутствии резервов и, как вывод из всего этого, обращаетесь к Военному совету фронта за разрешением отвести войска армии к старой госгранице.

Странно и чудовищно звучит это ваше пораженческое заявление об отводе войск к старой госгранице. В этом решении вы проявляете неустойчивость, которая граничит с трусостью, и вместо максимальной мобилизации своей воли и воли подчиненных войск на борьбу за Ленинград вы поддаетесь воле обнаглевшего врага.

Военный совет требует перестать быть специалистами по отступлению, требует от вас и члена Военного совета встать по-настоящему во главе армии, переломив в себе эти отступательные настроения, по-настоящему, по-

большевистски взяться за поднятие духа и воли подчиненных войск на защиту Ленинграда».

Пока наши генералы собирали в кулак большевистскую волю, финны 29 августа взяли Выборг и Кивеннену, 30 августа — Райволу и 31 августа — Териоки.

Под натиском противника отступление не попавших в «котлы» советских дивизий превратилось в бегство, во время которого части и соединения потеряли почти все оружие и боевую технику. К примеру, 198-я механизированная дивизия генерал-майора В.В. Крюкова из всего своего арсенала сумела сохранить лишь 6 станковых пулеметов.

Финские парни, «выйдя из дотов», взяли в плен более 64 тысяч красноармейцев и краскомов, в том числе командира 43-й стрелковой дивизии генерал-майора В.В. Кирпичникова.

Откровенное поражение на «финском фронте» советская пропаганда объясняла огромным численным превосходством противника и тем, что на стороне финнов сражались «отборные гитлеровские войска». Августовские бои на Карельском перешейке газеты расписывали примерно в таком ключе: «В орудийных расчетах оставалось мало солдат. Младший лейтенант командовал боем и в то же время стрелял сам, попеременно из двух пушек. Гитлеровцы предложили артиллеристам сдаться в плен, обещая сохранить им жизнь. В ответ гремели залпы. Гитлеровцы в суеверном ужасе отступили от батареи... Кокорин терял последние силы, когда здоровенный фашистский офицер (?) сбил его с ног и навалился всей тяжестью тела:

— Сдавайся, русс!

— Как бы не так! — крикнул Кокорин и выдернул кольцо гранаты. Герой-санитар погиб непобежденным». (Послевоенным поколениям советских историков путем кропотливых исследований удалось установить, что пограничник-санинструктор на самом деле кричал: «Чекисты в плен не сдаются!» Смотри «Историю Ленинградского военного округа».)

По решению Военного совета Ленинградского фронта, принятому 1 сентября, 23-я армия, в командование кото-

рой вступил генерал-майор А.И. Черепанов, заняла рубеж Карельского укрепрайона (№ 22), проходившего по границе 1939 года, от Финского залива вдоль реки Сестры к Ладожскому озеру.

Относительно дальнейшего хода событий мнения летописцев расходятся. Согласно советской версии: «В течение сентября 23-я армия во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией отразила все попытки финских войск прорвать нашу оборону на рубеже Карельского укрепленного района и, нанеся врагу большой урон, заставила его перейти к обороне. Закрепившись на этом рубеже, советские войска успешно отбивали атаки противника. План немецко-фашистского и финского командования ударом через Карельский перешеек прорваться к Ленинграду и совместно с войсками группы армий «Север» овладеть им потерпел крах».

Нетрудно сорвать действия противника, которые он не собирался предпринимать. Только на это по своему состоянию и была способна наголову разбитая 23-я армия. У финнов не было никакого плана по «овладению» Ленинградом ни совместно с немцами, ни без них. Правда, в августе и сентябре сначала фельдмаршал Кейтель, затем начальник штаба ОКВ генерал Йодль дважды обращались к высшему финскому руководству с предложениями принять участие «в данном предприятии», но оба раза получили твердый отказ, о чем сделал отметку и генерал Гальдер: «Командование финской армии не хочет, чтобы ее войска наступали с Карельского перешейка дальше старой государственной границы». Маршал Маннергейм, помня об ограниченном людском потенциале страны, стремился сохранять жизни своих солдат. Атаковать Ленинград в обстановке, когда исход мирового конфликта был еще туманен и победитель не определился, представлялось невыгодным и с политической точки зрения. Определенную роль сыграло оказанное по просьбе Кремля дипломатическое давление на Хельсинки, охладившее пыл идеологов Великой Финляндии. В начале сентября британский премьер сообщал Сталину: «Мы окажем любое возможное давле-

ние на Финляндию, включая немедленное заявление, что объявим ей войну, если она будет продвигаться за старые границы. Мы просим Соединенные Штаты предпринять все необходимые шаги, чтобы повлиять на Финляндию». Финны и сами вполне сознательно дистанцировались от немцев, демонстрируя миру, что ведут с Советами свою собственную справедливую войну. (Эта позиция оправдала себя в будущем: в отличие от других союзников рухнувшего в 1945 году «тысячелетнего» Рейха, заключенных в «социалистический лагерь», Финляндия не подверглась оккупации и сохранила свою независимость.)

Именно поэтому войска генерала Черепанова, подкрепленные 265-й и 291-й стрелковыми дивизиями, успешно «отбили все атаки» перешедшего к обороне противника. Фронт на Карельском перешейке стабилизировался до июня 1944 года.

«Немецкий фронт»

Верховное командование вермахта все это время планировало новое наступление на Ленинград, прекрасно сознавая, что время работает на русских. Однако из-за трудностей в снабжении и в осуществлении перегруппировки сил сроки отодвигались шесть раз. Еще в середине июля командование группы армий «Север» пришло к выводу, что наличных сил недостаточно для овладения Ленинградом с ходу. Поэтому оно предполагало вначале овладеть рубежом Новгород, Нарва. Но и к этой операции, по мнению Лееба, можно было приступить не раньше, чем 16-я армия закончит разгром советских войск под Невелем и надежно обеспечит его правый фланг, а 18-я армия — подтянет пехотные дивизии. Гитлер директивой № 33 от 19 июля это решение утвердил, но его нервировали проволочки и неопределенность положения на флангах советско-германского фронта. 21 июля он прилетел в штаб-квартиру Лееба и потребовал от фельдмаршала как можно быстрее овладеть городом, уничтожить Балтийский флот и захватить все его базы на побережье. На этом совещании Гитлер заявил, что Ленинград — это «колыбель революции»,

а Москва — лишь «географическое понятие». «Овладению Москвой фюрер не придает никакого значения», — записал в своем военном дневнике Гальдер.

Кроме того, фюрер считал очень важным не дать советскому командованию возможности вывести войска из Ленинграда и использовать их на других направлениях. Поэтому он настаивал на сосредоточении основных усилий группы армий «Север» на направлении Новгород, Ладожское озеро с целью перехвата основных коммуникаций и привлечении сюда 3-й танковой группы генерала Гота, которая в то время вела бои северо-восточнее Смоленска. Фон Лееб с фюрером соглашался, однако настаивал на том, что новгородское направление непригодно для действий танковых соединений.

Свои идеи Гитлер повторил затем Главнокомандующему сухопутных войск генерал-фельдмаршалу Браухичу, определив Ленинград — «бастион большевизма», важнейший промышленный центр и базу для господства на Балтике — в качестве первой ближайшей цели наступления вермахта. И Браухич, и его начальник штаба генерал Гальдер были согласны с фюрером, однако категорически возражали против переброски 3-й танковой группы и ослабления натиска на московском направлении. Тем не менее 23 июля Гитлер подписал «дополнение к директиве № 33», в котором приказывал 3-ю танковую группу временно подчинить группе армий «Север» с задачей «обеспечения правого фланга последней и окружения противника в районе Ленинграда». Гальдер, фактически саботируя этот, по его мнению, «бессмысленный приказ», 25 июля сообщил Леебу, что он получит дивизии Гота, но не ранее 5 августа; спустя три дня этот срок был отодвинут до 15 августа.

Конкретная задача группе армий «Север» была поставлена в директиве ОКВ № 34 от 30 июля, которая отменяла предыдущую. Директива предписывала фельдмаршалу Леебу очистить от противника Эстонию, продолжить наступление на Ленинград, нанося главный удар между озером Ильмень и рекой Нарвой и установить связь с финской армией. Для поддержки Лееба из группы армий «Центр»

выделялся 8-й авиационный корпус. В дополнении к директиве Ставка подчеркивала, что завершить операцию против Ленинграда необходимо «до начала наступления на московском направлении». Немецкое командование стремилось быстрее «покончить» с Ленинградом, до которого оставалось пройти 100 км, чтобы затем всей мощью обрушиться на Москву. 4 августа в штабе группы армий «Центр» фюрер заявил, что, по его расчетам, задача по овладению Ленинградом будет выполнена к 20 августа, а переброска танковой группы Гота на север «больше не является необходимой».

Настроение генерала Гальдера менялось от радужных надежд к унынию и обратно:

«2 августа. Главком был на совещании в группе армий. После его посещения я лишился последних признаков ясного представления о происходящем. Группа армий не добилась никаких успехов в наступлении...

11 августа. В сражение брошены наши последние силы. Каждая новая перегруппировка внутри групп армий требует от нас крайнего напряжения и непроизводительного расхода человеческих сил и технических ресурсов. Все это вызывает нервозность и недовольство у командования и всевозрастающую склонность вмешиваться во все детали. Всякое же вмешательство в детали, которое в данном случае носит характер отнюдь не приказа (!), а пожеланий и рекомендаций, естественно, связано с большой опасностью. Мы не знаем конкретных условий, при которых развиваются события. Когда они развиваются медленнее, чем мы хотим, тогда мы сразу думаем о недостаточном желании и рвении или даже о злостном самоуправстве на местах... Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен...

12 августа. Группа армий «Север»: Войска продолжают успешно наступать...»

«Реакция Гальдера, — очень точно подмечает английский военный историк Алан Кларк, — была типична для

всех немцев, столкнувшихся лицом к лицу с необычайной расточительностью русских в бою. Вначале у немца был восторг: считал головы врагов, измерял пройденные мили, сравнивал со своими достижениями на Западе и пришел к выводу, что победа уже за углом. Затем недоверие: такие безрассудные траты не могут продолжаться, русские, бесспорно, берут на пушку, через сколько-то дней они выдохнутся. Затем какая-то щемящая тревога: бесконечное, бесцельное повторение контратак, стремление отдать десять русских жизней за одну немецкую, необъятность территории, ее пасмурный горизонт».

Военные советы Северо-Западного направления и Северного фронта предпринимали экстренные меры для укрепления ближних подступов к Ленинграду и усиления оборонявшихся там войск. Лужскую оперативную группу 23 июля разделили на три самостоятельных участка — кингисеппский, лужский и восточный, с подчинением их непосредственно фронту. В состав кингисеппского участка обороны под командованием генерал-майора В.В. Семашко, получившего задачу не допустить прорыва противника с юга вдоль Гдовского шоссе на Нарву и через Кингисепп к Ленинграду, вошли 90, 118 и 191-я стрелковые дивизии, 2-я и 4-я дивизии народного ополчения, части береговой обороны Балтийского флота, 14-я артиллерийская бригада ПТО, бронепоезд № 60, 519-й гаубичный артполк РГК, курсанты пехотного училища имени С.М. Кирова и учебного танкового полка. Лужский участок генерал-майора А.Н. Астанина, прикрывавший дороги к Ленинграду с юго-запада, включал в себя 111, 177 и 235-ю стрелковые, 24-ю танковую дивизии, 1-й полк 3-й дивизии народного ополчения, полк Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава, 260-й и 262-й пулеметно-артиллерийские батальоны, дивизион Ленинградского артиллерийского училища. В восточный участок обороны генерал-майора Ф.Н. Старикова вошли 70, 237, 128-я стрелковые и 21-я танковая дивизии, 1-я дивизия народного ополчения и 1-я горнострелковая бригада, 261-й и 263-й

пульбаты. Из своего резерва для защиты Ленинграда Ставка Верховного Главнокомандования передавала Северному фронту 265, 268, 272 и 291-ю стрелковые дивизии. 31 июля восточный участок был преобразован в Новгородскую армейскую группу, а 4 августа — в 48-ю армию Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта С.Д. Акимова.

С огромным напряжением сил, но без единого плана, учета местности и без увязки с соседними участками, под руководством случайных людей осуществлялось строительство укрепленных районов полевого типа, в частности Красногвардейского — одного из важнейших звеньев обороны. Во все эти мероприятия изначально был заложен кордонный принцип, что делало советскую оборону неэффективной. Два года наблюдая за действиями вермахта в Европе, наши полководцы так ничего и не поняли. Они равномерно распределяли силы и средства по всему фронту, хотя дороги, позволявшие использовать подвижные соединения, можно было сосчитать по пальцам одной руки, не имели оперативных резервов в глубине, игнорировали инженерное обеспечение и подготовку войск. Женщины копали рвы и окопы, а солдат этому не учили; шанцевый инструмент у них отсутствовал, да и не предусматривалось «оборончество» советскими уставами. Война считалась делом несложным: атака, разгром врага, прием пищи, комсомольское собрание или митинг. В итоге прибывшие в конце июля проверять состояние укреплений военные товарищи установили, что окопы вырыты неполного профиля, проволочные заграждения поставлены не на тех участках, огневые позиции для артиллерии и пулеметов выбраны неудачно, а «оборудование полосы взрывными заграждениями носит случайный характер».

С моря город прикрывали корабли и авиация Балтийского флота. С 10 июля в системе сухопутной обороны Ленинграда началась установка морских береговых батарей. Десятки тысяч моряков переводились на берег в состав морских стрелковых бригад, которые вливались затем в армейские соединения.

Кроме того, Ставка запланировала к 3—4 августа организовать контрнаступление, целью которого являлся разгром противника ударами от Старой Руссы и с Лужского рубежа, выход на реку Великая, возврат Пскова и Острова. Затем срок перенесли на 12 августа.

Немцы начали на четыре дня раньше (как раз в это время газета «Правда» публиковала серию материалов, авторитетно доказывавших, что «в ближайшее время крушение вермахта неизбежно»). 8 августа с плацдарма на реке Луга в направлении Красногвардейска перешел в наступление 41-й моторизованный корпус Рейнгардта, поддержанный 1-й пехотной дивизией 38-го армейского корпуса. Хотя атаковал супостат с плацдармов, на которых накапливал силы в течение четырех недель, противостояли ему на этом участке только 90-я стрелковая и 2-я дивизия народного ополчения. Остальные соединения группы генерала Семашко бездействовали в ожидании своей очереди. 10 августа под Лугой ударил Манштейн, в подчинении у которого после всех перегруппировок оставались 3-я моторизованная, 269-я пехотная и «цепные псы кровавого Гитлера» — дивизия СС «Полицейская».

8-ю танковую Гёпнер забрал в свое распоряжение и использовал для «зачистки» тылов.

Попытки преодолеть с ходу кингисеппский участок и оборону под Лугой были советскими войсками отбиты. По признанию немцев, бои здесь завязались тяжелые и стоили значительных потерь. В частности, дивизия СС, устроившая психическую атаку в полный рост с развернутыми штандартами, потеряла 2000 чистопородных арийцев убитыми и ранеными, погиб и устроивший идиотский спектакль командир дивизии генерал Мюльферштедт. К тому же Кингисеппскую группировку генерал Попов решил усилить еще двумя дивизиями — 1-й Краснознаменной танковой (370 танков, конечно же «устаревших», и 53 бронемашины) и 1-й гвардейской ополченческой.

Однако 12 августа на южном фланге Лужского рубежа два армейских корпуса 16-й армии генерала Буша и приданная им дивизия СС «Мертвая голова» после трех-

дневного сражения протаранили в районе Шимска оборону вновь сформированной 48-й армии и устремились к Новгороду. Советские части, дезорганизованные ударами 8-го авиакорпуса Люфтваффе и понесшие большие потери, начали отход на север и позднее были переданы в состав Северного фронта. Все попытки генерала Акимова организовать силами 70-й, 237-й стрелковых дивизий и 1-й дивизии народного ополчения контрудар от Батецкой во фланг немцам провалились. С выходом противника на железнодорожную линию Ленинград — Дно оказалась отрезанной от основных сил и почти целиком погибла Кировская дивизия народного ополчения.

Поражение на новгородском направлении было обусловлено не столько германским превосходством в силах, сколько дефектами в организации обороны. Пять советских дивизий и одна бригада держали фронт протяженностью в 60 км (согласно довоенным взглядам, стрелковая дивизия могла прочно оборонять полосу шириной 10 км) против семи дивизий противника и это вполне приемлемое соотношение сил для обороняющейся стороны, если бы она умела обороняться или хотя бы окапываться. На деле советские позиции были слабо оборудованы окопами, блиндажами и ходами сообщения. На всю армию имелось 705 стрелковых и 328 пулеметных ячеек. Почти не использовались проволочные и минные заграждения. Возможно, их не хватало, зато ничем нельзя объяснить полное пренебрежение маскировкой и ведением разведки. Отсутствовали отсечные позиции, в системе огня применялись огневые точки исключительно фронтального действия. Противотанковые рвы войсками не оборонялись, и немецкие танки легко их преодолевали (на данном направлении немцы танков практически не имели, но это замечание касается почти всех рвов, которые нарыли для своих защитников «смеющиеся женщины»). Немногочисленные фортификационные сооружения создавались без учета возможности использования огневых средств и взаимодействия родов войск. Впрочем, никакого взаимодействия и не было. Так выглядела главная и единственная полоса обороны. Совет-

ские дивизии располагались в два эшелона, однако второй эшелон оборудованных позиций не имел вовсе. А кроме того, командование 48-й армии, в соответствии с директивами Ставки, все предыдущие дни готовилось не к защите выгодного естественного рубежа по рекам Шелонь и Мшага, а к наступательной операции с целью разгрома противника в районе Сольцы, Дно.

В ночь на 19 августа две дивизии 28-го корпуса генерала Викторина, продравшись через леса и топи, достигли станции Оредеж, заходя в тыл Лужской оперативной группе. Разбитые части 237-й стрелковой дивизии в панике бежали, не приняв боя.

Южнее озера Ильмень 10-й армейский корпус генерала Хансена штурмовал Старую Руссу. Бои за город, по свидетельству немецкого историка Пауля Кареля, разгорелись жестокие: «Молодые ленинградские рабочие, никогда прежде не бывавшие на передовой, вместе с обстрелянными солдатами частей советской 11-й армии оказали упорное сопротивление, отражая атаки немцев в рукопашном бою. Каждый метр земли доставался с боем, в ход шло все — ружейные приклады, штыки, лопатки, пистолеты и огнеметы. Врытые в землю советские танки, бьющие продольным огнем пулеметы и снаряды тяжелой артиллерии, в конечном итоге заставили немцев остановиться». Тем не менее через четыре дня части 10-го корпуса город взяли и вышли к реке Ловать, прикрыв тем самым правый фланг группы армий «Север».

В этой обстановке маршал Ворошилов 12 августа осуществил внезапный контрудар под Старой Руссой силами 11-й и прибывшей из резерва 34-й армии генерал-майора К.М. Качанова. Последняя имела в своем составе 245, 254, 257, 262-ю стрелковые, 25-ю и 54-ю кавалерийские дивизии, 264-й и 644-й корпусные артполки, 171-й и 759-й противотанковые артполки, 16-й и 59-й бронепоезда. За счет средств фронта армию еще усилили 181-й стрелковой дивизией, 270-м и 264-м корпусными артиллерийскими полками, дивизионом реактивных установок и отдельным танковым батальоном. Поскольку войскам двух советских

армий противостояли только 30, 290 и 126-я пехотные дивизии, наступление на первых порах имело успех. За три дня 34-я армия при поддержке дальней бомбардировочной и фронтовой авиации продвинулась на 60 км и, отжимая 10-й армейский корпус противника к озеру Ильмень, стала угрожать тылу всей немецкой новгородской группировки. Что, впрочем, не помешало дивизиям 1-го армейского корпуса 15 августа занять Новгород, а 20 августа — Чудово, перерезав железную дорогу, связывавшую Ленинград с Москвой. Однако под впечатлением ворошиловского удара Гитлер приказал немедленно снять с московского направления и передать группе армий «Север» один моторизованный корпус из состава 3-й танковой группы, чем поверг в глубокую скорбь генерала Гота, считавшего, что «корпус был использован не на том месте, где решался исход операций».

На севере после четырехдневных ожесточенных боев 1-й танковой дивизии удалось нащупать слабое место в советской обороне. В образовавшийся прорыв Рейнгардт направил 6-ю танковую и 1-ю пехотную дивизии. Туда же Гёпнер приказал перебросить 8-ю танковую. 16 августа советские части оставили Кингисепп. 1-я и 8-я танковые дивизии противника двинулись на Красногвардейск, а 6-я танковая, 36-я моторизованная и 1-я пехотная дивизии вышли к шоссе Ленинград—Нарва. Чтобы избежать окружения, 8-й армии генерала Пшенникова пришлось в спешном порядке покинуть территорию Эстонии и отойти на Копорское плато. Коммуникации армии от ударов с юга обеспечивали 281-я стрелковая, 2-я дивизия народного ополчения и поднятые по тревоге курсанты Ново-Петергофского пограничного военно-политического училища НКВД имени К.Е. Ворошилова (из 700 человек курсантского батальона через полтора месяца в живых осталось 72 пограничника, им и вручили лейтенантские «кубари»).

О состоянии дел в 8-й армии писал из госпиталя товарищу Сталину сержант С.И. Шилов:

«На Эстонском участке фронта боевые действия проходят в паническом настроении. Большая часть командиров

убегает с передовой линии в тыл. Бойцы посмотрят: нет командира роты и командира взвода — и в панике отступают. Командования рот и взводов отойдут от передовой линии огня метров на 600—700, и когда бойцы за ними кинутся бежать и дойдут до них, то командиры приказывают бойцам вернуться обратно, а сами бойцов не ведут вперед. Командиры взводов в это время производят массовые расстрелы бойцов, а противник этим моментом пользуется... Среди командования идут споры, кому вести бойцов в атаку, приказы перепоручают вышестоящего начальства один другому, и поручение доходит вплоть до младшего комсостава и бойцов... Дивизия потерпела поражение ввиду того, что очень плохо работала связь с соседями и не могли своевременно маневрировать на другие позиции. Есть большие неурядицы между командным составом, убийства между собой при спорах и есть ряд случаев, когда расстреливают бойцов, которые в панике отступают, видя, что их командиры убегают. Много и еще творится безобразий, о которых все не напишешь, а вся вина валится на бойцов, т.е. как в пословице говорится — стрелочник виноват...»

Плавсредства оказавшейся в изоляции Чудской флотилии еще раньше были брошены сбежавшими командами и в последующем активно эксплуатировались противником для военных перевозок. В официальной истории флота эта история изложена, конечно, более героично: «В связи с отходом советских войск к Ленинграду корабли Чудской флотилии по приказу командования были затоплены, а экипажи с боями пробились в район города Нарва». Предпринятые частями 8-й армии и Кингисеппской группы контрудары с целью отбросить противника от шоссе и железнодорожной линии Ленинград—Нарва и железной дороги Красногвардейск—Кингисепп результатов не дали, если не считать, что в окружение попала 4-я ДНО.

К 19 августа все три танковые дивизии Рейнгардта вышли к Красногвардейскому УР, который успели занять части 1-й танковой, 2-й и 3-й гвардейских дивизий народного ополчения, а вслед за ними — 291-й стрелковой дивизии. Здесь же для борьбы с танками было установлено 150 зе-

нитных орудий, выделенных из состава 2-го корпуса ПВО. Начались оборонительные бои на ближних подступах к городу. В эти дни был зафиксирован уникальный результат, достигнутый старшим лейтенантом З.Г. Колобановым: у совхоза Войсковицы на своем КВ, действуя из засады, он подбил 22 немецких танка.

На центральном участке, сражаясь с двумя пехотными дивизиями противника, продолжала удерживать Лужский рубеж с открытыми флангами — фактически в «мешке» — оперативная группа Астанина, в которой насчитывалось 45 тысяч человек, 97 исправных танков и 38 бронемашин, 355 орудий, 140 минометов и 930 пулеметов. Проанализировав сложившуюся обстановку, штаб Северного фронта 19 августа докладывал главкому: *«Противник, силами до двух дивизий, сковывая нашу группировку на Лужском направлении, силами пяти пехотных дивизий, двух моторизованных дивизий, двух-трех танковых дивизий развивает наступление на Красногвардейск, Красное Село и из района Волосово на станцию Сиверская с целью — во взаимодействии с группировкой в районе станции Батецкая — окружить нашу Лужскую группировку для дальнейшего развития наступления в направлении на Ленинград»*. Ворошилов посчитал эти выводы паническими и никаких мер по перегруппировке войск не принял.

На следующий день Рейнгардт перерезал Лужское шоссе южнее Красногвардейска. Ворошилов и Жданов, не решаясь испросить у Сталина разрешения на оставление Луги, продолжали ждать, что все «рассосется» само собой — враг со дня на день окончательно выдохнется. Только утром 22 августа генерал Астанин получил директиву на отвод своих дивизий «на заблаговременно подготовленный рубеж», при этом в качестве ближайшей задачи войскам группы приказывалось уничтожить южнее Красногвардейска корпус Рейнгардта! Выставив арьергарды, командующий повел группу, переименованную в Южную, вдоль железной дороги на север.

24 августа эсэсовская дивизия заняла Лугу.

Для преодоления кризиса южнее озера Ильмень фельдмаршал Лееб перебросил к Старой Руссе из-под Луги и с Новгородского направления 3-ю мотодивизию и дивизию СС «Мертвая голова», объединив их под командованием генерала Манштейна и его штаба. На смену 56-му моторкорпусу в район Луги прибыл из Смоленска штаб 50-го армейского корпуса генерала Георга Линдеманна, объединивший 269-ю пехотную и полицейскую дивизию СС. Одновременно германское командование спешно перебрасывало через Вильнюс на старорусское направление 39-й моторизованный корпус генерала Шмидта в составе 12-й танковой (96 танков), 18-й и 20-й мотодивизий.

С 19 по 22 августа две моторизованные дивизии Манштейна внезапно ударили в открытый фланг и тыл армии генерала Качанова и, во взаимодействии с пехотными дивизиями Хансена, наголову разбили советские войска, отбросив их за реку Ловать. Причем 34-я армия фактически бежала с поля боя, потеряв к 25 августа около 60 % личного состава и свыше 80% боевой техники, часть соединений попала в окружение. «Кичливый» Манштейн сообщает, что только его корпус захватил 12 тысяч пленных, 141 танк, 246 орудий и особо ценный трофей — секретную реактивную установку. Генерал Собенников за провал операции, потерю Новгорода и неудовлетворительное управление войсками был немедленно снят с должности командующего фронтом. Его место занял генерал-лейтенант П.А. Курочкин.

Собенникову сначала дали армию, а потом вовсе освободили от должности. В октябре против него возбудили уголовное дело и приговорили к пяти годам лишения свободы. Президиум Верховного Совета его помиловал и послал на фронт, лишив генеральского звания и наград. Он воевал в должности заместителя командующего армией и вновь дослужился до генерала.

Командарму-34, генерал-майору К.М. Качанову, «служившему в Красной Армии со дня ее организации», бывшему Главному советскому советнику в республиканской Испании, повезло намного меньше. В сентябре, после того

как его армия не сумела реализовать очередного фантастического плана Ставки и вновь попала в окружение, по приказу уполномоченного ГКО армейского комиссара 1 ранга Л.З. Мехлиса его арестовали и вскоре расстреляли по приговору Военного трибунала Северо-Западного фронта «за самовольное оставление поля сражения».

20 августа с целью «специальной организации рабочей общественности» был образован Военный Совет Обороны Ленинграда в составе Л.М. Антюфеева, Я.Ф. Капустина, А.А. Кузнецова, П.С. Попкова и А.И. Субботина. После жесткого разговора со Сталиным, обвинившего военно-политическое руководство города в политической близорукости, самодеятельности и безответственности, в Совет Обороны вошли Жданов и Ворошилов. Просуществовало это новообразование всего десять дней. Самым выдающимся документом, рожденным в недрах этой организации, стало постановление о формировании для ведения уличных боев 150 батальонов народного ополчения численностью по 600 человек каждый «из числа трудящихся», включая также женщин и подростков. Вооружить батальоны предполагалось винтовками, охотничьими ружьями, бутылками с горючей смесью, саблями, кинжалами и пиками, которые сами трудящиеся и должны были изготовить сверх плановой продукции.

В эти же дни на собрании городского партийного актива Ворошилов заявил: «Артиллерии у нас много. Врага мы не только не пустим в Ленинград, но и расколотим его здесь. Ленинград станет для него могилой».

В целях улучшения управления войсками на Северо-Западном направлении Государственный Комитет Обороны 23 августа постановил разделить Северный фронт на Ленинградский, под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова, и Карельский, который возглавил генерал-лейтенант В.А. Фролов.

26 августа в Ленинград прибыла комиссия ЦК ВКП (б) и ГКО в составе В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Н.Г. Кузнецова, А.Н. Косыгина, П.Ф. Жигарева и Н.Н. Воронова.

Выданный ей мандат позволял от имени Государственного Комитета Обороны решать все вопросы обороны города и эвакуации предприятий и населения. Комиссия, проработав десять дней, приняла ряд важных решений, большинство из которых так и осталось на бумаге в силу стремительно менявшейся обстановки.

25 августа противник, сосредоточив в районе Чудово, Кремено части 1-го и 28-го армейских и 39-го моторизованного корпусов без особого труда разметал оборону 48-й армии (которая после всех беспорядочных и неорганизованных контратак наугад превратилась, по существу, в неполную и небоеспособную дивизию), отбросил советские части на север и стал стремительно развивать наступление вдоль железной дороги и шоссе Москва—Ленинград. Уже к 15.00 немцы захватили Любань. Отсюда 12-я танковая, 121-я и 122-я пехотные дивизии, не встречая сопротивления, двинулись на Тосно, 20-я моторизованная дивизия действовала в направлении станции Мга, 18-я мотодивизия — на Кириши. На следующий день Сталин разрешил Ленинградскому фронту оставить себе четырехдневную танковую продукцию ленинградских заводов, потребовал минировать Московское шоссе и одновременно «любой ценой и какими угодно средствами» очистить от врага Любань и Чудово. Под конец разговора, все более сомневаясь в способности главкома направления разобраться в ситуации, Верховный поинтересовался у генерала Попова: «Ответьте коротко, Клим помогает или мешает?» А Климбатыр, смелый витязь войны (это не я, это казахский акын Джамбул, у него же встретил замечательный комплимент Сталину — счастьеносец) просто не верил, что враг может прийти в Ленинград с востока.

28 августа немцы овладели Тосно и Саблино, подразделения 4-й танковой группы соединились с войсками 16-й армии около станции Слудицы, замкнув кольцо вокруг Южной группы войск. Генерал Астанин, третьи сутки безуспешно пытавшийся прорваться сквозь немецкие заслоны, с недоумением читал новое боевое распоряжение штаба фронта, написанное в духе комиссарских призывов

времен Гражданской войны: *«Противник, заняв небольшими частями Кузнецово, Беково, поселок Дивенский, Новинка,* ***создает видимость окружения*** *вашей группы войск. Уверены, что нахальство и наглость зарвавшегося врага не произведут впечатления на бойцов и командиров частей Лужской группы и на ее славных руководителей, с честью выполнивших свой долг перед Родиной под Лугой. Также уверены, что поставленная задача по перегруппировке войск будет выполнена стремительно и с честью. Приказываю 28 августа 1941 года смять противника в районе Остров, Беково, Кузнецово и наступать в районе Сиверская, Выра».*

29 августа нахальный противник захватил Кириши и вплотную приблизился к Колпино, 30-го вышел к Неве в районе Ивановского. До Ленинграда оставались считаные километры.

В посланной на имя Молотова и Маленкова телеграмме Сталин не мог скрыть своего раздражения:

«Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов?.. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? Что за люди — ничего не пойму. В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации, эресы... Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования».

31 августа моторизованные части противника захватили Мгу, где сходились две последние железные дороги, связывавшие Ленинград со страной, и, выйдя к Неве, продвигались вдоль восточного берега реки к Шлиссельбургу. Их здесь не ждали, ни оборонительных сооружений, ни регулярных войск в этом секторе не было.

Путь немцам преградила следовавшая в район Мги с задачей «перейти в решительное наступление и отбросить противника» 1-я дивизия НКВД полковника С.И. Донского (6000 человек), усиленная двумя танковыми ротами, и горнострелковая бригада (800 человек). На рубеж реки Тосна 31 августа была брошена едва вышедшая из окружения 4-я дивизия народного ополчения. Южнее Колпино выдвигался рабочий батальон Ижорского завода и 84-й отдельный танковый батальон (21 танк КВ и 15 машин Т-50). В тот же день 4-я ДНО получила боевой приказ: «...сосредоточиться в районе северной окраины Колпино, ст. Понтонная с задачей наступать с целью уничтожения противостоящего противника и овладении Ивановское, Покровское к исходу 31.08.41 г.». От Слуцка в контрнаступление на Тосно перешла прибывшая из Карелии 168-я стрелковая дивизия полковника А.Л. Бондарева (7000 бойцов и командиров), которая вступила во встречный бой со 121-й пехотной дивизией противника. Одновременно части 90-й стрелковой дивизии полковника А.А. Дарьина предприняли попытку пробиться через Сиверскую на соединение с Южной группой войск.

Все вновь наступали, претворяя в жизнь требование вождя освободить Чудово и Любань. При этом командование Ленфронта прекрасно сознает, что никакого численного превосходства «зарвавшийся враг» не имеет, «действует незначительными силами на разобщенных между собою и не имеющих тактического локтевого взаимодействия направлениях», коммуникации его растянуты, а значит, можно и нужно бить его по частям. Но на практике ничего у красных командиров отчего-то не получается. Германские полки «нахально и нагло» продолжают опрокидывать советские дивизии и армии. И это не преувеличение, а буквальные цитаты из донесений и приказов: *«Противник до полка пехоты с бронемашинами и артиллерией, отбросив части 48-й армии в северо-восточном направлении, овладел районом Сологубовка»*, окруженная группировка Астанина продолжает *«упорные бои с противником силою до пехотного полка с танками, закрывающими выход войскам группы в се-*

верном направлении», под Тосно и Мгой действует по одному полку все той же 121-й пехотной дивизии.

31 августа, посоветовавшись с Гёпнером, фон Лееб принял решение, ввиду нехватки сил, продвижение к Ленинграду подвижных частей прекратить и выждать несколько дней до подхода пехотных дивизий.

В руководстве советскими войсками произошли новые изменения. 29 августа решением ГКО было упразднено Главнокомандование Северо-Западного направления. Его полевое управление объединялось с Ленинградским фронтом, а Северо-Западный фронт подчинялся Ставке ВГК. Считалось, что это позволит командованию Ленинградского фронта сосредоточить усилия на решении главной задачи — обороне Ленинграда. 30 августа ГКО ликвидировал Совет обороны Ленинграда, передав его функции Военному совету фронта.

Одновременно были приняты срочные меры по усилению группировки войск на ленинградском направлении. Слуцко-Колпинский сектор Красногвардейского укрепленного района стал самостоятельным укрепрайоном; действовавшие здесь войска были объединены в 55-ю армию генерал-майора И.Г. Лазарева (70, 90, 168 и 237-я стрелковые дивизии, 1-я и 4-я дивизии народного ополчения, 2-й стрелковый полк). Остальные соединения Красногвардейского УР свели в 42-ю армию генерал-майора В.И. Щербакова (291-я стрелковая, вскоре убывшая на Карельский перешеек, 2-я и 3-я гвардейские дивизии народного ополчения, 6-я бригада морской пехоты). Военному совету 48-й армии было приказано полностью доукомплектовать маршевыми батальонами и вооружением оставшиеся в ее составе 21-ю танковую, 311-ю, 128-ю стрелковые дивизии и 1-ю горнострелковую бригаду (все вместе они на 1 сентября насчитывали 5838 человек, имея на вооружении 7 орудий, 16 минометов, 46 пулеметов и 20 ручных гранат), принять в свое подчинение дивизию НКВД, отбить станцию Мга и отбросить противника в южном направлении. 8-я армия (11, 48, 118, 125, 191, 268-я стрелковые дивизии)

продолжала отступать на рубеж, проходивший по реке Воронке, Тешково, Слободка, Кипень. В ее состав также передавались оставшиеся бесхозными 281-я стрелковая, 1-я гвардейская ДНО, 2-я дивизия народного ополчения и 5-я бригада морской пехоты.

Вслед за этим была произведена рокировка командармов: 1 сентября генерал-майор В.И. Щербаков с должности командующего 42-й армией переместился в командующие 8-й армией, на его место был назначен бывший командарм-8 генерал-лейтенант Ф.С. Иванов. Было также принято решение о формировании 6-й и 7-й дивизий народного ополчения и 20-й стрелковой дивизии НКВД.

На восточном берегу реки Волхов развертывались две новые армии — 54-я (285, 286, 310 и 314-я стрелковые, 27-я кавалерийская дивизии, 122-я танковая бригада, 119-й отдельный танковый батальон, 881, 882, 883-й корпусные артполки), под командованием маршала Г.И. Кулика и 52-я (267, 288, 292, 310, 312, 294 и 316-я стрелковые дивизии) генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова. Кулику ставилась задача в трехдневный срок закончить формирование, сосредоточиться и перейти в наступление на Мгу, Погостье и Сальцы. Принимая хозяйство, маршал, к своему удивлению, обнаружил в районе Тихвина две бездействующие авиационные дивизии, о чем информировал Москву. 4 сентября между ленинградскими сидельцами и Верховным Главнокомандующим состоялся любопытный разговор:

«СТАЛИН: В Тихвине стоят две авиадивизии — 39-я и 2-я, обе находятся в вашем распоряжении, но они не получают от вас заданий. В чем дело, неужели вы не нуждаетесь в авиации?

ВОРОШИЛОВ, ЖДАНОВ: Для нас это неожиданная и приятная новость... Нас никто не информировал о дивизиях в Тихвине. Сегодня же будут отданы распоряжения.

СТАЛИН: Вы нас не поняли. Обе эти авиадивизии являются вашими старыми дивизиями. Ваш фронт просто не знает или забыл об их существовании... Вы просто не знаете или не знали, а теперь от нас узнаете, что в районе Тихвина, а не в самом Тихвине сидят ваши две дивизии,

которые до сих пор не получали заданий. Кулик нашел эти дивизии».

5 сентября в командование Ленинградским фронтом вступил маршал Ворошилов, а генерал М.М. Попов стал начальником штаба фронта. Почти сразу Климент Ефремович обратился с просьбой освободить его от должности и назначить «кого-либо помоложе».

В ночь на 4 сентября финские войска начали прорыв советской обороны на реке Тулокса. Вечером 5 сентября они взяли город Олонец, пройдя за два дня почти 30 км. 7 сентября 1-я егерская бригада вышла к реке Свирь в районе Лодейного Поля. Части 67-й и 314-й дивизий заняли оборону по южному берегу реки. Финнам удалось форсировать реку и захватить плацдарм шириной до 100 км и до 20 км в глубину. До Тихвина им оставалось пройти 125 км.

Мерецков перечисляет недостатки в действиях советских войск: «Так, первоначально командование 7-й армии, организуя оборону, стремилось распределить наличные силы и средства равномерно по всем участкам. Это давало противнику возможность, сосредоточивая в нужном месте резервы и временно ослабляя прочие зоны, использовать свое материальное и численное преимущество для прорыва обороны на важнейших направлениях. Недостаточно внимания уделяли мы обеспечению стыков между соединениями и их флангов. Между тем враг почти никогда не лез в лобовую атаку, а, как правило, применял обходные маневры и проводил операции на окружение. Это обстоятельство приобретало особое значение в лесисто-болотистой местности. Наконец, жизнь (!!) показала, что при обороне на широком фронте с одноэшелонным построением войск необходимо иметь значительные резервы. Их целесообразно располагать несколько ближе к переднему краю, чем в обычных условиях, преимущественно возле узлов путей сообщения, в населенных пунктах, возле удобных маршрутов и желательно не в одном месте. Вот выводы, которые я сделал для себя из боев у Свири».

Вот какие открытия совершил для себя пятизвездочный генерал, до войны командовавший армиями и округами, что-то советовавший республиканцам в Испании и занимавший пост начальника Генерального штаба РККА. Грустно.

8 сентября приданный 20-й мотодивизии 424-й пехотный полк, преодолев Синявинские высоты, овладел Шлиссельбургом. Дивизия Донского, несмотря на огневую поддержку крейсера «Максим Горький» и эсминцев «Строгий» и «Стройный», потеряла к этому времени более 4 тысяч человек, и ее остатки переправились на правый берег реки. Лишь остров, на котором возвышается Шлиссельбургская крепость, находился в руках советского гарнизона еще почти 500 дней. Для двух красных маршалов падение Шлиссельбурга оказалось полной неожиданностью: из карт и донесений штабов следовало, что в этом районе наступают как раз наши войска, «все обстоит благополучно», а 48-я армия вот-вот уничтожит противника и освободит Мгу.

«Люди врут, обманывают друг друга, — жаловался Кулик Ворошилову. — На бумаге все хорошо, а на картах вензеля... Поэтому захват Шлиссельбурга нужно отнести за счет общего вранья и незнания дел высших начальников, как обстоит дело на месте».

С выходом немцев к Ладожскому озеру и верховью Невы Ленинград оказался плотно блокированным вражескими войсками. Город был отрезан от всех своих гидроэлектростанций. Исключалась возможность ухода части кораблей Балтфлота через Ладожское озеро.Однако факт блокады города не сразу стал известен советским людям. Даже 12 сентября на очередной пресс-конференции для иностранных журналистов заместитель наркома иностранных дел А. Лозовский уверенно заявлял:

«...утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, являются обычным для немецкого командования преувеличением». О блокаде города страна узнала только в начале 1942 года, когда из него началась массовая эвакуация населения.

Вот запись из дневника ленинградца: «Наш народ — долготерпелив! Что делается на фронтах, даже около Ленинграда — мы не знаем. Мы ничего не знаем! Мы — скот. Мы — прах, с которым не считаются!»

Попытки противника развить успех, с ходу форсировать Неву и соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке отразили развернувшиеся на правом берегу реки части 1-й дивизии НКВД и переброшенной из резерва фронта 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф. Конькова с приданным ей 107-м танковым батальоном. Вскоре к ним присоединились 10-я стрелковая и 4-я отдельная бригады морской пехоты. Кроме того, в состав 48-й армии, которую возглавил генерал-лейтенант М.А. Антонюк, вошла 286-я стрелковая дивизия из резерва Ставки.

Продвижение немцев от Синявино на восток было остановлено 54-й армией на рубеже Липки—Поселок № 8—Гайтолово.

Терпение Сталина, узнавшего о сдаче Шлиссельбурга из передачи иностранного радио, окончательно иссякло:

«Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами предприняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?! Куда девались танки КВ? Где вы их расставили? Почему нет никакого улучшения на фронте, несмотря на такое обилие танков КВ, как у вас? Ведь ни один фронт не имеет того количества КВ, как у вас. Чем занята ваша авиация? Почему она не поддерживает действия наших войск?..»

Еще 4 сентября немцы впервые обстреляли Ленинград из 240-мм орудий, подтянутых в район станции Тосно. 6 сентября немецкая авиация двумя группами по 30 самолетов совершила первый массированный налет на город.

Ленинградские зенитчики материальной частью были оснащены превосходно и в разное время имели на вооружении от 700 до 950 орудий, до 150 крупнокалиберных пулеметов, не считая силы ПВО флота и зенитную артиллерию кораблей. Генерал Н.П. Мильченко — в ту пору лейтенант и командир батареи — не мог нарадоваться на любимую 85-мм пушку: «И не только из-за того, что эти орудия мы досконально изучили еще в училище. Просто они были превосходными пушками, обладавшими высокими боевыми свойствами, способными поражать внезапно появляющиеся воздушные цели. Больше того, конструктивные особенности орудия, наличие достаточно эффективной дистанционной гранаты и бронебойного снаряда давали возможность в случае необходимости использовать его также и для стрельбы по воздушному десанту, наземным целям, в том числе по огневым точкам и танкам противника. Еще в училище мы восхищались превосходными тактико-техническими данными 85-миллиметрового орудия». Работу артиллеристов обеспечивали два прожекторных полка, полк ВНОС, звукометрические станции и установки радиообнаружения РУС-1. Непосредственные подступы к городу и наиболее важные объекты прикрывали группировки аэростатов заграждения. Тем не менее, несмотря на интенсивный заградительный огонь зенитной артиллерии, немецким пилотам удалось прорваться к центру Ленинграда и сбросить большое количество зажигательных бомб. В результате возникло около 180 очагов пожаров. Самый большой бушевал на продовольственных складах имени А.Е. Бадаева. Погибло значительное количество зерна, муки, сахара — в основном из-за невыполнения элементарных мер по организации противовоздушной обороны.

На население первые бомбардировки произвели гнетущее впечатление. «А нам все время говорили, что Ленинград недоступен, что налетов не будет, — писала Елена Скрябина. — Вот и недоступен! Противовоздушная оборона оказалась мыльным пузырем. Гарантия безопасности — пустая фраза... Уничтожение Бадаевских складов грозит неминуемым голодом».

Службы ВНОС не обеспечивали своевременность подъема истребительной авиации и ее наведения на цели. Некоторые сектора оказались совсем неприкрыты, либо отдельные командиры не знали своих секторов и беспрепятственно пропускали вражеские самолеты. Советские истребители залетали в запретные зоны и попадали под огонь своей же артиллерии. С земли управлять ими было невозможно ввиду отсутствия бортовых радиостанций. Зенитчики не умели различать самолеты по силуэтам и азартно палили по всему, что летало. Так, к примеру, в августе были расстреляны дальние бомбардировщики ТБ-7 из дивизии Водопьянова, стартовавшие с аэродрома в Пушкино на Берлин.

Свою авиацию до войны не научились опознавать из соображений секретности, немецкую — по причине дружбы с Гитлером: «...к моменту нападения фашистской Германии на нашу страну в полку да и в корпусе, к сожалению, не имелось необходимого для этого материального обеспечения, не было и пособий по изучению немецких самолетов. А все потому, что, как нам пояснили, в предвоенное время в централизованном порядке запрещалось выпускать литературу и пособия о Вооруженных силах Германии... Когда началась война, разведчиков-наблюдателей мы стали учить кустарным способом, кто как умел». Вся немецкая техника в советских конструкторских бюро давно разобрана до винтика, внимательно изучена и скопирована во множестве «отечественных разработок», но в Красной Армии не было даже картинок с изображением танков и самолетов противника!

Впрочем, последнюю проблему решили довольно быстро; в экстремальной обстановке русские всегда умели проявить изобретательность, находя простые и оригинальные решения, которые в мирное время им не приходили в голову. Ленинградские рационализаторы, благо имелся свой оптико-механический завод, наладили выпуск биноклей, в правом окуляре которого были выгравированы точные силуэты вражеских самолетов. Сложнее было наладить четкую организацию и взаимодействие зенитной

артиллерии с истребительной авиацией. На это ушло еще почти три месяца. Но и в начале декабря в приказе об освобождении от занимаемых должностей командира и комиссара корпуса указывалось: «Войска ПВО со своей задачей по защите Ленинграда справляются слабо, враг нередко безнаказанно бомбит город».

С 8 сентября 1941 года сообщение с Ленинградом могло поддерживаться только через Ладожское озеро и по воздуху. Это крайне осложняло организацию обороны. Имевшиеся пути не обеспечивали подвоза необходимых материальных и технических средств как для населения города, так и для войск, его оборонявших.

Силы группы армий «Север» тоже были порядком истощены. Однако моральный дух войск был высоким, заветная цель, казалось, была на расстоянии вытянутой руки и можно было драить пуговицы на мундирах в преддверии парада на Невском проспекте. Замкнув кольцо блокады вокруг Ленинграда, гитлеровская Ставка считала его участь практически предрешенной. На совещании высшего генералитета 5 сентября был сделан вывод, что для окончания боевых действия под Ленинградом и соединения с финскими войсками фельдмаршалу Леебу потребуется 6—7 дивизий. Уверенность немцев в захвате Ленинграда была столь велика, что они заранее назначили командира 50-го армейского корпуса генерала Линдеманна комендантом города и отпечатали специальные пропуска на автомашины для проезда по городу. Командующий группой «Север», которому в этот день исполнилось 65 лет, получил поздравления от фюрера и 250 000 марок в подарок.

Глава 4

ШТУРМ ЛЕНИНГРАДА

(9—25 сентября 1941 года)

6 сентября Гитлер подписал директиву № 35. В ней командованию группы армий «Север» предлагалось совместно с войсками Юго-Восточной армии финнов полностью завершить окружение Ленинграда и, ограничившись блокадой города, не позднее 15 сентября передать подвижные соединения группе армий «Центр». Этой же директивой предписывалось 8-му авиакорпусу фон Рихтгофена передислоцироваться из Эстонии на юг для усиления группы армий фельдмаршала фон Бока. В распоряжении Лееба оставалось менее 300 самолетов, считая транспортные и самолеты связи (пока же имелось 468 боевых машин против 420 у ленинградцев). Гитлер объявил, что на северо-западе «цель достигнута», и теперь торопился взять Москву — главную стратегическую цель. Ленинград превращался «во второстепенный театр операций».

Учитывая это, фон Лееб 9 сентября, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, начал прямой штурм города. Главный удар с юга по центру советских оборонительных рубежей наносил корпус Рейнгардта силами 1-й и 6-й танковых и 36-й моторизованной дивизий. По шоссе из Луги наступали на Красногвардейск полицейская дивизия СС и 269-я пехотная. На левом фланге, от Ропши до Керново, разворачивались 1, 58 и 291-я пехотные дивизии 18-й армии; на правом, южнее Колпино, — ударные силы 16-й армии: 121, 96 и 122-я пехотные дивизии. В рай-

оне Шлиссельбурга вдоль южной оконечности Ладожского озера оперировала 20-я моторизованная дивизия генерал-майора Цорна и полк 126-й пехотной дивизии. Таким образом, непосредственно в наступлении на Ленинград приняли участие 11 дивизий противника. Им противостояли силы 42-й и 55-й армий, левого фланга 8-й армии. В тылу противника дивизии Южной группы Астанина общей численностью 25 тысяч человек при шести последних танках, измотанные многосуточным пешим переходом по лесам и болотам, непрерывными боями и бомбежками, почти не имея горючего, боеприпасов и продовольствия, все еще пытались пробиться через Вырицу и Мины на соединение с главными силами фронта. Оставленные под Лугой в качестве сил прикрытия, 235-я стрелковая дивизия и полк ополченцев к этому времени уже перестали существовать. Из переговоров между Москвой и Ленинградом создается впечатление, что «прорывались» астанинцы несколько странно — штурмуя населенные пункты. На севере им противостояли части 8-й танковой дивизии, с юга подпирала 285-я охранная.

Немцам, действующим мобильными штурмовыми группами, пришлось шаг за шагом буквально прогрызать оборону.

«Обе танковых дивизии, — пишет А. Кларк, — вскоре застряли в сети противотанковых рвов и разбросанных полевых укреплений, сооруженных строительными батальонами и ополчением. Эти оборонительные сооружения часто были плохо расположены и неважно выполнены, но их было много... Именно в такого рода действиях — в ближнем бою — типичные русские качества, такие, как храбрость, упорство, смекалка в использовании маскировки и засад, более чем компенсировали те недостатки в руководстве и материальной части, которые приводили к огромным потерям на открытой местности на границе и на Луге. Немецкие танки, наоборот, страдали, подобно всем бронетанковым войскам, натыкавшимся на ближние средства обороны. Танкисты несли тяжелые потери, пока их командиры пытались приспособиться к незнакомому

окружению. В первый же день наступления четыре командира 6-й танковой дивизии были убиты».

То же самое отметил в своем дневнике фельдмаршал Лееб:

«В ходе сегодняшнего наступления 4-й танковой группы и 38-го корпуса возникли тяжелые бои. По всему видно, что противник имеет четкое намерение удерживать всеми силами внешний пояс обороны, который местами удалось прорвать частям 36-й моторизованной и 1-й пехотной дивизий».

К вечеру 10 сентября на участке 3-й гвардейской дивизии народного ополчения противнику удалось продвинуться по направлению к Красному Селу на 3 км. Командование Ленинградского фронта, считавшее наступление 41-го моторизованного и 38-го армейского корпусов отвлекающим маневром, усилило 42-ю армию 1-й танковой дивизией, 500-м стрелковым полком, 1-й бригадой морской пехоты и двумя танковыми батальонами. Генерал Иванов получил приказ лично прибыть на передовую, в течение ночи организовать контрнаступление и «концентрическими ударами» уничтожить прорвавшуюся группу противника. Тыловую укрепленную позицию на Пулковских высотах должна была занять вновь сформированная 5-я дивизия народного ополчения.

В этот же день всеми силами перешла в наступление 8-я советская армия, нанося главный удар на Гостилицы. Однако успеха она не имела, а ее 118-я стрелковая дивизия, сумевшая продвинуться вперед на 3—5 км, была отрезана немцами южнее Михайловского.

«Концентрические удары» так и не состоялись. Утром 11 сентября генерал Рейнгардт прорвал позиции на правом фланге 2-й гвардейской ДНО и к исходу дня овладел Дудергофом. 12 сентября 58-я пехотная дивизия генерала Хойнерта ворвалась в Красное Село, части 1-й танковой дивизии захватили поселок Большое Виттолово и вышли на подступы к Пулково. Одновременно 6-я танковая обошла Красногвардейск, который пал на следующий день. Вместе с ним погибли два полка 2-й гвардейской ДНО полковника В.А. Трубачева.

Батальоны 96-й и 121-й пехотных дивизий ворвались в Слуцк. Под трибунал зашагали командиры и комиссары 90-й и 237-й стрелковых дивизий.

Линия фронта вплотную приблизилась к Ленинграду. На город один за одним обрушивались мощные артиллерийские и авиационные удары. Германская удавка постепенно и, казалось, неотвратимо сжималась.

Однако в штабе ОКХ все яснее видели, что на театре военных действий, откуда они рассчитывали взять подкрепления, разворачиваются кровопролитные бои. Генерал Гальдер сообщил Леебу, что город «не должен быть взят, а только окружен. Наступление не должно заходить за рубеж шоссе Петергоф—Пушкин». Гитлер 12 сентября издал новую директиву, в которой давалось указание не снимать воздушные и бронетанковые силы вплоть до осуществления полного окружения Ленинграда. Поэтому дата, указанная в директиве № 35 для передислокации, «может быть передвинута на несколько дней». Фактически же у Лееба оказалось лишь три дополнительных дня, и он спешил ими воспользоваться.

В отчаянии командующий группой армий «Север», считавший взятие Ленинграда достойным венцом своей полководческой карьеры, писал в дневнике:

«Общее развитие наступления можно оценить как исключительно благоприятное... 36-я моторизованная, 1-я танковая и 58-я пехотная дивизии очень хорошо продвинулись. Указание Главного командования сухопутных войск: начать отвод танков с 15 сентября!.. 1-я танковая и 36-я моторизованная дивизии продвинулись на большую глубину, выйдя к шоссе Детское Село — Петергоф. Но этот успех не может быть использован, так как дивизии придется отдать. Они не будут участвовать в дальнейшем продвижении на Ленинград». Через голову начальства фельдмаршал обратился к адъютанту фюрера полковнику Шмундту с просьбой оставить в его распоряжении бронированный кулак, ибо отвод в такой момент подвижных соединений «равносилен проигранному сражению».

Тем временем Политбюро ЦК ВКП(б) решило уважить просьбу «первого красного маршала» и назначить командующим войсками Ленинградского фронта генерала армии Г.К. Жукова, который прилетел из Москвы утром 13 сентября, в самый разгар немецкого штурма. Вместе с ним прибыли генералы М.С. Хозин (новый начальник штаба), И.И. Федюнинский, П.И. Кокорев. Не вникнув в обстановку, Георгий Константинович первым делом объявил, что противника бить «не только должно, но и можно без особых усилий», надо только «действовать напористее». Но уже в три часа ночи, получив известие о потере Красногвардейска, Жуков докладывал, что обстановка в Ленинграде «значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу».

— Как же так? — удивлялся из Москвы маршал Б.М. Шапошников. — Получается так, что как будто Красногвардейского УР и не было.

— Очень просто, — объяснял Жуков, — на Красногвардейском УР уровские части и гвардейские части серьезно не дрались, так как противник, прорвавшись перелесками, обошел части с фланга и с тыла, и под воздействием обхода противника 3-я дивизия полностью разбежалась. 2-я дивизия разбежалась частично. И вот в эту зияющую дыру устремился противник. Части 42-й армии дерутся исключительно плохо, и, видимо, настоящей борьбы и расправы с трусами и паникерами в этой армии не было. Думаю, в ближайшие дни наведем порядок и заставим драться как полагается.

На следующий день Военный совет фронта с участием командующего Балтийским флотом обсудил создавшееся положение и, чтобы укрепить оборону города, определил дополнительные меры, которые принимались в срочном порядке. В распоряжении командования имелись 8, 42, 55 и 23-я армии, в которых насчитывалось 30 стрелковых дивизий (вместе с дивизиями народного ополчения, ставшими официально стрелковыми с 23 сентября), 6 отдельных бригад морской пехоты, все промышленные и люд-

ские ресурсы огромного города. Полевое управление 48-й армии расформировывалось, ее войска передавались Кулику. В течение недели планировалось сформировать еще две стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад, создав четыре оборонительных линии. Противотанковая оборона на самых опасных участках усиливалась зенитными орудиями, огонь всей корабельной артиллерии сосредоточивался в полосе 42-й армии от Урицка до Пулковских высот, в район Урицка перебрасывалась часть сил 23-й армии с Карельского перешейка, формировались новые соединения из моряков, слушателей ленинградских военно-учебных заведений.

15 сентября Жуков сместил командующего 42-й армией генерала Иванова, «как неспособного руководить армией», назначив вместо него генерал-майора И.И. Федюнинского. Новый командарм первым делом убедился, что армии у него фактически нет, а также — штаба, разведки, связи и службы снабжения; есть вооруженная неуправляемая масса: «Прежде всего следовало восстановить управление войсками, точно определить положение частей и соединений, степень их боеспособности, их возможность к сопротивлению, выяснить, какие направления являются наиболее угрожаемыми и требуют немедленного усиления. Далее требовалось учесть все резервы, предусмотреть возможность и варианты их использования, позаботиться об обеспечении войск достаточным количеством боеприпасов и инженерного имущества, крайне необходимого в обороне».

Фронт усиливался 21-й стрелковой дивизией НКВД, 5, 6 и 7-й дивизиями народного ополчения, 10-й Краснознаменной и 11-й стрелковыми дивизиями и двумя стрелковыми бригадами, укомплектованными моряками и личным составом частей ПВО. Эти соединения образовали второй эшелон обороны, впрочем, скоро ставший первым.

Бои на ближних подступах принимали все более ожесточенный характер.

Попытки немцев прорваться через Неву, а также продвинуться вдоль шоссе Москва—Ленинград и овладеть

Колпино были отбиты. В связи с намерениями противника наладить переправу через Неву на участке Невская Дубровка — Московская Дубровка Жуков в своих мемуарах поведал трогательную историю о том, как «впереди немецких частей были выставлены советские женщины, дети и старики, согнанные из ближайших населенных пунктов. Чтобы не пострадали наши люди, надо было особенно четко вести минометный и артиллерийский огонь по противнику, находившемуся в глубине его боевых порядков».

Все это правда, кроме запоздавшего жуковского сострадания. Не мучился Георгий Константинович интеллигентскими комплексами, а строго придерживался в этом вопросе указаний товарища Сталина:

«Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск делегатов от занятых ими районов — стариков, старух, женщин и детей — с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир.

Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожать в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов.

Мой ответ: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда.

Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, костите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были».

По большому счету, плевать хотели кремлевские и смольненские вожди на всех этих «стариков и старух», пользы от них все равно никакой, только лишние рты. Поэтому трудно представить Жукова проявляющим гуманизм и рискующим быть зачисленным в «пособники врага». На самом деле Жуков, Жданов, Кузнецов и Меркулов не

только без промедления довели приказ до сведения всего личного состава, но и дополнили его требованием «немедленно открывать огонь по всем лицам, приближающимся к линии фронта, и препятствовать их приближению к нашим позициям», не глядя, кто там «приближается», женщины или дети, оказавшиеся для большевиков «опаснее немецких фашистов».

Новый командующий Ленинградским фронтом изложил свою стратегию обороны города следующим образом: «Надо было при малейшей возможности днем и ночью контратаковать врага, изматывать и наносить ему потери в живой силе и технике, срывать его наступательные мероприятия... Контрудары и контратаки вынуждали противника наступать в замедленном темпе». Уже 14 сентября Жуков докладывал маршалу Б.М. Шапошникову, что «организует удар» на фронте 8-й армии и планирует «переход в наступление» 55-й и 42-й армий. Ежедневно советские дивизии «наносили контрудары», «ликвидировали», «восстанавливали положение», атаковали, атаковали, атаковали, наступая по собственным трупам, укрываясь собственными трупами и заваливая своими трупами противника. Несколько позднее, под Вязьмой и Ржевом, солдаты дали этому способу ведения военных действий свое определение — «жуковская трехрядка».

Преодолеть 800-метровую гладь Невы под прицелом орудий советских боевых кораблей и установленных на правом берегу 180-мм и 120-мм стационарных батарей у немцев не было шансов.

На Тосненском рубеже 4-я дивизия народного ополчения полковника П.И. Радыгина непрерывно отдельными полками безуспешно пыталась форсировать реку и отбить у противника населенные пункты Усть-Тосно, Ивановское, Покровское на правом берегу. Артиллерии в дивизии практически не было. Более-менее серьезную огневую поддержку оказывали железнодорожные батареи и эсминец, занявший позицию в устье Невы, но стреляли они по площадям, и огонь их не корректировался. 4 сентября 3-й стрелковый полк получил приказ форсировать Тосну и

взять поселок Покровское. В начале операции полк понес значительные потери и под огнем противника залег перед рекой. Офицеры под ураганным огнем сумели поднять полк в атаку, форсировать реку и взять с боем Покровское. Развить успех оказалось нечем. Ожесточенные бои за поселок длились четыре дня. Не получивший поддержки советский полк был отрезан противником от берега и полностью уничтожен во главе с комполка Чугуновым. 11 сентября полковник Радыгин, отказавшийся выполнять приказание приехавшего с инспекцией члена Военного совета фронта Н.В. Соловьева, которому вздумалось в своем личном присутствии организовать маленькое победоносное наступление, был отстранен от командования дивизией и разжалован в рядовые. Существовала и другая «дисциплинарная практика»: в случае неудачи командира полка привлекали к ответственности «за тяжелое состояние полка и большие потери в боях».

В итоге 4-я дивизия народного ополчения, не выполнив ни одной задачи, была отброшена за линию противотанкового рва, протянувшегося от Невы до Московского шоссе. Ров, имевший ширину 8 м и глубину 3 м, как водится, нашими частями не оборонялся, и в нем прочно обосновались батальоны 122-й пехотной дивизии. Немцы, имевшие похвальную привычку закрепляться на каждом занятом рубеже, немедленно начали развивать сеть ходов сообщений, пулеметных дотов и минных полей.

Практически утратившие боеспособность ополченцы залегли в болоте в 100 метрах от рва. Генерал-майор в отставке Л.В. Яковлев описал состояние «обороны» при своем вступлении в командование одним из полков 4-й ДНО: «Передний край обороны проходил в сыром торфяном болоте. Бойцы лежали на поверхности болота, и единственным их укрытием были мох и кустарник ниже человеческого роста. Полк вынужден был обороняться в этих тяжелых условиях, так как сзади его подпирали стены Ленинграда. В таких условиях трудно было сохранить боеспособность части. Справа в таких же условиях оборонялся 330-й стрелковый полк; слева, на более сухой местности,

держал оборону 284-й СП. Прием и сдача полка прошли в считаные минуты. Старый командир полка, находившийся в подавленном состоянии, с трудом доложил обстановку на обороняемом участке. После проведенных боев полк понес большие потери в личном составе и вооружении, а занимаемая им оборона не имела каких-либо инженерных укрытий. Состояние полка было тяжелым, люди были обессилены и находились в полной апатии и депрессии. Мы с капитаном Смородкиным обошли участок обороны полка и всюду натыкались на группы солдат, лежавших на мокром торфе и никак не реагирующих на обращение к ним... Люди не мылись с начала войны».

Армия Федюнинского с переменным успехом вела бои за Урицк и Володарский, по несколько раз переходившие из рук в руки. 8-я армия генерала Щербакова имела задачу «наносить противнику удары во фланг и тыл» и наносила их, не считаясь с потерями.

Южной группе, по совету маршала Шапошникова, 14 сентября было приказано прекратить «изнуряющий бой за захват Вырицы», а обогнуть ее с востока и вдоль железной дороги Сусанино—Пушкино выходить в расположение 55-й армии. Плохо представляя себе состояние войск Астанина и предполагая использовать их в запланированном на 17 сентября контрнаступлении, командование фронта требовало: «Всю артиллерию на конной тяге, минометы, пулеметы и конные обозы выводить. Все, что не может быть выведено, — закопать и тщательно замаскировать». К этому времени группа уже была противником расчленена и распадалась на отдельные неуправляемые части. Конные обозы существовали лишь в воображении Жукова. Имелось 36 орудий без снарядов, которые артиллеристы вытаскивали на себе.

На следующий день Южная группа как единое целое перестала существовать. Рвавшаяся к ней навстречу в течение двух недель 90-я стрелковая дивизия была немцами выбита и окружена в районе Семрино, Кабралово. Вечером по распоряжению генерала Астанина, доложившего штабу фронта по радио о безнадежности положения, нача-

лось уничтожение техники и военного имущества. Спустя несколько часов было получено разрешение выбираться из окружения небольшими группами. Во второй половине сентября глухими лесными тропами на север удалось просочиться лишь отдельным сводным подразделениям под командованием полковников М.И. Чеснокова, И.С. Павлова и генерала А.Н. Астанина — всего около двух тысяч человек. Еще триста бойцов вывели из вражеского тыла партизаны. Полмесяца, обходя крупные населенные пункты, блуждали по тылам противника остатки 111-й стрелковой дивизии под командованием полковника С.В. Рогинского, не имевшего связи с командованием и повернувшего на восток. К началу октября они вышли к реке Волхов в районе Ямно, на левый берег переправилось лишь три сотни бойцов и командиров. В районе Погостья в расположение 54-й армии вышла группа артиллеристов Г.Ф. Одинцова.

По немецким данным, в ходе ликвидации Лужского «котла» были захвачены 21 тысяча пленных, 316 танков и 600 орудий. Только 24-я танковая дивизия полковника М.И. Чеснокова, впервые вступившая в бой 2 августа, потеряла 162 танка и 40 бронемашин — всю боевую технику.

Однако потери росли и у немцев, а успехи были все менее значительны. Значительно поколебалась уверенность и у фон Лееба. Посетив штаб 4-й танковой группы, фельдмаршал понял, что перспективы штурма туманны, а вот передавать группе «Центр» точно будет нечего:

«Узнал, что в отличие от предыдущих оценок о том, что между 41-м корпусом и Ленинградом противника почти нет, на самом деле Пулковские высоты представляют собой укрепленный район обороны, плотно занятый войсками противника. Дальнейшее наступление 41-го корпуса через Пулково до ближнего рубежа окружения, как было приказано вчера, должно было бы привести к сильным потерям. Чтобы избежать этого и оставить 41-й корпус по возможности боеспособным, каким он сейчас и является, ему пока приказано оставаться у дальнего рубежа окружения».

14 сентября ОКВ отдало приказ о немедленном отводе 41-го моторизованного и 8-го воздушного корпусов.

«...когда войска уже вовсю предвкушали торжество заслуженной победы, — вспоминал генерал Рейнгардт, — точно холодный душ, из штаба танковой группы пришла новость, что вместо штурма Ленинграда будет его блокада... Мы просто ничего не могли понять. В самую последнюю минуту солдат, которые делали все для победы, лишили венца победителей».

Утром 17 сентября, оставив артиллерию, покинула линию фронта 6-я танковая дивизия. В ночь на 18 сентября 1-я танковая дивизия начала грузить свои уцелевшие машины на железнодорожные платформы южнее Красногвардейска, а 36-я моторизованная дивизия направилась своим ходом на Псков. Только понесшая большие потери 6-я танковая дивизия генерал-майора Ландграфа была задержана на несколько дней, чтобы выйти из боя и привести себя в порядок. С фронта под Ленинградом уходили 32 тысячи немецких солдат и 260 танков, 18-я армия лишилась своего ударного кулака.

18 сентября вечером Гальдер отметил: «Кольцо вокруг Ленинграда пока не замкнуто так плотно, как этого хотелось бы. Сомнительно, что наши войска сумеют далеко продвинуться, если мы отведем с этого участка 1-ю танковую и 36-ю моторизованную дивизии. Учитывая потребность в войсках на ленинградском участке фронта, где у противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства, положение здесь будет напряженным, **пока не даст себя знать наш союзник — голод»**.

С уходом 41-го мотокорпуса плотность немецких боевых порядков снизилась, что позволило 90-й стрелковой дивизии, потерявшей половину состава и орудий, прорваться через Пушкин на север.

Почти сразу после выхода немцев к Ладожскому озеру советское командование предприняло попытку восстановить сухопутную связь города со страной ударами с запада войсками Ленинградского фронта и с востока силами 54-й армии. Армия была необычная: в ней имелось восемь ди-

визий, 16-я и 122-я танковые бригады, 119-й отдельный танковый батальон, значительное количество артиллерии; подчинялась она непосредственно Ставке, а в командармах ходили Маршал Советского Союза и заместитель министра обороны. Тылы армии были под завязку забиты военным имуществом и техникой, эшелонами с маршевым пополнением, предназначенным как для войск Кулика, так и для всего Ленинградского фронта.

Григорий Иванович начал наступление 10 сентября, и первые его доклады дышали оптимизмом: враг успешно «уничтожался» и «истреблялся», хотя и «перешел к исключительно стойкому сопротивлению», брались богатые трофеи. Однако вскоре Кулик, наносивший удары веером, во все стороны одновременно: на Кириши, Погостье, Мгу, вдоль берега Ладожского озера — на Шлиссельбург, обнаружил, что у него самого катастрофически быстро заканчиваются люди и техника, а наступление выдохлось. Немцы удерживали фронт мобильными группами 20-й мотодивизии, непрерывно долбили в левый фланг силами 12-й танковой, маневрировали резервами, одновременно интенсивно укрепляя район Синявино, Рабочие поселки № 5 и № 1. Продвижение 54-й армии на запад за трое суток операции составило в среднем 6—9 км, а противник за это время захватил Вороново.

13 сентября Ворошилов и Жуков потребовали от Кулика, не обращая внимания на положение дел на левом фланге армии, организовать мощный удар на Шлиссельбург, а затем в направлении Мги. Через три дня Сталин и Шапошников приказали маршалу не тратить время на овладение Шлиссельбургом, а сконцентрировать все усилия на освобождении станции Мга, «дабы открыть сообщение с Жуковым».

С Жуковым у Кулика не получилось ни взаимодействия, ни взаимопонимания. Командующий Ленфронтом, считая главным вопросом «ликвидацию красносельской группировки» противника, выделил для прорыва блокады лишь одну 115-ю стрелковую дивизию и неукомплектованную морскую бригаду, сам же после войны заявив, что

поставленная перед ними задача форсирования Невы и прорыва немецкой обороны «была чрезвычайно тяжелая, можно сказать, непосильная». Действительно, приказ, полученный комдивом В.Ф. Коньковым, требовал ни больше ни меньше, как без переправочных средств, без поддержки артиллерии, танков, авиации форсировать Неву на фронте от Ивановского до Московской Дубровки, захватить плацдарм и вести наступление на Мгу. На подготовку операции отводились одни сутки.

При этом генерал армии не стеснялся обвинять маршала СССР в безразличии к судьбе Ленинграда. В ночь на 15 сентября между двумя военачальниками произошел характерный телефонный разговор:

«Жуков. Приветствую тебя, Григорий Иванович!.. Я бы хотел, чтобы у нас с тобой побыстрее закипела работа по очистке территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки и организовать тыл Ленинградского фронта. Прошу коротко доложить об обстановке. В свою очередь хочу проинформировать, что делается под Ленинградом».

Для человека, служившего в армии хотя бы месяц, невооруженным глазом видно, что Георгий Константинович откровенно хамит впавшему в опалу, но все же старшему по званию и по должности офицеру. Затем Жуков «настойчиво попросил» Кулика немедленно перейти в наступление на станцию Мга и «скорее двигать конницу в тыл противника». На что маршал, конечно, не такой гениальный полководец, чтобы за одну ночь организовать операцию на новом направлении, вполне резонно ответил, что ему требуется день-два, чтобы подтянуть артиллерию, вывести части на исходный рубеж и отработать на месте их взаимодействие. Тем более что наступать 54-й армии приходилось по тяжелой лесисто-болотистой местности, а противостоял ей мобильный и серьезный противник — танковые и моторизованные дивизии 39-го мотокорпуса. Дальнейшие события показали, что поставленная Кулику задача в тех условиях и вовсе была невыполнима. Но Жукова такая самостоятельность маршала и его приверженность к соблю-

дению правил военного искусства не устраивала, и он не скрывал своего раздражения:

«Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом... Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам».

Об этом разговоре командующий Ленинградским фронтом немедленно проинформировал Верховного Главнокомандующего, и тот принял жуковскую правду, ведь у нас всегда прав тот, кто доложил первым. К тому же вождь для хорошего дела всегда готов был «пожертвовать несколькими дивизиями». Сталин нажимал на Кулика и весьма своеобразно его стимулировал к активным действиям: *«...имейте в виду, что если вы завтра ударите как следует на Мгу, с тем чтобы прорвать или обойти оборону Мги, то получите от нас две хорошие кадровые дивизии и, может быть, новую танковую бригаду. Но если отложите завтрашний удар, даю вам слово, что вы не получите ни двух дивизий, ни танковой бригады».*

Дополнительных «хороших дивизий» Кулик не получил, хотя вполне вероятно, что они бы могли сказать «веское слово» в решающий момент. Войска 54-й армии захватить Мгу так и не смогли, в первый раз умывшись кровью у Синявинских высот. Впрочем, и Жуков красносельскую группировку не ликвидировал. Толку от того, что он бросал в бой необученных и плохо вооруженных рабочих, моряков и валаамских юнг и заставлял их «драться как полагается», не обеспечив взаимодействие с артиллерией и авиацией, было немного. Полки и батальоны гибли целиком, нанося врагу лишь незначительный урон.

17 сентября, в день, когда немцы вывели из сражения за Ленинград основные силы 3-й и 4-й танковых групп и 8-й авиационный корпус, генерал армии Жуков издал боевой приказ № 0064:

«Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа: Лигово, Кискино, Верх. Койрово,

Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу».

И сегодня определенная часть российских историков считает это решение правильным, забавно разъясняя, что Жуков стремился таким образом «вернуть войскам уверенность в своих силах и возможностях», а сам приказ «положил начало моральному перелому». Надо думать, с целью окончательного морального преображения и творческого развития идей, заложенных в печально известном приказе № 270, командующий фронтом в конце месяца подписал шифрограмму за № 4976, в которой сказано: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». А для большей «уверенности» генерал гнал свои армии в атаку, стреляя им в спины из пулеметов.

«Бугор немец непрерывно обстреливал, — вспоминает бывший командир роты 42-го стрелкового полка 268-й дивизии А.Ф. Сафронов, — много народу здесь полегло. Мы бугор взяли, но немцы открыли такой огонь, что оставшимся в живых пришлось скатиться обратно в овраг, к шоссе. А за шоссе — наш заградотряд с пулеметами «максим». Стреляют и немцы, и наши. Ребята прижались перед бугром — деться некуда».

Конечно, проблема ухудшения морального состояния войск, вследствие непрерывных поражений, огромных потерь, наглядной бездарности руководства, скотского отношения к солдатам, имела место, иначе и быть не могло. Росло дезертирство; только 17—19 сентября комендатура Ленинграда задержала 4425 военнослужащих. Были пораженческие настроения, самострелы, случаи перехода на сторону врага и братания с немцами. Но ведь и привычные большевистские лекарства, используемые для поднятия

морального духа и укрепления дисциплины, были не лучше самой «болезни».

«Карательные органы работали у нас прекрасно, — вспоминает рядовой пехоты Н.Н. Никулин. — От Малюты Скуратова до Берии в их рядах всегда были профессионалы, и всегда находилось много желающих посвятить себя этому благородному и необходимому во всяком государстве делу. В мирное время эта профессия легче и интересней, чем хлебопашество и труд у станка. И барыш больше, и власть над другими полная. А в войну — не надо подставлять свою голову под пули, лишь следи, чтобы другие делали это исправно.

Войска шли в атаку, движимые ужасом. Ужасна была встреча с немцами, с их пулеметами и танками, огненной мясорубкой бомбежки и артиллерийского обстрела. Не меньший ужас вызывала неумолимая угроза расстрела. Чтобы держать в повиновении аморфную массу плохо обученных солдат, расстрелы проводились перед боем. Хватали каких-нибудь хилых доходяг или тех, кто что-нибудь сболтнул, либо случайных дезертиров, которых всегда было в достатке. Выстраивали дивизию буквой «П» и без разговоров приканчивали несчастных. Эта профилактическая работа имела следствием страх перед НКВД и комиссарами больший, чем перед немцами. А в наступлении, если повернешь назад, получишь пулю от заградотряда. Страх заставлял идти на смерть. На это и рассчитывала наша мудрая партия, руководитель и организатор наших побед. Расстреливали, конечно, и после неудачного боя. А бывало и так, что заградотряды косили из пулеметов отступавшие без приказа полки. Отсюда и боеспособность наших доблестных войск. Многие сдавались в плен, но, как известно, у немцев не кормили сладкими пирогами...»

Ни Сталин, ни Жуков не могли знать о директивах Гитлера и по-прежнему полагали, что главной целью группы армий «Север» остается захват города. Командующий фронтом сосредоточил основные силы для отражения немецкого наступления в районе Пулковских высот.

Лееб до конца месяца продолжал наступление, и довольно успешное, на ближних подступах к Ленинграду теперь уже только с целью отвлечь побольше сил Ленинградского фронта с любанского направления, где с целью прорыва блокады города наступала 54-я армия. Жуков же продолжал наращивать силы на Пулковском рубеже, снимая их с Ораниенбаума и Карельского перешейка.

День 17 сентября стал самым кризисным для Ленинграда. 1-я пехотная дивизия генерала Клеффеля вышла на побережье Финского залива у Стрельны, овладев частью Петергофа, 58-я дивизия генерала Хойнерта — заняла Урицк. Правее солдаты фон Лейзера захватили Пушкин.

8-я советская армия оказалась отрезанной от остальных войск Ленинградского фронта. С армией даже не было связи: немец перерезал провода, а пользоваться радиостанциями наши войска даже на уровне армейских штабов еще не научились.

Чтобы предотвратить прорыв противника в Ленинград через Урицк, Жуков приказал 42-й армии немедленно организовать контратаку. В бой ушла, отбила поселок, была двинута дальше вперед, отрезана немцами и погибла 21-я мотострелковая дивизия НКВД полковника М.Д. Папченко. «Можно понять гнев Жукова, — сочувствует писатель В. Карпов, — который потребовал от командующего 42-й армией во что бы то ни стало вернуть Урицк». В новую атаку были брошены 5-я и 3-я гвардейские ДНО и 51-й отдельный танковый батальон.

Армия Щербакова получила приказ организовать контрудар силами не менее пяти дивизий в направлении на Красное Село и восстановить разорванный фронт. Тридцать лет спустя, вспоминая и размышляя, маршал высоко оценил достигнутый результат:

«Чрезвычайно важную роль в срыве планов противника — прорыва в Ленинград через Урицк — сыграл контрудар 8-й армии. Ее ударная группировка в составе четырех стрелковых дивизий утром 19 сентября перешла в наступление в общем направлении на Красное Село. Хотя это наступление и не привело к восстановлению здесь оборо-

ны, но оно вынудило немцев перегруппировать часть сил с самого опасного для нас направления Урицк—Ленинград на петергофское, что было нами заранее предусмотрено».

Писатель В. Карпов в книге «Маршал Жуков», описывая этот контрудар, просто впадает в эйфорию от восхищения:

«Но Жуков — это Жуков!.. В короткое время — за сутки — Жуков создал ударную группировку. Легко сказать, создал — из чего? Где взял силы? На участке 8-й армии ведь были все те же оборонявшиеся дивизии. Он только уплотнил их боевые порядки, отдал на их усиление все, что мог отдать, и 19 сентября ударил во фланг наступающему клину Лееба. Это было совершенно неожиданно для противника. Представьте себе состояние фон Лееба, уже торжествовавшего в душе и видевшего, наверное, перед собой улицы взятого Ленинграда. И вдруг этот удар по флангу, удар буквально под дых! Лееб ведь собрал все, чем располагал, бросаясь в последнее и решительное наступление на пулковском направлении. Отражать удар Жукова на фланге этой группировки было нечем, надо снимать силы оттуда, где наметились удача и победа. Лееб понимал — пока подойдут резервы, части Жукова вырвутся на тылы и перемелют все так, что придется вообще отходить от Ленинграда.

И Лееб дает приказ снять механизированный корпус, уже нацеленный для удара там, где виделся наибольший успех, и бросает этот корпус для спасения фланга. Но именно в этом и состояла цель Жукова. Напор на Пулковский рубеж ослаб. 8-я армия хоть и не вонзилась глубоко в расположение противника, но задачу свою выполнила».

В этой оде жуковской гениальности есть как минимум три фальшивых ноты.

Во-первых, какой такой моторизованный корпус «снял» фон Лееб, если у него нет ни одного?

Во-вторых, история имела довольно грустное продолжение: 20 сентября немцы ударили в левый фланг наступающих советских войск, нанесли им поражение и заставили оставить даже те населенные пункты, которые они занимали до эпического контрудара, в частности Стрельну.

Тогда, в 1941 году, Жуков вовсе не считал, что все прошло, как было «заранее предусмотрено», и дал командованию 8-й армии совсем другую оценку — предатели.

В телеграмме от 22 сентября командующий фронтом велит Военному совету армии организовать новое наступление под Петергофом, а командарму и его штабу приказывает лично вести войска в атаку, не забывая, как обычно, «вселить уверенность»:

«Если 8-я армия допустит захват немцами Петергофа, немцы нам разгромят Кронштадт.

8-я армия своими действиями не только подводит Ленинградский фронт, но играет предательскую роль. В то время как 23, 42, 55 А блестяще отражают все атаки немцев, нанося им громаднейшие потери, 8-я армия, имея против себя 3—4 тысячи немцев с 10—20 танками, позорно разбегается при первом выстреле. Военный совет бездействует, настроенный больше на эвакуацию, а не на упорный бой. Такой Военный совет вполне заслужил суровой кары, вплоть до расстрела.

Я требую: Щербакову, Чухнову, Кокореву выехать в 2 дно, 11 сд, 10 сд и лично вести их в бой. Шевалдину и Кокореву предупредить командиров всех степеней, что они за самовольное оставление Петергофа и оборонительных позиций южнее Петергофа будут расстреляны, как трусы и изменники. Всем объявить — НИ ОДНОГО ШАГУ НАЗАД».

Еще сутки спустя, после того как немцам был сдан Петродворец, приказом командующего фронтом были сняты со своих должностей командарм-8 генерал Щербаков и член Военного совета дивизионный комиссар И.В. Чухнов, арестован ряд командиров соединений. Армию принял генерал-лейтенант Т.И. Шевалдин.

В-третьих, и наши полководцы, и восторженные летописцы их деяний вполне сознательно пренебрегают арифметикой. Ответить на вопрос «Где Жуков взял силы?» совсем несложно. В полном распоряжении генерала армии было полмиллиона бойцов и командиров. Фельдмаршал Лееб, после ухода в середине сентября 41-го моторизованного корпуса на московское направление и 96-й дивизии к

Вороново, на восточный участок Синявинского выступа, «штурмовал» Ленинград, имея в активе семь пехотных дивизий — 291, 58, 1, 269, 121, 122-ю и полицейскую дивизию СС. Это их «яростные атаки» героически сдерживали «активной обороной» не менее 27 дивизий генерала Жукова. Так что невелика была наука «уплотнять боевые порядки»: только на Ораниенбаумском плацдарме, который немцы называли «Ораниенбаумским котлом», оказались «все те же» 12 расчетных дивизий — 10, 281, 48, 191, 125, 268, 118, 261, 11-я стрелковые, 1-я гвардейская и 2-я народного ополчения, 5-я и 2-я отдельные бригады морской пехоты, а также 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии. Правда, многие из этих соединений, благодаря передовой тактике непрерывных атак без огневой поддержки и закрепления рубежей, можно было назвать дивизиями лишь условно: например, в 48-й дивизии подполковника П.С. Романцева осталось 1700 человек, 3 станковых пулемета, 8 минометов и 2 орудия. Но как утверждает ставший членом Военного совета 8-й армии генерал Окороков: «Пополнение боевых рядов армии шло полным ходом». (Одновременно проводилась «работа по чистке частей от чужаков и скрытых врагов», изъятие из боевых подразделений признанных неблагонадежными «западников», то есть тех, кто до войны проживал на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и в Прибалтике. Так куда-то исчез упоминаемый ветеранами плацдарма 74-й Латышский полк.)

Так ведь и у немцев Петергоф брала одна только 1-я пехотная дивизия. Жуков в приказе № 0043 писал: *«Перед фронтом 8-й армии действуют части одной-двух пехотных дивизий»*.

Советские части на плацдарме, имевшем 50 км в длину и 35 км в глубину, поддерживали мощным артиллерийским огнем двенадцатидюймовки линкоров «Марат» и «Октябрьская революция», фортов Красная Горка и Серая Лошадь, орудия крейсеров и эсминцев, 11-я (356-мм) и 18-я (305-мм) железнодорожные батареи, бронепоезда № 7 «Балтиец» и № 8 «За Родину». И войск, и техники здесь хватало с избытком. 16—18 сентября флот провел операцию по

переброске из Ораниенбаума в Ленинград 125-й и 268-й стрелковых дивизий и 47-го полка корпусной артиллерии, которые были выведены в резерв фронта; во второй половине октября было снято еще шесть дивизий. Блокадой плацдарма и отражением чуть ли не ежедневных советских атак и контрударов в 1941 году занимались две пехотные дивизии немцев. И в 1942-м, и в 1943-м...

От Урицка до южной окраины Пулково оперировали три немецкие дивизии. Им противостояли пять дивизий (44-я *(бывшая 3-я гвардейская ДНО)*, 21-я, 56-я *(7-я ДНО)*, 189-я *(6-я ДНО)* и 13-я *(5-я ДНО)*, 6-я и 7-я стрелковые и 123-я и 124-я танковые бригады 42-й армии, построенные в два эшелона. Боевые действия войск Федюнинского активно поддерживала артиллерия Ленинградской морской обороны, усиленная 12-й и 19-й железнодорожными батареями.

По свидетельству маршала Жукова, только на 17-километровом участке Лигово—Пулково и только на прямую наводку было выведено 529 орудий. В районе Колпино действовало 441 орудие, из них 300 стволов были выставлены на прямую наводку. Кстати, а для чего пушки выводить на прямую наводку? А для того, чтобы хоть иногда попадать в цель. Для стрельбы с закрытых позиций необходимо иметь надежные средства связи, отработанные расчеты, обученных корректировщиков, грамотного управляющего огнем. Всего это не было, поэтому на 100 выпущенных снарядов приходилось два-три попадания, отсюда и вечный «снарядный голод». Поэтому орудия *(иногда даже особой мощности)* нередко целыми дивизионами, а то и артиллерийскими полками выкатывали на открытые передовые позиции, каждый расчет видел свою цель и работал самостоятельно, стреляя по врагу практически с «дуэльной» дистанции. При этом были неизбежны значительные потери в людях и материальной части, зато точность вырастала до 8,5 процента. Артиллеристы расшифровывали стрельбу прямой наводкой: «Прощай, Родина!», было еще другое обозначение — совсем уж ненормативное. А вот «вражеское командование», в отличие от родного, по наблюде-

нию маршала Г.Ф. Одинцова, «берегло свою артиллерию, батареи противника чаще всего вели огонь с закрытых позиций, на прямую наводку не выдвигались».

«Несмотря на то что сил у нас было мало, — гордится генерал И.И. Федюнинский, — мы то и дело наносили противнику чувствительные удары, не позволяя ему снять с фронта и перебросить под Москву, где фашисты развивали наступление, ни одной дивизии... До самой середины октября шли бои в районе Урицка, у Петергофского шоссе, за совхоз «Пролетарский труд». И они явились для нас хорошей школой... В армии тогда было много командиров, призванных из запаса, не имевших прочной военной подготовки и опыта руководства боем. Наши командиры отличались отвагой, были преданы Родине, но отсутствие боевого опыта давало о себе знать... В наступлении иногда отставали тылы, хотя продвижение вперед было незначительным».

Интересно, что финским командирам, столь лихо вернувшим себе линию Маннергейма, о которую в кровавых соплях Красная Армия билась три месяца, боевого опыта вполне хватает. Герой Халхин-Гола все еще учится, добирает опыта.

На Тосненском рубеже продолжала «учиться» 4-я дивизия народного ополчения. И здесь приказы о наступлении следовали один за другим — с одними и теми же задачами, с теми же ограниченными силами:

21 сентября: «4-й ДНО овладеть Ивановское, Покровское, выбить противника из противотанкового рва южнее Колпино»;

23 сентября: «4-й ДНО овладеть противотанковым рвом в районе Колпинская колония, переправами в Усть-Тосно»;

25 сентября: «86-й дивизии (бывшей 4-й ДНО) с бронеплощадками овладеть противотанковым рвом, форсировать реку Тосну, овладеть Ивановское».

Ров этот начинался от поселка Ям-Ижора на Московском шоссе, пересекал Октябрьскую и Кировскую железные дороги и за заводом «Ленспиртстрой» выходил к Неве. Только 2,5 км северного участка рва до грунтовой дороги на

Ивановское находились в руках советских войск, остальные 8,5 км, до самого шоссе, оказались у немцев.

В конце месяца к штурму противотанкового рва присоединили свои усилия снятые с Ораниенбаумского плацдарма 268-я и 125-я стрелковые дивизии. Всем им противостояла 122-я пехотная дивизия генерала Махольца.

Правее, от Колпино до Пулково, таким же макаром сражались со 121-й пехотной дивизией противника 168, 90 и 70-я стрелковые дивизии, 84-й и 86-й танковые батальоны 55-й армии. Потери армии только на участке от Колпино до Невы в сентябре 1941 года составили более 17 тысяч человек. Дивизия полковника Бондарева в боях за Слуцк потеряла 7477 бойцов — почти весь свой состав. Жуков в мемуарах дивизию похвалил, как «особенно отличившуюся». Непрерывно атакующим дивизиям неизменно придавали «уверенности в силах» развернутые во втором эшелоне армии семь пулеметно-артиллерийских батальонов и четыре заградительных отряда.

Все это полководческое убожество нам 60 лет подают как великую победу великого стратегического гения. Была ли победа? Была, несомненно. Но есть ли чем гордиться полководцу? К слову, большие потери и одновременно недостаточная «пробивная сила» советских дивизий в наступлении была заложена в Боевом Уставе. Писавшие его генералы, фантазируя на темы будущей Большой войны, видимо, представляли наполеоновские «большие батальоны» и венцом атаки считали штыковой удар пехотных масс. («На то у винтовок и ложи, чтобы бить фашиста по роже!» «Штыком фашистов коли, гони их с родной земли!») Стрелковая дивизия, получая для наступления полосу в один километр, выстраивала свои полки в два эшелона, стрелковый полк ставил три батальона один в затылок другому. Лишь провоевав год с лишним, разобрались: «Таким образом, советская стрелковая дивизия, «построенная для наступления, имела в первом эшелоне атаки 8 стрелковых рот из 27. Остальные 19 рот, располагаясь за первым эшелоном на глубину до 2 км, покрывают поле боя сплошными боевыми порядками и полностью лишаются возможно-

сти использовать свои огневые средства. В результате этого мы имеем, во-первых, исключительно большие, ничем не оправдываемые потери в личном составе и огневых средствах от огня артиллерии, минометов и авиации противника, которые несут прежде всего подразделения вторых и третьих эшелонов **еще до вступления их в бой**, ввиду чего наступление часто захлебывается у нас на первом же этапе, и во-вторых, вынужденное бездействие свыше трети всех пехотных огневых средств дивизии... При этом подразделения вторых и третьих эшелонов, принимая на себя основной огонь минометов, артиллерии и авиации противника, чтобы не нести больших потерь, вынуждены прижиматься к впереди идущим эшелонам, а затем по той же причине и вливаться в их боевые порядки. А это ведет к неизбежному перемешиванию боевых порядков первого эшелона с последующими, к превращению их в толпу и к невозможности управлять ими».

Поставим сзади заградотряды и получим знаменитую «русскую атаку». Для противника такая тактика — просто подарок, ведь немцы главным как раз считали не захват территории, а уничтожение живой силы. Но тщетно искать хоть каких «размышлений» о тактике боя у Жукова. Он незамысловато считал, что «всего» должно быть много.

В разговоре с маршалом Шапошниковым, состоявшимся 14 сентября, Георгий Константинович сетовал, что принял на Ленинградском фронте всего 268 самолетов, как-то позабыв про 287 машин Балтийского флота, в их числе 170 истребителей, 61 бомбардировщик и штурмовик, и почти 300 истребителей 7-го авиакорпуса, регулярно привлекавшихся для прикрытия боевых порядков войск фронта и нанесения штурмовых ударов.

Ленинградские предприятия с июля по декабрь 1941 года изготовили 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов и бронеплощадок, свыше 3 тысяч полковых и противотанковых пушек, около 10 тысяч минометов, свыше 3 миллионов снарядов и мин. Все это попадало на фронт практически мгновенно. С конца августа, согласно решению ГКО, вся бронетанковая продукция оставалась в распоряжении

Ленинградского фронта. Потеряв безвозвратно в августе 273 танка и 55 бронемашин, а в сентябре — соответственно 262 и 43, к началу октября Ленфронт имел 339 танков, половину из которых составляли КВ и Т-34, и 162 бронеавтомобиля. На базе 1-й Краснознаменной танковой дивизии была сформирована 123-я отдельная танковая бригада (46 танков КВ), на базе 24-й танковой дивизии и других частей — 124-я и 125-я танковые бригады. Последняя отличалась по составу вооружения и имела 26 машин типа КВ и 11 самоходных 76-мм установок на базе танка Т-26. В сентябре же были созданы и семь отдельных танковых батальонов непосредственной поддержки пехоты.

Балтийский флот для содействия сухопутным войскам выделил 345 стволов морской артиллерии калибра от 100 до 406 мм, в сентябре выпустивших по противнику свыше 25 тысяч снарядов. В систему ПВО Ленинграда были включены 349 флотских зенитных орудий. С кораблей на сухопутный фронт сошли 68 тысяч моряков.

Германское командование отчетливо представляло значение флота, и прежде всего крупных артиллерийских кораблей, в обороне Ленинграда и в связи с этим предприняло во второй половине сентября воздушную операцию с целью уничтожения базировавшихся в Кронштадте морских сил. Для 2-й эскадры штурмовой авиации Люфтваффе, которой командовал оберст Оскар Динорт, боевые корабли стали главной целью. Первый удар по Кронштадту группа из пятнадцати Ю-87 нанесла 19 сентября. Затем массированные налеты были предприняты 21, 22, 23 и 27 сентября. Они сопровождались артиллерийскими обстрелами кораблей, стоявших на Неве, в морском порту, в морском канале. Многочисленные советские зенитки отвечали плотным заградительным огнем. Самый титулованный ас Третьего рейха Ганс Рудель вспоминал: «Оборона была просто убийственной, нигде потом в ходе войны я не видел ничего подобного», но ничто не смогло остановить пилотов «штук», ветеранов польской, французской, балканской кампаний и битвы за Крит.

В результате прямыми попаданиями бомб крупного калибра был потоплен лидер «Минск», сторожевой корабль «Вихрь», подводная лодка М-74, тральщики № 31, 33 и 53, транспорт, буксир. Затонул эсминец «Стерегущий». Получили повреждения линкор «Октябрьская революция», в который пикировщики влепили шесть авиабомб, крейсер «Киров», эсминцы «Сильный», «Гордый» и «Грозящий», заградитель, ряд других кораблей и судов. У линкора «Марат» в результате попадания двух 500-килограммовых бомб и последовавшей вслед за этим детонации боезапаса оторвало всю носовую часть вместе с дымовой трубой и многоярусной надстройкой. Оставшаяся часть корпуса легла на грунт Кронштадтской гавани. Погибли 326 членов экипажа, включая командира корабля капитана 2 ранга П.К. Иванова и старпома капитана 3 ранга В.С. Чуфистова. Искалеченный линкор так никогда и не был введен в строй.

Даже такой оптимист, как адмирал Трибуц, признает, что Балтийский флот понес тяжелые потери. Один лишь маршал Жуков, успевший побывать и начальником Генерального штаба, и министром обороны, но так до конца жизни и не понявший, зачем вообще нужен флот, и считавший, видимо, что эскадренный миноносец — это нечто вроде большого плавающего танка или бронепоезда, авторитетно написал: «...существенный ущерб флоту нанесен не был». Понятнее, в свете пропагандистской войны, выглядит сообщение Советского информбюро от 24 сентября, в ответ на удивительно точную сводку немецкого командования об успехах своей авиации, выдавшее разухабистое опровержение под заголовком «Фашистская брехня о советских потерях»: «Врет — себя не помнит», — говорит русская пословица. Так получилось и с гитлеровской брехней. Незачем говорить о том, что никаких «кораблей советского флота» гитлеровцы не потопили и советских пароходов не подожгли».

Фашистская басня — чепуха на масле.
Солдаты у Гитлера вшивы, сводки у Геббельса лживы,

— туповато острили наши политработники-затейники. Немецкая агитация отличалась не меньшей дубовостью: «Бей жида политрука, морда просит кирпича».

Как подметила Л. Осипова: «И наши партийцы, и немецкие, ну совершенно одинаковы по узости кругозора и общей безграмотности. Только немцы упитаннее и воротнички чище».

Если 20 сентября в штабе группы армий «Север» фиксировали жалобы генерала Кюхлера на «большой урон от огня тяжелой артиллерии русских боевых кораблей, которые ежедневно выводят из строя около сотни солдат», то уже 23-го отмечали: «Огонь вражеской корабельной артиллерии значительно ослаб», а 38-й армейский корпус, «к нашей радости, продвинулся».

25 сентября фельдмаршал фон Лееб вынужден был сообщить в ОКХ, что имеющимися силами продолжать наступление он не может:

«Нам крайне необходимо подкрепление... Главное командование переоценивает обстановку в группе армий «Север», характеризуя ее как абсолютно благоприятную. Оно требует овладеть ближним рубежом окружения. В действительности же группа армий уже полностью перешла к обороне».

На следующий день он выразил сомнение в способности 39-го моторизованного корпуса удержать Шлиссельбург и охарактеризовал положение как кризисное. Большинство немецких соединений потеряло под Ленинградом 60—70% людей и техники и утратило возможность вести дальнейшие наступательные действия по овладению городом.

26 сентября маршала Кулика, заявившего, что наличными силами станцию Мга не взять, отозвали в Москву, а 54-ю армию подчинили Ленинградскому фронту. Ее командующим стал жуковский выдвиженец генерал-лейтенант М.С. Хозин.

С 29 сентября немецкая авиация прекратила налеты

на объекты Кронштадта, оставив их на откуп артиллерии. К этому времени Балтийский флот по количеству боевых единиц сократился ровно наполовину: погибли 1 линкор, 1 крейсер, 1 лидер, 13 эсминцев, 20 подводных лодок, 4 сторожевых корабля, 1 минный заградитель и 26 тральщиков.

Так закончился первый и единственный штурм города. Он был отбит дорогой ценой. С 23 августа по 30 сентября общие потери войск Ленинградского фронта составили 116 тысяч человек, из них безвозвратные — 65 тысяч. Противник — наступающая сторона — потерял как минимум в пять раз меньше. Но назначенный Леебом бал в гостинице «Астория» пришлось отменить.

Вообще-то Гитлер, учитывая опыт Мадрида и Варшавы, с самого начала был противником прямого штурма, считая, что уличные бои в мегаполисе, превращенном в крепость, разделенном на узлы сопротивления, имеющем развитую сеть подземных коммуникаций, множество каналов и прочных каменных зданий, оборудованных огневыми точками, снайперскими позициями и приспособленных для круговой обороны, прикрытых заграждениями и минными ловушками, где в переулке даже необученному бойцу достаточно бутылки с «коктейлем Молотова», чтобы сжечь танк или бронемашину, — такие бои способны поглотить и перемолоть целые германские корпуса. Фюрер мыслил категориями современной войны и был абсолютно прав, но лишь теоретически, потому что всего этого в Ленинграде не было. Летом—осенью 1941 года и вплоть до Сталинграда Красная Армия не умела и не вела уличных боев, все города — Минск, Ригу, Киев, Смоленск и многие другие — после падения полевых рубежей она сдавала без боя, вывозя или уничтожая материальные ценности. Их оборона нашей военной доктриной и уставами не была предусмотрена. Точно так же и в Ленинграде никаких фортификационных работ по превращению его в гигантский укрепленный район не проводилось, он не был крепостью, и в сентябре у фон Лееба был реальный и, как показали дальнейшие события, единственный шанс захватить город. (Можно было бы предположить, что советским генералам, «плоти от

плоти трудового народа», было жалко превращать в арену сражений советские города и веси, подвергая бедствиям мирное население, но ведь при этом они, применяя тактику «выжженной земли», их взрывали, расстреливали из орудий и поджигали силами специально сформированных команд «факельщиков». Зато весной 1945 года мы своего шанса не упустили, никаких блокад затевать не стали и положили за Берлин 360 тысяч человек, потеряли 2000 танков, а оно того стоило?)

Г.К. Жукову повезло, и за ним закрепилась слава спасителя Ленинграда. Эта слава оправдала все: и бессудные расстрелы, и драконовские приказы, и «расточительный» метод ведения войны.

Даже такой разумный человек, как маршал авиации А.Е. Голованов, в послевоенных беседах с писателем Ф.И. Чуевым восхищался твердостью Жукова и его полководческими качествами: «Не зря Сталин послал его в Ленинград вместо Ворошилова, и он, применив там силу, справился! Ведь он расстреливал там целые отступавшие наши батальоны! Он, как Ворошилов, не бегал с пистолетом в руке, не водил сам бойцов в атаку, а поставил пулеметный заслон — и по отступавшим, по своим! Но скажу, что на его месте я точно так же поступил бы, коли решается судьба страны». Из вышесказанного можно бы предположить, что с фронта, бросая оружия, бежали целые батальоны, а верный присяге Жуков пулеметными заслонами «возвращал войскам уверенность» и «спасал страну». На самом деле это расстреливались остатки частей, отходивших после очередной неудачной самоубийственной атаки на какой-нибудь «бугор» (писатель-фронтовик Виктор Астафьев в переписке с Вячеславом Кондратьевым назвал нашего «самого великого» полководца «браконьером русского народа»).

При этом как-то «забылось», что Жукова посылали в Ленинград совсем с другой задачей — прорвать блокаду, которую он не решил.

Ленинградская стратегическая оборонительная операция заканчивалась, 18-я германская армия стала зарываться в землю. Полная блокада так и не была установлена. Группа армий «Север» не только не смогла захватить Ленинград, но и оказалась надолго прикованной к нему. В то же время и на московском направлении дивизии Рейнгардта особой роли не сыграли: «Получилась почти десятидневная задержка в передислокации группы Гёпнера на юг — и это в то время, когда даже сутки начинали принимать огромное значение. И когда немецкие танки ушли от Ленинграда, они были не в состоянии воевать. Им требовалось восстановление, пополнение и отдых. Иначе говоря, им нужно было время».

В сражение на дальних и ближних подступах к Ленинграду советской стороной было брошено 65 дивизий, более 700 тысяч человек. К 30 сентября потери составили почти половину — 345 тысяч командиров и красноармейцев, из них 214 тысяч — безвозвратно. Кроме того, противник захватил либо уничтожил 1492 танка, 9885 орудий и минометов, 1702 самолета. Ценой этих потерь Ленинград закрыл путь вермахту на северо-западном участке советско-германского фронта.

Глава 5

БЛОКАДА И КОНТРБЛОКАДА

(октябрь — декабрь 1941 года)

Положение осажденного Ленинграда и защищавших его войск все время ухудшалось. Огромный город, а также фронт нуждались в своевременном поступлении продовольствия, боеприпасов и других видов обеспечения. Близость линии фронта к жилым кварталам использовалась вермахтом для методичного варварского уничтожения населения и разрушения города. Под Ленинград стягивались дальнобойные пушки, создавалась специальная группировка осадной артиллерии.

Немцы считали, что падение Ленинграда в таких условиях предрешено. Давая показания на Нюрнбергском процессе, Лееб сказал:

«Было что-то сверхъестественное в том, что непосредственно за линией фронта находится миллионный город... Связь с центральной частью России была лишь по Ладожскому озеру. Но воздушная разведка доложила, что судоходство на Ладожском озере осуществляется в минимальных размерах. То есть таким образом невозможно было прокормить город. Должен был наступить день, когда город сдастся».

Поэтому уже 17 сентября 1941 года фельдмаршал задумался: «Как поступить с самим городом: следует ли принять его капитуляцию, нужно ли его полностью разрушить или же он должен вымереть от голода? Пока на этот счет, к сожалению, нет решения фюрера».

В штабе 18-й армии разрабатывались различные варианты избавления от гражданского населения. В одном предлагалось Ленинград надежно блокировать и дождаться, пока все жители умрут. Такое решение имело определенные минусы: давало эффектный козырь для антигитлеровской пропаганды и могло отрицательно повлиять на «нервную систему и внутреннее самообладание» солдат вермахта. Другой вариант предполагал пропустить гражданское население через линию фронта и получить два миллиона голодающих в собственном тылу, кормить «недочеловеков» в любом случае не собирались. При любом раскладе неизменными оставались два постулата: «Мы не занимаем город и не кормим его население». Предлагалось еще третье решение: в случае капитуляции армии создать огороженный забором коридор вдоль берега Ладожского озера и позволить женщинам и детям уйти на восток, в русский тыл, если, конечно, Сталин на это согласится.

Наконец, последовало решение Гитлера — капитуляцию не принимать, всех уморить, «осиное гнездо» разрушить. В директиве от 29 сентября говорилось:

«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы... Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты».

Начальник оперативного отдела ОКВ генерал А. Йодль 7 октября информировал Главнокомандующего сухопутных сил генерал-фельдмаршала фон Браухича о том, что капитуляция Москвы и Ленинграда не должна приниматься: «Следует ожидать больших опасений от эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступить в город. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем... Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от

огня, точно так же, как нельзя кормить их за счет германской родины».

Советские историки пишут, что Геббельс для оправдания этой акции получил указание представить мировой общественности некий «русский план», согласно которому советские власти сами намеревались уничтожить Ленинград. Но якобы даже министр имперской пропаганды не сумел состряпать такую фальшивку. Думается, Геббельсу ничего не нужно было фабриковать — он знал.

6 сентября Сталин утвердил «План мероприятий на случай вынужденного отхода из Ленинграда по кораблям и судам», предусматривавший тотальное уничтожение Балтийского флота, разрушение «с максимальной степенью» и на возможно длительный период судостроительных заводов, причалов, складов и портовых сооружений, закупорку фарватеров, гаваней и каналов. Началось «конспиративное» минирование объектов, о чем, конечно, было известно всем морякам. Некоторые предлагали не взрывать корабли, а интернироваться в Швецию. Таких «умников» арестовывали и отдавали под трибунал с формулировкой «за намерение сдать немцам корабли Балтийского флота». Уничтожение и затопление «объектов» должно было начаться по сигналу «Хризантема».

Ну, с флотом понятно, спускать флаг перед лицом неприятеля позорно. Хотя Черчилль, опасаясь, что боевые корабли достанутся немцам, даже предлагал Сталину компенсацию за их потопление. Но 13 сентября заместитель наркома внутренних дел В.Н. Меркулов, уполномоченный ГКО «по специальным делам», получил мандат на инспекцию подготовительных мероприятий к уничтожению предприятий, мостов, крупных зданий и других «важных сооружений». Конечно, на весь город не хватило бы никакой взрывчатки, однако одновременному уничтожению подлежало свыше 58 тысяч городских объектов, в том числе 380 основных предприятий, весь подвижный состав, все стационарные энергетические узлы и установки, железнодорожные и трамвайные депо, телеграфные и телефонные станции, установки водоканала, мелькомбинаты, хлебоза-

воды, мясокомбинаты, холодильники, типографии, банки, ликеро-водочный завод и многое другое, например, Дом Радио и торговый дом «Пассаж».

При каждом райкоме ВКП(б) Ленинграда создавались тройки в составе первого секретаря райкома, начальника райотдела НКВД и представителя инженерных частей РККА. Эти тройки определяли перечень находившихся на территории района предприятий, подлежавших выводу из строя в случае отхода советских войск. На каждом внесенном в список предприятии создавались свои тройки. В них входили: директор, секретарь партийного комитета и начальник секретного отдела. Эти тройки определяли объекты, которые в первую очередь подлежали выводу из строя. Общее руководство специальными мероприятиями было возложено на секретаря горкома ВКП(б) и начальника Управления НКВД Ленинградской области П.Н. Курбаткина. Распоряжение о начале вывода объектов из строя давалось Военным советом фронта с таким расчетом, чтобы эти мероприятия «не были преждевременными, с одной стороны, а с другой — чтобы с их проведением не опоздали».

Взрывчатки действительно катастрофически не хватало, как и специалистов по ее использованию. Поэтому, кроме метода «подрывания», инструкциями было предусмотрено «сжигание» материальных ценностей и «механическое разрушение» (кувалдами) силами рабочих-коммунистов. Далее, как вспоминает директор завода имени Калинина Н.Г. Григорьев: «Весь коллектив завода с винтовками в руках выходит на ближайший рубеж внутренней обороны для отражения немецких атак».

Ликвидации подлежали и запасы продовольствия. Такую проблему, например, решали на мукомольном комбинате имени Ленина: «Мука не поддается сжиганию. Обливание керосином портит только верхний слой муки. Заводу необходимо дать указание о комбинированном уничтожении муки: обливание бензином, керосином с последующим воспламенением бутылками с горючей смесью».

Сидя на скамье подсудимых в Нюрнберге, генерал Йодль показал, что «варварство русских» было одной из

причин нежелания немецкого командования вводить в Ленинград войска: «Незадолго до того русские войска оставили Киев, и едва только мы заняли город, как в нем начались один за другим взрывы чудовищной силы. Большая часть внутреннего города сгорела, 50 тыс. человек остались без крова, немецкие солдаты понесли значительные потери, поскольку подрывались большие массы взрывчатых веществ... Приказ преследовал только одну цель — оградить немецкие войска от таких катастроф, ибо в Харькове и Киеве взлетали на воздух целые штабы».

Советская военная литература весьма гордится этими «спецоперациями», в ходе которых впервые были применены мощные радиофугасы, умалчивая о том, что на воздух взлетело не конкретное здание вражеского штаба, а весь Крещатик. Кстати, из Ленинграда тоже неслись радиосигналы в оставленные немцам города: так, в августе были взорваны «три крупнейших здания» в Стругах Красных, под которые саперы заблаговременно заложили 250-килограммовые заряды.

В городе на Неве под «объекты» успели заложить 325 тонн взрывчатки.

Как заявил адмирал Трибуц адмиралу Пантелееву: «Если противник ворвется в город, он погибнет под его руинами». Жителей, естественно, в подробности секретнейшей операции не посвящали. Работникам милиции, в ходе оперативно-розыскных мероприятий обнаруживавшим в подвалах зданий взрывчатку и детонаторы, было приказано «внимания не обращать».

Вот и выходит, что Гитлер думал о победе, Сталин принимал меры на случай поражения, но мысли обоих диктаторов текли в одном направлении: и тот и другой обрекали город и жителей на гибель. «Если все это так, — комментировал первые публикации об операции «Д» писатель Даниил Гранин, — то становится понятным, почему городские власти не заготовили запасов продовольствия. Они были заняты минированием».

И зачем Геббельсу что-то выдумывать, если абвер, проанализировав материалы допросов военнопленных, уже

21 сентября сообщал: «Проведено крупномасштабное минирование города», 2 октября: «Сообщают, что предусматривается подрыв наиболее важных объектов. В городе заложены мощные взрывные устройства», 6 октября: «Предприятия, мосты, а также, по-видимому, канализация, как сообщается, заминированы и подготовлены к взрыву представителями центральных органов». 24 октября датируется доклад начальника полиции безопасности, в котором, в частности, говорится: «По данным заслуживающего доверия инженера, ряд высотных зданий на Международном проспекте снабжен взрывными зарядами. Подтверждается намерение забаррикадировать город в случае входа немецких войск путем взрыва этих зданий».

Еще одна байка из тех, кои Жуков после войны щедро скармливал писателю Константину Симонову — о том, как он спас Балтийский флот: «Прилетев в Ленинград, я сразу попал на заседание Военного совета. Моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать корабли, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: «Вот мой мандат», — и протянул ему записку, написанную товарищем Сталиным, где были определены мои полномочия. «Как командующий фронтом, запрещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией». Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было сорок боекомплектов. Я сказал им: «Как вообще и можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, то они должны погибнуть только в бою, стреляя». Наши военные историки, как правило, отставные полковники, воспринимающие «Воспоминания и размышления» как некую Библию войны, вне себя от умиления жуковской принципиальностью: «Жуков, по существу, отменил решение Сталина. Последний узнал об этом от А.А. Жданова. Однако Верховный не мог не оценить смелости и дальновидности нового командующего фронтом и дал понять, что пусть останется так, как решил Жуков».

Как бы не так! 20 сентября на стол Жукова легло донесение начальника 3-го отдела КБФ: *«Подготовка спецоперации по уничтожению плавсредств и боевых единиц проходит весьма неорганизованно... 18 сентября с.г. неожиданно по флоту был дан сигнал «Тюльпан», что по ТУСу, установленному для спецопераций, означает — прекратить проведение мероприятий по уничтожению. Вскоре выяснилось, что этот сигнал был дан по таблице артиллерийских переговоров, означающий — немедленно прекратить огонь. Мероприятия по подготовке спецоперации, с одной стороны, в большинстве случаев передоверены второстепенным людям, и с другой, — приняли широкую огласку. В результате этого отмечено наличие отрицательных настроений, предрешающих печальный исход обороны Ленинграда»*. Резолюция командующего фронтом на документе: *«т. Исакову. 1. Срочно расследовать, арестовать провокаторов. 2. Доложите, почему такая ответственная работа проходит преступно плохо. ЖУКОВ»*.

Так дальновидный и смелый Георгий Константинович «отменял» решения Сталина. Любопытно, что было бы, если б артиллеристы дали какой-нибудь другой сигнал, например «Хризантема»?

О наших приготовлениях знали многие ленинградцы, шила в мешке не утаишь, они скорее питали заблуждения относительно намерений нацистов, не слишком веря сообщениям изолгавшейся советской пропаганды о зверствах, чинимых на оккупированных территориях, и наивно полагая немцев «культурной нацией».

В любом случае ленинградцам «деться было некуда». Оставалось только сражаться и выжить.

К началу октября немцы отказались от мысли взять город штурмом и перешли к позиционной борьбе. Но даже когда под Ленинградом перестали действовать танковые соединения и резко упала активность Люфтваффе, Жуков продолжал контратаковать в районе Пулково и Петергофа.

В конце сентября Георгий Константинович решил организовать всеобщее наступление. Главный удар должна

была наносить 55-я армия в составе шести дивизий и двух танковых бригад. Причем правым флангом она должна была освободить Пушкин и Слуцк, а левым — выйти к Тосно и во взаимодействии с армией Хозина, наступавшей четырьмя дивизиями, окружить и уничтожить мгинскую группировку противника.

На правом крыле фронта 42-й и 8-й армиям предстояло ударить шестью дивизиями и одной бригадой в направлении Знаменка, Урицк, Новый Петергоф. В помощь пехоте, наступающей в лоб на созданный немцами укрепрайон, Жуков решил высадить морские десанты на южное побережье Невской губы. При их планировании начальник штаба флота контр-адмирал Ю.Ф. Ралль высказался за высадку, но только при поддержке корабельной артиллерии. Командующий фронтом с этим не согласился, мотивируя тем, что предварительная обработка плацдармов демаскирует десант. На том и порешили. Десанты высаживались по команде штаба фронта, внезапно как для немцев, так и для командования Ленинградской военно-морской базы, которое должно было их организовывать, без подготовки, без предварительной разведки, при полном отсутствии сведений о противнике. Просто вечером командующий фронтом вызвал к себе адмирала Пантелеева и, ткнув карандашом в карту, приказал на рассвете: «Вот сюда высадить роту матросов навстречу сорок второй армии. Никаких там десантных операций не выдумывать. Действовать быстро и скрытно. Перевезите мне роту, и все».

1 октября 44-я стрелковая дивизия 42-й армии совместно с 6-й бригадой морской пехоты и 124-й танковой бригадой вновь начали бои за Урицк, Старо-Паново, Ивановку, Сосновую Поляну. 13-я дивизия генерал-майора Зайцева вела активные боевые действия у Кискино и Верхнее Койерово. Одновременно в тыл врага, в Петергофе и Стрельне, были высажены отряды, сформированные из роты морских пехотинцев 6-й бригады. Десантники успешно продвинулись в глубину прибрежной полосы, однако, не получив поддержки сухопутных войск и не имея связи, были уничтожены. В ночь на 3 октября катера охраны водного

района Ленинградской ВМБ «перевезли» и высадили восточнее стрельнинского завода «Пишмаш» усиленную роту из состава той же 6-й бригады морской пехоты. Десант высадился благополучно, углубился на захваченную противником территорию, затем попал в окружение и погиб.

8-я армия, топтавшаяся на месте, получила приказ организовать к 5 октября наступление силами 10-й и 11-й стрелковых дивизий и отдельного танкового батальона с целью уничтожить противника в районе Троицк, Петергоф. В ночь перед наступлением в Новом Петергофе был высажен отряд в 498 бойцов во главе с полковником А.Т. Ворожиловым и комиссаром А.В. Петрухиным, сформированный из корабельных комендоров, электриков, минеров линейных кораблей, инструкторов школ учебного отряда, курсантов военно-морского политического училища. Десант должен был рассечь петергофский клин противника, облегчив соединение войск 8-й и 42-й армий. Но!

«Каким-то образом, — удивляется маршал Жуков, — противник обнаружил подход по морю десанта и встретил его огнем еще на воде. Моряков не смутил огонь противника. Они выбрались на берег, и немцы побежали. Увлекшись первыми успехами, моряки преследовали бегущего противника, но к утру сами оказались отрезанными от моря». В трехдневном бою десантники полегли все, сполна заплатив за жуковские увлечения. В ночь на 6-е и на 8 октября в районе Стрельна, завод «Пишмаш» высаживались десанты, сформированные из подразделений 20-й дивизии НКВД — с тем же результатом, поскольку наступление 8-й и 42-й армий провалилось, едва начавшись, ввиду значительных потерь в личном составе. В последнем случае командование ЛенВМБ все-таки попыталось «выдумать операцию» и подало заявку на авиационное обеспечение высадки. Однако штаб ВВС Балтфлота заявку не принял.

«Но десантники не даром отдали свои жизни, они нанесли врагу урон в живой силе», — утешает адмирал В.Ф. Трибуц.

«Десанты, хотя и не смогли полностью выполнить свои задачи, потому что нам не удалось соединиться с ними, все

же нанесли противнику значительные потери», — подпевает генерал-комиссар А.Д. Окороков. Какие именно «потери» и в чем заключался «урон» — никто из 1811 десантников уже не расскажет.

В ходе операции полностью погиб и 124-й танковый полк майора Лукашика. Танкисты, наступая со стороны Ленинграда, 8 октября «прорвали» вражескую оборону: немцы, пропустив тяжелые КВ, советскую пехоту отсекли огнем. Выйдя в район Стрельны, полк получил задачу вести поиски пропавшего десанта. Сутки спустя он был уничтожен, из окружения вышли лишь три человека. Об этом бое сохранилась запись в журнале боевых действий 18-й немецкой армии: «Приданные 50-му армейскому корпусу зенитные подразделения, предотвращая танковый прорыв под Урицком, подбили в оборонительных боях 17 тяжелых (52 тонны) танков противника. Из них восемь танков в течение 70 минут уничтожил расчет унтер-офицера Ноймана».

От устья Тосны до Ям-Ижоры 168-я, 86-я и прибывшие сюда в конце сентября с Ораниенбаумского плацдарма 125-я и 268-я стрелковые дивизии 55-й армии продолжали штурмовать противотанковый ров и село Ивановское. На 3 октября было намечено новое наступление.

«Времени, отведенного на подготовку, было совершенно недостаточно, и штабы не могли в него уложиться, — вспоминает генерал В.П. Свиридов. — Но, когда командир одной из дивизий доложил о неготовности своих частей и попросил отсрочки, командующий 55-й армией генерал И.Т. Лазарев ответил: «О часе наступления знает товарищ Сталин, и я не стану откладывать операцию. Если хотите, докладывайте сами».

Такому вескому аргументу возразить было нечего. Вновь по очереди, без артиллерии и взаимодействия между собой, ходили в атаки полки и батальоны.

«Комбат дал мне задание: вновь поступившее пополнение из казахов переписать поротно и повзводно и развести по местам, — рассказывает Ю.И. Смоленский, бывший

адъютант 3-го батальона 330-го полка 86-й стрелковой дивизии. — Началось что-то ужасное: казахи по-русски не говорят, а я не воспринимаю на слух их фамилий. Кое-как переписал, некоторым поставил лишь номера. Развел по местам. Болото, снег, ночь. Копать нельзя — сразу проступает вода. Солдаты лежат между кочками, где линия фронта — неясно.

Утром приказ: следуя во втором эшелоне, форсировать Тосну; первый эшелон почти полностью погиб. На берегу и в воде — множество трупов, наших и немецких. Плавсредств нет. (*И правда, сколько той Тосны, всего-то 120 метров.*) Поплыли — кто на бревне, кто как. (*«Хоть бы один сука-командующий попробовал под огнем плыть на этих «сподручных средствах», — писал Виктор Астафьев.*) Преодолели Тосну, выбрались на крутой берег к немецким окопам. Немцы побежали. Наши, голодные, вместо того чтобы закрепляться, начали «трофеить» по офицерским землянкам: там вино, там еда. Немцы тем временем опомнились и пошли в контратаку. Теперь побежали мы — обратно за Тосну.

Опять мы на своем берегу, в болоте. Шинели мокрые, обсушиться негде, костра не разведешь...»

Вспоминает Д.В.Иванов, бывший помощник начальника штаба 947-го СП 268-й дивизии: «30 сентября 41 г. ночным маршем мы прибыли на ст. Понтонная и получили приказ с ходу, без разведки и артподготовки, наступать на противника, вышедшего на западный берег р. Тосны. Бой начался на рассвете 1 октября в трудных условиях болотистой местности. Немецкие огневые точки не были подавлены, и наши атаки не приносили успеха. Действия малочисленной авиации также были неэффективными и не могли помочь пехоте. За первые три дня боев мы потеряли ранеными и убитыми 50% своего состава. Наступление продолжалось вплоть до 13 октября, но добиться успеха так и не удалось.

С 14 октября дивизия заняла оборону по р. Большая Ижорка на протяжении 5 км... Противник наступательных

действий не предпринимал, но беспрестанно обстреливал, и мы теряли от его огня по 15—20 человек в день.

22 октября началось наше наступление на д. Усть-Тосно. Артподготовка проводилась 76-мм пушками образца 1902/30 г., которые оказались не в состоянии разрушить огневые точки противника — как по времени, так и по количеству выпускаемых снарядов. Каждый раз во время атаки оживали немецкие доты и дзоты и открывали ураганный огонь по атакующим.

3 ноября нас сменили части 70-й и 90-й СД. Им ставилась та же задача: овладеть д. Усть-Тосно и переправиться на восточный берег реки».

И полковник В.Л. Зиновьев, бывший начальник оперативного отдела штаба 125-й стрелковой дивизии генерал-майора П.П. Богайчука, вспоминает:

«Противник, захвативший противотанковый ров, занимал более выгодное положение, чем подразделения и части нашего соединения. Приспособив ров к обороне, гитлеровцы господствовали над местностью. А окопы нашей передовой линии проходили по открытому, ничем не защищенному полю, долине. Она простреливалась всеми видами оружия на большую глубину. Долина вскипала от вражеского артиллерийского и минометного огня, простреливалась пулеметными и автоматными очередями, сеяла смерть. С тем, что у нас не было более надежной и выгодной позиции, приходилось мириться, потому что за нашими спинами были Колпино, Ижорский завод, Ленинград.

...захватив центральную часть рва, мы рано торжествовали. Перед рассветом фашисты открыли такую орудийно-минометную пальбу по передовой и нашим тылам, что небу было жарко. А со стороны железнодорожного полотна и Ям-Ижоры палили по флангам ударной группы пулеметы. За несколько минут по нам было выпущено столько снарядов и мин, что, казалось, живого места не осталось. Ударная группа 466-го полка и присланная ночью в помощь ей командующим армией рота бойцов оставили противотанковый ров.

Все осталось по-прежнему.

Приказа овладеть противотанковым рвом никто не давал. Это была инициатива нашего комдива, одобренная командующим 55-й армией. Теперь же, когда ров снова заняли фашисты, последовал приказ высшего командования: ров вернуть во что бы то ни стало! А виновных в потере рва — наказать!

И началось разбирательство... Велись поиски виновников сдачи рва. В эту неблагодарную работу включилась дивизионная прокуратура. Она нашла «конкретного виновника». Под трибунал отдали командира 466-го стрелкового полка майора Козино... После этого в дивизии родилась поговорка: «Был бы военный трибунал, а виновники всегда найдутся».

...С тех пор как ударная группа майора Козино впервые взяла противотанковый ров, он стал переходить из рук в руки. Ночью или перед рассветом мы брали его, а утром ров захватывали фашисты. Так было и в октябре, так было и позже».

125-я стрелковая дивизия потеряла в октябре более 5 тысяч человек.

Во второй половине месяца 86-я и 168-я стрелковые дивизии с Тосненского рубежа были переброшены к Невской Дубровке. На смену прибывали 70, 85 (бывшая 2-я ДНО), 43 и 90-я дивизии и 7-я бригада морской пехоты. Им ставилась та же задача: взять противотанковый ров, овладеть Усть-Тосно и переправиться на восточный берег реки. С немецкой стороны на этом направлении сидели в обороне все те же 122-я дивизия и правофланговый полк 121-й пехотной дивизии.

Общие потери 55-й армии в октябре составили 17 235 бойцов и командиров.

6 октября генерал армии Жуков был отозван на Западный фронт — спасать Москву. Командование Ленинградским фронтом принял генерал-майор И.И. Федюнинский, 42-ю армию возглавил бывший командующий 10-м стрелковым корпусом генерал-майор И.Ф. Николаев.

Силы группы армий «Север» в начале октября оказались распыленными по нескольким операционным направлениям. Германские войска вели боевые действия на фронте южнее озера Ильмень, по рекам Волхов и Нева, на южных подступах к Ленинграду, против советских войск на Ораниенбаумском плацдарме и Моонзундских островах. Не имея возможности создать достаточно мощную ударную группировку для штурма Ленинграда, немцы, как уже говорилось, решили разрушить город огнем артиллерии и ударами авиации, а его защитников задушить голодом.

Чтобы окончательно лишить Ленинград связи со страной, германское командование по инициативе фельдмаршала Лееба в первых числах октября вернулось к идее полной блокады. Замысел состоял в том, чтобы сломить сопротивление советских войск на Волхове и ударом через Тихвин к реке Свирь перерезать сухопутные коммуникации, подводящие к Ладожскому озеру, лишить тем самым Ленинград и оборонявшие его войска последней возможности получать помощь по этому озеру и, одновременно соединившись с Карельской армией финнов, единым фронтом образовать внешнее кольцо блокады.

Впервые Гитлер высказал эту мысль 1 октября, в самом начале наступления на Москву. Но операция группы армий «Север» была отложена до появления возможности сосредоточить здесь достаточное количество пехоты и пополнить подвижные войска людьми и материальной частью. Директивой от 7 октября Верховное командование вермахта вновь подтвердило поставленную ранее задачу разрушить Ленинград и истребить его население. В первой половине октября в полосу группы армий «Север» прибыли 250-я пехотная дивизия испанских добровольцев-фалангистов, 212-я и 227-я пехотные дивизии из Франции, 7-я парашютно-десантная дивизия из Греции и 2-я пехотная бригада СС из Германии. Теперь группа фон Лееба насчитывала 33 дивизии и 2 бригады. Самолетный парк 1-го воздушного флота насчитывал 250 машин.

Для наступления на свирском направлении противник выделил 39-й моторизованный, 1-й и 38-й армейские

корпуса. Остальные силы 16-й армии были задействованы южнее озера Ильмень, а 18-я армия удерживала мгинский выступ и вела борьбу на южных подступах к Ленинграду.

Советские войска на северо-западном направлении занимали следующее положение: 7-я отдельная армия противостояла Карельской армии финнов по реке Свирь, а 23-я армия Ленинградского фронта на Карельском перешейке вдоль старой государственной границы — войскам Юго-Восточной армии финнов; 42-я и 55-я армии обороняли южные подступы к Ленинграду; Невская оперативная группа действовала восточнее — вдоль северного берега Невы, а 54-я армия занимала оборону по восточному фасу мгинского выступа; 8-я армия удерживала приморский плацдарм в районе Ораниенбаума; 8-я отдельная стрелковая бригада продолжала защищать полуостров Ханко, а 3-я отдельная стрелковая бригада и морские части вели бои на Моонзундских островах. Южнее 54-й армии оборонялись 4-я и 52-я отдельные армии, подчиненные непосредственно Ставке, и Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта.

Советское командование, в свою очередь, намечало провести операцию по деблокаде города. План ее был утвержден Ставкой 14 октября. Цель операции заключалась в том, чтобы встречными «стремительными» ударами 54-й, 55-й армий и Невской оперативной группы в общем направлении на Синявино к исходу второго дня окружить и уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника и восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. Балтийский флот начал осуществлять переброску шести дивизий с Ораниенбаумского плацдарма. Военный совет Ленинградского фронта предполагал начать операцию 20 октября. Для участия в ней привлекались 10 стрелковых дивизий, 2 стрелковые и 4 танковые бригады — всего 70 тысяч человек, 475 орудий (эта цифра дается почему-то «без учета артиллерии усиления и Краснознаменного Балтийского флота»), 160 танков. ВВС Ленинградского фронта имели 225 исправных самолетов, ВВС Балтфлота — 134.

Противник, по советским данным, имел на синявинском направлении около 54 тысяч человек и 450 орудий. Он опирался на сильную оборону с большим количеством инженерных сооружений, построенных в лесисто-болотистой местности и прикрытых минно-взрывными и проволочными заграждениями.

Еще в ночь с 19 на 20 сентября по приказу Жукова части Невской оперативной группы, командовать которой был назначен генерал-лейтенант П.С. Пшенников, — 115-я стрелковая дивизия, батальон НКВД и 4-я бригада морской пехоты — на собранных по всему правобережью рыбацких плоскодонках, доставленных из города прогулочных лодках и самодельных плотах скрытно, без потерь, переправились через Неву и заняли плацдарм на левом берегу в районе Московской Дубровки. Дальнейшее продвижение было остановлено упорным сопротивлением и контратаками частей 20-й мотодивизии с приданными ей 426-м полком 126-й и 287-м полком 96-й пехотных дивизий. Наспех задуманное, организованное за одни сутки наступление на Мгу провалилось, но и обратной дороги не было: командование фронта и группы все время требовало активных действий, неизменно ставя задачи «овладеть» и «очистить». Подразделения таяли в ежедневных атаках, но успеха не было.

Ночью 20 сентября в районе Шлиссельбурга попыталась преодолеть реку 1-я дивизия НКВД. Полковник Донсков, рассчитывая на внезапность, принял решение переправу организовать ночью, артиллерийскую подготовку перед ее началом не проводить. Видимо, сохранения военной тайны ради, не велись разведка левого берега Невы и выявление огневой системы противника. Заодно пренебрегли и тренировками личного состава в посадке-высадке и использовании плавсредств. Несмотря на такую секретность, немцы начало переправы своевременно обнаружили и ураганным огнем расстреляли первые два эшелона стрелковых полков на воде. Третьим эшелонам форсировать водную преграду было уже не на чем, да и незачем: сюрприза не получилось. 26 сентября, раздобыв моторные катера, Донсков решил

высадить наименее пострадавший 2-й стрелковый полк прямо на пристань Шлиссельбурга. В 6 часов утра две роты первого эшелона ворвались на северо-западную окраину города, завязали бой и пропали без вести, катера при возвращении были сожжены противником.

Посильную помощь чекистам в овладении Шлиссельбургом пыталась оказать Ладожская военная флотилия, в период с 19 сентября по 2 октября предпринявшая пять попыток высадить десанты на побережье. В этом деле сухопутное начальство в бездарности исполнения и равнодушии к жизням подчиненных социалистически соревновалось с начальством морским. Жуков считал, что штормовая Ладога советским «мариманам» не помеха, адмиралы отвечали «есть», без всякой подготовки сажали штурмовые группы на корабли и сбрасывали их в прибой, не доезжая берега. В итоге большую часть десанта — 105 курсантов Военно-морского пограничного училища, 40 флотских водолазов, 44 краснофлотца караульной роты — попросту утопили. В отчете по итогам боевой деятельности флотилии капитан 1 ранга В.С. Чероков о шлиссельбургских десантах писал, что «...все они не были удачно выполнены вследствие того, что проводились наспех, без учета метеорологической обстановки. Опыт десантных операций показал на необходимость производства предварительной навигационной разведки, производства более надежного навигационного обеспечения. Нельзя больше допускать, **чтобы высаживающемуся десанту приходилось идти по воде около 3 километров (!!), затрачивая на это 2—2,5 часа, как это имело место при проведении операции у Шлиссельбурга, хотя возможности избежать это были».**

Ну надо же! На немецких картах этот крупнейший в Европе водоем называется Ладожским морем, в шторм волна здесь достигает восьми баллов, преобладающие глубины — 35—140 метров. Интересно, как увешанные оружием десантники шагали «по воде»? Один из выживших пояснил — по шею.

В конце сентября была также предпринята попытка силами 10-й стрелковой бригады форсировать Неву в районе

Отрадное и захватить еще один плацдарм, но вышло еще хуже. После трехдневного боя почти вся бригада погибла вместе со своим командиром полковником В.Н. Федоровым.

Георгий Константинович крепко осерчал, сместил генерала Пшенникова и назначил на его место генерала В.Ф. Конькова с неизменным напутствием: «Задача прежняя — больше активности».

На левом берегу удалось зацепиться только за Невский «пятачок», известный мужеством своих защитников и невероятным количеством людских потерь, — клочок земли около полутора километра по фронту и 700—800 метров в глубину. Весь плацдарм и подступы к нему на западном берегу реки просматривались противником и находились под постоянным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Советские войска гибли и при подходе к Неве, и во время переправы, и на самом плацдарме, который был буквально перепахан снарядами и минами. Немецкое командование, подкрепив 20-ю мотодивизию частями 8-й танковой дивизии, предприняло усилия для ликвидации «пятачка», но 22 сентября было вынуждено «признать наличие плацдарма на Невском фронте». Русские стояли насмерть. 24 сентября на командный пункт Цорна прибыл представитель Верховного командования вермахта генерал Паулюс, чтобы услышать: «Дивизия отдала последние силы, и она больше не способна на наступательные действия. Всему составу требуется несколько дней на отдых». Паулюс согласился, измотанную и сократившуюся на треть 20-ю моторизованную дивизию сменила 96-я пехотная дивизия генерала Шеде. В конце сентября со Средиземного моря на Невский фронт начали прибывать подразделения 7-й парашютно-десантной дивизии, и они сразу почувствовали, что здесь им не Крит.

«30 сентября, — пишет немецкий военный историограф, — великолепно вооруженные десантники, с энтузиазмом прибывшие на Невский фронт накануне, начали возвращаться назад на санитарных автомобилях. Их настроение резко переменилось. «Лучше трижды прыгать

с парашютом на остров Крит, чем провести один день в России!» — говорили они. Очевидно, в столь критической оценке ситуации сказалось отсутствие опыта солдат вести бой на суше». В ходе упорных боев два передних края настолько сблизились, что в минуты затишья можно было услышать разговор и кашель солдат противника, ежедневно немцы расходовали до 8000 гранат: «Пулеметы, винтовки, ручные гранаты, приклады, саперные лопатки и штыки были оружием, с которым бросались друг на друга солдаты с обеих сторон. Страшный исход этих боев и через десятилетия остается в памяти бывших немецких десантников».

Тем не менее германскому командованию удалось главное: «пятачок» был локализован, пристрелян вместе с местами переправ, обложен минными полями, проволочными заграждениями и оборудованными позициями.

Именно отсюда генерал Федюнинский запланировал удар навстречу генералу Хозину. На «пятачок», по размерам равный участку обороны стрелкового батальона, втиснули четыре дивизии и эвакуировали штаб уже уничтоженной 4-й бригады. На западном берегу сосредоточивались и ждали своей «очереди» новые соединения. Для огневой поддержки войск флот организовал специальную артиллерийскую группу, в которую вошли 16 стационарных и 6 железнодорожных батарей, 4 канонерские лодки и 5 эсминцев (это как раз те стволы не самого малого калибра, которые наша историография «не учитывает», так же как бронепоезд «Сталинец-28», оснащенный 100-мм морскими орудиями и 120-мм минометами, или 152-мм гаубицы полков РВГК). Инженеры ломали головы над проблемой, как доставить на плацдарм тяжелые танки, рассматривая самые экзотические проекты: специалисты ЭПРОНа предлагали перетянуть боевые машины по дну стальными тросами, метростроевцы брались прорыть тоннель под Невой, моряки ратовали за сварные понтоны.

Занимавшие 230-километровый фронт от Ладожского озера до озера Ильмень три советские армии и Новгородская армейская группа насчитывали 160 тысяч человек. Их наша военная история тоже «не учитывает», сообщая,

что они были слабы, неукомплектованы и «оборонялись на рубежах». Зато генерал Г.Е. Дегтярев, прибывший в 4-ю армию на должность начальника артиллерии, рисует совсем другую картину: «Командарм лично ознакомил меня с районом предстоящих действий, с составом войск, с поставленными перед ними задачами. А задачи эти, по существу, сводились к одному — наступать с целью прорыва вражеской блокады Ленинграда!» Далее следует подробное описание энергичной подготовки к наступлению, которое должно было начаться 18 октября, то есть на два дня раньше ударов Ленинградского фронта.

Однако 16 октября группа армий «Север» развернула наступление на тихвинском направлении. Главный удар моторизованный корпус «матерого волка» генерала Шмидта в составе 8-й и 12-й танковых, 18-й и 20-й моторизованных дивизий наносил с Волховского плацдарма на Грузино, Будогощь, Тихвин, Лодейное Поле. В то же время 11-я и 21-я пехотные дивизии повели наступление по обоим берегам реки Волхов в сторону Волховстроя, а 126-я пехотная дивизия — в направлении Малой Вишеры.

Местность, на которой развертывалось сражение, немецкие топографы определяли как «практически незакартографированную», а солдаты называли ее «коричневые джунгли». Непроходимые леса, топи, отсутствие дорог — все это само по себе представляло труднопреодолимое препятствие для наступающей стороны, ограничивая ее в маневре и делая абсолютно предсказуемыми действия подвижных соединений. И сегодня в этом районе не так много найдется мест, где могут пройти танки. Даже 50 лет спустя единственная коммуникация, связывавшая Чудово и Тихвин, обозначалась на карте как грунтовая; почти параллельно ей пролегала железнодорожная ветка Будогощь — Тихвин. Вторая коммуникационная линия, Кириши—Волхов—Новая Ладога, пролегала по левому берегу реки Волхов. Казалось бы, при таких условиях, имея в составе четырех армий 16 дивизий, одну стрелковую и две танковые бригады, 8 корпусных артполков можно было организовать непреодолимую оборону. Однако случилось иначе:

растянутые в нитку без вторых эшелонов и резервов на 130-километровом рубеже соединения 4-й и 52-й отдельных армий не сумели сдержать удар германского кулака.

Они к этому и не готовились, увлеченные своим предстоящим «прорывом», безотносительно к намерениям противника, о котором информации имели чуть больше, чем о жизни на Марсе: вроде того, что немцы все-таки где-то есть. Генерал Дегтярев, к примеру, так описывает проверку штабом армии готовности к наступлению 285-й стрелковой дивизии: «В штабе дивизии были заслушаны краткие доклады начальников оперативного и разведывательного отделений, а затем и начальника штаба дивизии. Все они страдали одним недостатком: слишком поверхностным суждением о противнике, основанным на случайных фактах... Под конец генерал В.Ф. Яковлев задал вопрос командиру дивизии:

— А на каком направлении в вашей полосе наиболее вероятен главный удар противника?

— Командир дивизии стушевался и какими-то невидящими глазами уставился в карту, что лежала перед ним. Наступила неловкая пауза».

Паузу первым нарушил противник.

Вообще сражение вермахта с Красной Армией в этот период больше всего напоминает бой боксера легкого веса против деревенского бугая. Удары «мухача» профессионально точны, они почти всегда достигают цели, но недостаточно сокрушительны. Парень в буденовке в челюсть может засветить добротно, но в основном месит кулаками воздух, так как у него завязаны глаза.

В результате...

К 20 октября немцы прорвали советскую «оборону» и стали продвигаться по трем направлениям. 22 октября они захватили Большую Вишеру, 23 октября — Будогощь, 24-го — Малую Вишеру. Создалась угроза прорыва к Тихвину. Войска рассеченной на части 4-й армии генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева (285, 311, 292-я стрелковые, 27-я кавалерийская дивизии, 119-й отдельный танковый батальон) бильярдными шарами откатывались в разные стороны.

После войны, анализируя причины поражения, маршал К.А. Мерецков напишет: «Немалую роль в неудачах наших войск сыграло то обстоятельство, что почти все части и соединения 4-й армии, в том числе и ее штаб, не имели опыта ведения боевых действий в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Штабы теряли управление, войска были беззащитными перед ударами авиации противника. А местность была действительно труднопроходимой. Леса и болота почти сплошь покрывали пространство между рекой Волхов и Тихвином. Многочисленные реки и ручьи пересекали пути движения войск. Населенные пункты встречались редко. Дорог было мало, обширные болота не замерзали даже в сильные морозы». Трудно спорить с маршалом, но ведь все это как раз и приходилось преодолевать противнику, именно он наступал, а не 4-я армия. И откуда, интересно знать, у немцев опыт ведения боевых действий в русских болотах? Менее чем через год наши полководцы точно так же будут учиться воевать в донских степях и горах Кавказа. На какой местности вообще готовилась вести боевые действия Красная Армия?

В такой обстановке началась наступательная операция войск Ленинградского фронта по деблокаде города. На Невском «пятачке» был организован «конвейер смерти»: дивизии без танков (через реку не удалось перебросить ни одной машины) и авиационного прикрытия поочередно ходили в лобовые атаки на сильно укрепленные высоты и теряли большую часть личного состава, остатки подразделений закапывались в землю, на плацдарм приходила новая дивизия с той же задачей. К концу октября 115, 86, 265-я стрелковые и 20-я дивизия НКВД, расширив плацдарм на один километр по фронту, все вкупе имели 1500 бойцов. Навстречу им по кратчайшему пути, через болота, торфоразработки и позиции двух немецких дивизий (126-й и 227-й) пыталась пробиться 54-я армия Хозина — 128, 310, 294, 286-я стрелковые, 3-я и 4-я гвардейские, 21-я танковая дивизии, 1-я отдельная горнострелковая, 16-я и 122-я танковая бригады, два полка корпусной артиллерии. Пока советские войска рвали блокаду, нанося удары вдоль берега

Ладожского озера, южнее немцы продвигались к Тихвину, накладывая внешнюю петлю удавки.

Для ликвидации прорыва противника на тихвинском направлении Ставка выделила четыре дивизии с Ленинградского фронта, три — из своего резерва и одну — из резерва Северо-Западного фронта.

Две стрелковые дивизии из 8-й и 42-й армий — 80-я и 281-я — перебрасывались самолетами. В условиях штормовой погоды Ладожская флотилия переправила с западного на восточный берег озера 191-ю, 44-ю стрелковые дивизии и 6-ю отдельную бригаду морской пехоты — около 21 тысячи человек, 129 орудий, больше сотни танков, автомашин, тракторов и около тысячи лошадей. Войска, сойдя с кораблей, сразу же направлялись на передовые позиции и с ходу вводились в бой. В Тихвин прибыла 92-я стрелковая дивизия, начала выгрузку 60-я танковая. Из состава 54-й армии на тихвинское направление передавались 310-я и 4-я гвардейская дивизии. На рубеж реки Малая Вишера выдвигалась 259-я стрелковая дивизия Северо-Западного фронта. Одновременно Ставка потребовала продолжать активные действия на синявинском направлении.

Прибывавшие соединения, не закончив сосредоточения, немедленно по частям бросались в контратаки. Особых успехов они не достигли, но к 28 октября войска 4-й отдельной армии приостановили наступление противника в 40 км юго-западнее Тихвина, а 52-я армия — восточнее Малой Вишеры.

В конце октября, как уверяет Федюнинский, по собственной просьбе, его переместили с поста командующего Ленинградским фронтом на 54-ю армию. Генерал Хозин соответственно возглавил фронт.

28 октября 1941 года считается датой завершения Синявинской наступательной операции 54-й армии и Невской оперативной группы. Официальные потери советских войск составили 55 тысяч человек. Дата высосана из пальца: якобы в этот день операцию пришлось прекратить «из-за тяжелого положения на тихвинском направлении». То, что происходило после этого, никакого названия не удо-

стоилось, хотя «конвейер» на Невском «пятачке» работал непрерывно с повышенной «производительностью», и все также ходили в атаки, но уже под водительством Федюнинского, дивизии 54-й армии.

На это были веские причины.

Во второй половине октября немцы оказались у стен Москвы, в гигантских «котлах» под Вязьмой уничтожались остатки трех советских фронтов, пали Можайск и Малоярославец. В столице было введено осадное положение, из нее эвакуировались предприятия, дипломатический корпус и правительственные учреждения, в панике бежало население. Перед Сталиным зримо замаячила перспектива переселения из обжитого кремлевского кабинета в бункер в окрестностях Куйбышева. В этих условиях командование Ленинградского фронта получило 23 октября конкретные указания Верховного: в три дня во что бы то ни стало прорвать блокаду и вывести войска, даже если ради этого придется сдать Ленинград.

«Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочно связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта на восток для избежания плена, если необходимость заставит сдать Ленинград...

Либо вы в эти три дня прорвете фронт и дадите возможность вашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. ***Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней.*** *Требуем от вас решительных действий».*

Василевский в тот же день объяснил Хозину еще откровеннее: «Прошу учесть, что в данном случае идет речь **не столько о спасении Ленинграда, сколько о спасении и выводе армий Ленфронта»**. Таким образом, Сталин принял «кутузовское решение» — спасать армию, и минирование

Ленинграда было вполне в духе войны, объявленной Отечественной, — французам в 1812 году тоже устроили московский пожар.

Генерал Федюнинский с задачей не справился, хоть и бросил «на восток» — на Тосненский рубеж и Невский «пятачок» — 8 стрелковых дивизий и 4 бригады. За дело с рьяностью взялся генерал Хозин. 30 октября управлению 8-й армии во главе с генералом Шевалдиным было приказано передислоцироваться в Озерки, принять войска Невской оперативной группы и продолжить форсирование Невы. Вместе с ними убывали 281, 191, 80-я (бывшая 1-я ДНО) и 85-я (бывшая 2-я ДНО) стрелковые дивизии. На Ораниенбаумском плацдарме образовывалась Приморская оперативная группа под командованием генерал-майора А.Н. Астанина, в состав которой вошли 48-я имени Калинина стрелковая дивизия (на фронте от Порожек до Финского залива она одна заменила шесть дивизий, то есть здесь советские войска впервые организовали настоящую, а не активно-фиктивную оборону), 2-я и 5-я бригады и 3-й полк морской пехоты, 519-й гаубичный артполк и 287-й танковый батальон.

Шевалдина и Окорокова 2 ноября вызвали в Смольный: «Будем прорывать блокаду Ленинграда, — сказал новый командующий войсками фронта генерал-лейтенант Михаил Семенович Хозин, — причем там, где гитлеровское командование менее всего этого ждет, — с плацдарма на берегу Невы». Командарм-8, не проникшийся красотой начальственного замысла, предложил свой план, основанный на элементарных правилах военного дела: на старом месте, у Невской Дубровки, вести демонстративные действия, притупить бдительность противника, в течение недели сосредоточить силы в другом районе и внезапно форсировать реку на новом направлении.

Однако Хозин довольно резко прервал выступление генерала Шевалдина: «Ни о какой отсрочке, ни о каком продлении сроков подготовки не может быть и речи. Промедление даст фашистскому командованию возможность отвести часть войск из-под Ленинграда для усиления

тихвинской группировки». Ужель Михаил Семенович и вправду думал, что удар с единственного плацдарма, вокруг которого уже полтора месяца кипят бои, подступы к которому насквозь просматриваются противником, и есть то место, где немцы «менее всего ждут»? А может, и лучше было бы дождаться, когда противник начнет отвод войск, и тогда перейти в наступление? Вот только о противнике командующий фронтом не знает ничего. Да и нет у него никаких полководческих мыслей, откуда им взяться у человека, выпивающего бутылку водки ежедневно и искренне считающего это «нормальным явлением», — один лишь блеск в глазах, собачья готовность немедленно выполнять приказ Хозяина и с радостным повизгиванием доложить о своем рвении. Поэтому начать операцию решили на следующий день.

В «неожиданном месте» к этому времени было сосредоточено пять стрелковых дивизий — 86, 115, 265, 168, 177-я и 20-я дивизия НКВД. На западном берегу Невы выстроились в очередь 10-я стрелковая дивизия, 11-я стрелковая, 123-я Краснознаменная тяжелая танковая и 4-я морская бригады. Один из генералов-мемуаристов жалуется, что в танковой бригаде генерал-майора В.И. Баранова «имелось всего 50—60 устаревших БТ-7», но, согласно данным архива Министерства обороны, бригада именовалась «тяжелотанковой» и практически на 100% была укомплектована машинами типа КВ-1. Правда, на плацдарме танков по-прежнему не было: переброшенные с неимоверными трудностями семь «бэтушек» немцы быстро сожгли. Переправочных средств не хватало. Пушек было много, но снаряды расходовались согласно установленным суточным нормам, как хлебные пайки. Вся дивизионная, армейская и фронтовая артиллерия и все артиллерийские начальники находились на правом берегу, командиры стрелковых соединений — на левом. Связь между штабом армии, артиллерией, тылами и «пятачком» осуществлялась по единственному телефонному кабелю, проложенному по дну Невы на командный пункт одной из дивизий. Поэтому на артподготовку наступления отводилось 15 минут пальбы в

белый свет. Справа от плацдарма немцы создали опорный пункт в деревне Арбузово, слева — в зданиях 1-го Городка и в непробиваемых железобетонных блоках 8-й ГЭС (в сентябре ее сдали немцам практически без боя, теперь она превратилась в крепость, которую советские войска штурмовали два года), впереди был противотанковый ров, ясное дело, когда-то наш, и ближайшая цель — роща «Фигурная».

В полдень 3 ноября двинулись в наступление свежие полки 168-й дивизии генерал-майора А.Л. Бондарева совместно с частями 86-й и 177-й дивизий. Огневые точки противника артиллерии подавить не удалось: как только советская пехота поднялась в атаку, немцы встретили ее плотным пулеметным и минометным огнем с фронта и с флангов. Полки таяли на глазах, атака захлебнулась.

«...на душе было очень тяжело, — вспоминает генерал С.Н. Борщев, бывший тогда начальником оперативного отделения. — Ведь мы потеряли лучших людей, закаленных в боях, а задачу не выполнили.

Когда один из штабных работников стал сетовать на трудности наступления с открытого «пятачка», где ни маневра, ни флангового удара нельзя применить, комдив, пристально взглянув на него, ровным, спокойным голосом проговорил:

— Невский «пятачок» отмечен у товарища Сталина на карте. Думаешь, в Ставке люди понимают меньше твоего?

Беседуя между собой, мы пытались отыскать ошибки и упущения командиров полков, критиковали самих себя за плохую требовательность, но в глубине души понимали, что никто из нас ни в чем не виновен, как не виновны и те командиры частей и соединений, которые пытались прорвать здесь оборону противника до нас».

Виноваты, надо думать, проклятые фашисты.

Бондаренко, грамотный генерал, прекрасно понимал, что при сложившейся в Красной Армии системе руководства не следует быть умнее начальства и никому не нужно его умение маневрировать и охватывать фланги, а лишь беспрекословно повиноваться и проявлять «хорошую тре-

бовательность». Быстро сориентировался и командующий армией: утром 4 ноября он позвонил комдиву и приказал ему лично вести полки в атаку. Бондаренко, «усиленный» переброшенными через реку ночью четырьмя танками, повел, весь день пытался пробиться к роще «Фигурная» и даже ворвался в противотанковый ров. Боем дивизии управлял начопер Борщев:

«Минут через десять позвонил командующий армией. Докладывая ему обстановку, я сказал, что атака захлебнулась. Генерал-лейтенант перебил меня:

— Приказываю вам лично наказать командира четыреста второго полка, командира батальона, наступавшего в первом эшелоне, и танкистов, не выполнивших боевой задачи!

— Товарищ генерал-лейтенант, — ответил я, — наказывать некого. Командир третьего батальона старший лейтенант Воробьев пал смертью храбрых, увлекая бойцов в атаку, танки подбиты и горят, танкисты, видимо, погибли. А командир полка Ермаков — герой...

На все мои настойчивые требования подавить огневые точки в роще «Фигурная» и повторить артналет по 8-й ГЭС начальник артиллерии армии полковник С.А. Краснопевцев отвечал, что весь запас снарядов, отпущенных нам на обеспечение сегодняшнего наступления, израсходован и он ничем не в силах нам помочь. Убедившись, что больше артиллерийского прикрытия ждать нечего, Бондарев, опасаясь потерять всех людей, приказал прекратить атаки, оставить противотанковый ров и отойти на прежние позиции».

Через день командир 168-й дивизии снова лично повел бойцов в атаку.

И командир 86-й дивизии полковник А.М. Андреев, тоже лично...

Рядом билась 177-я стрелковая дивизия полковника Г.И. Вехина (уже один раз погибшая в Лужском «котле» и заново сформированная по указанию Москвы из остатков 10-й стрелковой бригады и личного состава полков ПВО). Она точно так же в течение нескольких дней безуспешно

атаковала в лоб немецкие укрепления и понесла большие потери.

На 5 ноября в соединениях-ветеранах «пятачка» насчитывалось: в 115-й стрелковой дивизии — 82, в 86-й — 61, в 265-й — 60 активных штыков. 177-я стрелковая провела на плацдарме двадцать дней. За это время успели оборудовать одну землянку и потерять весь личный состав.

На тихвинском направлении 4-я армия, получив подкрепления, 1 ноября нанесла контрудар силами трех пехотных и одной танковой дивизий в общем направлении на Будогощь, Грузино с задачей восстановить оборону на рубеже реки Волхов. Выполнить эту задачу она не смогла. Прилетевшие из Ленинграда дивизии не имели ни артиллерии, ни транспорта и вступили в бой только со стрелковым оружием. Соединения действовали разновременно и несогласованно. Противник, отразив все атаки, после которых в 44-й стрелковой дивизии осталось 700, а в 191-й — около тысячи бойцов, 5 ноября возобновил наступление. Вечером 8 ноября 12-я танковая дивизия генерала Харпе и 18-я моторизованная генерал-майора Герряйна, сметая советские части на своем пути, вошли в Тихвин, который никем не оборонялся. Немцам удалось перерезать коммуникации армии Федюнинского и единственную железнодорожную магистраль, по которой шли грузы к Ладожскому озеру для снабжения Ленинграда. Советские потери оценивались в 20 тысяч красноармейцев, взятых в плен, 179 захваченных орудий, почти 100 уничтоженных танков.

Пять дней спустя в Орше состоялось совещание начальников штабов германских групп армий. В принятом на нем решении говорилось: «Вопрос об обеспечении питанием больших городов неразрешим. Не подлежит сомнению, что особенно Ленинград должен быть уничтожен голодом, ибо невозможно этот город прокормить». Фельдмаршал фон Браухич, озаботившись моральным состоянием немецких солдат, которые должны были пулеметами пресекать попытки гражданского населения покинуть обреченный «центр большевизма», предложил вообще отвести войска,

а все выходы из города перекрыть обширными минными полями: «Если красные войска в районе Ленинграда и Кронштадта сложат оружие и будут взяты в плен, то главнокомандующий не видит причин продолжать блокаду города. Войска должны быть передислоцированы в места их постоянного размещения. И в этом случае большая часть населения погибнет, но по крайней мере не на наших глазах».

Легкость, с какой удалось добиться цели, породила у германского командования настолько необыкновенную приятность в мыслях, что оно вполне серьезно стало интересоваться у штаба 39-го мотокорпуса возможностью совершить 400-километровый марш на Вологду, не размениваясь на всякие мелочи. Генерал Гальдер в дневнике записал: «...противник исключительно слабо реагирует на наше наступление на Тихвин. Возможно, у него нет больше резервов».

Первым забеспокоился и «отреагировал» командующий 7-й отдельной армией генерал Мерецков, получивший сведения, что немцы выходят ему в тыл. Связи с Яковлевым не было, Ставка конкретными сведениями не располагала. Поэтому Мерецков еще 5 ноября послал своего начальника штаба в район боевых действий 4-й армии и быстро выяснил, что обстановка под Тихвином сложилась довольно мрачная.

Разгромленный штаб генерала Яковлева, ничем не управляя, отходил на восток отдельными, не имевшими между собой связи группами. Правофланговые соединения 4-й армии (285, 310, 311, 292-я стрелковые дивизии, два батальона 281-й дивизии, 6-я морская, 16-я танковая бригады, 883-й корпусной артполк), обнажив 60 километров фронта, отступали в район Волхова и Кобоны под руководством начальника штаба армии генерал-майора П.И. Ляпина. И оный Ляпин не ломал себе голову над тем, как закрыть образовавшуюся во фронте 60-километровую брешь или зацепиться за выгодный рубеж, а был увлечен организацией отхода и эвакуацией тылов. Он так далеко загнал эшелоны с материальными запасами, что впослед-

ствии их пришлось разыскивать с помощью фронтовой авиации, а солдаты на передовой оказались без боеприпасов и продовольствия. Остатки 44-й и 191-й стрелковых дивизий отступали на север вдоль дороги на Лодейное Поле. Остальные соединения армии были разбросаны восточнее и южнее Тихвина.

О сложившейся обстановке генерал Мерецков 7 ноября доложил в Москву и получил приказ: срочно отправиться в 4-ю армию, вступить во временное командование ею, одновременно исполняя обязанности командарма-7, и стандартную задачу: «Остановить и разгромить». Из состава 7-й армии в район Тихвина срочно направлялись 46-я танковая бригада, стрелковый полк, четыре минометных и два саперных батальона. Вечером 8 ноября Мерецков с группой офицеров прибыл в Сарожу, в 22 километрах севернее Тихвина, где встретил своих новых подчиненных, продолжавших отход: «Узнав о нашем прибытии, в столовую, куда мы пришли, стали собираться офицеры. Настроение у наших собеседников было подавленное. Почти все они отступали через Тихвин. Но, как был сдан город, никто толком объяснить не мог. По их словам, он был захвачен внезапно. Части и подразделения, потерявшие управление еще на подступах к Тихвину, прошли город, не задерживаясь в нем. Овладев городом, противник, тоже не останавливаясь, повел наступление на север — к реке Свирь и на восток — вдоль шоссе и железной дороги к Вологде. На этих направлениях группировались и основные силы наших отходивших войск. Вот те немногие сведения, которые удалось узнать вечером в столовой... Один из командиров предложил переговорить с бойцами, чтобы выяснить их настроение. Так и сделали. Бойцы высказывались неохотно, но довольно откровенно жаловались, что наступили морозы, а они все еще в летнем обмундировании, что у них кончились боеприпасы и стрелять нечем, что немецкая авиация делает, что хочет, а наших самолетов не видно, что немецкие танки идут и идут, а у них нет даже гранат, пушки же наши молчат...»

Короче говоря, 4-й армии, как единого боевого организма, не существовало.

В тот же день крайне неприятный разговор с товарищем Сталиным состоялся у Жданова с Хозиным:

«Вам дан срок в несколько дней. Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда... Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград... Повторяю, времени осталось мало. Скоро без хлеба останетесь. Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых людей, составьте один или два сводных полка и объясните всем им значение того подвига, который требуется от них, чтобы пробить дорогу. Возможно, что сводные полки смелых людей потянут за собой и остальную пехоту. Все. Если не согласны или есть какие сомнения, скажите прямо».

Гениально! Как это мы сами не дотопали (выражение Хозина)! Всего-то и нужно — два полка героев. Руководители обороны Ленинграда прекрасно понимали, что плен им не светил, даже если бы очень захотелось. Только пуля в затылок — от бдительных хранителей тел.

Сталин посоветовал также переправить тяжелые КВ через Неву в разобранном виде, к сожалению, не объяснив, кто и каким образом будет их собирать в аду на левом берегу. И поскольку артиллерия все равно стреляет вслепую, а вести разведку нет ни времени, ни умения, ни желания, то лучше всего работать по площадям: выбрать один квадратный километр и сосредоточить на нем огонь всех имеющихся стволов и реактивных установок.

«Военный совет фронта не только не имеет никаких сомнений, но целиком с Вами согласен и ни перед какими мерами ни на минуту не остановится», — заверил Жданов Вождя Народов.

Для совершения подвига буквально в течение суток сформировали из коммунистов три полка по 2750 человек, во главе каждого поставили по командиру дивизии и «пожертвовали» ими с легкостью, без всяких сомнений. Против километровой полосы прорыва сгрудили 600 орудий и 120-мм минометов.

Утром 10 ноября на «пятачок» переправился Первый ударный коммунистический полк подполковника Н.А. Васильева. Через час полк пошел в бой, попал под ураганный огонь противника, к вечеру в нем насчитывалось не более 500 бойцов. 11 ноября прибыл Второй ударный полк и с ходу ринулся в наступление при поддержке поредевших 168-й и 177-й стрелковых дивизий. И снова уперлись в противотанковый ров «отечественного производства». Еще через сутки на плацдарм бросили Третий полк и 8 танков БТ, приказав одновременно наступать всем дивизиям и штабам в направлении Синявинских высот. После этих штурмов из трех командиров ударных полков в живых остался только командир Третьего коммунистического генерал-майор П.А. Зайцев, уцелевших «смелых людей» влили в дивизию Бондарева. За пять дней боев советские потери составили более 5000 человек.

«Еще пройдет долгий месяц, — пишет С.Н. Борщев, — в течение которого мы, изнуренные голодом и боями, испытывая острую нужду в снарядах и боеприпасах, будем каждый день идти на штурм вражеских укреплений, пока не получим долгожданную, ошеломляюще радостную весть о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой».

15 ноября генерал Л.А. Бондарев был отозван с Невского «пятачка» и назначен командующим 8-й армией вместо Шевалдина. Впрочем, для оставшихся на плацдарме это ничего не меняло. Хотя на левом берегу Невы сгрудились уже семь дивизий и две стрелковые бригады, удалось переправить тяжелые танки (река окончательно встала, а к 18 ноября толщина льда достигла 8—10 см), задача по прорыву обороны противника или хотя бы овладению рощей «Фигурная» оставалась невыполненной.

В конце ноября немецких десантников на Неве сменила 1-я пехотная дивизия.

Чтобы придать хоть какой-то смысл бойне на «пятачке», в которой ежедневно погибало около 1000 советских солдат, наши историки в погонах пространно рассуждают о неких «значительных силах фашистов», которые удалось сковать, и «уроне», нанесенном двенадцати немецким ди-

визиям. Перечислением этих вражьих соединений никто себя не затрудняет вполне сознательно, поскольку дивизия всегда была одна, просто немцы регулярно сменяли свои части для отдыха и пополнения.

Оптимист Окороков уточняет также, что в боях «...росли и крепли наши военные кадры. Все сражавшиеся на Неве, от рядовых до военачальников, приобрели бесценный боевой опыт».

Вот как приобретал боевой опыт Ю.И. Смоленский: «В октябре двинулись на Невскую Дубровку, переправились на лодках и понтонах. Начались дни и ночи на Невском «пятачке», слившиеся в один бесконечный бой, в результате которого от батальона осталось шесть активных штыков. Меня ранило в голову, вышибло левый глаз, и в ледоход, на шлюпке, доставившей продовольствие, я возвратился на правый берег. Можно сказать — повезло». А весь 3-й батальон, да и весь 330-й стрелковый полк 86-дивизии с «выросшими и окрепшими военными кадрами» остался лежать в перепаханных немецкой артиллерией окопах. Ровно за двадцать дней растаяла 177-я дивизия, в конце ноября с плацдарма сняли лишь ее штаб, командиров и комиссаров полков».

Да, опыт действительно бесценный. Только никому он оказался не нужен, как и знания военачальников. Выводы из этих «опытов» стесняются сделать и сегодня.

«Кто под Дубровкой смерть миновал, тот во второй раз рожден» — вот и весь солдатский опыт. А вот, наконец, и солдатское мнение, которым в советские времена не интересовались никакие воениздаты (и сегодня не слишком интересуются, если оно не совпадает с генеральским): «Если бы немцы заполнили наши штабы шпионами, а войска диверсантами, если бы было массовое предательство и враги разработали бы детальный план развала нашей армии, они не достигли бы того эффекта, который был результатом идиотизма, тупости, безответственности начальства и беспомощной покорности солдат... На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых

работящих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме... Гибли самые честные, чувствовавшие свою ответственность перед обществом люди. Шло глупое, бессмысленное убийство наших солдат».

Южнее продолжались «опыты» над шестью дивизиями 55-й армии (43, 85, 90, 70, 125, 268-й), пытавшимися при поддержке 123-й танковой бригады КВ и двух танковых батальонов овладеть Усть-Тосно и клятым рвом. Здесь наблюдалась идентичная картина: героизм без снарядов, требовательность вместо разведки, трибунал взамен грамотной подготовки и организации взаимодействия.

Вдоль Кировской железной дороги на Усть-Тосно наступала 85-я стрелковая дивизия генерал-майора Любовцева. «Наступление, если на него смотреть со стороны, было впечатляющим и, пожалуй, устрашающим, — вспоминает бывший командир 103-го стрелкового полка С.М. Бардин. — Через наши головы с воем и свистом летели снаряды и там, за р. Тосной, в стане врага с грохотом рвались, поднимая вверх куски мерзлой земли, перемешанной со снегом. Передний край немцев окутался сплошным облаком густого дыма. Все это хорошо нам было видно, еще больше будоражило. Мы ускорили шаг.

В эти минуты никто из нас ни о чем не думал, кроме предстоящего боя. Одно было на уме: выиграть его! С каждым пройденным метром возрастал азарт, ведь враг молчал. Значит, был ошеломлен, прижат артиллерийским огнем к земле. Наверняка были и прямые попадания в расположение фашистов.

Я с надеждой смотрел на своих бойцов. Почти трехтысячная масса вооруженных людей, верилось мне, могла сокрушить на своем пути все, выйти на заветный противоположный берег реки и вторгнуться в расположение противника. И кое-кто уже пересек ледовый рубеж, стал метать гранаты. «Заговорил», устроившись за бугорком на

берегу, и один из наших пулеметов. Но в это самое время артиллерийская подготовка закончилась и стало тихо. Тишина пугала. Показалось, она оголила нас. Я обернулся, посмотрел на ряды наступающих и ужаснулся: основная масса бойцов все еще находилась на середине пути. И в это время на ряды наступающих полетели вражеские крупнокалиберные снаряды. Фашисты, как выяснилось потом, открыли массированный артиллерийский огонь с правого фланга. Стреляли с ожесточением, одновременно из нескольких батарей. Гибельным для нас оказалось то, что им никто не мешал: ни наша артиллерия, ни авиация. Налет вражеской артиллерии произошел так неожиданно, что мы растерялись. Вмиг была нарушена стройность движения. Под огнем противника начали гибнуть уже поверившие в свою победу командиры и бойцы.

Вражескими снарядами были накрыты почти все девять рот. Местность заволокло дымом. Над болотом стоял оглушительный грохот. Крики командиров и вопли раненых были едва слышны.

Я с оцепенением смотрел на расстреливаемые ряды рот, на взлетавшие вместе с землей тела убитых, на корчившихся от боли раненых. Меня охватил озноб. Атака в мгновение захлебнулась. Полк на глазах стал таять... Пришла мысль связаться с артполком и попросить их подавить батареи противника. Но мне ответили, что еще не подвезены снаряды, а те, что были, израсходованы во время артиллерийской подготовки».

Зато набрались боевого опыта, выросли и окрепли кадры.

«Узнав о трагическом наступлении в соседней дивизии, — пишет полковник В.К. Зиновьев, — я в беседе с подполковником Сенкевичем неодобрительно отозвался о подготовке и осуществлении таких малоэффективных операций. Ян Петрович посмотрел на меня прищуренными глазами и ничего не ответил. Вскоре после разговора с подполковником Сенкевичем меня вызвал генерал Богайчук. Поздоровавшись, он без всяких обиняков спросил:

— Вы утверждаете, товарищ Зиновьев, что неправильно планируются и осуществляются операции по использованию ударных частей?

Я понял, что мое мнение по этому вопросу генералу доложил начштаба. Будучи уверенным в своей правоте, ответил:

— Очень неправильно, товарищ генерал. Вот бы собрать все ударные части в один кулак! И Красный Бор не устоял бы...

Генерал заинтересованно посмотрел мне в глаза, а потом сказал:

— Вот взгляните, товарищ Зиновьев, на мою карту. Может быть, таким образом надо было бы использовать наши силы? Не находите ли вы такой кулак на моей карте?

Я был потрясен. На карте генерала было отражено мое решение...

— Точно так и я думаю, — пролепетал.

— Вот так, товарищ Зиновьев! Мы с вами окончили одну и ту же академию. Вот наши решения и совпали. Но нашего с вами мнения никто не спрашивает. И это диктует очень сложная обстановка. Все стремятся побыстрее избавиться от блокады и голода. Об академических решениях мало кто думает. Это, конечно, трагедия. Но в этой трагедии есть и положительное. Мы не даем фашистам покоя. Ни на шаг не отступили, а наоборот, стараемся у них отвоевать...

После этой беседы с генералом я стал относиться к нему с еще большим уважением. Он стал спрашивать иногда, глядя на меня: «А как бы вы решили в академии?»

Если быть точным, то это немцы — 122-я и 121-я пехотные дивизии, являясь обороняющейся стороной, не отступили ни на шаг.

Боевые действия велись круглосуточно. В 55-й армии тоже подбирали смельчаков для подвигов. Каждую ночь на передовую выходили так называемые блокировочные группы из 10—12 человек. Вооруженные гранатами и автоматами, они были призваны разрушать вражеские доты, которые была неспособна нейтрализовать советская артиллерия. Из блокировщиков мало кто оставался в живых.

А наутро на немецкие пулеметы снова шла в атаку пехота с ружьями наперевес. Танки, прибывавшие с Кировского завода, вязли в трясине, не доходя до переднего края, а если доходили — не могли преодолеть противотанковый ров, подбивались, и новой заботой становилась эвакуация бронированных машин в тыл, иначе противник превращал их в новые огневые точки.

Из донесения 70-й стрелковой дивизии от 5 ноября: «Сформированы две блокгруппы, имеющие три танка с бронесалазками, десять автоматчиков, пять саперов. 252-й и 329-й полки с блокгруппами пытались уничтожить дзот на южной окраине Усть-Тосно. Танки подбиты огнем до проволоки. Пехота залегла под артиллерийско-минометным огнем перед проволочным заграждением». К 18 ноября в 70-й дивизии оставалось: в 252-м полку — 42 активных штыка, в 329-м — 70, в 8-м — 130 штыков.

Из доклада начальника штаба 90-й стрелковой дивизии полковника Цуканова: «Опыт предыдущих боев показал, что метод использования наших сил в настоящее время не дал нужных результатов, поэтому должен быть пересмотрен. Части дивизии несли большие потери, не выполнив поставленных задач. Не учитывался противостоящий противник, организация обороны, не уточнялись огневые средства. Отсюда — наступление вслепую. Неясности в обстановке пытались компенсировать введением в бой больших сил, что не оправдывалось обстановкой и приводило к большим потерям и нарушению в управлении».

Снова Д.В. Иванов: «27 ноября поступил новый приказ штаба армии: «268-й СД захватить противотанковый ров, сделать проходы танкам, овладеть сараями у отметки 12,7». Атака, рассчитанная на внезапность, не принесла успеха: слишком малочисленны были наши полки, слишком хорошо организован пулеметно-ружейный огонь фашистов. Наши подходили ко рву на 50—100 м, но в стрелковых взводах оставалось по 10—15 человек, и атаковать было уже некому.

Из донесения 268-й стрелковой дивизии: «76-миллиметровые пушки образца 1930 г. не смогли разрушить

огневые точки противника. Во время атаки ОТ были живы и открыли ураганный огонь по атакующим. Приданные три танка не смогли преодолеть противотанковый ров».

Если «введение в бой больших сил» можно назвать неэффективным, но все же «методом использования» сил, то чем можно объяснить отсутствие у нашей стороны хотя бы как-нибудь оборудованных позиций с укрытиями для личного состава: абсолютным равнодушием к жизни солдат, военной безграмотностью или непрерывным «наступательным порывом»? Немцы на любой занятой территории отрывали разветвленную сеть глубоких траншей, пулеметных гнезд, блиндажей в два-три наката, с отоплением и мебелью, месили глину и выкладывали все это кирпичами, использовали железнодорожные рельсы и даже захваченный каучук для укрепления дотов. Некоторые из этих сооружений сохранились до сих пор. Красноармейцы сидели в мелких ячейках под обстрелом из всех видов оружия, не имея возможности в светлое время справить нужду или получить паек. (За этот комфорт красноармейцы «фрицев» особенно ненавидели, но никогда не упускали шанса «потрофеить». Писатель Даниил Гранин рассказывал: «Когда мы впервые взяли немецкие землянки, нашли там горячий кофе. Я помню, как нас возмутило: термос с горячим кофе и рулон туалетной бумаги! Мы понятия не имели, что такое туалетная бумага, — мы и газетами не могли подтираться, потому что газеты нужны были для самокруток. С первого дня войны мы испытывали унижение от своей нищеты». Добавлю от себя, что такое туалетная бумага, Советская Армия так никогда и не узнала.)

Бывший командир отдельного лыжного батальона А.Ф. Забара удивлялся обстоятельности «фрицев»: «Вскочив в ров, я увидел огневую точку противника, расположенную прямо перед нашим подкопом... Обращаю внимание, как устроена огневая точка. Она выложена маленькими мешочками с песком. Мешочки, словно кирпичики, сложены один на другой, образуют не только бруствер, но и амбразуру в бруствере, через которую и вел огонь фашистский пулеметчик по нашим позициям, а сам практически

оставался невидимым. Мешочки сверху присыпаны снегом, огневая точка сливается с местностью, с заснеженным полем.

Такого я еще никогда не видел... Умеют, гады, воевать!»

Имея в своем распоряжении крупнейшие заводы страны, наши отцы-командиры даже не делали попыток создать хоть что-то похожее на настоящую оборону, не умели... воевать.

Вот, к примеру, С.М. Бардин принимает позиции у 86-й СД:

«...пошли принимать район обороны, расположенный фактически в болоте. Землянки оказались низкими, с тонким, ненадежным перекрытием. Они спасали людей только от пуль. Даже самая маленькая мина их пробивала насквозь. Участок этот все время обстреливался противником из минометов, станковых пулеметов и автоматов. В таких ненадежных условиях части, занимавшие оборону, все время несли потери».

Это описание относится к декабрю 1941 года, при том, что 70% потерь наши части несли от артогня противника. И 60 лет спустя поисковики сразу определяют на глаз разницу.

Из армейского журнала боевых действий: «В ходе операции по очищению западного берега штабы частей и стрелковых дивизий показали свою беспомощность и слабое управление».

Последовала смена командующего, 55-ю армию принял генерал-майор В.П. Свиридов. Однако тактика не изменилась: штаб фронта требовал продолжения наступления и лобовые атаки пехоты на неподавленные огневые точки противника продолжались. Потери армии в ноябре составили более 20 тысяч человек. В полках осталось по 70—80 штыков. Донесение 268-й стрелковой дивизии от 1 декабря гласит: «В дивизии осталось 138 человек. Боевых действий дивизия вести не может».

«Развить успех в направлении станции Мга» не получилось.

Звучит парадоксально, но, получается, германские дивизии, своей стойкостью в обороне не выпустившие войска Ленинградского фронта из кольца, спасли превращенный в пороховую бочку город и его население от полного уничтожения.

54-я армия до 9 ноября пыталась взять Синявино. Продвинуться не удалось ни на метр, поэтому генерал Федюнинский, вступивший в командование 26 октября, ни словом не вспоминает об этой операции и своем в ней участии. Тем временем 21-я пехотная дивизия генерала Шпонхаймера вышла к Волховской ГЭС — «враг протянул кровавую лапу к этому детищу советского народа, к этому памятнику гению Ленина». Сюда же от Тихвина нацеливались части 8-й танковой дивизии. Стоило немцам преодолеть еще 30 км от Волхова до Новой Ладоги, и 54-я армия оказывалась в «котле». 12 ноября ответственность за оборону Волхова Ставка возложила на Федюнинского, передав ему в подчинение соединения оперативной группы Ляпина. «Памятник гению», волховский алюминиевый завод, мосты в случае оставления города подлежали уничтожению.

Генерал Мерецков со своими офицерами собирал рассыпавшиеся по лесам и дорогам части 4-й армии, сколачивал их в организованные отряды, разыскивал начальников, налаживал связь и снабжение войск, ставил конкретные задачи. К северу от Тихвина нашлись остатки 44-й и 191-й стрелковых дивизий, командиры которых, не имея руководящих указаний, никак не могли решить, что им делать дальше: «Они очень обрадовались, увидев перед собой генерала, и прекратили спор». На вологодском направлении имелось всего два стрелковых полка общей численностью в 400 человек, но уже 11 ноября на станцию Большой Двор прибыли из Забайкалья эшелоны с полнокровной кадровой 65-й стрелковой дивизией полковника П.К. Кошевого. На подходе были два отдельных танковых батальона.

Южнее Тихвина, от Мулева до Ворожбы, оборонялись 27-я кавалерийская и 60-я танковая дивизии. Мерецков

не преминул отметить, что в последней имелось всего 70 «устаревших танков Т-26 низкой проходимости». Что-то новенькое. Удивляет не тот факт, что большинство наших военачальников так или иначе, прямо или косвенно, дают понять, что германская техника в начальном периоде войны была и самая наиновейшая, и лучше бронирована, и горела неохотнее — это дело обычное. Но вот никогда не доводилось слышать, что немецкие и чешские танки, при всех прочих достоинствах, могли похвастать повышенной проходимостью.

Еще южнее, в районе Неболчи, «сдерживали натиск моторизованной дивизии противника» части 4-й гвардейской и 92-й стрелковой дивизий. Все три группировки действовали самостоятельно и разобщенно. Тем не менее, непрерывно контратакуя имеющимися силами и подходившими резервами, генерал Мерецков в период с 11 по 14 ноября сумел остановить дальнейшее продвижение противника. Немцы откатились к Тихвину и принялись строить вокруг города оборону: каменные здания приспособили под огневые точки, на окраинах вырыли траншеи, установили минные и проволочные заграждения. Через два дня фельдмаршал Лееб предложил Генеральному штабу ОКХ вообще оставить Тихвин. Однако генерал Гальдер потребовал удерживать город во что бы то ни стало. В конце ноября, чтобы высвободить подвижные соединения, к Тихвину, частично по воздуху, частично своим ходом, была переброшена 61-я пехотная дивизия.

В то же время более перспективным было признано волховское направление, куда решили дополнительно направить части 254-й пехотной дивизии. Она, наряду с 11, 21 и 191-й пехотными дивизиями, должна была войти в состав группы «Бекман», которой ставилась задача захватить населенный пункт Шум и станцию Войбокало на железнодорожной линии Мга — Волхов. Генерал Федюнинский, имея в своем распоряжении 3-ю гвардейскую, 128, 294, 286, 198, 115, 80, 311, 285, 292, 281, 310-ю стрелковые, 21-ю танковую дивизии, 1-ю горнострелковую и 6-ю морскую, 16-ю и 122-ю танковые бригады, сумел этот удар отразить.

Таким образом, наступление германских войск во второй половине ноября было остановлено. Попытки немцев прорваться через Тихвин к реке Свирь, а также через Волхов и Войбокало к Ладожскому озеру провалились. Их замысел соединиться с финнами и полностью блокировать Ленинград остался неосуществленным. Советские войска, потеряв более 40 тысяч человек убитыми и ранеными, измотали ударную группировку врага, растянувшуюся на фронте до 350 км с необеспеченными флангами. Такое оперативное положение войск противника благоприятствовало переходу советских войск в контрнаступление с целью отбросить ударные соединения группы армий «Север» на исходный рубеж — за реку Волхов, обеспечить бесперебойную работу участка железной дороги, по которой доставлялись грузы к Ладожскому. В довершение всего на немецкие войска, рассчитывавшие спокойно зимовать в Москве и Астрахани, «неожиданно» обрушилась ранняя и суровая русская зима: у солдат не оказалось теплого обмундирования, начались массовые обморожения, автомобильные и танковые моторы не запускались, в орудиях замерзала противооткатная жидкость. Вся подготовка к боевым действиям в зимних условиях свелась к покраске касок в белый цвет и к откомандированию дивизионных снабженцев в Дойчланд для сбора теплых вещей у населения.

Красной Армии в контрнаступление следовало переходить, как обычно, срочно и без подготовки. Маршал К.А. Мерецков пишет: «...Тяжелое положение в Ленинграде и настойчивые требования Ставки как можно скорее освободить Тихвин вынуждали к переходу к решительным действиям. Поэтому пришлось отдать приказ о переходе в контрнаступление до того, как мы получили материальные средства и пополнение».

Замысел операции заключался в нанесении нескольких ударов по сходящимся направлениям на Кириши и Грузино. Главный удар наносила из района Тихвина 4-я армия с задачей соединиться в районе Киришей с войсками 54-й армии и в районе Грузино с войсками 52-й армии. С по-

следней взаимодействовала Новгородская армейская группа, наступавшая на Селище.

Армии переходили в наступление порознь отдельными полками и дивизиями по мере готовности, вернее сказать, в разной степени неподготовленности. Поэтому до конца ноября в штабе ОКХ эти боевые действия проходили под рубрикой «атаки местного значения».

Так, 10 ноября севернее Новгорода нанесла контрудар Новгородская армейская группа (305-я, 180-я стрелковые, 3-я танковая, 25-я кавалерийская дивизии), 12 ноября севернее и южнее Малой Вишеры — 52-я армия (288, 259, 111, 267-я стрелковые дивизии). Наступление Новгородской группы против 250-й пехотной дивизии, которой командовал генерал Муньес Грандес, захлебнулось сразу. Испанцы, хотя и произвели поначалу на дисциплинированных немцев впечатление «цыганского табора» (барон фон Гриссенбек описывал, как по дороге на фронт «в Гравенфере они пытались продавать оружие и лошадей. Сумасшедшее сборище!»), оказались храбрыми вояками, проявив «выдающиеся боевые качества и готовность к самопожертвованию».

Войска 52-й армии генерала Клыкова, которым противостояли части 126-й пехотной дивизии генерала Лаукса, только 18 ноября сумели ночными атаками прорвать оборону противника и лишь 20 ноября овладели Малой Вишерой. Советский командарм, организуя наступление, не имел понятия о создании ударных группировок. Его четыре дивизии атаковали «цепью» на 48-километровом фронте; хорошо укрепленную немцами Малую Вишеру штурмовали в лоб два полка 259-й дивизии. До конца ноября «клыковцам» удалось продвинуться на 10—15 км, затем противник ввел в сражение 215-ю пехотную дивизию.

19 ноября перешла в наступление 4-я армия (4-я гвардейская, 44, 191, 65, 97-я стрелковые, 27-я кавалерийская, 60-я танковая дивизии, 46-я танковая бригада, 120-й отдельный танковый батальон), стремясь при поддержке 608 орудий и минометов фланговыми ударами своих северной и южной оперативных групп под основание тихвинского выступа, перехватить коммуникации группировки

противника, а лобовыми атаками свежей дивизии Кошевого выбить врага из города.

Немцы везде оказывали упорное сопротивление и сами атаковали на ряде участков.

В полосе 54-й армии Хозин и Жданов, не терявшие надежды порадовать Вождя успехами, задумали провести отдельную «очень интересную и способную принести быстрое решение операцию». Суть идеи заключалась в том, чтобы воспользоваться установившимся на Ладоге ледовым покровом и силами одной стрелковой дивизии с лыжным полком без тяжелого вооружения нанести удар со стороны озера навстречу войскам, атакующим с Невского «пятачка». Командир 80-й стрелковой дивизии полковник И.М. Фролов получил устный приказ командующего фронтом и сутки на подготовку к операции, начало которой было назначено на 23 ноября. За несколько часов до начала наступления комдив посмел выразить сомнения в успешном исходе генеральской затеи и был немедленно смещен с должности. Операцию отложили на сутки, из Ленинграда прислали нового командира, майора Брыгина. Подробности этого «ледового похода» не сохранились, достоверно известно лишь то, что он с треском провалился, как и предсказывал Фролов. Майор Брыгин был тяжело ранен в бою и скончался в санитарном самолете на пути в Москву. Полковника И.М. Фролова и комиссара К.Д. Иванова обвинили в измене и срыве операции по прорыву блокады, судили и с личного одобрения Сталина расстреляли.

К этому времени от Ладожского озера до озера Ильмень против четырнадцати немецких действовали 28 советских дивизий и 6 бригад — около 300 тысяч бойцов и командиров, 2120 орудий и минометов, 200 танков. Силы противника оценивались в 130 тысяч человек, 1000 орудий и минометов, примерно 200 танков и штурмовых орудий. Численное превосходство Красной Армии уравновешивалось нехваткой боеприпасов, необходимостью действовать исключительно вдоль дорог, извечным «как можно скорее» и «любой ценой», неумением командиров решительно сосредоточивать силы на главном направлении, а так-

же «отсутствием у нас четкой организационной структуры войск».

Как это выглядело под Тихвином, описал маршал П.И. Кошевой:

«С нашей стороны произвели несколько артиллерийских выстрелов. Снаряды разорвались в траншее противника. Это, как мне объяснили, была артиллерийская подготовка. Затем в сторону врага полетели три красные ракеты, и четыре-пять танков с десантом вышли на средней скорости на указанную им дорогу в колонне с интервалом 25—30 м.

Признаюсь, что ни до, ни после подобной атаки танков с десантом я не видывал, хотя и прошел всю войну. Как только БТ были замечены противником, по ним был открыт артиллерийский огонь. Через минуту головной танк запылал. Пехота десанта разбежалась по полю и залегла. Остальные танки остановились, дали задний ход и на предельной скорости убрались обратно в лес. Враг преследовал их огнем.

В лесу поднялся шум. Кто-то поносил танкистов отборными словами. Те не остались в долгу. В результате танки с десантом в таком же строю вновь показались на злополучной дороге, но уже без артиллерийской подготовки атаки: снарядов для нее не имелось. Все повторилось сначала. Запылали еще два танка; десант, потеряв несколько человек, рассыпался по полю. Оставшиеся машины повернули назад...

Сердце мое и сознание протестовали против того метода наступления, свидетелем которого мне довелось быть. Не так следовало атаковать и готовить бой. Не были продуманы ни подготовка, ни обеспечение успеха. Бойцов и технику бросили на съедение врагу, понесли ничем не оправданные потери и не добились ни малейшего положительного результата. Боем по-настоящему никто не управлял. Представлялось, что никто из командиров должным образом не подумал о том, что побеждает живой, а не мертвый воин».

Как и на маловишерском направлении, соединения 4-й армии упрямо ходили во фронтальные атаки на вражеские

опорные пункты, не пытаясь отыскать в обороне противника слабые места или совершить обходной маневр. Например, северная и восточная оперативные группы пять дней штурмовали соответственно совхозы «Смычка» и «1-е Мая», пока не решились их обойти. К тому же, имея трехкратное превосходство над противником в артиллерии, наступающая сторона распределила ее равномерно по всему фронту полуокружения, умудрившись достигнуть оперативной плотности 3—4 ствола на километр. Боевые действия по-прежнему велись вслепую, с «невидящими глазами». Пушкари, не получая данных от разведки, стреляли наугад и только по переднему краю.

Начальник армейской артиллерии попытался было привлечь к корректировке огня авиацию — прием, известный со времен Первой мировой войны, но получил от представителя ВВС удивительный ответ: «Для наших летчиков это дело непривычное». Единственная разведывательная эскадрилья имела на вооружении одномоторные гидросамолеты МБР-2 с двумя пулеметами и крейсерской скоростью 160 км/ч. Будучи легкой добычей для немецких истребителей и зениток, днем они летать не могли и использовались исключительно для ночных бомбардировок. Зато в этом качестве, судя по сводкам политотделов, урон врагу наносили страшный, укладывая немцев целыми полками. Вот как лихо описывала в ноябре действия 41-й эскадрильи газета «На страже Родины»:

«Эскадрилья ночью пересекла линию фронта и ворвалась в тыл противника, где немцы чувствовали себя в безопасности. Вражеские автоколонны шли с горящими фарами. Подожженные немцами деревни ярко пылали, освещая всю местность далеко кругом. Шагающие по дорогам отряды вражеской пехоты были хорошо видны сверху.

Тут наши летчики разгулялись, наши стрелки-радисты понатешились. Уничтожая бомбами танки, машины, батареи, наши самолеты переходили на бреющий полет и поливали мечущиеся полчища врага пулеметными струями. Разгром был полнейший. Враг бежал в разные стороны, оставляя тысячи трупов. А эскадрилья, исчерпав свои бое-

припасы, вернулась к себе на аэродром за новым грузом. Этот груз она тоже обрушила на головы врага.

На утро весь личный состав эскадрильи ликовал».

Невозможно представить, что здесь описан рейд на Любань четырех летающих лодок, способных поднять в воздух по шесть 100-кг бомб. Жаль, мало было у Красной Армии такой «грозной» техники.

Удивляет тот факт, что все четыре года войны советские наземные войска проклинали германские «рамы» и «костыли», не дававшие покоя ни на передовой, ни в тылу. И за все это время наши генералы так и не заказали подобные машины советской авиапромышленности. Когда армии понадобился фронтовой бомбардировщик, конструктор Петляков «сконструировал» его за месяц, срисовав закупленные в Рейхе чертежи дальнего истребителя Ме-110. В том же «сейфе» лежала и документация на недоброй памяти двухфюзеляжный ФВ-189, но до нее руки дошли лишь после падения Берлина. До конца войны корректировка артиллерийского огня с воздуха так и осталась для сталинских «соколов» непривычным делом.

В ходе тихвинской операции выяснилось также, что в стрелковых подразделениях, целиком положившихся на «богов войны», которые постоянно жаловались на нехватку боеприпасов, боезапас к ротным и батальонным минометам оставался неиспользованным. Как поясняют наши историки, недооценивали, оказывается, комбаты эффективность минометного огня (хотя о немецких минометах существовало противоположное мнение), а главное, не умели их применять. Пришлось изъять из батальонов минометные роты, из полков минометные батареи, свести их в минометные батальоны и минометные дивизионы и использовать централизованно под руководством более обученных товарищей.

Вскоре, несмотря на очередную директиву Ставки от 24 ноября, приказывавшую развить наметившийся успех и разгромить совместными усилиями «всю вражескую группировку восточнее реки Волхов», и прибытие из Москвы в помощь Мерецкову маршала Кулика, и без того неспешное

продвижение советских войск совершенно прекратилось, составив в среднем 5—8 км. Более того, еще 27 ноября генерал Гальдер считал, что наступление группы «Бекман» на Шум развивается достаточно успешно, и лишь 30 ноября в дневнике появилась запись: «Теперь становится все более очевидным, что предпринятое нами наступление на Шум было ошибкой. Главный удар группы Бекмана должен быть направлен на Волховстрой. Отдан соответствующий приказ». Но было поздно. Фронт ненадолго замер в шести километрах к югу, юго-востоку от Волхова и непосредственно у станции Войбокало, а 3 декабря 54-я армия, получив из Ленинграда тяжелые танки КВ, переправленные по льду Ладожского озера, нанесла контрудар по левому флангу группы «Бекман». Войскам ударной группировки, в которую входили 311, 285, 80-я стрелковые дивизии, 6-я бригада морской пехоты и 122-я танковая бригада, ставилась задача выйти в район Кириши и отрезать противнику пути отхода. Немцы отчаянно сопротивлялись, опираясь на систему взводных и ротных опорных пунктов, созданных в деревнях и поселках, на высотах и перекрестках дорог.

5 декабря, перегруппировавшись, сосредоточив главные силы на своем левом фланге и получив пополнение людьми и боеприпасами, продолжила наступление армия Мерецкова. Советские войска продвигались очень медленно. Перелом наступил только 7 декабря, когда левофланговые соединения 4-й армии прорвали оборону противника западнее Тихвина и, выйдя к Ситомле, создали угрозу перехвата единственной коммуникации его тихвинской группировки. Он совпал с переходом Красной Армии в контрнаступление под Москвой. 191-я и 65-я стрелковые дивизии вплотную подошли к Тихвину, огневые позиции заняли 200 орудий и два дивизиона гвардейских минометов. «Противник производит массированные артиллерийские налеты на город, — отметил генерал Гальдер. — Наши войска физически переутомлены. Это состояние усугубляют морозы, достигающие 30—35 градусов. Из пяти наших танков только один может вести огонь». В 8-й танковой ди-

визии наличествовало 28 офицеров, 146 унтер-офицеров, 750 солдат.

8 декабря германское командование приняло решение об эвакуации Тихвина и отводе своих войск на расстояние, «с которого можно воздействовать артиллерийским огнем по городу». 9 декабря, после жестокого ночного штурма, советские войска вошли в Тихвин.

О победе немедленно возвестило Советское информбюро: «В боях за Тихвин разгромлены 12-я танковая, 18-я моторизованная и 61-я пехотная дивизии противника. Немцы оставили на поле боя более 7000 трупов. Остатки этих дивизий, переодевшись в крестьянское платье и бросив вооружение, разбежались в лесах в сторону Будогощь. Захвачены большие трофеи, которые подсчитываются». Интересно, что из этого же сообщения сталинские «братья и сестры» впервые и узнали, что Тихвин был захвачен немцами «дней десять назад». Кстати, и 12-я танковая, и 18-я моторизованная дивизии, и остальные соединения корпуса Шмидта (и сменившего его генерала Арнима) уже были один раз «разгромлены» в сообщении Совинформбюро от 22 августа вместе с совершенно мифическими в 1941 году 11-й и 30-й дивизиями СС. И все же на этот раз им досталось: в Тихвинской авантюре 18-я мотодивизия потеряла почти 9000 солдат, к Волхову вышел 741 человек.

От 65-й стрелковой дивизии Кошевого тоже мало что осталось.

15 декабря с вводом в бой двух свежих дивизий (115-й из Ленинграда и 198-й с Карельского перешейка) успешнее стало развиваться наступление 54-й армии. Ее войска, продвинувшись на 20 км, вышли в район Оломны, охватив левый фланг волховской группировки противника. К этому времени части 4-й армии охватили ее правый фланг. Дивизии 52-й армии штурмовали Большую Вишеру.

16 декабря Гитлер утвердил предложение командования группы армий «Север» об отводе германских войск за реку Волхов, который предполагалось завершить к 22 декабря. Немцы «разбегались» планомерно, удерживая в своих руках тыловые коммуникации, оставляя сильные арьергарды

в опорных пунктах, которые долго и кроваво штурмовала русская пехота, минируя дороги и взрывая мосты (по уму, их должны были взорвать наши части при своем отступлении). Как и под Москвой, противника, даже «в крестьянском платье» и «бросившего вооружение», нигде не удалось ни окружить, ни отрезать.

В этот день «с большой болью» командующий группой армий «Север» доложил Гитлеру по телефону, что Тихвин придется сдать. Фюрер согласился, но настаивал на удержании позиций западнее города. По существу, происходило медленное выталкивание немецких частей за Волхов. Это признает генерал Федюнинский, назвавший главным недостатком «наше неумение осуществлять энергичный и дерзкий маневр для обхода и охвата населенных пунктов противника. Поэтому в ряде случаев борьба за эти пункты затягивалась». На усиление 1-го армейского корпуса из района Ораниенбаума была переброшена 291-я пехотная дивизия генерала Герцога. Темп советского наступления значительно снизился.

Генерал Гальдер, внимательно следивший за событиями на северо-западном направлении, ежедневно отмечал:

«Отход от Тихвина совершается в полном порядке. Матчасть вывезена целиком. Удалось организовать снабжение горючим. Русские противодействия не оказывают... На фронте группы армий «Север» идут бои местного значения, которые не мешают спокойному и планомерному отходу наших частей на волховском участке фронта».

17 декабря Ставка образовала Волховский фронт под командованием генерала армии К.А. Мерецкова. В него включались 4-я и 52-я армии, а также вновь сформированная 59-я и резервная 26-я, вскоре переименованная во 2-ю ударную. На 52-ю армию и 4-ю, которую возглавил генерал-майор П.А. Иванов, возлагалось преследование отступавшего противника. 59-я армия генерал-майора И.В. Галанина и 2-я ударная генерал-лейтенанта войск НКВД Г.Г. Соколова выдвигались к Волхову из районов формирования. Правый фланг нового фронта проходил севернее Киришей, левый упирался в озеро Ильмень. Как

ни настаивал Мерецков о передаче ему в подчинение действовавших с ним бок о бок войск Федюнинского, по требованию Хозина и Жданова 54-я армия осталась в составе Ленинградского фронта. Командующим двумя фронтами, как длительное время утверждали наши источники, была поставлена задача нанести поражение вражеской группировке, вышедшей к Ладожскому озеру в районе Мги, и снять блокаду с Ленинграда.

На самом деле, в эйфории от московской победы, Сталин приказал окружить, «пленить, а в случае отказа сдаться в плен, истребить» всю группу армий «Север» разом.

Основная роль отводилась Волховскому фронту. Его войска должны были очистить от противника всю территорию восточнее Волхова, с ходу форсировать реку и разбить немецкие дивизии, оборонявшиеся на западном берегу. Затем в ходе наступления в северо-западном направлении предстояло окружить и уничтожить противника, действовавшего под Ленинградом. Главный удар наносился в центре, в направлении на Грузино, Сиверскую, Волосово, Луга, глубоко обходя Ленинград с юга. Для выполнения этой задачи предназначались 59-я (366, 372, 374, 376, 378 и 382-я стрелковые, 78-я и 87-я кавалерийские дивизии, два танковых и шесть лыжных батальонов) и 2-я ударная (327-я стрелковая дивизия, 22, 23, 24, 25, 53, 57, 58, 59-я стрелковые бригады, два танковых и шесть лыжных батальонов) армии. Правофланговой 4-й армии (4-я гвардейская, 191, 44, 65, 377, 92, 310-я стрелковые, 27-я и 80-я кавалерийские, 60-я танковая дивизии, 46-я танковая бригада, три отдельных танковых батальона) предстояло наступать в общем направлении на Кириши, Тосно и во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру.

Для генерала Федюнинского это была совершенно новая задача. Всю осень его армия вела наступление в западном направлении, стремясь соединиться с частями, сражавшимися на Невском «пятачке». Теперь же войскам 54-й армии следовало перенести усилия в юго-восточном на-

правлении, в район Тосно—Любани, оставляя защитников левобережного плацдарма предоставленными самим себе (остатки советских соединений были выведены на правый берег Невы, их сменила 10-я стрелковая дивизия).

Одновременно командующему 52-й армией с переходящими в его подчинение частями Новгородской оперативной группы предписывалось разгромить новгородскую группировку противника и освободить Новгород. На втором этапе предполагалось ввести в дело еще одну общевойсковую армию и 18—20 лыжных батальонов. На правофланговую 11-ю армию Северо-Западного фронта возлагалась задача нанести удар в направлении Старой Руссы и отрезать немцам пути отхода со стороны Новгорода и Луги. Приморская группа Ленинградского фронта должна была перейти в наступление в юго-западном направлении с выброской воздушных десантов и лыжных отрядов, чтобы не позволить не желающим пленяться частям противника драпануть через Нарву.

Таким образом, в основе замысла лежала идея перерастания контрнаступления войск Волховского фронта, Ленинградского и Северо-Западного фронтов в мощную стратегическую операцию с участием свыше 80 расчетных дивизий, в ходе которой намечался ввод в боевые действия новых сил и средств и полный разгром всех войск фельдмаршала Лееба.

Немецкая разведка внимательно отслеживала ситуацию. Ровно через десять дней после подписания директивы Ставки служба радиоперехвата зафиксировала появление на волховском участке крупного штаба, «который, по-видимому, должен взять на себя общее руководство наступлением противника». Интересно, что для тех советских командиров, которые имели понятие о радиосредствах, верным признаком предстоящей атаки противника являлось внезапно наступавшее радиомолчание; для немцев — возрастающая активность «засекреченных» переговоров об «огурцах», «коробочках» и «карандашах».

21 декабря 4-я армия освободила Будогощь. На другой день ее передовые части вышли к Волхову. Южнее,

не встречая сопротивления, достигла реки полнокровная 372-я стрелковая дивизия прибывающей 59-й армии и в течение двух дней была истреблена собственным комдивом, иначе не скажешь. Начфин 372-го полка Н.Ф. Казанцев вспоминает, как опытные командиры, проведя разведку, предложили, не мешкая, ночным рейдом обойти противника через слабо охраняемый участок и утром разгромить его ударами с фронта и с тыла. Но дивизией-то командовали не они, а «прошедший школу Гражданской войны, имевший практику руководства полками и соединениями» (это согласно генеральским мемуарам), до армии работавший колхозным бригадиром (мемуары солдатские) полковник Н.П. Коркин.

«Командир дивизии не согласился и приказал окопаться до утра, — рассказывает Казанцев. — Потом отдал приказ наступать в 12 часов дня в лоб без артподготовки, и нашу дивизию на р. Волхов положили на 50%. После этого дивизия отошла на свои рубежи... В этом бою наша сибирская дивизия потерпела полный разгром. Остались убитыми на льду Волхова около 4 тысяч боевых товарищей, и мы не в состоянии были их похоронить. Две тысячи раненых отправлены в госпитали. Замечательные были командиры, политработники и солдаты, преданные Родине.

20 декабря 1941 г. получили приказ отвести нашу дивизию в тыл на формирование. По существу, мы не воевали, а позорно отходили в тыл. В 12 часов ночи прибыла новая дивизия, заняла наши рубежи, и мы отошли в лес, на 3 км от переднего края. Тут командир дивизии майор Коркин допустил еще одну ошибку, приказав не трогаться до утра. Несмотря на протесты командиров полков, комдив категорически запретил отход с передовой до утра, сказав, что «сибирская дивизия не может позорно отходить, крадучись, ночью. Наши солдаты стойкие, смелые, не трусы, смеясь (!!!), пойдут с передовой открыто, маршем, только днем». *(Колхозник, никаких сомнений!)* 21 декабря 1941 г. командир дивизии вызвал всех командиров полков и приказал им идти колоннами по шоссейной дороге на Гладь, где будет получено пополнение. В 10 часов утра наша дивизия

двинулась. Командир дивизии во главе со штабом, командирами полков и комиссарами, верхом на лошадях, повели дивизию походным маршем с передовой. Полки шли на марше общей колонной среди белого дня. Немцы обнаружили это и выслали 3 бомбардировщика и 2 истребителя, которые начали нас бомбить. А колонна все двигалась по шоссе, и **ни один офицер не подал команды**, чтобы спасаться, хотя с обеих сторон был лес. Видимо, на самолетах кончились боеприпасы, они совсем обнаглели, низко спускались и стали нас «лыжами давить». «Спасайтесь!» — закричал, наконец, какой-то офицер из зенитчиков, стоявших в лесу. Сначала отдельные группы, а потом и все хлынули в лес».

Коркина с должности сняли, чтобы через два месяца дать ему другую дивизию. В конце концов, в глазах начальства плох не тот командир, который бессмысленно теряет людей, а тот, который, жалея солдат, смеет свое суждение иметь и приказы начальства обсуждать.

22—26 декабря немецкие войска заняли оборонительные позиции на западном берегу реки. Советские части сумели захватить три небольших плацдарма севернее Грузино и в районе устья реки Тигода, которые из-за малых размеров и открытого характера местности не могли служить для накапливания сил и дальнейшего развития наступления. Атаки с целью расширения этих плацдармов цели не достигли. В свою очередь, немцам удалось удержать за собой два значительных плацдарма: у Киришей и Грузино. Армия Федюнинского к 28 декабря потеснила противника за железнодорожную линию Мга—Кириши.

К концу декабря германские дивизии оказались на рубеже, с которого они начали наступление на Тихвин. План германского командования полностью изолировать Ленинград провалился. Было восстановлено сквозное движение по Северной железной дороге до станции Войбокало, а оттуда — до перевалочной базы на Ладоге. Потери немцев были велики. Войска трех советских армий в наступательной фазе Тихвинской операции потеряли 49 тысяч человек убитыми и ранеными, 70 танков, 2293 орудия и миномета, 82 самолета. Цифры можно считать заниженными уже

потому, что потери 59-й армии они не учитывают. К слову, изображая карикатурных немцев в бабьих платках, замерзающих на русском морозе, наша пропаганда, конечно, молчала о том, что все это время войска Мерецкова, за исключением свежих сибирских дивизий, воевали в летнем обмундировании.

Провал немецкого наступления на Тихвин стал тяжелым ударом и для финнов. «Они надеялись, — пишет Типпельскирх, — что у Ладожского озера произойдет объединение немецких и финских сил и, как следствие этого, полное окружение Ленинграда, которое вскоре приведет к падению города и сделает излишним финский фронт на Карельском перешейке. Провал немецких замыслов, кроме всего прочего, ухудшал положение финнов еще и потому, что они в ожидании быстрой и решительной победы над Советским Союзом, к которой стремились всеми силами, мобилизовали всех, способных носить оружие. Это так тяжело отразилось на экономике страны, что финское командование было вынуждено уволить из армии большое количество людей и слить ряд частей». К весне 1942 года с фронта было отпущено 180 тысяч человек. Ко всем печалям, 28 ноября Лондон предъявил Хельсинки ультиматум с требованием прекратить боевые действия против СССР, а 6 декабря, в день независимости Финляндии, Англия объявила финнам войну.

Полководец Мерецков по ходу Тихвинской операции сделал глубокомысленный вывод: «Опыт проведенных боев показал также, что войска должны проходить специальную подготовку для действий в незнакомом (?) и трудном в климатическом и географическом отношении месте».

Ставка требовала без оперативной паузы продолжить наступательные действия и как можно быстрее преодолеть рубеж реки Волхов. Однако эшелоны с подразделениями 2-й ударной и 59-й армий начали прибывать в район Малой Вишеры только в конце декабря. Тылы и артиллерия отстали. Не довольствуясь директивными указаниями, Кремль 29 декабря направил на Волховский фронт извест-

ного «подгоняклу» корпусного комиссара Л.З. Мехлиса, который доставил Мерецкову личное письмо Сталина:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменялось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин».

Но сил для единого и общего удара у нового фронта не было. В первых числах января стало очевидным, что на сосредоточение резервных армий потребуется еще несколько дней. Прорыв с ходу не получился, противник основательно закрепился за рекой и организовал систему огня.

Срок перехода в наступление был перенесен на 7 января 1942 года.

Смольный продолжал демонстрировать активность. «Будем воевать зверски на всех участках...» — рапортовали Вождю Жданов и Хозин.

Поэтому 8-я армия упрямо атаковала Арбузово и рощу «Фигурная» с Невского «пятачка». Наконец, командующий фронтом согласился с предложением Военного совета армии нанести вспомогательный удар в десяти километрах к северу от Невской Дубровки. 25 декабря 4-я отдельная бригада морской пехоты предприняла попытку форсировать Неву в этом месте. Однако попытка успеха не имела, так же как и наступление на главном направлении. Немецкие историки скрупулезно подсчитали, что русские с 15 ноября по 27 декабря атаковали небольшими боевыми группами 79 раз, в составе до двух рот — 66 раз, в составе батальона и выше — 50 раз. При отражении 16 танковых атак был уничтожен 51 танк. Из строя 1-й пехотной дивизии к середине декабря было выведено 1500 человек.

55-я армия, получившая ближайшую задачу овладеть поселком Красный Бор, станцией Ульяновка, а затем про-

двигаться на Тосно, по-прежнему топталась у противотанкового рва.

За истекшие три месяца немцы возвели по обеим его сторонам три ряда проволочных заграждений и рогаток, минные поля, множество огневых точек. Поселки Путролово, Ям-Ижору, Красный Бор, Феклистово, Никольское, расположенные на возвышенности, превратили в мощные опорные пункты и обстреливали из них артиллерийско-минометным огнем Колпино, Понтонный, Саперный, где находились советские батареи, штабы, медсанбаты.

7 декабря 125-й стрелковой дивизии удалось ненадолго захватить 500 метров рва. Из 180 человек в строю осталось 17.

18 декабря в противотанковый ров внезапной ночной атакой ворвался свежий лыжный батальон под командованием старшего лейтенанта А.Ф. Забары, но продержался только до утра. «Утром 18 декабря, — вспоминает полковник В.К. Зиновьев, — фашисты устроили вокруг захваченного участка рва настоящий огневой вал и бросили на наш лыжный батальон свои отборные подразделения головорезов. Ров был оставлен. Но «виноватого» в этом уже не нашли. Он был в госпитале...

И снова, как и раньше, ров переходил из рук в руки. Ночью мы вышибем гитлеровцев, а днем они снова его захватывают. Судьба лыжного батальона обострила во мне давно родившееся чувство неудовлетворенности тем, что происходит с нашими ударными частями. Вдуматься только! Одиннадцатого декабря мы отправили с фронта в Ленинград старшего лейтенанта Забару сформировать лыжный батальон, а уже через неделю после этого командование армии бросило необученную и несплоченную часть в бой. Еще раньше такое же произошло и в соседней дивизии. Левее от нас, ближе к Неве, ударная часть наступала на вражеские позиции при поддержке танков. Но местность там была болотистая, и танки застряли, не достигнув цели, а наступающие были остановлены огнем вражеской артиллерии. Выходило, что удар наносился не мощным кулаком, а растопыренными пальцами».

20 декабря на штурм рва пошла 268-я стрелковая дивизия при поддержке 84-го отдельного танкового батальона. Советская пехота выбила немцев из траншей и вышла к окраине Красного Бора, однако развития удар не получил. «Наш полк должен был наступать во втором эшелоне, — пишет подполковник Д.В. Иванов, — но из-за плохой разведки огневых точек противника ход боя изменился. Первым прорвал оборону немцев в противотанковом рву 942-й полк. Ввод 947-го СП обеспечил развитие прорыва по фронту и закрепление плацдарма за рвом. Но дальнейший успех наступления развивать было уже нечем. Армейский резерв командование не вводило до тех пор, пока наша дивизия не овладеет северной окраиной Красного Бора. Противник успел создать здесь мощную линию обороны, устроил в большинстве домов огневые точки, и все попытки войти в Красный Бор успеха не имели. Дивизия понесла большие потери...»

Следующей ночью противник вновь овладел рвом, а 21 декабря снова пошла в атаку 125-я стрелковая дивизия, снова захватила участок рва перед Красным Бором и держала его два дня. 22 декабря от прямого попадания артиллерийского снаряда в передовой наблюдательный пункт погиб командир дивизии генерал-майор П.П. Богайчук.

Как ни старались семь советских дивизий (72, 43, 70, 268, 85, 56, 125-я) ежедневными атаками «отвлечь» две дивизии противника, в конце декабря немцы отвели часть своих сил — 409-й полк 122-й пехотной дивизии и 407-й полк 121-й дивизии — к Волхову. Позиции южнее Колпино занял 1-й полк полицейской дивизии СС (почти одновременно позиции под Петергофом оставила 291-я пехотная дивизия). Это обстоятельство позволило 55-й армии занять и закрепить за собой участок рва от Ям-Ижоры до Октябрьской железной дороги. В ходе боев за противотанковый ров только в последнюю декаду декабря армия потеряла 25 234 человека.

Враг отошел на два километра к Красному Бору. 125-я стрелковая дивизия, которую принял генерал-майор И.И. Фадеев, немедленно получила приказ захватить этот небольшой, но хорошо укрепленный поселок.

Начались упорные бои за Красный Бор. Они оказались безуспешными: по-прежнему пехота шла на неподавленные огневые точки; взаимодействия с танками не было; пополнение вводилось в бой с ходу и погибало.

«В конце декабря началось очень большое наступление на Красный Бор, — вспоминает П.А. Чугуй. — Участвовали две роты 84-го батальона. Наступали слева от Октябрьской ж/д. Болото, за ним — противотанковый ров. Саперы сделали проход через ров, но он оказался слишком узким для КВ. Танки застряли, пехота понесла очень большие потери. Красный Бор остался у немцев». Только санитарные потери 55-й армии в декабре 1941 года составили 41,6%, таким образом, за месяц было выбито больше половины ее состава.

42-я армия, согласно донесениям штаба Ленфронта, то «приводила себя в порядок», то возобновляла наступление «с прежней задачей».

Всем этим лихорадочным атакам с целью скорейшего прорыва блокады была еще одна причина — ГОЛОД. Хотя данное обстоятельство ничем не может оправдать бездарность исполнения.

В результате целого ряда просчетов руководства города и военного командования ленинградцы оказались в трагическом положении. До конца лета 1941 года не предпринималось практических шагов по эвакуации населения и накоплению запасов продовольствия. В июне и июле из Прибалтики были вывезены по железной дороге многие тысячи тонн зерна, но не в Ленинград, а на восток. Более того, продовольствие из города вывозилось. По указанию Жданова заворачивались обратно эшелоны, следовавшие в западные районы согласно мобилизационному плану. В начале июля была предпринята попытка разгрузить Ленинград от лишних «ртов». Около 200 тысяч детей вывезли в районы Ленинградской области, но менее чем через месяц их пришлось спешно реэвакуировать обратно. В июле—августе из города на восток выехало 164 тысячи человек — в основном рабочие намеченных к эвакуации предприятий

и члены их семей. Конечно, большинство рядовых граждан не могло тогда представить, что немцы окажутся у самых стен Ленинграда, но А.А. Жданову и М.М. Попову стоило проявить больше дальновидности.

Прибывший в конце августа с правительственной комиссией начальник артиллерии Красной Армии генерал Н.Н. Воронов отметил: «К моему удивлению, город продолжал жить очень спокойно. Можно было подумать, что бои разворачиваются на ближних подступах к Берлину, а не под стенами Ленинграда. К эвакуации населения еще не приступали. Здесь явно недооценивали угрозы, которая надвигалась на город».

Всерьез вопросами эвакуации занималось лишь управление НКВД, но наследники Дзержинского решали свою узко-специфическую задачу: очистить Ленинград от «контрреволюционного и враждебно-настроенного элемента». Высылке в Омск, Новосибирск, Красноярск и солнечные районы Северного Казахстана подлежали 95 тысяч лиц финской и немецкой национальностей, а также эсеры, троцкисты, дворяне, харбинцы, воры и прочие проститутки и враги советской власти. Однако и эти планы в установленные сроки реализовать не удалось.

В результате в тот момент, когда сомкнулось кольцо блокады, в Ленинграде и пригородах оказалось 2,8 миллиона человек гражданского населения, в том числе свыше 100 тысяч беженцев. Не менее 1,2 миллиона относилось к категории «несамодеятельного населения», из них около 400 тысяч детей. Запасов продовольствия, исходя из норм, введенных 18 июля, имелось примерно на месяц. Все еще отсутствовал централизованный контроль над продовольственными запасами, которыми располагали многочисленные организации; по-прежнему работали рестораны и продавались товары по коммерческим ценам.

Спохватившийся председатель Ленинградского исполкома П.С. Попков 6 сентября сообщил в ГКО, что продовольствия в городе осталось очень мало, и просил ускорить его доставку. Но все сухопутные коммуникации были уже перерезаны. 9 сентября было принято решение о строитель-

стве порта в бухте Осиновец на западном берегу Ладожского озера, около конечной станции пригородной железной дороги. Предполагалось, что через этот порт можно будет вывезти из Ленинграда капитальное оборудование, доставлять в город продовольствие и другое снабжение. К концу сентября Осиновец должен был пропускать по двенадцать судов ежесуточно. Однако атаки авиации противника, а также осенние штормы сильно затрудняли мероприятия, призванные надежно связать Ленинград с Большой землей. Немцы активно бомбили Осиновец, грузовую пристань Новая Ладога на южной стороне озера и все, что могло держаться на воде. Множество буксиров и барж было потоплено в первые недели после открытия Ладожского водного пути. Кроме того, осенняя навигация была очень короткой и закончилась 15 ноября. За этот период в город было доставлено 45 тысяч тонн продовольствия, 45 тысяч винтовок, 1 тысяча пулеметов, свыше 108 тысяч мин, а также две стрелковые дивизии и бригада морской пехоты общей численностью 20 тысяч человек. Эвакуировано — 33,5 тысячи жителей. Продуктов было явно недостаточно, они расходовались практически сразу. Да и не имело смысла завозить большие запасы в город, превращенный в «пороховую бочку» и, с точки зрения кремлевского руководства, обреченный.

С 16 ноября Ленинград мог снабжаться только по воздуху. Для этого было выделено 50 транспортников «Дуглас» и 10 самолетов ТБ-3, загружавшихся прессованным мясом, комбижиром и концентратами (особые авиагруппы были сформированы гораздо раньше, но занимались они транспортировкой исключительно военных грузов). Их прикрывали 127, 154 и 286-й истребительные полки. Подвоз продовольствия авиацией не удовлетворял и пятой части потребностей фронта и города. С 12 сентября рабочие получали 500 граммов хлеба в день, служащие и дети — 300 граммов, иждивенцы — 250 граммов. Нормы последовательно урезались 1 октября и 13 ноября, а 20 ноября было проведено самое большое снижение продовольственных норм за все время: рабочим полагалось 250 граммов хлеба, всем

остальным — всего 125. Хлебом этот суррогатный «продукт», наполовину состоявший из хлопкового и льняного жмыха, отрубей, целлюлозы, заплесневелой муки, можно было назвать лишь условно. Полагавшиеся по карточкам мясо и жиры не выдавались вообще.

Вечно живой Ильич, давший ответы на все вопросы, от распространения лотереи до изучения электрона, и здесь не оставил своих верных последователей без рекомендаций. «Когда речь идет о распределении продовольствия, **думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя**, — растолковывал В.И. Ленин, — а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства. Необходимо давать государственное содержание продовольствием только тем служащим, которые действительно нужны в условиях наибольшей производительности труда, и если распределять продовольственные продукты как орудие политики, то в **сторону уменьшения тех, которые не безусловно нужны, и поощрения тех, кто действительно нужен**». В разряд «не безусловно нужных», обреченных на голодную смерть, в соответствии с заветами вождя мирового пролетариата, определили служащих, стариков и детей, «не повышающих производства». Рабочие карточки имела только треть населения.

Стремясь найти выход из положения, Военный совет Ленинградского фронта предложил организовать дорогу по льду Ладоги. Сталин санкционировал предложение, хотя отнесся к нему скептически, как к «малонадежному» и не имеющему серьезного значения. Трасса была опробована 22 ноября, когда толщина льда достигла 18 см. За первые две недели эксплуатации, под немецкими бомбами по недостаточно прочному льду, было потеряно 126 автомашин. Падение Тихвина и выход противника к станции Войбокало поставили Ленинград на грань катастрофы. Сталин, поставив крест на городе, приказал ленинградцам сформировать пять автотранспортных батальонов с полной заправкой и лучшими водителями и передать их в распоряжение Верховного Главнокомандования, одновременно в распоряжение Москвы были отозваны «дугласы». В конце

декабря — начале января продовольствие в Ленинград вообще не поступало, магазины не открывались.

Реально легендарная Военно-автомобильная дорога № 102, известная как «Дорога жизни», начала функционировать лишь с середины января 1942 года, после поражения немцев под Москвой, визита Жданова в Кремль, выхода «Распоряжения Совнаркома СССР о помощи Ленинграду продовольствием» и восстановления железной дороги и взорванных мостов между Тихвином, Волховом и Войбокало.

Тогда же началась массовая эвакуация гражданского населения.

К этому времени погибли уже десятки тысяч жителей, главной причиной смертности была алиментарная дистрофия, то есть голодное истощение. В ноябре, по данным Управления НКВД, от голода умерло 11 тысяч человек, в декабре — почти 53 тысячи, в январе, несмотря на прибавку 50—100 граммов хлеба, — 97 тысяч человек. Множились случаи смертности на улицах, нападений на магазины, убийства и ограбления граждан с целью завладения продуктовыми карточками. За этот же период было зафиксировано 413 случаев людоедства, настоящая охота велась на детей. Люди сходили с ума, теряли человеческий облик. Блокадник из обреченных Б. Михайлов писал: «Блокада — это моральное и физическое уродование человека, его души и тела. Нет, не до животного, а до какого-то выродка, психического урода, все помыслы и действия которого сужаются до размеров пайка, куска дуранды, горсти хряпы. Как возможно, например, убедить мать, что она способна убить и съесть своего грудного ребенка! А такое рассказывали, и я верю... Я не жалею, что родился в такое лихолетье. Не жалею, что судьба бросала меня в самые-самые остроты войны. Предложи сейчас выбор — я бы прошел тот же путь, за исключением БЛОКАДЫ. Перед ней я, не задумываясь, выберу смерть».

О голоде в Ленинграде Советское информационное бюро не вещало, но «сюжет» использовало: как раз в январе поведав об «истекающем кровью, пухнущем от голо-

да, мрущем от болезней населении Германии» (а до этого утверждали, что на них вся Европа работает).

При этом высшие партийные и советские функционеры — «по праву» — не считали зазорным заказывать себе зернистую икру, ромовых баб и венские пирожные. Один из низовых комиссаров, посетивший Смольный по делу зимой 1942 года, писал:

«Я готов был увидеть там много хлеба и даже колбасу. Но там были пирожные!»

Первый секретарь Ленинградского горкома А.А. Кузнецов на заседании бюро уговаривал партийную номенклатуру «войти в положение граждан города», подчеркивая, «ведь мы и лучше кушаем, спим в тепле, и белье нам выстирают и выгладят, и при свете мы». К «действительно нужным» относились высокопоставленные агитаторы типа придворного драматурга Всеволода Вишневского, «любившего выступать перед народом» со страстными истеричными речами и поедавшего бифштексы с белым хлебом — исключительно в интересах дела, подчиняясь партийной дисциплине и решению Политуправления флота, — на глазах у умирающей от дистрофии жены.

Две реальности и их обитатели существовали параллельно, пересекаясь лишь на митингах и собраниях, на которых сытые разъясняли голодным их долг перед партией и Советской Родиной. Страшен смысл отчетов городских служб и штабов, изложенных с сухой казенностью и бюрократической суконностью языка: «Уборка дистрофиков на улицах города (собрано 9207 человек)».

Город на Неве находился и в информационной блокаде, установленной родной Советской властью. Настолько плотной, что вывезенные из Ленинграда летом 1941 года рабочие и персонал оборонных заводов завидовали оставшимся. Ленинградцы, давно съевшие всех ворон, истреблявшие и сушившие впрок кошек и крыс, изобретавшие рецепты приготовления блюд из кожи, столярного клея и трудно представить из чего еще, получали из-за Волги письма с жалобами на скудость жизни в эвакуации и просьбами прислать шоколадных конфет.

Помимо нехватки продовольствия, в Ленинграде катастрофически не хватало топлива, запасы угля и нефти кончились еще в конце сентября, утвержденный горисполкомом план заготовки дров был выполнен на 1%. В октябре жилые дома остались без электричества и центрального отопления, остановилось большинство заводов. В ноябре перестали ходить трамваи, в декабре замерзли водопровод и канализация. Отсутствие еды, света, отопления дополнялось налетами немецкой авиации и непрерывными артиллерийскими обстрелами. За три осенних месяца на город обрушилось более 10 тысяч снарядов и почти 68 тысяч бомб. В результате 3840 человек были убиты и 14 тысяч ранены. Судя по тому, что безопасной считалась южная сторона улиц, финны город не обстреливали, а ведь именно страх перед финскими «дальнобойными орудиями» стал официальным поводом для развязывания «зимней войны» в 1939 году.

Неизбежно ухудшалось и продовольственное снабжение фронта, солдатские рационы тоже пришлось урезать. Красноармейская норма хлеба на передовой составляла 500 грамм, во втором эшелоне — 300. Раз в сутки выдавалась порция супа. Бойцы круглые сутки находились вне укрытий, которые в буднях бесконечных атак не удосужились построить, и страдали от недоедания и обморожения. На 1 декабря в войсках Ленинградского фронта, действовавших на блокированной территории, болел тяжелой формой дистрофии 6061 человек, на 1 января 1942 года количество больных возросло до 12 604, а на 1 февраля — до 13 719 человек. К весне, как следствие острого авитаминоза, у многих начались цинга и «куриная слепота», в сумерках на прифронтовых дорогах нередко можно было увидеть процессии, напоминающие известную картину Питера Брейгеля: один зрячий солдат медленно вел за собой вереницу других.

Сильно подрывало моральный дух отсутствие табака. «Курильщики просто сходили с ума, — вспоминал Юрий Никулин, — и все мучительно думали, где достать хотя бы одну самокрутку. Жалели о том, как нерасчетливо курили в

мирное время». Комсоставу иногда выдавали тонюсенькие папироски, замешанные пополам с листьями, называемые, нетрудно догадаться, «дистрофиками».

Ленинградский голодомор в большой степени был обусловлен организационными просчетами советской бюрократии, не имевшей привычки проявлять заботу о населении, большевистской убежденностью, что «распределение есть метод повышения производства», и повсеместным воровством. Без всякой блокады голодали и умирали в 1942 году от дистрофии воины Калининского, Донского, Сталинградского и других фронтов.

Глава 6

ЭВАКУАЦИЯ ХАНКО

(ноябрь 1941 года)

В ноябре 1941 года Балтийский флот провел операцию по эвакуации Ханко (Гангута) — арендованной у Финляндии под дулом пистолета военно-морской базы, которая позволяла контролировать северную часть входа в Финский залив. Сухопутную оборону полуострова составляли перегородившие 22-километровый перешеек два оборонительных рубежа. Сектор береговой обороны располагал несколькими железнодорожными и стационарными батареями с орудиями калибром от 305 до 45 мм. Противовоздушная оборона состояла из двенадцати 76-мм батарей и 11 истребителей. Охрану водного района осуществляли семь морских охотников. На полуострове находилась 8-я стрелковая бригада полковника Н.П. Симоняка, усиленная артиллерийским полком, зенитным артиллерийским дивизионом, танковым и саперным батальонами. Общая численность гарнизона составляла 27 тысяч человек при 114 орудиях и 50 танках Т-26 и Т-37. Командиром ВМБ незадолго до войны был назначен генерал-майор С.И. Кабанов.

Для захвата советской базы финны сформировали ударную группу «Ханко» в составе 17-й пехотной дивизии с частями усиления и артиллерийской группировкой, насчитывавшей 153 орудия.

В ночь на 1 июля они попытались внезапным штурмом захватить полуостров, но были отбиты. В дальнейшем на

хорошо укрепленном обеими сторонами перешейке — три советские оборонительные линии и четыре финские — активные действия почти не велись, борьба свелась к систематическим артиллерийским обстрелам и высадкам небольших десантов на прилегающие к Ханко острова.

В августе в распоряжение генерала Кабанова прибыл из Палдиски 46-й отдельный стрелковый батальон численностью 1100 человек, а из саперного батальона, инженерных частей и тыловых подразделений был сформирован 219-й стрелковый полк. Теперь 8-я бригада по силе равнялась стрелковой дивизии. 7 сентября в прямое подчинение командиру базы перешел гарнизон острова Осмуссар, насчитывавший около тысячи человек. Генералу Кабанову были поставлены задачи не допустить прорыва вражеского флота через Центральную минно-артиллерийскую позицию в Финский залив и упорной обороной отвлекать как можно больше сил противника с Ленинградского фронта. Если отбросить патриотические песни главпуровских сказителей о «массовом героизме», хорошо организованной партийно-политической работе и о том, что «звание «гангутец» внушало ужас врагу», то останется голый результат: обе задачи решения не имели.

Во-первых, никакие «тирпицы» и «шарнхорсты» к Кронштадту не рвались и не собирались. Вновь сошлемся на мнение адмирала Н.М. Соболева: «Постановка немцами большого минного заграждения на Балтике свидетельствовала о том, что они не были намерены прорываться в Финский залив, берегли большие корабли для действий в Атлантике. Таким образом, создание минно-артиллерийской позиции у входа в Финский залив **не имело смысла.** В очередной раз мы оказались в плену у шаблона».

Во-вторых, трудно представить, каким образом запертый на полуострове советский гарнизон мог отвлекать крупные силы от Ленинграда. И действительно, уже в августе большая часть 17-й финской дивизии была переброшена на Карельский перешеек, а в районе Ханко остался один пехотный полк и несколько полевых батарей, на островах — береговые батареи, пограничники и отдельные

батальоны. Значительно снизилась интенсивность артобстрелов и действий авиации.

Наконец, через четыре месяца осады стало ясно, что никакого смысла в удержании Ханко нет. Флот не мог использовать полуостров в качестве оперативной базы, Центральная минно-артиллерийская позиция после оставления Таллина потеряла всякое значение, надвигавшийся ледостав ставил гарнизон в безнадежное положение — полное окружение с отрезанными коммуникациями. 23 октября Ставка ВКГ приняла решение оставить полуостров.

Советские потери за 165 дней «героической обороны» составили 797 человек убитыми и около 1200 ранеными, потери противника — «огромные». Эвакуации подлежали почти 28 тысяч бойцов и командиров с полуострова Ханко и острова Осмуссар.

План эвакуации предусматривал два этапа: на первом предстояло несколькими отрядами кораблей вывезти части вторых эшелонов, тылы, технику и запасы продовольствия, на втором — войска передовой линии обороны. Материальную часть и объекты, не подлежащие эвакуации, надлежало уничтожить. Ввиду утопления в ходе «успешного» Таллинского прорыва большинства мобилизованных транспортов и изначального отсутствия в составе флота специальных судов, войсковые перевозки решили осуществлять на боевых кораблях. Путь почти в 140 миль между Гогландом и Ханко рекомендовалось преодолевать в темное время суток, поскольку истребительное прикрытие на переходе не предусматривалось.

Руководство операцией было возложено на командующего отрядом легких сил вице-адмирала В.П. Дрозда. За прикрытие отхода войск с оборонительных рубежей, посадку на корабли, снятие гарнизона с острова Осмуссар отвечал генерал Кабанов. На Гогланде разворачивался аварийно-спасательный отряд под командованием И.Г. Святова.

Главную опасность по-прежнему представляли немецкие, финские и советские мины, которыми был нашпигован Финский залив. Германские линкоры продолжали

оставаться головной болью наших флотоводцев: осень они посвятили созданию новой минно-артиллерийской позиции на подступах к Кронштадту. Всего балтийцы в 1941 году вывалили в море более 12 тысяч мин, почти все имевшиеся на складах запасы. Немцы в это время продолжали безнаказанно минировать среднюю часть Финского залива. Достоверных данных о минной обстановке штаб Трибуца не имел, тральной разведки и систематического траления не организовывал, не имея такой возможности. Наставление по боевой деятельности тральных сил для надежной проводки одного отряда кораблей требовало привлекать наряд из девяти базовых тральщиков, в составе Балтийского флота их осталось всего семь, из них только пять могли выйти в море. Маршрут движения, конечно же, проложили через «хорошо знакомое» заграждение «Юминда». Наступивший период штормов и появление льда также не способствовали проведению операции.

Финские войска эвакуации не мешали.

Первый контингент войск был вывезен 26 октября. Отряд кораблей в составе трех тральщиков в сопровождении трех катеров МО под командованием капитана 3 ранга В.П. Лихолетова ради экономии времени (!) следовал на Ханко без тралов. В итоге в районе острова Кери подорвался и затонул Т-203 «Патрон». Остальные доставили в Ораниенбаум батальон 270-го стрелкового полка с легкой артиллерией. Это позволило командованию флота доложить Военному совету Ленинградского фронта о готовности к проведению операции. 31 октября было получено «добро» на начало эвакуации.

К этому времени в Кронштадте сформировали отряд под командованием адмирала Дрозда в составе эскадренных миноносцев «Стойкий» и «Сильный», минного заградителя «Марти», пяти базовых тральщиков, шести сторожевых и трех торпедных катеров. Для оперативного обеспечения переходов на позициях в устье Финского залива находились подводные лодки С-9 и Щ-324, а в районе Таллина — С-7. В ночь на 2 ноября отряд кораблей двумя группами начал движение к Ханко. Основные силы совершили

переход благополучно и приняли на борт 4246 командиров и красноармейцев и два дивизиона полевой артиллерии. Задержавшаяся и вышедшая отдельно группа из тральщика, трех торпедных и двух сторожевых катеров была атакована немецкими самолетами. В результате все торпедные катера — ТКА-72, ТКА-88 и ТКА-102 — были потоплены, а поврежденный «охотник» отбуксирован на остров Лавансаари. Отряд Дрозда прибыл в Кронштадт 4 ноября без потерь, доставив 4246 человек.

Еще до его возвращения начал переход на Ханко отряд капитана 2 ранга В.М. Нарыкова в составе эсминцев «Суровый» и «Сметливый», четырех торпедных и четырех сторожевых катеров в обеспечении трех базовых тральщиков. Он без происшествий прибыл к месту назначения, принял более 2000 человек и вечером 4 ноября отправился в обратный путь. Возле острова Найсаар эсминец «Сметливый» вышел из протраленной полосы и захватил параванами сразу две мины. От их взрывов на корабле сдетонировал боезапас, и он затонул, погиб командир капитан 2 ранга В.И. Маслов и около 400 офицеров, красноармейцев и краснофлотцев. С эсминца удалось снять 80 членов экипажа и 233 человека из числа эвакуированных. Их на тральщике Т-205 «Гафель» и трех морских охотниках вернули обратно в Ханко. Остальные корабли отряда прибыли на Гогланд, доставив 1263 человека.

9 ноября тем же маршрутом отправился третий отряд под водительством командира линкора «Октябрьская революция» контр-адмирала М.З. Москаленко. В состав отряда входили лидер «Ленинград», эсминец «Стойкий», минный заградитель «Урал», транспорт «Жданов», пять базовых тральщиков и четыре малых «охотника». Переход начался в сложных погодных условиях, ветер усилился до семи баллов, корабли часто теряли друг друга из виду и не могли следовать за тралами. Два тральщика столкнулись, один из них получил серьезные повреждения. Командир отряда принял решение вернуться на рейд острова Гогланд. Вечером 11 ноября корабли вновь вышли курсом на Ханко в сопровождении только трех тральщиков, причем са-

мые крупные единицы — «Урал» и «Жданов» — не имели параванов-охранителей.

В ночь с 11 на 12 ноября лидер «Ленинград» захватил охранителем две мины. От их взрыва корабль получил повреждения корпуса и встал на якорь. Остановился и следовавший ему в кильватер транспорт «Жданов» водоизмещением 3869 тонн. Адмирал Москаленко, не дойдя до Ханко 65 миль, повернул отряд на обратный курс для оказания помощи «Ленинграду». В это время командир лидера принял решение самостоятельно возвращаться в базу. Транспорт был поставлен лидирующим, а «Ленинград», на котором вышел из строя гирокомпас, лег ему в кильватер. В результате вскоре не располагавший никакими средствами защиты «Жданов» наткнулся на мину и через 8 минут затонул, его команду успел снять подоспевший «охотник». После ночных мытарств уцелевшие корабли вновь сосредоточились у Гогланда.

Вечером 13 ноября отряд Москаленко после переформирования снова вышел на Ханко. Теперь в его составе были эсминцы «Гордый» и «Суровый», минзаг «Урал», шесть катеров МО и четыре тральщика. К конвою присоединились следовавшие на боевые позиции подводные лодки Л-2 и М-98. Сразу после полуночи на траверзе мыса Юминда подорвался тральщик Т-206 «Верп». Спасая его команду, погиб на мине катер МО-301. Затем дважды подорвалась и подлодка Л-2, с нее спаслись три человека. От взрыва в параване тяжелые повреждения получил флагманский эсминец «Суровый», его пришлось затопить. Адмирал Москаленко перешел на борт сторожевого катера и в охранении двух тральщиков вернулся на Гогланд. В командование оставшимися кораблями вступил командир дивизиона минных заградителей капитан 1 ранга Н.И. Мещерский. По его приказанию отряд возглавил эсминец «Гордый» в обеспечении одного тральщика. Подводная лодка М-98 отделилась и пошла в район позиции самостоятельно. Через час она погибла со всем экипажем. Наконец, в 3.26 подорвался на двух минах и затонул эсминец «Гордый». В итоге утром 14 ноября на рейд Ханко прибыли только «Урал», тральщик Т-215 и три малых «охотника».

Гибель третьего отряда кораблей несколько стимулировала мыслительную деятельность адмиралов, которые решили все-таки изменить маршрут и воспользоваться северным фарватером, хоть и проходившим близко к финским шхерам, зато позволявшим обогнуть заграждение «Юминда». Ввиду низкой активности вражеской авиации к эвакуации были привлечены мелкосидящие транспортные средства, переоборудованные траулеры и малотоннажные суда. До 29 ноября три отряда вывезли с Ханко около 9200 человек, 18 танков Т-26, 720 тонн продовольствия и 250 тонн боеприпасов. Одновременно производилась переброска на Ханко гарнизона острова Осмуссар. Из 29 кораблей и судов, участвовавших в перевозках в этот период, были потеряны на минах сетевой заградитель «Азимут» и два переоборудованных тральщика с 728 эвакуированными. На полуострове осталось около 12 тысяч человек.

Для эвакуации последнего эшелона войск на Ханко 30 ноября прибыл отряд под флагом адмирала Дрозда в составе эсминцев «Стойкий» и «Славный», шести тральщиков, семи сторожевых катеров и турбоэлектрохода «Иосиф Сталин». На следующий день подошел последний отряд под командованием капитан-лейтенанта П.В. Швецова, в который входили канонерская лодка «Волга», сторожевик «Виртсайтис», два тральщика, два катера МО и транспорт № 538. В ночь с 1 на 2 декабря был начат отвод войск с оборонительных позиций и посадка их на корабли. Последними отходили части прикрытия и саперы, минировавшие дороги и объекты базы. Финны никаких препятствий не оказывали. Тральщик «Гафель» снял с острова Осмуссар последних 340 его защитников.

С наступлением темноты 2 июня покинули Ханко тихоходные суда Швецова, взявшие на борт около 3000 человек. Отряд относительно благополучно дошел до Гогланда, потеряв на минах сторожевой корабль «Виртсайтис», с которого удалось снять людей.

В 22 часа ликвидированную базу оставил отряд Дрозда. Корабли были загружены сверх всякой нормы. «Иосиф Сталин» принял на борт 5589 человек, 1200 тонн про-

довольствия, эсминцы — около 600 человек каждый, на тральщиках — по 300 человек и более. Во втором часу ночи 3 декабря на подходе к острову Найссаар «Иосиф Сталин» подорвался на двух минах. Судно, лишившееся хода и управления, начало дрейфовать на минном поле, и вскоре раздался третий взрыв. Попытка эсминца «Славный» взять турбоход на буксир успехом не увенчалась. Вдобавок по конвою открыла огонь 305-мм финская батарея с острова Мякилуото. Корабли отряда сняли с транспорта 1740 человек и продолжили переход. Оставшихся на «Сталине» людей предполагалось снять силами отряда Святова, но спасатели, не имея тральных средств, пробиться к судну не смогли. Командующему флотом проели плешь намеками, что судно с таким названием не должно попасть в руки врага, однако сделать уже ничего была нельзя, и Трибуц доложил, что «Иосиф Сталин» погиб в результате тяжелых повреждений от подрыва на минах и детонации боезапаса. Брошенный полузатопленный турбоход сел на мель у полуострова Сурупи и был захвачен противником. По утверждению немецкого адмирала Фридриха Руге, в трюмах «Сталина» было обнаружено «несколько тысяч трупов и живых людей».

В общей сложности в операции по эвакуации военно-морской базы Ханко участвовали 88 кораблей и судов, из них погибли 25 (в том числе 3 эсминца, 1 сторожевик, 5 тральщиков, 2 ледокола, 5 торпедных и 7 сторожевых катеров), главным образом на минах. Потери на переходе составили около 5000 человек, в том числе 500 моряков. В Кронштадт и Ленинград было доставлено 22 822 человека, 26 танков, 14 самолетов, 72 орудия, 56 минометов, 854 пулемета, около 20 тысяч винтовок, 1000 тонн боеприпасов и 1700 тонн продовольствия. **Операция считается весьма «успешной».**

«Несмотря на большие потери, — докладывали в Москву Хозин и Жданов, — считаем, что результат превзошел все ожидания».

8-я стрелковая бригада вошла в состав 23-й армии и заняла оборону на Карельском перешейке.

По решению сухопутного командования без какого-либо давления со стороны противника были эвакуированы гарнизоны с островов восточной части Финского залива — Большой и Малый Тютерс, Бьерке, Гогланд, Соммерс. С них было вывезено около 10 тысяч человек, которых сразу бросили в окопы. До окончания эвакуации с Ханко на Гогланде оставалось около 400 человек, 11 декабря их тоже сняли. При этом льдами были раздавлены ТКА-12 и ТКА-42.

Балтийский флот, запершись в Кронштадте и приготовившись к самоубийству, отказался от любых активных действий на море.

На Ораниенбаумском «пятачке» в январе прибавилась 168-я стрелковая дивизия, 2-я и 5-я бригады морской пехоты стали 48-й и 71-й стрелковыми. На базе 3-го полка морской пехоты была сформирована 50-я стрелковая бригада.

Глава 7

ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ РККА

(январь — февраль 1942 года)

5 января в Кремле состоялось заседание Ставки, на котором было принято решение о всеобщем наступлении Красной Армии на пространстве от Балтийского до Черного моря, нанесении стратегического поражения вермахту и выходе на государственную границу СССР в 1942 году. В разгроме группы армий «Север», согласно грандиозному плану, основная роль отводилась Волховскому фронту. Войскам его правого крыла предстояло во взаимодействии с Ленинградским фронтом разгромить 18-ю немецкую армию и деблокировать Ленинград; войскам левого крыла ставилась задача во взаимодействии с правофланговыми Северо-Западного фронта разбить 16-ю армию противника. Ленинградцам предстояло «содействовать Волховскому фронту в разгроме противника, обороняющегося под Ленинградом, и в освобождении Ленинграда от блокады».

Войска Северо-Западного фронта должны были ударом в направлении Старая Русса, Сольцы, Дно перерезать коммуникации новгородской группировки противника и нанести ей поражение.

Общее соотношение сил на северо-западном направлении складывалось в пользу Красной Армии. На 1 января в группе армий «Север», по советским данным, было 665 тысяч солдат и офицеров, 6 тысяч орудий и минометов, 160 танков и штурмовых орудий, 250 самолетов всех типов.

В войсках Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов насчитывалось около миллиона человек, 9 тысяч орудий и минометов и не менее 400 танков. Ставка исходила также из того, что успешное развитие контрнаступления под Москвой не позволит германскому командованию усилить группу армий «Север» резервами или соединениями, снятыми с других участков советско-германского фронта. В подчинении генерала Мерецкова имелось 28 стрелковых и кавалерийских дивизий, 9 отдельных бригад, 25 отдельных танковых и лыжных батальонов — 242 тысячи человек, 2295 орудий и минометов, 220 танков. Волховский фронт превосходил противника в людях как минимум в 2,2 раза, в танках — в 3,2, в артиллерии — в 1,5, в авиации — в 1,3 раза. В 54-й армии Федюнинского было 11 дивизий, 2 «спешенные» танковые и одна морская стрелковая бригады, 2 отдельных батальона — 83,5 тысячи человек, 1156 артиллерийских и минометных стволов, 18 танков.

В рвущихся им навстречу 8-й и 55-й армиях Ленинградского фронта насчитывалось 10 стрелковых дивизий, 1 стрелковая и 2 танковые бригады.

Шести советским армиям противостояли три германских армейских корпуса — 28, 1 и 38-й — и «разгромленный» 39-й моторизованный.

Наступление предстояло вести в пустынной лесисто-болотистой местности, в условиях бездорожья, по глубокому снегу, прикрывавшему со времен ледникового периода незамерзающие хляби, что изначально исключало широкий маневр.

К назначенному времени Волховский фронт готов не был. Основной причиной являлась задержка сосредоточения войск. В 59-й армии к сроку успели развернуться пять дивизий, еще три находились в пути. Во 2-й ударной исходное положение заняли немногим больше половины соединений, остальные следовали по единственной железной дороге. До линии фронта войска добирались с огромным трудом: «Шли только ночью, днем укрывались в лесу. Чтобы пробить дорогу в глубоком снегу, приходилось ко-

лонны строить по пятнадцать человек в ряду. Первые ряды шли, утаптывая снег, местами доходивший до пояса. Через десять минут направляющий ряд отходил в сторону и пристраивался в хвосте колонны. Трудность движения усугублялась еще и тем, что на пути встречались незамерзшие болотистые места и речушки с наледью на поверхности. Обувь промокала и промерзала. Подсушить ее было нельзя, так как костры на стоянках разводить не разрешалось. Выбивались из сил обозные кони. Кончилось горючее, и машины остановились. Запасы боеприпасов, снаряжения, продовольствия пришлось нести на себе». Добавим к этому 30—40-градусные морозы и строжайший запрет командования, вплоть до расстрела нарушителей, на разведение костров. С другого бока, можно было попасть под расстрел и за обморожение: мол, нарочно обморозился, подлец, чтоб с фронта дезертировать (генерал Гальдер, экий дурень, как раз в это время мучился вопросом, как бы растолковать фюреру, что войска «не могут больше выдерживать морозы, превышающие 30 градусов»).

Не прибыла авиация, в ВВС Волховского фронта насчитывалось 118 боевых самолетов, в их числе всего 6 бомбардировщиков и 19 штурмовиков. Отсутствовал санный транспорт и полевые кухни, крайне медленно проходило накопление боеприпасов и материально-технических средств. Спешно сформированный фронт практически не имел своего тыла.

К началу января войска имели не более одной четверти боекомплекта вместо пяти, положенных для прорыва, и совершенно незначительные запасы продовольствия и фуража. Прибывающие соединения не имели оружия, средств связи, транспорта. Например, 378-я стрелковая дивизия что называется «до зубов» была вооружена 379 винтовками, 3 станковыми и 15 ручными пулеметами и 3 минометами. На всю 374-ю дивизию наличествовало 344 винтовки и 3 миномета. Тем не менее их немедленно, «чтобы не терять времени», отправляли в район сосредоточения в расчете на то, что немцы все равно отходят, а вооружение к началу наступления «будет подано». Ветеран 372-й дивизии вспо-

минает, как в ходе формирования 1236-го полка, ввиду отсутствия оружия, солдатам было приказано смастерить деревянные трещотки, чтобы на тактических учениях имитировать ведение огня. Учеба быстро закончилась, а 30% личного состава полка так и пошло в свой первый бой — с трещотками.

Снабжение оставалось крайне неудовлетворительным почти все время. Не было ни одного полевого госпиталя. О противнике знали только то, что он есть и находится на западном берегу. Однако снова «тяжелое положение трудящихся Ленинграда требовало немедленных наступательных действий».

Да и не способен был генерал армии Мерецков ничего возразить «кремлевскому горцу», просто боялся его до судорог. Как свидетельствует генерал В.Н. Никольский, работавший в то время в штабе Волховского фронта, при каждом вызове к прямому проводу командующий резко бледнел и не сразу подходил к телефону. Кирилл Афанасьевич был сломленным человеком. Сделав в 30-е годы блестящую военную карьеру, дослужившись до должностей начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны, он в первый день войны был арестован. Довольно скоро лубянские следователи сапогами и резиновыми дубинками выбили из Мерецкова признания в организации заговора с целью свержения рабоче-крестьянской власти, шпионаже в пользу германской и британской разведок одновременно, показания на подельников — Г. М. Штерна, А.Д. Локтионова, П.В. Рычагова, Д.Г. Павлова, Г.К. Жукова, М.П. Кирпоноса и многих других, вывших от боли в соседних камерах Сухановской тюрьмы или уже сражавшихся с вермахтом. Этот страшный период своей жизни Мерецков зашифровал в мемуарах как службу в должности «постоянного советника при Ставке Главного Командования». В сентябре 1941 года генерала, мечтавшего лишь о быстрой смерти, неожиданно переодели в новенькую форму и доставили к товарищу Сталину. Вождь поинтересовался здоровьем Мерецкова, само собой, тот чувствовал себя хорошо и рвался в бой, затем «спокойно ознакомил»

с военной обстановкой и направил в компании с Мехлисом представителем Ставки на Северо-Западный фронт. Большинство остальных «заговорщиков» расстреляли. На фронте «красный профессор» преподал возвратившемуся в фавор генералу еще один урок: по прибытии в разбитую противником 34-ю армию Мехлис приказал немедленно, перед строем офицеров штабарма, расстрелять командующего артиллерией генерал-майора В.С. Гончарова «за дезорганизацию в управлении артиллерией армией и личную трусость». Что и было немедленно исполнено.

А Мерецков вскоре возглавил 7-ю армию, затем фронт. Он изо всех сил старался «оправдать доверие» и всегда помнил, что в любой момент снова может оказаться в чистых руках следователей-ударников вроде Шварцмана или Родоса. Поэтому командующий не только никогда не пытался оспаривать указания Москвы, но зачастую сам «бежал впереди паровоза», заваливая Генеральный штаб утопическими планами самых решительных наступательных операций, невзирая на потери и состояние вверенных ему войск.

7 января, не дожидаясь сосредоточения всех соединений, войска Волховского фронта, одновременно с Ленинградским и Северо-Западным фронтами, перешли в наступление. Основной удар с плацдарма в устье Тигоды наносила 4-я армия, в которой были сосредоточены почти половина артиллерии фронта и две трети бронетанковой техники. Соединения 59-й и 2-й ударной армий вводились в сражение последовательно по мере прибытия.

«Артподготовка была явно недостаточной, — рассказывает бывший командир взвода управления 894-го артполка 327-й стрелковой дивизии П.П. Дмитриев. — На каждую гаубицу у нас было всего 20 снарядов. Расстреляв их, мы оказались безоружными и не смогли подавить огневые точки врага. Пехота, беззащитная перед ураганным огнем немецкой артиллерии, бьющей с высокого западного берега, полегла на волховском льду густыми черными точками: маскхалатов стрелкам не полагалось».

Наступление 54-й армии, в котором участвовали пять стрелковых дивизий, две бригады и три артполка РГК, двумя оперативными группами — синявинской и волховской — разворачивалось от Вороново в направлении Тосно. Навстречу ей пробивалась 55-я армия Свиридова.

К 12 января красные флаги должны были взвиться над Любанью и Новгородом, но вышло иначе. Тяжелые бои продолжались несколько дней, однако прорвать оборону противника нигде не удалось.

Боевые действия в очередной раз убедительно показали, что простым количественным превосходством германца не возьмешь. Войска не умели воевать. Вновь прибывшие дивизии не прошли полного курса обучения. Они были направлены на фронт, не имея навыков в тактических приемах и в обращении с оружием. А если винтовку ты получил перед самой атакой, толку от нее в неумелых руках немногим больше, чем от трещоток, с которыми пошла в атаку 372-я дивизия (даже меньше: в первом бою, а он был ночным, наши «трещотники» оказали на немцев такое мощное психологическое воздействие, что вызвали у них панику и захватили опорный пункт). Отдельные части и подразделения были полностью сформированы из жителей степных или среднеазиатских районов, многие из которых впервые в жизни оказались в лесах и, чтобы не потеряться, ходили в атаку «кучей». Бойцы лыжных батальонов «реагировали на местность» значительно лучше, но лыжами не владели и предпочитали передвигаться пешком. *«Из семи лыжных батальонов,* — докладывал командующий фронтом, — *при проверке их оказалось, что личный состав трех батальонов совершенно не подготовлен к передвижению и ведению боя на лыжах».*

Артиллерия палила в белый свет, затем стрелковые, лыжные и саперные подразделения раз за разом посылались в лобовые атаки на огневые точки.

Командиры не умели осуществлять управление частями и организовать взаимодействие между ними, многие запрещали связистам включать рации, опасаясь, что немцы «за-

пеленгуют» и «накроют» огнем. В штабах составляли планы и рисовали красивые карты разгрома врага с расчетным темпом продвижения по снежной целине до 4 километров в сутки, прорывами, выходами на оперативный простор и хронометражем занимаемых «красными» рубежей. Противодействие «синих» в этих планах не предусматривалось. Вот генерал-полковник И.С. Катышкин, бывший офицер оперативного отдела, не смущаясь, сообщает, что «к положительным моментам» деятельности штаба 59-й армии в этот период следует отнести «вообще всю разработку плана разгрома чудовской группировки противника», в коем ясно просматривается «зрелость нашей тактической и оперативной мысли», а также разработку директив, инструкций и приказов: «Но вот беда: доходили они до войск с большим опозданием... А что касается сосредоточения всей артиллерии на направлении главного удара, это решение подчас и вовсе не претворялось в жизнь... Мы тогда не очень-то и умели осуществлять подобное». Или того лучше: «...об этом почему-то забывали».

Штабы не были сколочены, теряли управления почти сразу, как только войска приходили в движение, почти не имели технических средств связи, а там где они были — не знали, как этой «техникой» пользоваться. А кроме того, вот еще какая неожиданность: «...противник своими настойчивыми контратаками всячески мешал нам претворить этот план в жизнь». Короче говоря, штабы больше напоминали классы для умственно отсталых, чем «мозги армий». Ну нельзя же всерьез воспринимать рассуждения о том, что, работая «с перенапряжением», генералы «приобретали некоторый опыт руководства операцией», а работники оперативного отдела «набирались навыков в разработке и доведении до войск различных боевых документов».

И техника зачастую была еще та! К примеру, корректировщики огня 122-мм гаубиц, следовавшие в боевых порядках пехоты, снабжались новейшими «секретными» телефонными аппаратами ТАТ отечественного производства, которые обеспечивали кое-какую слышимость на расстоянии до 100 метров.

Командующий 2-й ударной армией, произведенный в полководцы с должности заместителя наркома внутренних дел, на военном поприще проявил себя полным кретином, сочинявшим для войск подобия ростопчинских афишек: «Холоду не поддаваться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться», но не имевший понятия даже о том, где находятся вверенные ему соединения.

Командующий Волховским фронтом, накопивший богатый опыт руководства армиями и округами, сражавшийся с «франкистами» и «белофиннами», тоже проявил себя, мягко говоря, недостаточно квалифицированным военачальником. Правда, в отличие от Жукова, он это признал.

Фронт не имел выраженной ударной группировки, его войска были растянуты в один эшелон вдоль берега реки Волхов, проводя непрерывную разведку боем по всей 150-километровой линии с целью вскрытия позиций противника и поиска в них слабых мест. Второго эшелона не было вовсе, и наращивать удар с целью развития успеха в глубину было нечем. В резерве находилась одна дивизия и 3 (три!) танка. В случае прорыва вражеской обороны штаб фронта все надежды возлагал на обещанную товарищем Сталиным свежую армию.

«Между тем, — пишет прозревший годы спустя Мерецков, — основные силы надо было с самого начала сосредоточить на участке главного удара... Не удалось нам найти также правильную форму и верные способы оперативного взаимодействия между армиями Волховского и Ленинградского фронтов. Это можно объяснить отчасти и отсутствием тесного контакта между мною и командующим Ленинградским фронтом М.С. Хозиным. В результате удары фронтов пошли по расходящимся направлениям и не совпадали целиком во времени. Гитлеровцы получили возможность отражать наши удары поочередно и осуществлять подвоз из тыла оперативных резервов».

Судя по всему, в 1942 году и Мерецков, и Хозин, отслужив в Красной Армии по двадцать пять лет, мало понимали в своей профессии. (Дело усугублялось еще тем

обстоятельством, что действовали они порознь, похоже, вполне сознательно. Высший советский генералитет все еще пребывал в уверенности, что немцы почти разбиты и в условиях русской зимы не способны к серьезному сопротивлению, а потому каждый мысленно примерял на себя венок победителя и вертел дырки для орденов.)

Поэтому уже на вторые сутки стало ясно, что наступление провалилось, едва начавшись. Советские части откатились на исходные рубежи.

Военный совет Волховского фронта попросил Ставку отложить операцию еще на три дня, Сталин великодушно дал пять, разрешив перенести наступление войск фронта на 13 января. Сохранилась запись телефонного разговора между Ставкой и комфронта:

«По всем данным, у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить на день или два, чтобы наступать и прорвать оборону противника. Чтобы наступать и прорвать оборону противника, надо иметь в каждой армии ударную группу хотя бы из трех дивизий и надо, кроме того, сосредоточить 50—60 орудий в районе ударной группы каждой армии для поддержки ударной группы... У русских говорится: поспешишь — людей насмешишь. У вас так и вышло, поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова, а теперь пожинаете плоды своей поспешности».

И хотя Мерецков прекрасно понимал, что для основательной подготовки операции требуется как минимум еще 15—20 суток, возразить он не посмел: «...мы с радостью ухватились за предложенную Ставкой отсрочку». Так Верховный ли торопил командование фронта, или сами генералы занимались очковтирательством, спеша порадовать Вождя успехами? Недаром маршал И.Х. Баграмян по поводу постановки войскам невыполнимых задач отметил, что «оптимизм центра во многом был навеян нашими довольно бодрыми донесениями».

Пока шло не в меру затянувшееся сосредоточение советских войск, противник готовился к обороне. Ближай-

шей оперативной задачей группы армий «Север» было закрепиться и удержаться на рубеже реки Волхов и линии железной дороги от станции Кириши до станции Мга.

Немцы ожидали наступление русских на подготовленных позициях, оборудованных системой узлов сопротивления и опорных пунктов, с большим количеством дзотов и пулеметных площадок. Передний край обороны проходил по западному берегу реки, поверхность которой перекрывалась плотной системой всех видов огня. Второй оборонительный рубеж проходил по насыпи железнодорожной линии Кириши — Новгород. Он представлял собой линию укрепленных населенных пунктов с хорошо организованной огневой связью между ними. Все пространство между Волховом и железной дорогой густо опутывалось проволочными заграждениями, покрывалось минными полями. В оперативной глубине крупные населенные пункты были превращены в мощные, по советским меркам, узлы сопротивления, подходы к ним преграждали высокие снежные валы, поливаемые водой. По немецким стандартам, оборона только начала создаваться, была слаба и недостаточно оборудована.

«К этому еще добавлялась непривычная дьявольская стужа при полном отсутствии зимнего обмундирования, — анализирует диспозицию Хартвиг Польман, бывший командир 284-го полка 96-й пехотной дивизии, — тогда как противник был удобно одет, привычен к климату, фантастически неприхотлив по части питания и обладал многими другими преимуществами, к счастью, кроме одного — **способности использовать эти превосходящие качества для достижения реальных результатов».**

Позиции по Волхову занимали пять пехотных дивизий — 250-я (испанская), 126, 215, 61 и 21-я. От станции Кириши вдоль железной дороги на Мгу оборону против войск Федюнинского держали 11, 96 и 269-я пехотные дивизии. Во втором эшелоне находились 291-я и 254-я пехотные дивизии и 9-й полк СС. Сильно потрепанные соединения 39-го моторизованного корпуса приводились в порядок, пополнялись техникой и людьми в районе Лю-

бани. В районе Еглино дислоцировалась 285-я охранная дивизия.

Самым перспективным направлением прорыва являлись железная и шоссейная дороги Москва—Ленинград. Естественно, именно здесь немцы создали множество огневых точек и сосредоточили основную массу артиллерии. О внезапном нападении не могло быть и речи: о готовящемся наступлении было известно всем. Широкий маневр также исключался: отсутствие дорог и труднопроходимая местность приковывали войска к определенным направлениям. Советские полководцы решили перехитрить врага, действуя «по-суворовски» — штыком и гранатой через болота и непроходимые леса.

Для советских солдат нет преград.

Генерал Соколов 10 января был отстранен от командования. 2-ю ударную армию, на которую возлагались большие надежды, возглавил генерал-лейтенант Н.К. Клыков. Армия дополнительно усиливалась 259-й стрелковой дивизией, ствольной и реактивной артиллерией. 52-ю армию принял генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев. Количество боеприпасов в войсках было доведено до одного боекомплекта на дивизию, что, конечно, было совершенно недостаточно, исходя не только из уставных норм, но и по причине абсолютного отсутствия информации о противнике. Ведение огня планировалось не по конкретным целям, а по площадям.

Качество войск лучше не стало. К примеру, формирование 59-й отдельной ударной бригады подполковника Черника началось в конце 1941 года в Саратовской области, в двадцатых числах декабря она срочно была направлена на фронт без оружия и личного состава, по пути под Пензой в эшелоны загрузили призывников, с которыми командиры подразделений приступили к изучению уставов, политработники разъясняли «требования партии к защитникам Родины» и «воспитывали» презрение к смерти. Под Москвой в течение недели бойцов учили в основном двум приемам — перебежка и бросок в атаку, в Ярославле бригада получила пушки и минометы, в Будогощи, откуда

начинался шестидневный пеший переход к передовой, — зимнее обмундирование и уже в Малой Вишере — стрелковое вооружение. За день до начала наступления, без всякой передышки, после изнурительных ночных маршей, 59-я бригада заняла исходное положение во втором эшелоне 2-й ударной армии. Эту бригаду, по советским меркам, уже можно считать обученным соединением: ее солдаты три дня держали в руках винтовки и, что немаловажно, понимали русский язык.

Бывший начальник политуправления фронта генерал К.Ф. Калашников с гордостью рассказывает о том, как агитатор политотдела 59-й армии за пару часов обучил стрелять, разбирать и собирать винтовку две роты маршевого пополнения, укомплектованных таджиками и узбеками, никогда в глаза не видевших оружия: «Самое поразительное: оказывается, начав обучать те маршевые роты, он и слова не знал по-узбекски и по-таджикски.

— Как же вас понимали? — удивился я.

— Какие же мы будем коммунисты, если нас люди не поймут? — просто ответил он». И не поймешь сразу, генерал ли был идиотом или два его литературных редактора или они нас, читателей, таковыми считали. А «самое поразительное», что эти роты, не знавшие и слова по-русски, «просто» пошли в бой в тот же день, сразу после «обучения». Впрочем, я бы удивился, если б вышло иначе, какие бы мы тогда были коммунисты? Ветераны рассказывают, как эти солдаты с «окраин южных советских республик» собирали для обогрева немецкие гранаты с деревянными ручками и кидали их в костры. Стоило везти так далеко парней, которых при «кровавом царизме» не призывали в армию даже во время мировой войны, гнать через всю страну эшелоны, чтобы тупо и бездушно убить безо всякой пользы для дела.

13 января 1942 года в 9.30 утра началась «Битва на Волхове».

Советское наступление развивалось мучительно медленно. Немцы всюду оказывали упорное сопротивление.

На участке 4-й армии они сами атаковали, и войска генерала Иванова вместо наступления вели оборонительные бои. 59-я армия, которая, нанося главный удар пятью дивизиями от Грузино, должна была разгромить вражескую группировку в районе Чудово и овладеть этим железнодорожным узлом, застряла на сплошных минных полях перед позициями 61-й пехотной дивизии противника, прикрытых убийственным пулеметным и минометным огнем. Батальонам не удалось даже зацепиться за противоположный берег. Успех обозначился только на направлении действий 2-й ударной и 52-й армий. К исходу второго дня их ударные группировки пересекли Волхов и овладели рядом населенных пунктов, вклинившись в немецкую оборону на стыке 126-й и 215-й пехотных дивизий.

«До переднего края противника было около 800—1000 метров, — вспоминает бывший командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Антюфеев. — Глубокий снег, особенно в долине реки, мороз до 30 градусов, сильный пулеметный и минометный огонь противника, а у нас ни лыж, ни маскировочных халатов... Пространство до рубежа атаки бойцы вынуждены были преодолевать ползком, зарываясь в снег. Лишь около 14 часов роты первого эшелона вышли на рубеж атаки. Люди были настолько измотаны, что, казалось, не в состоянии сделать и шагу. Я вынужден был ввести в бой второй эшелон дивизии. И только вместе с ним поднялись в атаку подразделения первого эшелона. Оборона противника на участке Бор — Костылево была прорвана». Левее успешно действовала 58-я стрелковая бригада полковника Ф.М. Жильцова, овладевшая населенным пунктом Ямно. Еще левее правофланговые соединения 52-й армии вышли на западный берег реки.

Для развития успеха с утра 15 января генералы Клыков и Яковлев ввели в бой вторые эшелоны своих армий, но сломить сопротивление врага не удавалось. Четыре дня понадобилось войскам 2-й ударной армии, чтобы преодолеть восьмикилометровый путь до второй позиции немецкой обороны, оборудованной вдоль железной и шоссейной дорог Чудово—Новгород. Еще неделю они топтались на 12-

километровом рубеже, безуспешно атакуя укрепленные пункты Мясной Бор, Мостки и Спасскую Полисть. Снарядов уже не хватало, в воздухе господствовала авиация противника. Боевые действия велись вслепую, немецкие позиции брали массой пока еще живой силы.

«Много часов подряд, до темноты, я со своими автоматчиками отвечал стрельбой на стрельбу немцев, — описывает действия 59-й стрелковой бригады бывший начальник штаба батальона К.И. Штатнов. — Стрельба была неприцельной, так как мы не видели противника. Когда стемнело, стали стрелять в ту сторону, откуда летели трассирующие пули. С наступлением темноты страх напал на моих бойцов. Им стало казаться, что нас окружают, что они слышат лязг гусениц танков. От волнения у многих бойцов тряслись руки, что сказывалось на качестве выстрелов... Вскоре бой затих. Меня вызвали в штаб бригады. Подполковник был уже пьян. Он приказал мне доложить о боевом состоянии батальона, я ответил, что ему это лучше известно, так как он самолично руководил боем, а я выполнял его же приказы об обороне левого фланга. На меня полилась матерная ругань, из кобуры был вытащен пистолет и наведен на меня. Однако выстрела не последовало, и я уцелел.

Спустя какое-то время я получил приказ продвинуться со своим батальоном и приданным мне отделением станковых пулеметов километра на два вперед. Никаких карт, никаких ориентиров! «Пойдешь прямо!» И все! Мне уже все осточертело. Надоела эта пьяная ругань командиров, их безалаберность, а главное — напрасная гибель людей из-за бесцельного ведения боя. Вот и сейчас — никакой боевой задачи. Продвинуться, и все тут! Местность никому не известна. Куда я поведу людей? Кругом ночь, не видно ни зги!

Но приказ есть приказ. Собрав людей, я двинулся в направлении, куда вел до этого стрельбу из автоматов. За мной потянули провод связи... Неожиданно ко мне явился сам начштаба бригады майор Старцев. Снова матерная ругань: меня вызывает подполковник. (Через две недели

тот же майор Старцев в госпитале в Боровичах подкатит на коляске — он был ранен в обе ноги — к моей кровати и скажет: «Эх, Штатнов! За то, как мы воевали, нас нужно расстрелять!» Он будет говорить, конечно, о руководстве бригадой, а не о нас, подчинявшихся их приказам.)»

Подполковника Черника с бригады сняли сразу после боя за Мясной Бор, в котором он потерял не только много красноармейцев, но и половину собственного штаба. Интересно, чему он учил китайских товарищей, у которых до этого был советником? Или, наоборот, это они научили его так воевать? Посоветовавшись со Сталиным, Мерецков «для глубокого развития прорыва» перебросил в полосу 2-й ударной армии 366, 382, 111 и 374-ю стрелковые, 87-ю кавалерийскую дивизии и 12 лыжных батальонов, сосредоточил более 400 орудий.

К этому времени 54-я армия Ленинградского фронта, перегруппировавшая силы и пытавшаяся осуществить прорыв в районе станции Погостье в общем направлении на Тосно, «израсходовала» 20 тысяч солдат, все боеприпасы и прекратила наступление.

Оттачивая до войны тактику блицкрига, вермахт, в отличие от Красной Армии, не разбрасывался и опытом Первой мировой войны. Немцы показали себя мастерами полевой фортификации, приспосабливаясь к любой местности, умело выбирая позиции и в кратчайшие сроки превращая их в неприступные крепости. Такой непреодолимой преградой для советских войск стала насыпь железной дороги Кириши — Мга, обороняемая частями 225-й и 269-й пехотных дивизий, и станция Погостье — исходная точка наступления армии Федюнинского. Противник, увеличив высоту железнодорожного полотна до трех метров, врыл в насыпь ружейные и пулеметные ячейки, соорудил площадки для противотанковых орудий (10—12 стволов на километр) и землянки для личного состава, укрытые рельсами и накатами бревен. Все это скрывалось от взгляда наблюдателя за маскировочным забором из ветвей и прутьев. Подступы были густо минированы и прикрыты несколь-

кими рядами колючей проволоки. Ключевые пункты поддерживали мощные артиллерийские группировки, позади дороги курсировали самоходные установки.

Вообще-то Погостье, выбив оборонявший его пехотный батальон, 281-я стрелковая дивизия заняла еще 17 декабря 1941 года. Однако, обнаружив на путях цистерну спирта, наши воины быстро потеряли боеспособность и через день были разгромлены сотней немецких автоматчиков при двух танках. В январе станцию ежедневно атаковали полки 3-й гвардейской, 281, 265, 11-й стрелковых дивизий, затем — 311, 177, 80, 198 и 11-я стрелковые дивизии, 122-я и 124-я танковая бригады — безрезультатно и с большими потерями. Армия увязла в первой линии обороны врага. Отдельные полки и лыжные батальоны преодолевали железную дорогу на менее укрепленных участках, но быстро отрезались фланговыми ударами и вынуждены были прорываться обратно. Мат командарма гремел по всем линиям связи, долетая до передовой и немецких позиций: «Вашу мать! Вперед!!! Не продвинешься — расстреляю! Вашу мать! Атаковать!!!», но толку все равно не было.

В железнодорожной насыпи вместе с товарищами сидел солдат 1-й роты 333-го полка 225-й пехотной дивизии Хендрик Виерс: «Едва брезжил рассвет, толпой атаковали красноармейцы. Они повторяли атаки до 8 раз в день. Первая волна была вооружена, вторая часто безоружна, но мало кто достигал насыпи. 27-го красноармейцы четырнадцать раз атаковали нашу позицию, но не достигли ее. К концу дня многие из нас были убиты, многие ранены, а боеприпасы исчерпаны. Мы слышали во тьме отчаянные призывы раненых красноармейцев, которые звали санитаров. Крики продолжались до утра, когда они умирали».

Некоторые из немецких пулеметчиков от таких впечатлений тронулись умом.

«Соединения и части армии в этот период вели бои местного значения, — пишет генерал Федюнинский. — Наиболее активные действия проходили в районе Погостья, но удачными их признать было нельзя». В конце января действовавшая в составе 54-й армии Синявинская

оперативная группа (128, 294, 265-я стрелковые, 21-я танковая дивизии, 16-я танковая, 6-я морская бригады, 882-й артполк) была передана в развертываемую в этом районе 8-ю армию Ленинградского фронта. Управление армии передислоцировалось на Большую землю через Ладожское озеро 27 января, командующим армией назначили генерал-майора А.В. Сухомлина — восьмой по счету командарм за восемь месяцев войны. На невском оборонительном рубеже 1 февраля была вновь образована Невская оперативная группа под командованием генерала А.Л. Бондарева. В районе Волхова на базе выведенной в резерв 3-й гвардейской дивизии началось формирование 4-го гвардейского стрелкового корпуса.

Деятельность Мерецкова и Федюнинского особого впечатления на высшее германское командование, судя по записям начальника штаба ОКХ, пока не производила. Так, 19 января генерал Гальдер отметил, что «на фронте 18-й армии также как будто ожидаются (!) крупные удары». Гораздо большее беспокойство вызывало продвижение 11-й и 34-й армий Северо-Западного фронта к Старой Руссе и Демянску. Командующий группой армий «Север» предложил начать здесь немедленный отход, но Гитлер категорически потребовал удерживать фронт на Валдайской возвышенности. Не достигнув единства взглядов со свежеиспеченным Верховным Главнокомандующим вермахта, фельдмаршал фон Лееб попросился в отставку, бросив напоследок: «Гитлер ведет себя в России так, как будто действует с русскими заодно». Фюрер, и без того числивший Лееба в «неисправимых антифашистах», отставку принял, а затем уволил фельдмаршала в запас. Группу армий «Север» принял генерал-оберст Георг фон Кюхлер, в командование 18-й армией вступил генерал кавалерии Георг фон Линдеман.

Только 24 января 366-я стрелковая дивизия полковника С.И. Буланова овладела Мясным Бором, ключевой позицией второго рубежа немецкой обороны. На следующий

день, развивая наступление вдоль просеки, сибиряки заняли деревни Кречно и Новую Кересть. Немедленно Мерецков принял решение о введении в прорыв 13-го кавалерийского корпуса под командованием генерала Н.И. Гусева в составе двух кавалерийских и одной стрелковой дивизий. В директиве командующего фронтом № 0021 говорилось: «Не позднее 27 января перехватить шоссе и железную дорогу Чудово—Ленинград и овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться». Но, едва выступив из мест сосредоточения, конники подверглись непрерывным ударам немецкой авиации, двигаться пришлось ночью, пешком по глубокому снегу, ведя коней в поводу. В прорыв корпус сумел войти лишь утром 26 января. К исходу дня 87-я кавалерийская дивизия полковника Д.М. Баринова внезапной атакой разгромила гарнизон противника в Ольховке, 366-я стрелковая 27 января заняла Финев Луг. За пять дней корпус продвинулся на 40 км и перерезал железную дорогу Ленинград—Новгород в районе станции Рогавка.

Однако лихого кавалерийского рейда на Любань не получилось. Глубокий снежный покров не позволял действовать вне дорог, а лыжных батальонов корпусу не придали. Господство немецкой авиации при полном отсутствии у конников зенитных средств вынудили прекратить активные действия в светлое время суток. Пушек и минометов было недостаточно, 25-я кавдивизия полковника В.Ф. Трантина, именовавшаяся дивизией «легкого типа», вообще не имела артиллерии. Фактор внезапности отсутствовал. Опорные пункты приходилось брать внезапными ночными атаками в пешем строю. Корпус втянулся в безрезультатные затяжные бои, теряя маневренность и подвижность. Тылы остались на восточном берегу Волхова, а у генерала Гусева — почти 6000 лошадей, которых, в отличие от бойцов, надо было кормить.

«До сих пор недоумеваю, — размышляет бывший рядовой И.И. Калабин, — на что рассчитывало командование, загоняя коней в непроходимый лес, где ни дорог, ни тропинок и снега лошадям по брюхо? Ведь достаточно было взглянуть на топографическую карту Новгородской об-

ласти, чтобы понять: эти места за Волховом — настоящий край Мазая — топи да болота... На какую военную мощь рассчитывали, не ведаю».

Вслед за корпусом потянулись в прорыв войска 2-й ударной армии и артиллерия РГК. Наступление велось, по существу, с открытыми флангами, поскольку соседние армии значительно отставали.

По согласованию со Ставкой было принято решение о перенесении всех усилий Волховского фронта в направлении Спасской Полисти и Любани. Приостановившая наступление 4-я армия расширила свой оперативный участок за счет 59-й армии, а последняя сдвинулась еще южнее, почти в тыл 2-й ударной. Таким образом, в направлении Спасской Полисти создавалась группировка войск трех армий: в центре на 15-километровом участке наступала 2-я ударная, справа и слева от нее — основные силы 59-й и 52-й армий, имевшие задачу расширить брешь.

Ширина прорыва по западному берегу реки Волхов достигла 25 км, но в районе Мясного Бора она сужалась до 3—4 км. В этой горловине развернулись кровопролитные бои. На правом фланге генерал Галанин шестью дивизиями безуспешно пытался прорвать вражескую оборону на 10-километровом участке Трегубово — Спасская Полисть, обороняемом 215-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта Кнайсса. В течение нескольких недель не сдавала позиций в деревне Мостки сборная «бригада Кехлинга». Потери 59-й армии в живой силе составили к концу месяца более 16 тысяч человек. Такое же положение сложилось и на левом фланге, где 52-я армия в составе пяти дивизий, после многочисленных атак на деревни Копцы и Любцы, которые удерживала 126-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Лаукса, сама перешла к обороне.

В боях за деревню Копцы подвиг совершили бойцы Красной Армии 225-й стрелковой дивизии сержант И.С. Герасименко, рядовые А.С. Красилов и Л.А. Черемнов, одновременно закрывшие собой три амбразуры вражеских дзотов. Никаких подробностей этого ночного боя

нигде не приводится, кроме довольно путаного донесения начальника политуправления фронта дивизионного комиссара Горохова:

«*Разведчики Арсенин, Лифанов и Селезнев бросились к первому дзоту и через дымоходные трубы и двери гранатами стали уничтожать фашистский гарнизон.* (Довольно необычный способ вести разведку, но ясно, что действовала группа блокировщиков.) *По разведчикам открыли огонь из других, близко расположенных дзотов. Заметив это, Герасименко, Черемнов и Красиков* (Красиковым он был и в выпущенной Госкиноиздатом листовке, потом оказался Красиловым) *подбежали к ним, забросали гранатами и через амбразуры вытащили пулеметы, чтобы применить их против врага. В это время разведчики подверглись новому обстрелу из трех ранее молчавших пулеметных точек, огонь которых мог вывести из строя всю группу. Ближе всех других к этим пулеметным дзотам были сержант Герасименко и его бойцы Черемнов и Красиков. По команде Герасименко каждый из них бросился к одной из точек, но гранат уже не было* (Кончились у всех сразу?), *а винтовкой не остановишь пулеметного огня.* (Неясно, куда подевались вытащенные из амбразур пулеметы.) *Медлить нельзя было, и у всех троих одновременно возникло одно решение — без всякой команды, не сговариваясь, они бросились на дзоты и своими телами закрыли их амбразуры. Вражеские пулеметы замолкли. Остальные разведчики окружили дзоты и взорвали их. Полтора часа еще длился бой. Смело и беспощадно сражались разведчики, мстя за смерть боевых товарищей. Они уничтожили 55 солдат и офицеров и взорвали 6 дзотов.* (Из наших, судя по всему, больше никто не погиб или погиб не так геройски.)

Сомнения вызывает то обстоятельство, что ни одной армии мира такого рода подвиги, противоречащие законам физики и человеческой психологии, оказались не по плечу. (Пуля весом 12,8 грамма из MG-34 вылетает со скоростью 755 м/с, силу удара подсчитайте сами. Писатель-фронтовик Виктор Астафьев, обсуждая с другим фрон-

товиком, Вячеславом Кондратьевым, подвиг Александра Матросова, заметил: «Грудью на дот, он конечно же не бросался... Амбразуру, ты знаешь, даже сытой комиссарской жопой не закрыть...».)

А тем временем части 2-й ударной армии все дальше углублялись в леса и незамерзающие болота. Только вперед!

«Как ни странно звучит, — пишет X. Польман, — но исход боя решался не в глубине территории у острия наступательных клиньев противника, врезавшихся далеко в леса тыла, какими бы угрожающими эти клинья ни казались на карте, а на месте прорыва Волхова и у шоссе Новгород—Чудово, т.е. у населенных пунктов Мясной Бор, Мостки и Спасская Полисть. Это ясно сознавало командование группы армий «Север», которое в соответствии с этим планировало свои контрмероприятия. Это поняли также солдаты, унтер-офицеры и офицеры, которые с особой стойкостью и упорством сражались здесь за каждый квадратный метр земли.

Советское командование, несмотря на все усилия, явно недостаточно серьезно отнеслось здесь к немецкому сопротивлению и положилось на эффективность своего удара в глубину вместо того, чтобы сначала наступать по обеим сторонам шоссе на север и на юг».

Войска генерала Клыкова — 12 расчетных дивизий, подгоняемые приказами фронта, не зная, что у них делается в тылу, пытались наступать веером по всей окружности освобожденной от врага территории. Плотность боевых порядков соответственно уменьшалась. 59-я стрелковая бригада после ожесточенных боев 28 января овладела Дубовиком, Большим и Малым Еглино. 87-я кавалерийская дивизия, 53-я и 57-я бригады втянулись в многодневные бои за село Ручьи в 25 км от Любани.

Продвижение во многом диктовалось условиями местности и упорством противника. Советские соединения имели успех, наступая на запад и северо-запад, где противника почти не было и бороться приходилось в основном

с природой. Зато стоило повернуть на восток, в сторону Любани и железнодорожной линии на Ленинград, достижения были незначительны. Получив отпор, советские войска вынуждены были обходить населенные пункты с запада, снова углубляясь в заснеженные дебри, порой просто бродили по лесам, не зная своих задач, не имея сведений ни о своих, ни о немецких частях. *«Так, в 53-й стрелковой бригаде,* — доносил начальник политуправления Волховского фронта дивизионный комиссар Горохов, — *не только красноармейцы, но и командиры не знали боевой задачи, не знали населенных пунктов, на которые шло наступление»*. Под Ямно сразу три стрелковые бригады, бодро шагавшие в колонном строю без разведки и боевого охранения, в полной уверенности, что все вокруг «уже наше», попали в организованный немцами огневой мешок. В результате «броуновского движения» огромного количества соединений, частей, отдельных подразделений и тыловых учреждений при характерном для Красной Армии того периода состоянии связи, штаб армии все в меньшей степени управлял процессом.

«При огульном продвижении... — объяснял генсек членам «ордена меченосцев» в 1929 году, — наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение есть смерть для наступления». Сделавшись Верховным Главнокомандующим, Сталин забыл, чему поучал, видимо считал, что война — дело более простое, чем коллективизация. И кто бы решился его поправить.

С первых дней в войсках начала сказываться хроническая нехватка боеприпасов, которые доставлялись из Малой Вишеры с опозданием и в количестве, не достаточном для потребностей армии. Недостаток продовольствия в подразделениях восполняли кониной: почти вся техника была на конной тяге. А потери в лошадях, которых из-за отсутствия фуража кормили березовыми ветками, были большими. Как образно выразился один из ветеранов: «Лошади дохли как мухи». На голодном пайке сидели не только ушедшая в прорыв 2-я ударная армия, но и стоявшие на месте соседи, весь Волховский фронт. *«В армиях*

совершенно отсутствуют махорка, сахар, сухари, мясо, концентраты, мука, — бил тревогу неугомонный Горохов, проверив состояние 4-й и 52-й армий. — *В 65 сд пища варится из одной крупы, отпускаемой в половинной норме. В 80 кд нет соли. Ухудшилось положение с фуражом, овес на исходе, сено израсходовано, конский состав сильно истощен. В 60-м артполку 124 лошади от истощения не могут перевозить материальную часть».*

Потери Волховского фронта за январь составили 73 тысячи бойцов и командиров, но при этом, за счет новых пополнений, количество войск и техники не уменьшилось, а по артиллерии увеличилось в полтора раза. На 1 февраля насчитывалось 25 дивизий, 9 бригад, 36 отдельных батальонов — более 233 тысяч человек, 3196 орудий и минометов, 171 танк. Военно-воздушные силы фронта имели уже 313 боевых самолетов. Армейскую авиацию полководцы при подсчетах обычно «забывают», но у тружеников тыла собственная гордость, и они докладывают, что ВВС армий получили дополнительно 188 машин.

В мемуарах советских генералов, написанных на основе сводок Совинформбюро и собственных донесений, неизменно утверждается, что бои проходили с «большими потерями для обеих сторон». Это невозможно чисто теоретически, учитывая, что «вооруженные до зубов» немцы твердо оборонялись на подготовленных позициях «в крепких оборонительных сооружениях», а наши солдаты атаковали их в чистом поле «без достаточной огневой поддержки». К примеру, бывший «гвардейский минометчик» Н.И. Исаков вспоминает: «Сколько я был в Мясном Бору — земли не видел, всюду трупы наших солдат. Убитого немца видел только раз, все ходили смотреть на него как на диковину». Да и могло ли быть иначе, если во главе армий стояли «полководцы» типа генерала Иванова, которому командующий фронтом вынужден был посылать такие вот телеграммы: *«Категорически запрещаю **проводить широко практикуемые вами штыковые атаки против сильно укрепленных позиций** противника без предварительной огневой подготовки и се-*

рьезного обеспечения атаки минометно-артиллерийским огнем». С «обеспечением», по мнению Мерецкова, можно и в штыки.

А маршевые пополнения все шли и шли, Россия большая. Когда винтовок на всех не хватало, им выдавали палки с привязанными штыками.

Известное дело: пуля — дура, штык — молодец! Раненых в ходе боя не выносили, и первичную помощь им никто не оказывал, поскольку, вопреки всем уставам и здравому смыслу, отцы-командиры ставили санитаров и санинструкторов в стрелковую цепь наравне с рядовыми бойцами. По этой причин в первую очередь в 4-й армии быстро возник огромный некомплект младшего медперсонала. В конце концов Мерецков, рискуя вызвать недовольство Ставки, вынужден был своим приказом отстранить Иванова от должности и назначить на его место генерал-майора П.И. Ляпина. Сталин таки выразил недовольство превышением полномочий, но решение командующего фронтом утвердил.

55-я армия Ленинградского фронта шестью дивизиями (268, 43, 56, 70, 90, 125-я) при поддержке 124-й и 125-й танковых бригад и 86-го отдельного танкового батальона всю зиму вела бои наступательного характера в устье реки Тосны и в противотанковом рву, а также южнее Колпино за поселки Путролово и Ям-Ижору.

«Военный совет 55-й армии поставил перед нами задачу овладеть Красным Бором, — вспоминает полковник В.К. Зиновьев из штаба 125-й стрелковой дивизии. — Думаю, что дивизия могла бы выполнить приказ и взять Красный Бор. Противотанковый ров был уже в наших руках. А это был удобный рубеж для сосредоточения войск и наступления. Можно было ожидать, что соседние дивизии получат приказ облегчить нам выполнение задачи по захвату Красного Бора наступательными операциями, чтобы прикрыть наши фланги. Но соседние дивизии такого приказа не получили, и мы наступали с открытыми флангами.

Бросившись в атаку, наши части продвинулись вперед, но попали под перекрестный огонь противника и вынуждены были залечь на мерзлой земле, которую не выгрызешь, ни шанцевой лопаткой, ни зубами. Особенно большие потери понес 657-й стрелковый полк, которым командовал полковник Варюхин. Полк наступал в первом эшелоне и потерял столько бойцов и командиров, что стал небоеспособным. Об этом и доложил командир полка комдиву генерал-майору Фадееву Ивану Ивановичу.

— Повтори, что ты сказал! — воскликнул генерал. А я насторожился, прислушиваясь к их разговору.

— В полку осталось тринадцать активных штыков и один станковый пулемет, — говорил голос в трубке, которую генерал приблизил к моему уху.

— Не может этого быть! — воскликнул снова генерал...

Весь январь и февраль сорок второго части дивизии вели бои, которые в сводках Совинформбюро назывались боями местного значения. Продвинулись мы почти до Красного Бора. Но это не только не улучшило, а даже ухудшило наше положение, потому части соседних дивизий по-прежнему оставались на месте. А полкам и батальонам нашей дивизии, выдвинувшимся вперед, пришлось теперь отражать атаки противника не только с фронта, но и с флангов, ибо мы сами, а точнее, по приказу командования армии, залезли в мешок... При этом потери в людях были большие».

Попытки взять Красный Бор предпринимались и в марте.

«Красноборская операция, — делает вывод экс-командарм генерал В.П. Свиридов, — еще раз убедила нас в том, что наступление на одном направлении ограниченными силами при бездействии остальных участков фронта дает успех только в первые дни, когда в наших руках еще сохраняется преимущество внезапности и превосходство в силах».

Стоило ли в элементарных вещах, неоспоримо доказанных еще в ходе Первой мировой, «убеждаться еще раз»? И так долго: до марта 1943 года продолжался непрерывный штурм Красного Бора! Сколько за него положено

жизней — одному Богу известно. Активные действия в это же время развернули подразделения 13, 21 и 189-й стрелковых дивизий 42-й армии на подступах к опорным пунктам Верхнее Койрово, Кискино, Туйполово, Синда, Венерязи, ничего не добившись территориально, но, конечно же, «уничтожив много вражеских солдат и офицеров».

Армия генерала Клыкова в начале февраля окончательно увязла в лесах и болотах, а 59-я армия Галанина лишь в середине месяца вплотную подошла к Спасской Полисти, но взять ее так и не смогла. «Название этого селения, — пишет Мерецков, — возле которого полгода кипели ожесточенные бои, я никогда не забуду. Горловина прорыва расширилась, помнится, до 13 километров... Но на этом и закончились наши успехи по расширению прорыва. Несмотря на настойчивые атаки, войскам не удалось раздвинуть прорыв ни на метр. Иногда приходилось вести даже оборонительные бои». Все яснее становилось, что выйти к Кингисеппу и окружить всю 18-ю германскую армию не получится.

Маршал ссылается на мощь немецкой обороны и намекает на некие шесть дивизий, «переброшенные из Франции, Дании, Югославии и самой Греции», которыми пополнилась группа армий «Север». Очень даже возможно, вот только Мерецкову эти дивизии никак помешать не могли. Более того, когда стало ясно, что наступление Волховского фронта выдохлось, немцы снимали отсюда свои соединения и перебрасывали их на юг. Дело в том, что в это время критическая ситуация сложилась южнее озера Ильмень, в полосе 16-й германской армии, где войска Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта П.А. Курочкина, окружив шесть дивизий 2-го корпуса генерала Вальтера фон Брокдорф-Аллефельдта, организовали Демянский «котел». Прибывавшие из Европы немецкие дивизии должны были закрыть образовавшуюся на стыке двух групп армий брешь. Кроме того, с целью деблокады демянской группировки 13 февраля в Ставке фюрера было

принято решение о формировании в районе Старой Руссы ударной группы под командованием генерала Зейдлидц-Курцбаха. В ее состав вошли, в частности, 122-я пехотная и 18-я моторизованная дивизии, снятые с ленинградского и волховского направлений.

Из Москвы в штаб Волховского фронта шли телеграммы и звонки с требованиями активизировать наступательные действия, обвинениями в нерешительности и бездействии. Мерецков, в свою очередь, жаловался на нехватку танков, снарядов, авиации, усталость войск и низкое качество прибывающих пополнений, но в конце переговоров неизменно отвечал одно: «Будет выполнено!» Сталин оказался заложником им же созданной системы, каждый рвался первым доложить о занятии самой захудалой деревеньки, превращавшейся в сводках в мощный узел сопротивления противника, и никто не осмеливался огорчить Вождя дурными вестями.

Врожденным пороком системы оставалась, выражаясь армейским жаргоном, повсеместная залепуха снизу доверху, попросту — очковтирательство. К примеру, генерал Катышкин сообщает, что, выполняя задачу по расширению пробитой в немецкой обороне бреши, 59-я армия «очень скоро втянулась в полосу напряженных и затяжных боев». Правда, сам он при этом не присутствовал, поэтому подчеркивает, что «данные, естественно, я черпал из документов», то есть из оперативных сводок. Зачерпнем из тех документов, куда генерал не мог заглянуть. Начальник Особого отдела НКВД Волховского фронта майор госбезопасности Мельников в докладной записке на имя члена ГКО товарища Маленкова «сигнализировал» об обстановке, сложившейся в армии генерала Галанина:

«Командование 59-й армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378-я стрелковые дивизии активных действий не ведут и фактически занимают оборону, в оперативных сводках штаба действия этих дивизий отмечаются «активным сковыванием противника» и «ведением боевой разведки». Бездеятельность этих дивизий в оперсводках также называется «отражением контратак противника», не стыдясь сообщать,

*что **дивизии отбивают контратаку одного взвода противника.** Из наиболее характерных примеров очковтирательства приводим следующие: 1269-й стрелковый полк 382-й стрелковой дивизии занимает линию фронта протяжением 18 километров, активных действий не ведет, занимает оборону. Штарм пишет, что полк активно сковывает противника. 377-я стрелковая дивизия занимает фронт протяжением 13 километров, активных действий не ведет, занимает оборону. Штарм в оперативной сводке пишет, что «377-я дивизия ведет активную боевую разведку». Фактически для ведения разведки высылаются 2—3 человека. Части 372-й стрелковой дивизии занимают фронт протяжением 4 километра, активных действий не ведут, ведут оборону. В оперсводке штарма докладывается: «части 372-й дивизии блокируют противника»...*

За последнее время в частях 59-й армии со стороны отдельных военнослужащих участились случаи морально-бытового разложения. Зачастую, используя свое служебное положение, командиры склоняют женский персонал к половому разврату, здесь же, в присутствии посторонних, решают боевые задачи. Отдельные командиры и комиссары частей, увлекаясь женщинами, систематически пьянствуют. В ходе боевых операций, вместо организации боем, отсиживаются в блиндажах...

Командир 1249-го стрелкового полка 377-й стрелковой дивизии майор Швагирев систематически пьянствует со своим помощником по хозчасти Савичевым. 19 февраля Швагирев, будучи в нетрезвом состоянии, площадной бранью отругал и три раза ударил по лицу политрука Носова. Швагирев в пьяном состоянии собрал весь командный состав полка, силами которого приказал взять дзот противника...

Командир 378-й стрелковой дивизии полковник Дорофеев и комиссар дивизии Корнышев систематически пьянствуют и сожительствуют с женщинами. Будучи выпивши, Дорофеев заявлял командирам: «...Здешние женщины проститутки, а вы, командиры, не теряйте этого случая...»

5 февраля во время наступления дивизии на командный пункт выехали начальник штаба и комиссар дивизии. До-

рофеев же вызвал к себе в блиндаж девушку военфельдшера и пропьянствовал с ней четверо суток. Свой невыезд на командный пункт мотивировал болезнью.

Комначсостав в беседах между собой говорит: «Ну, как там наше пьяное командование, что решило?..» В момент выполнения боевой задачи частями дивизии по овладении д. Остров Дорофеев, Корнышев и начальник штаба Аксельрод на протяжении трех суток пьянствовали, не выходя из блиндажей.

Подобные факты морально-бытового разложения в частях 59-й армии не единичны. По нашей информации, командиры и комиссары частей и соединений мер к устранению подобных явлений не принимают, так как сами являются виновниками этого. О фактах морально-бытового разложения отдельных командиров и политработников частей 59-й армии неоднократно информирован Военный совет армии. Однако мер к пресечению безобразий не принял».

Конечно, такое поведение начальства деморализовало и разлагало подчиненных. Но, с другой стороны, кажется, было бы лучше, если бы эти «дорофеевы» и «швагиревы» вообще не вылазили из своих блиндажей. Потому что, когда они, опохмелившись, брались «организовывать бой», выходило еще гаже (месяц спустя полковника И.П, Дорофеева накрыло шальным снарядом, и он попал в святцы 59-й армии как командир, «не щадивший своей жизни во имя победы над врагом, за дело партии, за Родину»).

17 февраля на фронт прибыл представитель Ставки маршал Ворошилов. Он передал приказ, требовавший до начала марта любым способом выйти на железную дорогу Любань — Чудово. Затем маршал, по своему обыкновению, полез на передний край, заставляя обливаться холодным потом всех сопровождающих и оперуполномоченных. Картины ворошиловских посещений описаны во многих мемуарах и выглядели всегда одинаково: в сопровождении очередного комдива маршал добирался под огнем до позиций передового батальона, там, на виду противника, не кланяясь пулям и четко взяв под козырек, выслушивал доклад об обстановке, после чего по-отечески беседовал

с солдатами и обращался с призывами. К примеру, вспоминает П.М. Кошевой, командир сражавшейся у Мясного Бора 65-й стрелковой дивизии:

«— Вот и хорошо, — сказал маршал, услышав, что свои боевые задачи дивизия выполнила успешно. — А теперь поедем в любой батальон на передний край.

Мерецков и Яковлев стали подавать мне знаки, которые могли означать только одно: ни в коем случае на передовую представителя Ставки не вози.

— Не могу, товарищ маршал. Шоссе и железная дорога пристреляны противником. Там всегда, когда появляются люди, бьет артиллерия и бывает плотный пулеметный огонь.

— Боишься? — спросил К.Е. Ворошилов. — А я считал тебя человеком неробкого десятка. Пошли, пошли.

На передний край отправились мы вдвоем. Всем остальным маршал приказал остаться на моем КП... Маршал всем интересовался и отнюдь не собирался скрываться от пуль, которые то и дело свистели рядом с нами и вспахивали снег...

Мне очень нагорело тогда от К.А. Мерецкова за длительное пребывание с К.Е. Ворошиловым на переднем крае. Сам же маршал был крайне доволен и отбыл из дивизии в отличном расположении духа».Неизвестно, что увидел «первый красный командир» из передовых траншей, может быть, Ленинград. Во всяком случае, грядущей военной катастрофы он не разглядел (хотя на Западном и Калининском фронтах безоглядные прорывы на узких участках уже привели к окружению 29-й армии генерала Швецова и 33-й армии генерала Ефремова). Так, в отличном расположении духа, и укатил в Москву.

По опыту Тихвинской операции приказом командующего фронтом были созданы временные оперативные группы. Так, соединения 2-й ударной армии, образовавшие фронт, обращенный на восток, были объединены в группу генерал-майора П.Ф. Привалова (191-я, 382-я стрелковые дивизии, 57-я стрелковая бригада). Обеспечивать левый

фланг армии и перехватить железную дорогу Ленинград — Новгород должна была оперативная группа Жильцова (23, 25, 58-я стрелковые бригады). На Финев Луг наступала группа Коровникова (327, 374, 111-я стрелковые дивизии и 22-я стрелковая бригада). 4-я гвардейская дивизия и 59-я стрелковая бригада, действовавшие в направлении на Сенную Кересть, составили группу генерала А.И. Андреева.

В 59-й армии появилась оперативная группа под командованием генерал-майора П.Ф. Алферьева, на которого была возложена персональная ответственность за взятие Спасской Полисти. У этой деревни без остановки вертелась «карусель» из советских соединений, поочередно бросаемых на штурм — 327-я стрелковая дивизия, 59, 57, 22-я отдельные бригады, 111, 92, 382, 372, 374, 2-я дивизии...

«Наступление обычно велось четверо суток, — вспоминает бывший командир взвода из 382-й дивизии И.Д. Никонов. — Ночью ползали, проверяли, сколько осталось в живых. Подползешь, пошевелишь — живой или нет? Бывало, человек и не убит, а мертвый: замерз. Морозы в январе доходили до 40 градусов. В дни наступления пищи мы не получали. Когда наступление прекращалось, оставшихся отводили на исходные позиции и там кормили. Люди разводили костры и грелись, засыпали, частенько поджигая одежду и валенки. Приходилось ползти на передний край и снимать с убитых — нового взять неоткуда. Недоставало всего: продуктов, фуража, боеприпасов. Патронов выдавали по одной-две обоймы, их тоже добывали у убитых... Перед немецкими позициями все было изрыто снарядами и устлано трупами наших бойцов, раненые пытались переползти через трупы и тоже умирали или замерзали. У нас траншей и даже ячеек никаких не было. Забирались в воронки и прятались за трупы... Стали выяснять, сколько у кого бойцов. В одном полку оказалось пять, в другом шесть, в нашем — семь человек. Всего на переднем крае осталось 35 штыков. А приказ тот же — наступать! Утром снова наступали. К полудню осталось: ты да я, да мы с тобой... Трупы с переднего края никто не убирал, они так и истлели, без вести павшие...» Одни полки отправляли на

переформирование, вместо них вводили в дело новые. В атаку поднимались каждый день, месяц за месяцем, но взять Спасскую Полисть так и не удалось.

Командование группы армий «Север» тоже практиковало создание боевых групп на отдельных участках. Только Мерецков занимался этим с целью хоть как-то наладить управление канувшими в «джунглях» массами войск и делегировать ответственность, а немецкие генералы — по скудости резервов. В состав импровизированных соединений с переменным составом сводились отдельные штабы, батальоны и батареи, снимаемые со спокойных участков фронта. На «штопку дыр» в обороне были брошены обозники и службы тыла, ремонтные, строительные и охранные части, выгруженные из поездов отпускники. Так, после советского прорыва у Мясного Бора на правом фланге 38-го армейского корпуса на базе 20-й мотодивизии и других частей была сформирована боевая группа Яшке. В районе Луги, подчинив все формирования командиру 285-й охранной дивизии, командование 18-й армии создало боевую группу генерала фон Поло. Прибывавшие из Франции еще в начале декабря части 225-й пехотной дивизии, так напугавшие Мерецкова, составили группу фон Бассе, занявшую рубеж Еглино — Красная Горка. (Внезапно пересаженная с почвы солнечного Виньякура в звеневшие от мороза волховские леса посреди января, в легких шинелях, неподготовленная тактически и психологически, она несла большие потери, особенно от обморожений. Один из ветеранов дивизии жаловался после войны нашему ветерану, что на обогрев ему давали всего восемь часов в сутки — два часа на позиции, час на отдых, и как мало тепла было в немецких деревянных бункерах с железной печкой. Наш, ночевавший в снегу и не всегда имевший возможность развести костер, просто не понял.) Но в целом советские успехи на Волхове расценивались германским Генштабом как тактические и не внушающие серьезных опасений. Главное — 215-я и 126-я пехотные дивизии с прибывающими к ним подкреплениями твердо удерживали фланги прорыва, не позволяя свернуть немецкую оборону по Волхову.

23 февраля в частях, батареях, эскадрильях зачитали праздничный приказ наркома обороны СССР: «...*Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии. Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит советский Крым, и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена*».

Глава 8
ЛЮБАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
(февраль — июль 1942 года)

Результатом ворошиловской инспекции явилась новая директива Ставки Верховного Главнокомандования от 26 февраля. В ней уточнялись задачи 2-й ударной и 54-й армий. Обе армии теперь должны были наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани не позднее 5 марта. С этого момента стратегическая операция по разгрому группы армий «Север» перешла в разряд самостоятельной фронтовой операции и стала именоваться Любанской. И задача теперь стояла поскромнее — окружить и уничтожить 1-й армейский корпус генерала фон Бота.

«Эта директива означала, по существу, отказ Ставки от своего первоначального замысла, — пишет генерал М.С. Хозин. — Поняв, что для его выполнения не хватает ни сил, ни средств, Ставка предложила последовательно разгромить вначале Любань — Чудовскую, а затем уже Мгинскую группировку. Будь это решение принято вначале, то есть при организации операции, возможно, и исход ее был бы другим».

Для воздушного обеспечения операции привлекались восемь авиационных полков РВГК, дальнебомбардировочной авиации и ВВС фронтов. Несколькими днями ранее Гитлер еще раз указал командующему группой армий «Север» на значение Ленинграда: «Ни метра назад! Самое важное — удержать Ленинград в кольце блокады». Было произведено перераспределение зон ответственности 18-й

и 16-й армий. Генерал Линдеман принял весь фронт до озера Ильмень, сосредоточив в своих руках руководство Волховской битвой.

Генерал Мерецков, выполняя указания Ставки, требовал скорейшего выхода частей 2-й ударной на железную дорогу Москва — Ленинград. В ответ Клыков докладывал: «В воздухе все время господствует авиация противника и парализует действия войск. Дорожная сеть в плохом состоянии... Подвоз фуража, продовольствия, горючего и боеприпасов далеко не обеспечивает существующих потребностей. Для развития успешного наступления армии надо три свежие дивизии, дивизион ракетных установок, не менее двух автобатальонов, не менее трех дорожно-строительных батальонов, не менее пятнадцати бензовозов, сено, пополнить конский состав и прикрыть армию с воздуха».

Для прорыва к Любани в состав 13-го кавалерийского корпуса из 4-й армии была передана 80-я кавалерийская дивизия полковника Л.А. Сланова, а из резерва фронта — пополненная 327-я стрелковая. Этим частям было приказано «с ходу» овладеть Красной Горкой и выйти к Любани. За ними, развивая успех, в прорыв должны были войти 46-я стрелковая дивизия генерала А.К. Окулича и 22-я стрелковая бригада полковника Ф.К. Пугачева. Взятию «населенного пункта» Красная Горка, представлявшего из себя домик лесника на краю болота, препятствовала сильно укрепленная насыпь железной дороги Чудово—Вейнмарн. И до нее еще надо было дойти.

«Путь пролегал по лесам и болотам, лишенным каких бы то ни было дорог, — вспоминает П.П. Дмитриев. — Передвигались только по компасу. Впереди топографы прокладывали маршрут. Глубокий снег, под ним — незамерзающие болота. Гаубицы весом по 2400 кг тонули сразу на оба колеса. Лошади выбивались из сил. Люди — огневики и управленцы — надели лямки и совместно, с помощью подручных материалов, тащили на себе через топи орудия. Скорость продвижения определялась метрами, и все же мы старались не отставать от пехоты. На всем пути сле-

дования встречалось очень много убитых лошадей — след, оставленный кавалерийским корпусом. Картина ужасная. Весь световой день — налеты немецкой авиации. Правда, бомбы, попадая в болото, рвались на большой глубине, а прямые попадания случались редко».

Сформированный генералом Гусевым передовой отряд, состоявший из 80-й кавдивизии и 1100-го стрелкового полка с двумя ротами танков, 26 февраля прорвался за насыпь, но главным силам, попавшим под сильнейшие атаки с воздуха и понесшим большие потери в конском составе, этого сделать не удалось. На следующее утро противник закрыл брешь и восстановил прорванный участок обороны у Красной Горки. Десять суток группа Сланова сражалась в окружении, не получая боеприпасов, продовольствия, не имея связи. В ночь с 8 на 9 марта, уничтожив всю боевую технику и тяжелое вооружение, полковник с боем вывел остатки отряда (из состава 1100-го полка прорвалось 18 человек) обратно и немедленно был снят с должности за самовольный отход, «вялые и нерешительные действия». Все дальнейшие атаки в сторону Любани отбивались противником. 8 марта в журнале боевых действий 18-й армии сообщается о 1093 пленных и 1556 убитых русских под Красной Горкой. Вскоре после этого 13-й кавалерийский корпус вывели в тыл.

Столь же неудачной оказалась и Померанская операция, порученная 191-й стрелковой дивизии с целью выхода на Московскую железную дорогу в 5 км к юго-востоку от Любани. Дивизии предписывалось без артиллерии и обозов совершить скрытный марш через лесные массивы, ночной атакой захватить станцию Померанье и, организовав круговую оборону, держаться до подхода помощи. Комдив полковник А.И. Старунин пытался доказать командующему оперативной группой генералу П.Ф. Привалову невозможность проводить операцию без единого орудия, имея в ротах по 30—50 стрелков, с запасом продовольствия по 5 сухарей на бойца, боеприпасов — по 5—7 патронов на винтовку и по одному диску на автоматы и пулеметы. На

Привалова эти доводы не подействовали. По свидетельству бывшего командира комендантской роты И.С. Осипова, «разговор закончил комиссар Алексеев примерно так: «Хорошо, мы пойдем, но за последствия и нашу гибель Родина спросит с вас».

В ночь на 21 февраля полкам удалось просочиться через немецкие позиции. Однако под Померанцем при выходе из леса колонна 191-й стрелковой дивизии была обнаружена авиаразведкой противника, затем подверглась внезапному артиллерийскому налету, в результате которого была разбита единственная рация и погиб единственный радист, довершили дело немецкие пулеметы. Деморализованные полки укрылись в лесу, дороги назад уже не было. «Неудачи, понесенные потери, голод и холод сильно подорвали моральный дух не только бойцов, но и командиров, — вспоминает И.С. Осипов. — Бесконечное, бесцельное блуждание по лесам окончательно измотало физические и моральные силы людей. Мы потеряли боеспособность».

После того как закончились боеприпасы и продовольствие, а связь ни с кем из своих так и не удалось установить, полковник Старунин решил свернуть «операцию» и приказал командирам полков разбить подразделения на мелкие группы и выходить из окружения. Вырваться удалось только одному полку и комендантской роте. Судьба штаба дивизии неизвестна. Новый штаб набирал новый комдив, уже знакомый нам бригадир-полковник Коркин.В феврале Волховский фронт потерял еще 53 тысячи человек убитыми и ранеными, Ленинградский — 51 тысячу, Северо-Западный в боях за Демянск и Старую Руссу — 50 тысяч. Убыль личного состава в группе армий «Север» составила 38,5 тысячи солдат и офицеров.

Таким образом, в начале марта 1942 года части 2-й ударной армии продвинулись на 75 км к западу, достигнув железнодорожной станции Рогавка, и на 40 км к северу, не дойдя 6 км до Любани. Фронт армии растянулся на 200 км. Приказ наступать все дальше и дальше, невзирая на фланги, привел к образованию Любанской «бутыли» — террито-

рии площадью в 3 тысячи квадратных километров с узкой горловиной в месте прорыва. Этот четырехкилометровый коридор от деревни Мясной Бор до деревни Кречно, который немцы все время пытались перерезать, а мы силами 52-й и 59-й армий расширить, был единственной коммуникацией, обеспечивающей снабжение наступавших частей. 1 марта противник начал переброску сил к основанию горловины прорыва. Это снова не были дивизии из Дании и «самой Греции». Фон Кюхлер снимал войска из-под Ленинграда: оставив позиции в районе Урицка, к югу от места советского прорыва сосредоточивалась 58-я пехотная дивизии генерала Фридриха Альтрихтера, на северном фланге — полицейская дивизия СС генерала Вюнненберга, снятая с пулковского направления. На состоявшемся 2 марта в Ставке Гитлера совещании фон Кюхлер доложил план уничтожения советских войск. После совещания генерал Гальдер записал в дневнике: «Решение: переход в наступление на Волхове... Фюрер требует за несколько дней до начала наступления провести авиационную подготовку (бомбардировка складов и войск в лесах бомбами сверхтяжелого калибра). Завершив прорыв на Волхове, не следует тратить силы на то, чтобы уничтожить противника. Если мы сбросим его в болота, это обречет его на смерть».

54-я армия всю зиму штурмовала Погостье. Для нового наступления прибыли новые дивизии и маршевое пополнение, создана ударная группировка из двенадцати расчетных дивизий и 200 танков. Ставка усилила армию 4-м гвардейским стрелковым корпусом, в состав которого входили 1 стрелковая дивизия, 4 стрелковые и 1 танковая бригада, 3 лыжных батальона и дивизион реактивной артиллерии. Задача оставалась прежней: наступать в общем направлении на Любань. Операция началась 28 февраля. Советские соединения, не считаясь с потерями, шаг за шагом, неимоверно медленно, но все же начали прогрызать немецкую оборону навстречу 2-й ударной армии. Сражение здесь развернулось жесточайшее. Наконец удалось взять Погостье и продвинуться на 12—15 км за линию железной дороги.

«Бои за станцию Погостье продолжались несколько месяцев, — вспоминает бывший солдат 311-й пехотной дивизии Н.Н. Никулин — Утром дивизии шли на штурм железнодорожной линии, сильно укрепленной немцами, и падали, сраженные пулеметными очередями. Вечером подходило пополнение. Наутро они снова шли в атаку и вновь падали, скошенные немецкими пулеметами. Так продолжалось день за днем. Сильные снегопады покрывали поле сражения. Когда весною снег стаял, обнаружились штабеля убитых. У самой земли лежали солдаты в летнем обмундировании, в гимнастерках и ботинках. На них громоздились морские пехотинцы в бушлатах и широких черных брюках — клешах. Выше — сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе—феврале 1942 года. Еще выше — «политбойцы» в ватниках и тряпичных шапках, выданных в блокадном Ленинграде. На них — тела в шинелях и маскхалатах, с касками на головах и без них. Здесь смешались погибшие многих дивизий...

Много убитых я видел до этого и потом, но зрелище Погостья весной 1942 года было единственным в своем роде! Как символ жестокой борьбы возвышался над заснеженным полем моряк из морской пехоты, сраженный в момент броска гранаты. Он так и замерз в напряженной позе. Медные пуговицы на черном бушлате сверкали в лучах солнца. Был тут и пехотинец, который, уже раненным, стал перевязывать ногу и застыл, сраженный новой пулей. Бинт в его руках всю зиму трепетал на ветру... Это жуткое зрелище навсегда запечатлелось в моей памяти. В подсознании еще крепче: я приобрел неизменный, повторяющийся постоянно, сон — груда мертвых тел у железной дороги...

Погостье все же взяли. Сперва станцию, потом деревню, вернее места, где все это когда-то было. Пришла дивизия вятских мужичков, низкорослых, кривоногих, жилистых, скуластых. «Эх, мать твою! Была не была!» — полезли они на немецкие дзоты, выкурили фрицев, все повзрывали и продвинулись метров на пятьсот. Как раз это и было нужно. По их телам в прорыв бросили стрелковый корпус,

и армия двинулась вперед. И вновь на пути ее встали немецкие подкрепления. А Ставка гнала все новые дивизии в заранее обреченные на неудачу атаки. Выполнялась директива Великого Вождя Всех Народов и Мудрого Полководца, предписывавшая нанести поражение Германии в 1942 году».

Тактика, вполне достойная именоваться «трехрядкой Федюнинского», куда там баталисту Верещагину, с его «Апофеозом войны».

К середине марта 54-й армии удалось продвинуться еще на 15 км, как скромно отметил командарм, — «ценой больших усилий». В Журнале боевых действий армии приводится состав 11-й стрелковой дивизии на 13 марта: курсы младшего комсостава — 54, заградительный отряд — 51, минометный дивизион — 25, 320-й стрелковый полк — 57, 163-й полк — 112, 219-й полк — 27 человек. Итого, 326 «активных штыков», вместе с заградотрядом, который имел несколько другую специализацию, чем борьба с огневыми точками врага. Однако советским генералам казалось, что долгожданный прорыв уже состоялся. Именно в этот день Хозин, находившийся в штабе Федюнинского, обсуждал планы дальнейших действий со Ждановым и Кузнецовым, которые требовали скорейшего «заворота на Тосно», и уверенно обещал снять блокаду Ленинграда до наступления весенней распутицы: «а) выход к Любани — 4—5 дней — 19—20.3; б) перегруппировка войск — два дня — 21—22.3; в) начало наступления на Тосненском направлении — 23.3; г) выход в район Тосно — 27—28.3. С товарищеским приветом ХОЗИН».

Обстановка в районе Погостья начала беспокоить германское командование, производившее в это время перегруппировку сил для проведения операции по «закупориванию» Любанской «бутыли». Соединение частей Клыкова и Федюнинского, которых разделяли 30 км, грозило окружением сразу шести немецким дивизиям. За вторую половину месяца название русской деревни Погостье в дневнике генерала Гальдера с тревогой и надеждой упоминается одиннадцать раз. Но все обошлось: 269-я пехотная устояла.

Затем подоспели подкрепления, и продуманными контрударами немцы к 30 марта стабилизировали положение.

«Труднее всего мне было под Погостьем зимой тысяча девятьсот сорок второго года, — признался через двадцать лет генерал Федюнинский. — Четыре месяца изнурительных, кровопролитных, а главное, малоуспешных боев в лесистом и болотистом крае между Мгой и Тихвином навсегда оставили у меня тяжелые воспоминания». В марте 54-я армия понесла наибольшие потери — 43 тысячи бойцов, — не выполнив поставленной задачи, но отбив у противника 400 квадратных километров болотистого леса и две деревни — Зенино и Кондую. Фронт оказавшейся в «мешке» армии пролег по рубежу: ручей Дубок северо-западнее Погостья — деревни Веняголово — Макарьевская пустынь — Смердыня — Кородыня — Липовик — Дубовик и далее по железной дороге. Взять эти деревни не удалось, несмотря на многочисленные попытки.

59-я армия, исполняя директиву фронта перехватить шоссе и железную дорогу Чудово — Новгород севернее Спасской Полисти, пыталась встречными ударами 378-й и 111-й стрелковых дивизий с запада и 377-й и 92-й дивизий с востока срезать немецкий «палец» — узкую полоску насквозь простреливаемых позиций, не превышавшую 3—4 километра в ширину, протянувшуюся от Трегубово к Мосткам.

2-я ударная 14 марта отбила Красную Горку, и это был последний успех.

Увлеченное организацией прорывов и разгромов, наше командование не заметило, что противник готовит адекватный ответ.

15 марта немцы, завершив сосредоточение ударных кулаков, при поддержке авиации 1-го воздушного флота начали операцию «Раубтир» и к исходу 18 марта встречными ударами с севера и юга перекрыли горловину в четырех километрах к западу от Мясного Бора, перерезав коммуникации 2-й ударной армии. Теперь ее связь с базами

снабжения осуществлялась только по воздуху — учебными самолетами У-2. Соединившиеся части вермахта были объединены в боевую группу «Вюнненберг» и немедленно приступили к оборудованию отсечной позиции по рекам Полисть и Глушица.

Неприятно пораженный Верховный приказал Мерецкову выехать в войска и лично организовать прорыв, а заодно «полностью разгромить и уничтожить контрнаступающие части врага». Начались жестокие бои по восстановлению коридора. «В течение 10 дней, — вспоминал бывший командир спешно переброшенной из состава 4-й армии 376-й стрелковой дивизии генерал-лейтенант Г.П. Исаков, — дивизия отражала контратаки превосходящих сил противника. Борьба за горловину шла не на жизнь, а на смерть. Я тогда был молодым командиром, и, скажу откровенно, были такие критические минуты, когда, казалось, наступил предел — болота, вода, холод, непрерывные налеты пикирующих бомбардировщиков и шквалы пулеметного и артиллерийского огня по скучившейся, как на пятачке, ничем не прикрытой с воздуха группировке; всюду масса незахороненных трупов, своих и противника, — все это ложилось на плечи тех, кто нес ответственность за выполнение задачи и стоял насмерть».

Бросив в бой пять стрелковых дивизий, две стрелковые, 7-ю гвардейскую танковую бригаду и все имевшиеся под рукой части, вплоть до курсов младших лейтенантов и учебной роты младших командиров, Мерецков частично выполнил сталинский приказ и 29 марта доложил, что «части противника, оседлавшие дорогу, отброшены в северном и южном направлениях». На следующий день, продолжая радовать Кремль «бодрыми донесениями», Военный совет фронта сообщил, что «ликвидация противника, прорвавшегося в стыке 52-й и 59-й армий, развивается успешно», и с утра 2 апреля 2-я ударная армия при поддержке 450 артиллерийских и минометных стволов и двух тяжелых гвардейских реактивных полков возобновит решительное наступление на Любань. Заодно пообещали в скором времени освободить Новгород.

В действительности очищенная от немцев «дорога» представляла собой узкую полоску леса и раскисших болот, пробраться по которой могли только небольшие группы бойцов и подводы, и то в основном ночью. «Коридор как бы пульсировал, — вспоминает генерал И.Т. Коровников, — то сужаясь, то расширяясь. Но в поперечнике он был уже не 11—14 километров, а всего два с половиной — два, сокращаясь порою до нескольких сот метров. Прицельный огонь все чаще сменялся выстрелами в упор. Нередко завязывались рукопашные схватки». Участники сражения считают, что до 30 мая 1942 года, дня, когда «горловина захлопнулась намертво», немцы перекрывали ее не менее шести раз.

Путь, пролегший к северу от Мясного Бора, наши солдаты стали называть Чертовым мостом, а заболоченную местность между речками Полистью и Глушицей — Долиной смерти. По насквозь простреливаемому перешейку тянулись вереницы носильщиков, доставлявших снаряды и сухари. Это их имел в виду Мерецков, сообщая, что во 2-ю ударную армию «опять пошли транспорты с продовольствием, фуражом и боеприпасами». Немецкие зольдатики, сидевшие в «рукаве» отсечной позиции, поставили на въезде каллиграфически выполненный указатель: «Здесь начинается задница мира».

Где волны Волхова хрюкают день и ночь,
Где сталинский орга́н играет нам музыку,
Где осколки свистят протяжно всю ночь,
Это наша родина — задница мира.

Кстати, пока Мерецков «успешно ликвидировал» противника под Мясным Бором, 24 марта западнее деревни Глушицы немцы окружили 378-ю стрелковую дивизию, которую после гибели Дорофеева возглавил полковник Г.П. Лиленков, и полк 111-й дивизии (переименованной к этому времени в 19-ю гвардейскую). Советские части заняли круговую оборону на лесном участке размером 1,5 на 2 километра, неся колоссальные потери от свирепых бомбежек и непрерывных артобстрелов, а в минуты затишья

«политработники, руководители партийных организаций, проводили беседы с воинами». В этой позиции они пребывали ровно месяц, пока оставшиеся в живых «с разрешения командования», преодолев 8 километров по болотам, не вышли к Ольховским хуторам.

И насмерть стояли на рубежах любанской «бутыли» красноармейцы 2-й ударной армии, обороняя «освобожденный от гитлеровцев обширный лесисто-болотистый район» (!), где не было ни дорог, ни городов, ни важных стратегических объектов. Потери Волховского фронта в марте составили 40 679 человек.

Обещанное Мерецковым «решительное наступление» захлебнулось почти сразу. Из донесений проверяющих от вышестоящих штабов и политотделов можно сделать вывод, что войска на переднем крае, измученные чудной организацией, дезорганизованные и брошенные собственным командованием, лишь изображали активность:

«Проверял готовность частей 330 сд, включительно до батальона и обнаружил: 92 сп опоздал больше чем на 1,5 часа, т. к. в 8.00 людей стали кормить завтраком; в 46 сп батальон первого эшелона получил задачу очистить лес, не сориентировался и стал наступать на КП дивизии (!). В 259 сп роты и батальоны плохо знали задачу, и при занятии исходного положения у одной из рот пулеметы были установлены в нашу сторону. Кроме того, в 259 сп огонь артиллерии был спланирован сам по себе, а пехота наступала сама по себе. Фронт наступления каждой дивизии 200—500 м. Остальные участки командованием именованы сковывающими и никто на них не наступал... ***В процессе боя действиями пехоты никто не руководит,*** *так как большинство командиров от дивизии до батальона сидят в землянках, за исключением 259 сп».*

Собственную войну ведут фронтовые и армейские артиллеристы. Они не знают, где находится противник, и знать не хотят, стреляют просто на звук или «в ту сторону», на головы «гансов» или «иванов» — как Бог положит, выбрасывая попусту сотни тонн драгоценных снарядов и

беспрерывно жалуясь на нехватку боеприпасов; какими-то своими интимными делами заняты летчики:

«Стрельба по засеченным целям с наземным наблюдением в итоге дает бесцельный расход и перерасход снарядов. Звено корректировочной авиации артиллерийского отдела армии бездействовало.

***За все время боевых действий (!) авиация не сделала ни одного фотоснимка узлов сопротивления и огневых точек противника**, вследствие чего фотобатареи полковых РГК бездействовали. Артотдел армии, зная это, ни разу не поднял вопрос перед отделом ВВС о производстве фотосъемок с воздуха, а также о засечке огневых точек противника по огневым вспышкам ночью».*

В результате получается картина «Штурм деревни Крутик 19-й гвардейской дивизией»: *«Перед началом наступления не были разведаны предполье, передний край обороны противника и его огневая система. Артиллерия не разрушила неприятельских укреплений и не подавила его огневых точек.*

Наступающие части оказались неподготовленными к преодолению инженерных препятствий противника в полосе предполья. Например, 1218-й гвардейский стрелковый полк, достигнув проволочных заграждений, не смог их преодолеть из-за отсутствия ножниц для резки проволоки. Ножниц не оказалось и у приданного полку 697-го саперного батальона (!!!), хотя на тыловых складах их имеется вполне достаточное количество. Из-за того, что не были сделаны проходы в заграждениях, 1218-му полку пришлось сделать полукилометровый обход под огнем противника. Кроме того, саперы этого же батальона не обезвредили противопехотные и противотанковые мины, и минные поля противника не были преодолены...

Отсутствовало взаимодействие между родами войск. При атаке на деревню Крутик пехота 1218-го полка оторвалась от танков и залегла, оставив их без поддержки. Прорвавшиеся в деревню танки вынуждены были вернуться, потеряв три машины. Не могла удовлетворить всех заявок пехоты артиллерия сопровождения, так как не имела достаточного количества боеприпасов. Поэтому не были подавле-

ны вражеские батареи зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов в деревне Заполье, которые беспрерывно вели огонь во фланг наступающему 1347-му полку.

В частях группы были случаи паники и провокации. Во 2-м батальоне 1347-го полка кто-то из бойцов крикнул: «Нас окружают!» Поднялась беспорядочная стрельба, среди бойцов появилась растерянность. На ликвидацию несуществующего окружения был брошен первый батальон, который в течение часа из-за этого был оторван от выполнения непосредственной боевой задачи. Так как к этому времени большая часть среднего командного состава выбыла из строя, возникшая паника ликвидировалась медленно, а непосредственные виновники ее остались необнаруженными».

Командармы на основании допросов пленных, взятых из состава немецких сводных боевых групп, выявляли невероятное количество «скованных» дивизий противника. После войны на собственные липовые донесения они будут ссылаться, как на архивные документы: «О силах врага можно судить потому, что к концу апреля 1942 года войскам 59-й армии противостояло до десяти пехотных (!?), одна моторизованная дивизия и три полка СС, поддержанные сильными артиллерийскими и минометными группами». (Архив МО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 13, л. 8.) Тогда конечно... 8 апреля командующий фронтом попросил у Ставки разрешения атаки прекратить. Ненадолго, дня на четыре.

В апреле наступила оттепель, затем пошли обильные дожди, смывшие протоптанные в снегу «колонные пути», единственная дорога, снабжающая действующую армию всем необходимым, превратилась в месиво, а окружающая местность — в сплошное болото. Озера, многочисленные речки и ручьи вышли из берегов. Вода затопила позиции и землянки, солдаты переселились в шалаши и срубы, для пушек строились деревянные настилы. Окончательно замер автотранспорт. В войска доставлялись только патроны к стрелковому оружию и мины малого калибра. Артиллеристы целыми подразделениями снимались с передовой

и отправлялись в тыл, чтобы обеспечить самих себя огнеприпасами: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

«У орудий оставались только командиры орудий и наводчик, — вспоминает П. Дмитриев, — все остальные были на работах. Постоянно командировались команды на тыловые склады, а это — 50—55 км туда и обратно. Но такой марш совершали за 5—6 дней. Наш один снаряд и заряд к нему весили около 30 кг. Значит, один человек мог принести максимально только один снаряд и заряд, а второй нес продовольствие, которое съедалось большей частью за время марша. Так что результат таких походов был крайне скромным».

По решению Военного совета для подвоза продовольствия и вывоза раненых началось строительство узкоколейной железной дороги от Новой Керести к Мясному Бору. Прокладывали ее армейские и фронтовые дорожники, привлекая местное население. От позиций в тыл выводились лежневки. По ночам бойцы валили лес, прокладывали бревна через топи, укладывали на них деревянные настилы — все, за наличием отсутствия крепежного материала, без единого гвоздя. До этого никакой осмысленной деятельности по созданию сети коммуникаций для снабжения и переброски войск не наблюдалось, автодорожной службы не существовало, а построить фронтовую рокаду так и не собрались, поскольку никто не предполагал, что просидеть в волховских болотах придется целых два года. О каком маневре силами и внезапности могла идти речь, если, к примеру, на 15-километровый марш в собственном тылу от Мостков к Глушице у 378-й стрелковой дивизии ушло десять суток.

Политуправление фронта проявило инициативу и провозгласило движение по сбору «бесхозного и трофейного имущества». Действительно, вместе с подснежниками вылезли горы разбросанного оружия и амуниции, в основном советского производства. В течение месяца по лесам было собрано три 76-мм, четыре 45-мм и одно 105-мм орудие, 34 станковых, 87 ручных пулеметов, 43 миномета,

13 противотанковых ружей, 3737 винтовок, 187 автоматов, 7600 снарядов, более 7000 мин, 5180 гранат, 236 400 винтовочных патронов, 10 450 патронов ППШ, 112 противотанковых гранат, четыре автомашины, два самолета и многое другое. Все свое, отечественное. Трофеев оказалось не в пример меньше: два танка, два автомобиля, два орудия, пять мотоциклов, четыре велосипеда, 8 ручных, 4 станковых пулемета, 67 000 винтовочных патронов, 1100 противотанковых снарядов.

Ожила соответствующая рельефу фауна. «Проклятые комары, мухи, вши — враги наши ненавистные. Разве какой писатель станет их описывать, если его никогда не кусали? А я их до конца дней не забуду, — рассказывает И.И. Калабин. — Вшивость — дело не новое, но чтоб в таких масштабах... Серые дьяволы ели нас поедом, со злостью, сплошь покрывая тело и одежду. Их не давили — просто, если выпадала свободная минута, стряхивали на землю. Они, паразиты, ухитрялись внутри каждой пуговицы жить по 5—6 штук. Шутка ли — шесть месяцев без бани! И все шесть месяцев не раздевались».

Из донесения заместителя начальника политуправления Волховского фронта бригадного комиссара Ганенко в Главное политическое управление РККА:

«Бойцы частей 191-й дивизии поражены вшивостью на 70%. В отдельном батальоне связи 366-й дивизии — на 60%, в 1222-м полку той же дивизии — на 50%. Примерно такое же положение в других соединениях...

На совещании армейских врачей по вопросу борьбы с эпидемиологическими заболеваниями в частях указывали, что большая завшивленность наблюдается в санбатах, госпиталях и что нечистоплотен часто и сам медперсонал... Многие командиры и бойцы по несколько месяцев не моются и не меняют белья. Дезинфекционные камеры в большинстве частей до сих пор не организованы. Санитарный контроль за чистоплотностью бойцов и немедленная обработка завшивленных не практикуются...

Интендантство инертно выполняет приказы об организации в дивизиях прачечных и об обеспечении частей мылом

и бельем. В 225-й и 267-й дивизиях и 25-й бригаде совершенно нет обменного фонда белья, части 191-й дивизии имеют 25% потребного фонда.

В частях 59-й армии нет даже машинки для стрижки волос».

Самых жирных кровососущих солдаты прозвали КВ — в честь танка.

За вшами последовали вспышки тифа.

Ухудшилось положение с питанием, конина кончилась: «Сначала гибли от недоедания кони, потом люди их съедали. Недаром говорят: человек живучее собаки. И то правда: собака понюхает и есть не станет. Мы же всех дохлых лошадей из-под снега вырыли и съели. От того начались у солдат кишечные расстройства. Бывало, штаны спустить не успеешь. Настоящее бедствие! Немцы все видели, ведь рядом были, за какой-нибудь речушкой в десяток метров шириной. Какие насмешки, унижения, какое издевательство приходилось от них терпеть — не приведи Господь!.. Лошадей поели — снаряды таскаем на себе, по пояс в воде. Немцы играют на губных гармошках, песенки распевают, издеваются: «Русс, куп-куп!» Им что: они в деревнях, на сухом месте, а мы, Иваны, снова в дураках».

Появились случаи самоубийства. Боевые действия велись в основном в горловине «бутылки» и в полосе 54-й армии. Федюнинский до самого смещения с должности, сменяя обескровленные дивизии и выбитые танковые части, гнал и гнал свои войска через раскисшие болота — на Любань. Об этих боях генерал не оставил «тяжелых воспоминаний», наверно, потому, что совершенно ничего не сумел добиться, командуя самой мощной группировкой, состоявшей из десяти дивизий (3-й гвардейской, 11, 80, 115, 177, 198, 281, 285, 294, 311-й), пяти стрелковых (32, 33, 137, 140-й, 6-й морской пехоты), четырех танковых (16, 98, 122, 124-й) бригад, отдельного лыжного, пяти артиллерийских и одного гвардейского минометного полка, отдельных танковых, лыжных, аэросанных батальонов.

Армия Сухомлина, отпочковавшаяся от 54-й, в апреле на своем правом фланге безуспешно билась за Поселок

№ 8. Левым крылом (80-я стрелковая дивизия, 1-я горнострелковая, 4-я морская, 124-я танковая бригады) пыталась прорваться от Погостья на Шапки и Тосно, но застряла в трясинной хляби у Веняголово, едва преодолев речушку Мгу. В пятидневном сражении перестала существовать 1-я горнострелковая бригада, которой командовал герой «зимней войны» Угрюмов, по описаниям, человек «храбрый, но малограмотный и сильно пьющий», за два года выросший из лейтенантов в полковники: «Угрюмов лихо расхаживал под огнем, но немалую роль в его упрямой бесшабашности играла привешенная сбоку фляга...»

Штаб Волховского фронта, накопивший «большой опыт», вновь готовил «общее наступление». Командующий уверял всех, что «оперативная обстановка к настоящему времени на любанском направлении наряду с наличием трудностей более благоприятна, чем в прежние периоды операций».

Однако наступило время интриг и перетасовки генеральской колоды.

Сталин еще в марте решил, что руководство Ленинградского и Волховского фронтов надо менять. Он предложил возглавить Волховский фронт Ворошилову, однако маршал не пожелал взвалить на себя ответственность за «трудный фронт», прямо заявив, что боится «провалиться на этом деле» (легко было, ни за что не отвечая, подозревать в трусости Кошевого, хотя и Ворошилову в личной храбрости никак не откажешь, но мужества полководца он явно не проявил). Верховный окончательно убедился, что в этой войне «первый красный офицер» ему не помощник. В Ленинград отправился генерал-лейтенант Л.А. Говоров. В Малую Вишеру в компании с Ворошиловым, Маленковым и заместителем командующего ВВС Красной Армии генералом Новиковым 9 марта прибыл новый заместитель командующего Волховским фронтом, «сталинский полководец», генерал-лейтенант А.А. Власов.

В своих послевоенных воспоминаниях, давая оценки событиям и людям задним числом с оглядкой на идеоло-

гический отдел ЦК КПСС, наши мемуаристы, упоминая о Власове, рисуют портрет бездарности с моральным обликом потенциального предателя. Маршал Василевский, к примеру, сообщает, что «...Власов, не выделяясь большими командирскими способностями, к тому же по натуре крайне неустойчивый и трусливый, совершенно бездействовал».

Между тем в момент назначения генерал Власов находился в зените славы, являясь одним из самых перспективных военачальников РККА. Командуя 20-й армией во время битвы под Москвой, за успешную операцию по освобождению Солнечногорска и Волоколамска он был награжден орденом Боевого Красного Знамени, повышен в звании и заслужил особое расположение Сталина. О нем много и лестно писали газеты, публиковались его портреты. Генерал армии Жуков высоко оценивал боевые качества Власова, его оперативную подготовку и организационные навыки. И приехал он на Волховский фронт «для применения опыта подмосковной победы».

Мерецкову, естественно, новый заместитель тоже сразу не понравился: «Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дела на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство».

Раздражение и недовольство Мерецкова вполне понятно: в ближайшей перспективе Власов должен был занять его место, и оба генерала об этом знали. Существует запись телефонного разговора Власова с Верховным Главнокомандующим, в котором он просит оставить его в должности заместителя, так как у Мерецкова — большой опыт ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности. Уже будучи в плену, Власов тоже охарактеризовал Мерецкова довольно нелицеприятно: «Эгоист... Очень нервная, рассеянная личность. Спокойная беседа между командующим фронтом и командующими армиями была почти невозможна».

20 марта командующий фронтом отправил своего заместителя во главе специальной комиссии во 2-ю ударную армию, откуда ему было не суждено вернуться. 8 апреля, составив акт проверки, комиссия отбыла. Власов же остался, поскольку выяснилось, что генерал Клыков тяжело болен. По версии Мерецкова, 54-летний командарм серьезно хворал еще в феврале, это отражалось на исполнении им своих обязанностей, и «у меня не раз появлялась мысль о замене командарма». Однако тогда Кирилл Афанасьевич генерала Клыкова с армии не снял, а отстранил от должности совершенно здоровых начальника штаба и начальника оперативного отдела. Начальник артиллерии генерал Дегтярев, опубликовавший свои воспоминания раньше Мерецкова, о маршальском диагнозе еще ничего не знал, поэтому отклонений в здоровье командарма не заметил, а его снятие с должности напрямую связал с военными неудачами и работой проверяющих из штаба фронта:

«...был зачитан акт комиссии, и к вечеру она выбыла из армии.

— Все, — мрачно сказал Клыков, распрощавшись с нею, и машинально начал перебирать содержимое в ящиках своего рабочего стола.

Предчувствие не обмануло его: несколько дней спустя он был смещен с поста командующего 2-й ударной армией».

16 апреля «тяжело больного» Клыкова самолетом отправили в тыл.

Закономерно возник вопрос: кому поручить руководство войсками 2-й ударной армии? В тот же день состоялся телефонный разговор Власова и дивизионного комиссара И.В. Зуева с Мерецковым. Зуев предложил назначить на должность командарма Власова, Власов — начальника штаба армии полковника П.С. Виноградова. Военный совет фронта поддержал идею Зуева. Так «подлый предатель Родины» Власов с 20 апреля стал командующим 2-й ударной армией, оставаясь одновременно заместителем командующего фронтом. Он получил войска, практически уже не способные сражаться, армию, которую надо было спа-

сать. С середины апреля хлеба выдавалось менее половины нормы, других продуктов вообще не было. Некомплект в дивизиях доходил до 70%. Артиллерия была лишена снарядов. Обмороженные, изголодавшиеся, завшивевшие бойцы недели и месяцы сидели в болотных топях. Чтобы угробить своего солдата, нашему генералу вовсе не обязательно были нужны немцы.

Власов не мог отказаться от назначения, хотя прекрасно понимал, в какую задницу его засунули. «В беседе с Зуевым и Виноградовым, — рассказывал на допросе бывший генеральский адъютант майор И. Кузин, — Власов неоднократно говорил, что великие стратеги — это он по адресу товарища Мерецкова — завели армию на гибель. Власов по адресу Мерецкова говорил так: звание большое, а способностей... — и дальше недоговаривал, но давал понимать». Мерецков в это время докладывал о «разрыве в обороне противника», о 75-тысячной группировке, которую он в скором времени окружит и истребит, но «запланированному наступлению не суждено было свершиться».

Генерал Хозин, с прибытием в Ленинград Говорова оказавшийся в таком же положении, что и командующий Волховским фронтом, провернул свою комбинацию. Он доложил Ставке, что главной причиной провала Любанской операции является отсутствие взаимодействия между Ленинградским и Волховским фронтами: «Мы действуем разрозненно. В январе начал наступление Волховский фронт, Ленинградский фронт его не сумел по-настоящему поддержать, потому что войска 54 А были истощены в людском и материальном отношении. В феврале месяце истощился Волховский фронт. Ленинградский накапливал силы. В конце февраля и в марте месяце начал наступать Ленинградский фронт, но, не поддержанный Волховским фронтом, также выдохся. На днях вновь начал наступать Волховский, Ленинградский не в состоянии поддержать, т. к. дивизии 54-й армии выдохлись. Такое положение в дальнейшем терпимым признать нельзя. Действия должны быть одновременными, которые не позволили бы против-

нику маневрировать своими резервами и парировать наши удары».

Вывод: фронты необходимо объединить, доверив дело прорыва блокады одному единоначальнику, конкретно — генералу Хозину.

Маршал Б.М. Шапошников выступил против такого предложения, однако Сталин встал на позицию хитроумного командующего, и 20 апреля была подписана директива о преобразовании Волховского фронта в оперативную группу в составе Ленинградского фронта. Генерал армии Мерецков, вместе с накопленным «опытом», направлялся на Западное направление, заместителем к Жукову.

23 апреля генерал Хозин с «директивой в кармане и в весьма веселом настроении» появился в Малой Вишере.

Мерецков по пути к новому месту назначения побывал в Ставке и доложил Сталину, что 2-я ударная армия «совершенно выдохлась и в имеющемся составе не может ни наступать, ни обороняться. Ее коммуникации находятся под угрозой ударов немецких войск. Если ничего не предпринять, то катастрофа неминуема». Необходимо принять одно из двух решений: либо значительно усилить армию войсками и техникой, либо как можно быстрее отвести ее на линию дорог Чудово—Новгород. Кириллу Афанасьевичу пообещали учесть высказанные соображения.

Командующим Ленинградской группой войск стал генерал-лейтенант Говоров. Назначения на Западный фронт получили генералы Федюнинский и Галанин. В командование 54-й и 59-й армиями вступили генерал-майор А.М. Сухомлин и генерал-майор И.Т. Коровников. 8-ю армию принял генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков. После проведенной организационной и кадровой реформы командующий объединенным фронтом и одновременно Волховской группой войск мог полностью сосредоточиться на любанском направлении. Для этого в распоряжении Хозина в составе шести армий и трех корпусов имелось 39 дивизий, 14 стрелковых и 6 танковых бригад, 15 отдельных батальонов, 24 отдельных артиллерийских и 7 гвардейских минометных полков, в которых насчитывалось 356 тысяч

бойцов и командиров, 4328 орудий и минометов, 191 танк, несмотря на то что с начала операции советские войска потеряли убитыми и ранеными 308 367 человек — почти 100% от первоначального состава.

Ленинградцы пережили первую военную зиму, самую страшную. Наибольших размеров смертность достигла в начале февраля. В отдельные дни умирало 4500—4700 жителей. В феврале умерло 96 тысяч человек. На этот же месяц пришелся пик людоедства — 612 человек были арестованы «за употребление в пищу человеческого мяса» (всего до весны 1943 года отловили более 2 тысяч). В Сестрорецке и на станции Разлив в течение трех месяцев орудовала банда из шести женщин-людоедов. Нынешняя германская Фемида полгода искала подходящую статью для каннибала-гомосексуалиста; советская, не мучаясь тонкостями юриспруденции «в условиях особой обстановки», всем лепила статью 59-3 УК РСФСР — бандитизм. Поначалу решением Военного трибунала их расстреливали поголовно. Позднее стали различать убийства «с целью поедания мяса убитых» и просто «поедание трупного мяса», во втором случае по той же статье — по аналогии — давали до 10 лет лишения свободы. Интересно, что 41% привлеченных к уголовной ответственности за эти преступления составили гегемоны-рабочие, а получавшие вдвое меньший паек служащие — лишь 4,5%.

Город был буквально завален трупами, в основном «не безусловно нужных» граждан. «Если в декабре еще значительную часть умерших транспортировало на кладбище население, то в январе это резко сократилось, — сообщал начальник Управления предприятий коммунального обслуживания исполкома Ленсовета А. Карпушенко. — Приняло большие размеры такое явление, когда покойников стали в массовом порядке подбрасывать к больницам, поликлиникам, выбрасывать на лестницы, во дворы и даже на улицах города. Организации и предприятия вывозили из города трупы умерших людей и, боясь, что администрация кладбищ от них не примет, за отсутствием документов, сва-

ливали трупы незаметно для сторожей на кладбищах или улицах вблизи них. На Кременчугской улице у наружных дверей покойницкой больницы им. Боткина ежедневно беспорядочно в куче лежали подброшенные покойники. Кроме того, их можно было часто по утрам видеть выброшенными к воротам домов, на лестницах». Аппарат Управления треста «Похоронное Дело», несмотря на дополнительную прогрессивную выдачу работникам хлеба и водки, оказался к таким масштабам не готов.

«За непринятие мер к заготовке нужного количества запасных траншей и упорядочению работы кладбищ» перед Новым годом был арестован и осужден к восьми годам руководитель треста Кошман. Но это было лишь начало: «Последние дни января и февраль месяц были периодом, когда количество захоронений достигло наивысшей точки. В больницах, госпиталях, на эвакопунктах и в районных моргах скопилось большое количество трупов... В течение значительного количества дней февраля месяца только на Пискаревское кладбище привозили для захоронения 6—7 тысяч трупов в сутки... 3 февраля 1942 года Исполком Ленгорсовета принял решение об использовании под братскую могилу имевшегося на Богословском кладбище песчаного карьера, который был заполнен в течение 5—6 дней 60 тысячами трупов людей. Под захоронение были использованы и бомбовые воронки на Богословском кладбище, в которые захоронено около 1000 трупов. Позже было решено использовать под захоронение часть противотанкового рва, расположенного рядом с карьером с северной стороны, где было тоже захоронено больше 10 тысяч покойников. На северной окраине Серафимовского кладбища имевшиеся 18 волчьих ям, подготовленных как противотанковые препятствия, были использованы под захоронения, и в них было похоронено около 15 000 трупов. **Но темпы поступления на кладбища трупов значительно обгоняли быстро нарастающие темпы заготовки траншей,** а поэтому и проведение мероприятий по использованию под захоронение карьера и волчьих ям не устраняли диспропорцию между наличием готовых траншей и завозом на кладбище трупов. На Пи-

скаревском кладбище количество незахороненных трупов, сложенных в штабеля длиною до 180—200 метров и высотою до 2 метров, за отсутствием траншей, в отдельные дни февраля достигало 20—25 тысяч; на Серафимовском кладбище трупами были забиты морг, церковь, и часть их лежала просто на кладбище. Штабель трупов около 5 тысяч лежал и на Большеохтинском кладбище, там же полностью был заложен трупами морг. На кладбище Жертв 9-го Января в сенном сарае лежало около 3 тысяч незахороненных трупов. Такое положение на кладбищах длилось до конца февраля месяца 1942 года...»

Безусловно ненужными власти оказались всякие филологи, историки, искусствоведы и прочие интеллигенты-гуманитарии, их не эвакуировали и не кормили (подкармливали лишь академиков и членов-корреспондентов). В Ленинградском университете от голода и болезней погибло свыше 100 профессоров и доцентов. Политехнический институт потерял 46 докторов и кандидатов наук, Строительный институт — 38. Когда в апреле, наконец, вывезли Эрмитаж, служащие МПВО обнаружили в подвалах здания 109 трупов.

В марте в городе умерло еще 81,5 тысячи человек, в апреле — около 75 тысяч. Это данные из ежемесячных спецсообщений УНКВД, но они далеко не полны. Десятки тысяч ленинградцев погибли в ходе эвакуации или вскоре после нее. Тысячи трупов, в укрытиях, траншеях, под снегом, были обнаружены во время генеральной чистки города с целью предотвращения эпидемий, начавшихся с приходом весны.

Сколько жителей умерло от голода, достоверно никто не знает, но сегодня все сходятся на том, что не менее одного миллиона человек. Тот же А. Карпушенко, подводя итоги своего секретного доклада, признал: «К сожалению, в городе нет организации, которая могла бы назвать точную цифру умерших в городе Ленинграде людей... Никто к таким размерам смертности и молниеносности ее роста не только не был подготовлен, но никто и никогда не мог мыслить о чем-либо подобном... По данным кладбищ го-

рода, далеко не точным, возможно, завышенным, ими за период с 1/VII-1941 года по 1/VII-1942 года захоронено 1.093.695 покойников».

Большая часть этих жертв приходится на первую блокадную зиму.

Обстановка в Ленинграде сказывалась на боеспособности войск фронта. За восемь месяцев, начиная с ноября 1941 года, только в госпитали фронтового и армейского районов поступило более 62 тысяч военнослужащих с диагнозом «алиментарная дистрофия», из них 12 416 человек скончались.

Однако город выстоял, опрокинув все расчеты германского генералитета.

Постепенно, с невероятными трудностями, налаживалась работа Военно-автомобильной дороги. Перенос базы снабжения из Тихвина в Войбокало и Жихарево намного сократил маршрут движения автомашин. 18 января впервые был выполнен план доставки грузов в Ленинград. Во второй половине января в связи с наладившимся подвозом произошло заметное увеличение продовольственных запасов. С 24 января ленинградцы стали получать 400 граммов хлеба на рабочую карточку, 300 граммов — для служащих и 250 граммов — по детской и иждивенческой карточкам. 11 февраля хлебная норма выросла еще на 100 граммов. Были увеличены нормы снабжения и другими продуктами питания. По карточкам стали выдавать мясо, сливочное масло, клюкву, сухой лук.

В середине февраля по решению ГКО была построена железнодорожная ветка Войбокало — Кобона, подводившая поезда вплотную к Ладоге. По ледовой дороге для Ленинграда доставлялось все больше грузов: в январе было перевезено около 53 тысяч тонн, в феврале — более 86 тысяч, а в марте — более 118 тысяч тонн. Это позволило сосредоточить в городе двухмесячные неприкосновенные запасы продовольствия и переходящие запасы на 6—8 дней.

Одновременно вывозилось нетрудоспособное население, раненые, заводское оборудование, культурные ценности. В период с 22 января по 15 апреля из Ленинграда

было эвакуировано 554 тысячи человек, в том числе только во второй половине марта — 48 тысяч финнов, немцев и социально-опасного элемента, заботливо «обеспеченных спецконвоем НКВД» и деньгами на питание. За Ладогой голод для них заканчивался, но вследствие необратимых изменений ленинградцы умирали тысячами на всем пути следования.

Численность населения упала до 1,1 миллиона человек.

Улучшились условия жизни. В значительной степени были восстановлены канализационная сеть и водопровод, открылись школы, возобновил работу ряд кинотеатров города. 15 апреля вновь пришли в движение трамваи. Городские партийные бонзы, убедившись, что город устоял, взбодрились и приступили к закручиванию гаек. Так, секретарь горкома Я.Ф. Капустин объявил, что «...получение ленинградцами среднемесячной зарплаты в условиях, когда абсолютное большинство предприятий бездействовало, развратило определенную часть людей, народ перестал уважать дисциплину». Ну ни в чем нельзя на неблагодарный народ положиться, развращался он в блокаде, пока «капустины» и «попковы», глаз не смыкая, о его счастье заботились.

В самый тяжелый для Ленинграда период решающую роль в снабжении города и эвакуации населения сыграла Дорога жизни. Только благодаря ей Ленинград сумел выстоять.

Дорогу обслуживали 17 281 военнослужащий, 3624 автомашины, 147 тракторов, 960 лошадей. Всем этим хозяйством руководил капитан 2 ранга М.А. Нефедов. Наземную охрану трассы осуществлял отдельный стрелковый полк, основные силы которого были сосредоточены на льду Ладожского озера в 8—12 км от берега, занятого противником. Полк создал две оборонительные полосы, на которых были построены доты, укрытия из ледяных глыб, установлены пулеметные точки. Противовоздушную оборону коммуникации обеспечивали расположенные в шахматном порядке на всем ее протяжении батареи 21-го зенитно-артиллерийского дивизиона, имевшие на воору-

жении четырнадцать 37-мм автоматов и до 40 пулеметных установок, а также пять полков истребительной авиации. С укреплением льда на озере удалось установить даже 85-мм орудия. Кроме того, были созданы кочующие группы из орудий малого калибра и зенитных пулеметов, смонтированных на специальных салазках. Железнодорожные станции и базы на берегу Ладоги прикрывались специальными отдельными зенитными частями и бронепоездами ПВО. Небо охраняли пять полков ВВС фронта, два полка КБФ и авиация ПВО. Контроль за ледовым режимом, эксплуатацией трассы был возложен на гидрографическую службу Балтийского флота.

За весь период существования Дороги жизни по ней было перевезено более 360 тысяч тонн грузов, в том числе 262 тысячи тонн продовольствия и 32 тысячи тонн боеприпасов.

В середине апреля толщина льда на Ладожском озере стала быстро уменьшаться, на его поверхности появилась вода, особую опасность представляли скрытые под ней трещины. С 16 по 21 апреля автомашины двигались по сплошной воде. Одними из последних через Ладогу на восточный берег переправились 11 тысяч бойцов пополнения для 54-й армии. В 16 часов 24 апреля дорога была закрыта. Полным ходом шла подготовка к летней навигации.

В апреле начался ледоход на Неве. Он отрезал гарнизон «пятачка» — 330-й стрелковый полк 86-й дивизии под командованием майора С.А. Блохина — от левого берега. Германское командование решило этим обстоятельством воспользоваться и ликвидировать Невский плацдарм. 24 апреля после сильной бомбежки и артиллерийской подготовки началась атака шести батальонов 1-й дивизии. Несмотря на отчаянное сопротивление защитников, получивших в подкрепление две роты 284-го полка, немцам удалось прорваться к Неве и изолировать гарнизон. Последнее, что видели с правого берега, это кусок маскхалата, на котором крупными буквами было написано: «Помогите».

Унтер-офицер В. Буфф из 227-й пехотной дивизии, корректировавший в те дни артиллерийский огонь, записал в дневнике: «Когда плацдарм был уже в наших руках, русские сделали безнадежную попытку переправиться через Неву на лодках, чтобы перейти в контратаку. То, что не было уничтожено при переправе, было завершено при высадке. Не знаешь, чему больше удивляться: безумству тех, кто отдал приказ на эту безнадежную операцию, или мужеству смертников, выполнявших его». 29 апреля Невский «пятачок» пал. Он обошелся Ленинградскому фронту в 140 тысяч погибших — все зря.

Несмотря на то что ни одна из операций зимней кампании не достигла поставленных решительных целей, Сталин и его полководцы по-прежнему думали, что Красная Армия достаточно сильна, чтобы могучими ударами разгромить вермахт, который отчего-то считали уже не способным к серьезному сопротивлению. В этом убеждали и значительный рост военного производства, и фантастические цифры немецких потерь, предоставляемые Разведывательным управлением Генштаба, черпавшим информацию из победных реляций Совинформбюро. Поэтому советская Ставка приняла решение продолжать всеобщее стратегическое наступление на всех направлениях, планировались наступательные операции под Ленинградом, в районе Демянска, на Смоленском, Курском направлениях, в Карелии и на южном крыле советско-германского фронта с тем, чтобы в итоге выйти на линию государственной границы СССР. Карельский фронт, в частности, разрабатывал наступательную операцию по прорыву обороны финнов на медвежьегорском направлении с выходом по северному берегу Ладожского озера в тыл войскам противника на Карельском перешейке.Гитлер свои планы на лето изложил в директиве № 41 от 5 апреля 1942 года: все силы бросить на юг, захватить индустриальный Донбасс, пшеничные поля Кубани, нефтеносные районы Кавказа и лишить Советский Союз жизненно необходимых для ведения войны экономических центров. На севере следовало взять

Ленинград, чтобы установить, наконец, связь с финнами. Но сначала две группы армий должны были путем глубоких обходов уничтожить главные силы Красной Армии в районе Сталинграда и перейти Кавказский хребет: «Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей». До наступления этого благоприятного момента в качестве программы-минимум намечались мероприятия по ликвидации Ораниенбаумского плацдарма.

1 мая 1942 года советский Верховный Главнокомандующий обратился к Вооруженным силам с приказом № 130, в котором говорилось: *«...всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»*. Начало разгрому должны были положить Харьковская наступательная операция и уничтожение войск Манштейна в Крыму.

Военный совет Ленинградского фронта 2 мая доложил Ставке план действий на предстоящий месяц, в котором отмечалось, что «основная задача войск фронта — освобождение Ленинграда от блокады — будет выполняться путем проведения ряда последовательных фронтовых операций». Планом предусматривалось, что 2-я ударная армия временно переходит к обороне на занимаемом фронте. Из ее состава выделяются 191-я и 259-я стрелковые дивизии и передаются в подчинение 59-й армии для создания ударной группировки на период проведения операции по ликвидации противника в районе Трегубово—Спасская Полисть. Одновременно 2-я ударная ведет подготовку к продолжению Любанской операции, для чего в ее состав включается 6-й гвардейский корпус в составе 4-й и 24-й гвардейских, 165-й стрелковой дивизий, 24-й и 58-й стрелковых бригад, которые должны быть восстановлены к середине мая. Ориентировочно 2-я ударная армия по готовности 6-го гвардейского корпуса должна была перейти в наступление

в последней декаде мая, одновременно с 54-й армией. Направление главного удара 2-й ударной намечалось из района Кривино, Ручьи на станцию Бабино, с тем чтобы во взаимодействии с 59-й армией отрезать и ликвидировать чудовскую группировку противника. Для развития успеха намечалось использовать пополненный 13-й кавалерийский корпус, 372-ю и 378-ю стрелковые дивизии. Ставка предложения фронта утвердила.

Таким образом, ни о каком выводе 2-й ударной армии из мешка, в то время когда ее положение уже стало критическим, речи не велось, хотя армия оставалась ударной только по названию. Она даже обороняться могла с трудом. Фактически в окружении вместе с вошедшими в прорыв частями 52-й и 59-й армий находилось более 62 тысяч человек без продовольствия и 600 орудий без снарядов. Снабжения практически не было, иногда «кукурузники», несшие большие потери от немецких истребителей, сбрасывали бумажные мешки с сухарями, из которых большая часть разбивалась или пропадала в болотах, и патриотические листовки: «Трусов — пристреливать, храбрых — славить! Крушите немецко-фашистских захватчиков... Держитесь! Помощь к вам придет!» Немцы вели свою пропаганду: развешивали на деревьях буханки хлеба и уговаривали сдаваться в плен: «Из ада в рай — одна дорога, к нам перебегай!», но перебежчиков было мало (по данным политотдела, на сторону врага в апреле ушли 47 человек, в мае — 17, дезертировали — 84).

Законченная узкоколейка действовала недолго. Немцы вскоре разбомбили паровозы-«кукушки», и санитары вручную толкали вагонетки с ранеными, подкладывая трупы вместо вывороченных шпал.

Тут только и выяснилось, что «армия не может продолжать дальнейшее наступление на Любань».

Хозин, вникнув в обстановку, вынужден был отказаться от наступления и принимать меры к отводу войск. *«Дальнейшее ведение операций 2-й ударной армией,* — доносил он Верховному, *— является мероприятием крайне рискованным и по своей необеспеченности стыка — весьма опасным».* Не-

обходимо либо пополнить фронт резервами и, для начала, разгромить противника в районе Спасской Полисти, либо трубить отход и спасать войска. Сам Хозин склонялся к первому варианту и просил Москву «в срочном порядке дать» фронту не менее 100 танков и пяти авиационных полков. 13 мая член Военного совета 2-й ударной армии И.В. Зуев вылетел в Малую Вишеру, доложил о безвыходном положении армии и вернулся с директивой командования Ленинградского фронта № 00120 начать подготовку последовательного вывода соединений на заранее подготовленный рубеж. Отход начать по сигналу «Вперед».

В нашей военной истории датой окончания Любанской наступательной операции считается 30 апреля, а начало операции по выводу 2-й ударной армии из окружения относится к 13 мая. Соответственно с этим «летоисчислением» ведется и подсчет потерь. Можно подумать, две недели, отделяющие две даты, солдаты Волховского фронта на курорте отдыхали или, договорившись с немцами о перемирии, злостно саботировали исполнение приказа № 130. Ан нет, именно в этот период, по воспоминаниям рядового И.И. Беликова, уложили вновь прибывшую, заново сформированную, 2-ю стрелковую дивизию 59-й армии, которой поставили задачу без артиллерии, штыковой атакой, прорвать оборону противника у Спасской Полисти:

«Ранним утром 1 мая наш полк начал наступление. «Катюша» дала залп термитными снарядами, и одна из немецких огневых точек заглохла. Мы пошли в атаку. В первые же минуты боя были убиты комбат, начальник штаба батальона и мой командир взвода младший лейтенант Мирошников. Но все же наш полк углубился на 2 км в тыл фашистов. При этом мы захватили продовольственный склад. Он-то и оказался ловушкой — местом гибели моих однополчан. Когда мы голодные, как волки, набросились на еду, начались бомбежка и артобстрел. От нашего взвода из 25 человек в живых осталось пятеро...

Когда стемнело, мы отползли на кладбище солдат нашего полка. Комиссар полка — в новой шинели, с тремя

полевыми шпалами в петлицах — сидел под сосной. Сосну вывернуло взрывом, и голова комиссара лежала по одну сторону дерева, а туловище — по другую. Повсюду земля была перемешана с кровью. Живые, с оторванными руками и ногами, просят: «Браток, пристрели...»

На всем прорыве немецкой обороны — 500 м по фронту — был завал трупов и раненых. По утрам, когда не было бомбардировки, мы занимали оборону на переднем крае. Ночью стаскивали трупы и делали из них настил, чтобы не лежать в болотной воде. Так прошло 10 суток. О нас вроде забыли: не доставляли ни еду, ни боеприпасы. На десятый день встал я рано и пошел поглядеть: не остался ли кто из наших в живых? Меня заметили немцы и орут: «Иван, иди кашу кушать!» А стрелять не стреляли — совсем нас не боялись.

... Я спросил младшего лейтенанта, сколько осталось в нашем полку живых и кто теперь командир полка. Кукуев — грязный, голодный — отвечал, что у нас осталось всего 58 человек и он за командира. У нас не было ни снарядов, ни патронов, ни продовольствия, но покинуть передний край мы не могли. За нами, у шоссе Москва—Ленинград, стоял заградотряд. Уход с передовой карался расстрелом. Оставалось два пути: смерть или плен. Никто из наших бойцов не сдался...

Младший лейтенант Кукуев разрешил мне сходить в штаб дивизии и доложить командованию о нашем положении. Я добрался до штаба, разыскал начальника связи дивизии майора Малофеева и рассказал об обстановке. А он спрашивает: «Имущество связи сохранили?» В то время за потерю имущества полагался расстрел: катушка кабеля ценилась дороже человеческой жизни...

Нашу дивизию пополнили, а фактически сформировали заново, и снова направили на прорыв». Другие соединения вели ожесточенные и безуспешные бои за овладение Трегубово и Приютино. Только 13 мая 59-я армия получила приказ «прекратить активные действия и перейти к обороне».

Наконец, 14 мая Ставка дала директиву об отводе войск 2-й ударной армии «из занимаемого ею района». Речь шла не о выходе из окружения, а об организованном отступлении на выгодный для обороны рубеж Ольховка — озеро Тигода, перегруппировке и нанесении сильного удара с запада силами двух дивизий и четырех стрелковых бригад навстречу 59-й армии с целью ликвидации противника в выступе Приютино — Спасская Полисть. Генерал Коровин для реализации этой задачи должен был использовать шесть дивизий, две стрелковые и две танковые бригады. На подготовку и осуществление операции отводилось 7—10 дней. Москва чем-либо помочь волховчанам не могла. Месяц май ознаменовался серией поражений Красной Армии на всех фронтах: в Крыму войска Манштейна разгромили три советские армии и захватили Керчь, под Харьковом танки Клейста завершали окружение двадцати семи дивизий Юго-Западного фронта, неудачей и огромными потерями закончились Ржевско-Вяземская (777 тысяч убитыми и ранеными) и Демянская (246 тысяч) операции. В ходе последней — как контраст с судьбой 2-й ударной армии — фон Зейдлиц 24 апреля успешно деблокировал окруженную группировку Брокдорфа, причем немцы не стали выходить из «котла», а отбив все советские атаки, прочно обосновались в 40-километровом (!), при ширине 6—8 км, Рамушевском коридоре и удерживали Демянск до февраля 1943 года.

Одновременно по инициативе Жданова Военный совет Ленинградского фронта принял решение об эвакуации вместе с отходящей армией и местного населения. В Смольном смутно представляли, как выглядит коридор на Большую землю, по которому предстояло выбираться тысячам стариков, женщин и детей. Из бодрых докладов военных можно было предположить, что от Мясного Бора поезда ходили чуть ли не по расписанию. Жители деревень, не желая эвакуироваться, прятались по лесам и огородам. Оперуполномоченные их отлавливали, сжигали еще уце-

левшие после боев и авианалетов дома, дабы не достались врагу.

Сигнал «Вперед» прозвучал только 22 мая. Части 2-й ударной армии последовательно снимались со своих позиций и двигались к Новой Керести, далее к деревне Кречно и Мясному Бору. Начальник тыла армии докладывал: *«Личный состав был измотан, выталкивая на себе материальную часть из болот к узкоколейке и лежневой дороге. До этого в продолжение полутора месяцев армия находилась на голодном пайке. Никаких запасов боеприпасов и продовольствия в армии не имелось, так как подвоза не было из-за отсутствия горючего... На 30 мая на территории, занимаемой армией, находилось в платформах и в вагонах 1500 раненых, а 4500 человек гражданского населения в лесу в ожидании эвакуации»*. По уверениям Хозина, «отвод 2-й ударной армии протекает планомерно, все раненые вывезены, имущество эвакуировано в тыл».

И этот запоздалый «маневр» войскам Волховского фронта не удался. Противник, четко отследив советские приготовления, немедленно развернул активные боевые действия по всему периметру.

«Хозин медлил с выполнением приказа Ставки, — сигнализировал помощник начальника управления Особого отдела старший майор госбезопасности Москаленко, — *ссылаясь на невозможность выводить технику по бездорожью и необходимость строить дороги, к началу июня с. г. части не начали отводить, однако в Генеральный штаб Красной Армии за подписью ХОЗИНА и нач. штафронта СТЕЛЬМАХ прислано донесение о начале отвода частей армии. Как позже установлено, ХОЗИН и СТЕЛЬМАХ обманули Генеральный штаб, к этому времени 2-я ударная армия начинала только оттягивать тылы своих соединений. 59-я армия действовала очень нерешительно, предпринимала несколько безуспешных атак и задачи, поставленные Ставкой, не выполнила»*.

Тем не менее к середине месяца успели вывести 13-й кавалерийский (конники, доев своих скакунов, выходили с седлами на плечах), 6-й гвардейский корпуса, остатки 378-й стрелковой дивизии, танковые бригады, реактивные

минометы, частично тяжелую артиллерию — они начали движение первыми в соответствии с планом продолжения Любанской операции.

31 мая 20-я мотодивизия с севера и 58-я пехотная дивизия с юга вновь перекрыли выход к Мясному Бору, «завязав» в мешке 9 дивизий и 6 бригад с тремя полками РГК 2-й ударной, 52-й и 59-й армий — около 50 тысяч человек. Из «котла» успели выскочить 191-я и 382-я стрелковые дивизии.

Энергичных мер по восстановлению коммуникации окруженной группировки со стороны советского командования своевременно предпринято не было (если не считать хозинской телеграммы Власову «организованно и решительно» нанести удар с запада на восток), что дало противнику возможность организовать насыщенную огневыми точками оборону глубиной в полтора километра по восточному берегу реки Полисть.

Выдвинутые 30—31 мая к реке 22-я и 57-я стрелковые бригады и 191-я дивизия преодолеть этот рубеж не смогли. 2-я ударная армия продолжала вести бой в полном окружении. Для обороны на севере и западе были оставлены наиболее боеспособные соединения — 267, 92, 327, 19-я гвардейская стрелковые дивизии, 23-я бригада — обеспечивавшие действия группы прорыва в составе 46-й и 382-й дивизий, 22, 25, 53 и 57-й стрелковых бригад. По северо-западному берегу Замошского болота до Горенки занимала оборону 305-я стрелковая дивизия, своим левым флангом наступавшая совместно с группой прорыва. Действия советских частей парализовали немецкие пикировщики, безнаказанно висевшие в воздухе от рассвета до наступления темноты. Световой день составлял почти 20 часов. Потери были огромные.

Наши авиаторы смогли выделить для прикрытия войск 10 истребителей.

Таким образом, действия группы прорыва вначале самостоятельно, а затем с частями 52-й и 59-й армий успеха не имели, хотя коридор немцы удерживали силами одного полка. Артиллерия окруженной группировки, насчитывав-

шая 874 ствола, бездействовала ввиду отсутствия боеприпасов.

В начале июня на участках обороны армии начались ожесточенные бои. Противник сжимал кольцо, нанося удары в направлениях Финев Луг и из района Пятилипы. 2-я ударная армия предпринимала отчаянные попытки вырваться из мешка. Не стояла без дела и 4-я армия (44, 288, 310-я стрелковые дивизии), в которой вновь сменился командующий. Под водительством генерал-майора Н.И. Гусева весь июнь и первую декаду июля армия, усиленная 185-й и 195-й танковыми бригадами, по 50 танков в каждой, и артиллерией, пыталась ликвидировать Волховский плацдарм противника у Киришей шириной в пять и глубиной два километра. Задача выполнена не была, хотя только с 4 по 15 июня по киришскому пятачку выпустили более 40 тысяч снарядов и мин и сильнейшие удары наносила наша авиация. По этой причине операция вычеркнута из советской истории, потери неизвестны. А что нам известно о боях 54-й армии в «погостьевском мешке»? Мы совсем забыли и о заново созданной 8-й армии (128, 265, 286-я стрелковые дивизии, 1-я стрелковая бригада, 107-й танковый батальон), неужели она с января ничего не делала? Быть такого не может, хотя в описаниях зимней кампании она практически нигде не упоминается, будто и нет ее вообще. Наличествует лишь одна фраза в энциклопедии: «Вела боевые действия на мгинском направлении». Вела, значит. Понятно, что безрезультатные.

После майских поражений Красной Армии товарищ Сталин сильно разочаровался во многих своих полководцах: Тимошенко, Кулике, Козлове, Левченко, Мехлисе; затосковал, что нет у него «гинденбургов». Всего месяц понадобилось, чтобы уяснить, что генерал Хозин тоже не Гинденбург. Командующий объединенным Ленинградским фронтом оказался не способен прорвать блокаду Ленинграда, не сумел справиться с руководством сразу девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группа-

ми войск, к тому же разделенными занятой противником территорией. В принципе при существовавшем в Красной Армии уровне управления это для любого генерала было запредельной задачей. Так ведь и не для того Хозин объединение затевал.

Командующий своих привычек не менял, по-прежнему выпивал две-три рюмки водки перед обедом и перед ужином, по вечерам у себя на квартире смотрел кинофильмы в компании молоденьких телеграфисток (в доносах члена Военного совета армейского комиссара А.И. Запорожца это классифицировалось как «бытовое разложение», в оправдательных письмах Хозина — как человеческое отношение «к маленьким работникам»), увлеченно интриговал против Запорожца и начальника Особого отдела Мельникова. И даже попытался игнорировать Смольный, напрямую из Малой Вишеры общаясь с Москвой и самостоятельно принимая принципиальные решения, в том числе по вопросам руководства Ленинградом и распределения городских ресурсов. Это оказалось последней каплей. Опытный партаппаратчик Жданов быстро и жестко пресек «грубейшую политическую ошибку», разъяснив Хозину, что он снова «не дотопал до существа».

Директивой от 3 июня командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал Л.А. Говоров — уникальный по тем временам случай: выпускник петербургского Константиновского училища, бывший колчаковский офицер, окончивший две академии и сам возглавлявший Военно-артиллерийскую академию имени Дзержинского, по недоразумению не расстрелянный в предвоенные годы, к тому же беспартийный (это, конечно, непорядок, уже через три недели командующего приняли в полноценные большевики без кандидатского стажа).

Затем Ставка признала ошибочным решение о ликвидации Волховского фронта. Хозин был освобожден от занимаемой должности «за невыполнение приказа Ставки, отрыв от войск, бумажно-бюрократические методы управления...», а также в связи с серьезным конфликтом с членами Военного совета и вскоре отправился принимать 33-ю

армию Западного фронта; юмор Верховного — армией командовал Мерецков.

8 июня Ставка восстановила Волховский фронт и генерала Мерецкова в должности командующего. Вместе с ним в Малую Вишеру прибыл заместитель начальника Генерального штаба генерал А.М. Василевский. Перед двумя генералами была поставлена задача «вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники».

Начиная с 10 июня крупные силы 59-й и 52-й армий, при поддержке 250 орудий и минометов, 60 танков, трех дивизионов реактивной артиллерии непрерывно атаковали вражеское кольцо извне. В непрекращающееся ни на минуту сражение были брошены 58-я и 24-я стрелковые, 7-я гвардейская и 29-я танковые бригады, 2, 374, 165-я стрелковые, 25-я и 87-я кавалерийские дивизии, отдельные батальоны других частей, курсы лейтенантов и резерв политработников управления фронта.

2-я ударная прорывалась им навстречу.

«7 июня решением ВС армии, — докладывал полковник Кресик, — 80% личного состава было поставлено в строй, включая артиллеристов и минометчиков. Однако успеха армия не имела из-за отсутствия боеприпасов и плохо организованного взаимодействия между частями, наступавшими с востока. Кроме патронов, 45-миллиметровых снарядов и 50-миллиметровых мин ничего не было... Личный состав получал по 30—40 г сухарей в день, раненые — по 70—80 г на человека. Единственный продукт питания — конина. Однако из-за вражеской авиации нельзя было разводить костры, и конину ели в сыром виде, без соли. Истощение. Смертность в частях, особенно в госпиталях и среди гражданского населения...»

Люди пухли от голода. В пищу шли хвоя, листва, березовая кора, ольховые шишки, трава, ежи и лягушки, кожаные части амуниции: «Голод заставил — и кирзовые сапоги пошли в дело. Думал ли я когда-нибудь в свои 23 года, что доведется съесть целую лошадь со всей амуницией, уздеч-

кой и гужами? А ведь пришлось... Жить хотелось, а жизни не было. Умереть бы надо, да смерть не шла.

Голод духовно опустошает человека, превращая его в зверя-одиночку, бездумного и злобного, готового на любое насилие. Этот процесс идет постепенно, по нарастающей, разъедая человеческое достоинство. Человек меняется и внешне: с лица исчезает улыбка — появляется тоскливая хмурь, глаза шныряют по сторонам, зубы плотно сжаты, на щеках — ямы-провалы, речь отрывистая, как у косноязычного... Голодный не вспоминает прошлого, не думает о будущем. Притупляется все: чувство долга, любовь к ближнему, к соотечественнику, законы морали: остается одно страстное желание — есть! Не желание смерти, нет, а именно жизни. Как угодно, но жить! Жить физически, потому что духовно такой человек давно уже умер... Такова власть тела над человеком, и преодолеть ее ох как трудно!».

В армии были зафиксированы случаи людоедства.

К 14 июня, отбросив 327-ю стрелковую дивизию и 23-ю бригаду, противник овладел Финевым Лугом. 19-я гвардейская (бывшая 366-я) дивизия отошла в район Глухой Керести, но оборонительный рубеж здесь заранее подготовлен не был. На участке 92-й стрелковой дивизии немцы захватили Ольховку и вышли на рубеж ручья Омутного. В течение 17—20 июня арьергардные советские части были оттеснены на рубеж реки Трубицы и ручья Барская Канавка.

Судя по воспоминаниям Мерецкова, ему снова, как и в марте, удалось пробить коридор: «Наконец немцы не выдержали. 19 июня 29-я танковая бригада прорвала немецкую оборону и вышла на соединение с войсками 2-й ударной армии. Через два дня ударом с востока и запада был пробит коридор шириною 300—400 метров вдоль железной дороги. Воспользовавшись этим коридором, на Мясной Бор из окружения вышла большая группа раненых бойцов и командиров. Затем произошло то, чего я больше всего опасался. Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того чтобы направить свои усилия на расширение

прорыва и закрепление флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения. Немцы же, быстро разобравшись в обстановке, на второй день после массированного удара своей авиации и артиллерии снова заняли оборонительные сооружения по правому берегу реки Полисть и воспрепятствовали тем самым выходу наших войск».

Странно, что ни немцы, ни сами окруженцы, якобы воспользовавшиеся коридором, этого не заметили. В радиограмме от 20 июня Власов и Зуев сообщали:

«Начальнику ГШКА. Начальнику штаба фронта. Копия: Коровникову и Яковлеву. Прошу понять, что части восточной группы настолько обескровлены, что трудно выделить сопровождение для танков. Оборона противника по реке Полисть не нарушена. Положение противника без изменений. Пехота 52-й и 59-й армий на реку Полисть с востока не вышла. Наши части скованы огнем противника и продвижения не имеют. Прошу указаний на атаку пехоты 52-й и 59-й армий с востока. Прорвавшиеся 11 танков не имеют снарядов». Василевский по радио предложил прислать за Военным советом армии самолет и вывезти его из окружения, но Власов от самолета отказался категорически, заявив, что его место в своих войсках.

Только 22 июня шатавшимся от голода бойцам 2-й ударной удалось прорвать немецкие позиции со своей стороны. До полудня 23 июня из окружения вышло 6018 раненых и около 1000 относительно здоровых. Первых отправили в госпиталь, из вторых сформировали сводный отряд под командованием полковника Коркина, который снова погнали в Долину смерти.

Затем немцы заблокировали прорыв. Ударом в направлении узкоколейной железной дороги они прорвали фронт и овладели Новой Керестью. Район, занимаемый советскими войсками, сократился до такого размера, что простреливался немецкой артиллерией на всю глубину. Узел

связи был разбит, управление нарушено. Армия лишилась единственной площадки, где принимались доставленные самолетами продовольствие и боеприпасы.

«Июнь. Северные белые ночи, — вспоминает очевидец. — Целые сутки висели над нами немецкие самолеты, сбрасывая сверхтяжелые бомбы, поливая из пулеметов. Не смолкая, гудела орудийная канонада. Можно оглохнуть от треска ломающихся, горящих деревьев, от грома и грохота артиллерийского огня, адской чечетки пулеметных очередей, надрывного воя мин. Каждая пуля — в цель, снаряд — в цель и бомба — тоже в цель, потому что скученность войск невероятная. То уже не армия, а толпа базарная. Полная неразбериха, связь между частями потеряна, управление нарушено. Повиновения, даже уважения к командирам нет. Нет никакой информации о нашем положении, только вражеская пропаганда бесчинствовала... Ни деревень, ни дорог, одни обломки утонувших в болоте стланей и бревенок, когда-то наведенных саперами, а теперь полностью разрушенных. Люди мечутся между ними, ища подходящего убежища. Лес горит, торф дымит... везде воронки, изуродованные деревья, кучи ненужных винтовок, искореженные бочки, вагонетки и трупы, трупы повсюду. Тысячи зловонных трупов, сплошь облепленных мухами, разлагающиеся на июньском солнце... На каждой кочке, где посуше, — раненые. Крики и стоны, мольбы о помощи. Кто пить просит, кто умоляет прикончить, и никому нет до них дела. По лесу бродят равнодушные, хмурые, полубезумные люди в ватных фуфайках и наглухо завязанных ушанках (все-таки меньше лезут комары и мухи), с красными, опухшими от бессонницы глазами. Какой сон может быть в кипящем аду?..

Часов почти ни у кого нет, счет времени давно потерян. День сейчас или ночь? Какой сегодня день, какое число? Что ждет нас — плен или попытка прорыва?»

23 июня немцы вышли к речке Глушице, 24-го заняли Дровяное Поле, перерезав лежневку и узкоколейку, на которых были сосредоточены материальная часть и раненые. Дальнейшее продвижение противника приостановили

группы поддержки, созданные из тыловых подразделений, занявших оборону по восточному берегу реки Кересть.

Мерецков вновь и вновь прорубал «виртуальные» коридоры: «Наступила ночь на 24 июня. В 23.30 начали движение войска 2-й ударной армии. Навстречу им вышли танки 29-й танковой бригады с десантом на броне, поддержанные артиллерией 59-й и 52-й армий... К утру вдоль узкоколейки образовался небольшой коридор и появились первые группы вышедших из окружения бойцов и командиров. Они шатались от изнеможения. Выход войск продолжался до полудня, но затем прекратился. Немцам удалось взять под контроль дорогу. К вечеру силами войск, действовавших с востока, снова был пробит коридор и расчищена дорога. По этому проходу, простреливаемому перекрестным огнем с двух сторон, в течение ночи и утра 25 июня продолжался выход бойцов и командиров 2-й ударной армии».

Сочинения командующего фронтом подкрепляет своим авторитетом представитель Ставки Василевский: «В итоге нашим войскам удалось пробить узкую брешь и спасти значительную часть 2-й ударной армии».

Изнутри кольца все выглядело иначе.

«Намеченная в ночь на 24 июня атака группы прорыва совместно с восточной группировкой успеха не имела, — докладывал офицер Генерального штаба при 2-й ударной армии майор П.Ф. Хамов. — В середине дня противник возобновил атаки на всем фронте, произведя вначале сильную артиллерийскую и авиационную подготовку, прорвал нашу оборону на реке Кересть и группами начал выдвижение по узкоколейной железной дороге (забитой эшелонами с техникой) и бревенчатой дороге (забитой автомашинами, артиллерией)».

«24 июня 1942 г. 00.45. Прохода нет, раненых эвакуировать некуда — Вас вводят в заблуждение... Прошу Вашего вмешательства», — взывала предпоследняя радиограмма Власова.

Утром 24 июня вражеские автоматчики прорвались к штабу армии, и все командование перешло на КП 57-й стрелковой бригады, затем — 46-й стрелковой дивизии.

Военный совет принял решение с наступлением темноты во что бы то ни стало разорвать кольцо и выйти из окружения.

В группу прорыва на участке 382-й и 305-й стрелковых дивизий влился и штаб армии. Руководство частями прикрытия было возложено на заместителя командующего армией генерал-майора П.Ф. Алферьева, который из беспорядочно отходивших частей 327-й, 267-й стрелковых дивизий, 23-й бригады и частично 19-й гвардейской дивизии пытался организовать оборону с запада. Имущество, техника, документы, вооружение были уничтожены. В 19.45 в штаб фронта ушла последняя радиограмма. В 23.00 части 382-й стрелковой дивизии под сильным минометным и ружейно-пулеметным огнем противника начали наступление на восток севернее узкоколейной железной дороги. В полночь начал движение штаб армии. Во главе колонны шли два взвода роты Особого отдела, вооруженные двенадцатью ручными пулеметами, и взвод сотрудников Особого отдела НКВД с автоматами. Дальше двигались: начальник Особого отдела А.Г. Шашков, Военный совет, отделы штаба армии. Замыкал шествие взвод роты Особого отдела. Ураганным огнем из всех видов оружия немцы отбили атаку. К утру 25 июня боевые порядки армии были расчлененены, управление войсками потеряно.

«С 22.06.42 г. по 25.06.42 г., — доносил капитан госбезопасности Колесников, — ***из 2-й УА никто не выходил».***

Мерецков с Василевским по этому поводу составили сводку Генерального штаба, в которой утверждалось, что «25 июня к 3 часам 15 минутам согласованным ударом 2-й и 59-й армий оборона противника в коридоре была сломлена и с 1 часа 00 минут начался выход частей 2-й армии».

Коридор представлял собой четыре насквозь простреливавшихся километра узкой — 250—300 метров — полоски земли и болот вдоль железной дороги. Эти километры живой волной, где пешком, где ползком, под ураганным артиллерийским и минометным огнем противника преодолевали измученные, голодные, умиравшие на ходу люди, почти неспособные к сопротивлению, собиравшие

все силы просто для того, чтобы сделать еще один шаг на восток. В отдельных местах немецкие пулеметы расстреливали их буквально в упор, как в тире. Речка Полисть до берегов была заполнена трупами, живые ползли по телам мертвых.

Кое-кому из бойцов и начсостава действительно удалось прорваться. На генеральской инморечи это означало, что «оборона противника сломлена». Вот как «ломала оборону» 59-я стрелковая бригада в описании бывшего командира артвзвода И. Д. Елоховского: «Отход начался 24-го в час ночи. Послышались выкрики: «Эх, погибать так погибать, ребята! Впере-о-од!!!» Толпа хлынула вдоль узкоколейки. Валька прыгал рядом со мной. Споткнулся, упал, а меня людская лавина понесла дальше... Многих смела безудержная толпа. Знаю, что речки были на пути — Глушица, Полисть. Только я воды не помню: одни скользкие человеческие тела под ногами. Я всю войну прошел, но такого побоища больше нигде не видел. **И никакого свободного «коридора»: немец и тут, и там — со всех сторон.** И ты бежишь, и стреляешь на ходу куда попало. Мало кто жив остался... Из 59-й бригады вышло в тот день 32 человека».

А вот «выходят» сестрички из медсанроты: «Наконец дорогу нашли. О боже, что это была за дорога! Жидкая грязь по колено, кругом разбитая узкоколейка, все усыпано мертвыми телами, автоматами, различными вещами, даже патефоны валялись в грязи. Начался выход. Повсюду падали люди, появились раненые, сначала мы пытались их нести. Потом попали в такое пекло, что трудно описать словами. Все гремело, пылало, носились трассирующие пули. Казалось, наступил конец света. Невозможно было поднять головы; ползли по шею в грязи по-пластунски, а из кустарника раздавалось хоровое монотонное: «Рус, сдавайся, рус, сдавайся...» На глазах гибли те, с кем пережили весь ужас окружения. Живые ползли, каждый надеясь выжить, ведь за плечами всего 18—19 лет». Крупнейший специалист по коридорам Мерецков не преминул подчеркнуть свою заслугу: «...**все**, двигавшиеся в направлении узкоко-

лейки, **вышли из окружения**, **хотя потери** от минометного и пулеметного огня в целом **были большие** (??)». Тонкое наблюдение: кто не умер, тот выжил.

Десятки тысяч солдат и командиров, штаб агонизирующей армии остались на клочке болот размером 2 на 2 километра у Новой Кересги, подвергаясь со всех сторон уничтожающему огню противника. Здесь же уже больше месяца находились согнанные из деревень старики, женщины и дети. «От взрывов целые платформы с людьми в воздух взлетали, — вспоминает жительница деревни Финев Луг Л.Е. Борисова. — Много и жителей поубивало. Соседа всего изранило, матери его грудь оторвало. Однажды после бомбежки вижу: раненая женщина, обе руки оторваны, а ползет в бункер — там дети. Утром заглянула — и мать, и два мальчика мертвые... Мотались мы по лесу, мотались, а до Мясного Бора так и не дошли. Туманов (бывший начальник милиции из Рогавки) обходил всех и говорил, что уже не пройти: проход немцы перекрыли. Велел расходиться по домам. Вернулись мы в Финевку — ни одного целого дома, все сожжены».

В середине дня 25 июня Военный совет армии принял решение оставшиеся части разбить на небольшие группы и выходить из окружения самостоятельно. На этом организованные действия 2-й ударной армии закончились. Но ее остатки, группами и поодиночке, еще пытались пробиться к своим. С 20 по 29 июня по «мерецковским коридорам» вышло примерно 7 тысяч человек, около половины из них имели ранения, по Василевскому — «значительная часть армии», всего месяц назад насчитывавшей более 50 тысяч бойцов. На 1 июля, по данным Генштаба, из частей 2-й ударной армии выбрались, выползли из окружения 9600 человек. Вырвавшихся из Долины смерти встречали медики и интенданты, пытались лечить и кормить. Одни из-за слабости не могли есть, другие набрасывались на еду и умирали тут же. Особые отделы озаботились «усилением чекистских мероприятий» с целью выявления завербованных абвером агентов.

В Малой Вишере и в Москве напряженно ждали выхода Власова и штаба армии, но почти никому из них спастись не удалось. Через узкоколейку прорвался к Мясному Бору армейский разведчик А. Рогов. У болота Веретинский Мох партизаны Лужского отряда обнаружили начальника связи армии генерал-майора А.А. Афанасьева с четырьмя бойцами.

За командармом был послан спецотряд Косицына, который не вышел обратно. Разведывательный отдел фронта забросил в немецкий тыл восемь поисковых групп. Район гибели армии прочесывали партизаны. Ленинградский штаб партизанского движения ежедневно обменивался с ними радиограммами:

«Великая честь найти и помочь Власову. Радируйте через каждые три часа.. Передаю вам приказ Ставки Верховного Командования доставить Власова, Афанасьева, Виноградова самолетом, который будет подан по вашему требованию...».

На выполнение этой задачи Сталин велел «поставить всю авиацию» Волховского фронта!

Активный поиск вел и противник. Листовки с портретом Власова, тем самым, из газеты «Правда», немцы разбрасывали над деревнями, обещая крупную награду за помощь в поимке командующего армией. Генерал Власов исчез...

28 июня, в день начала операции «Блау» — летнего наступления вермахта на южном участке Восточного фронта, — Гитлеру доложили о победном завершении Волховского сражения. В донесении сообщалось о захваченных 649 орудиях, 171 танке и 32 759 советских солдатах, взятых в плен. Среди них оказались и тысячи раненых, и 793 медработника из 831 имевшегося в наличии во главе с начсанармом военврачом 1 ранга К.К. Боборыкиным. В плену оказались командир 327-й стрелковой дивизии генерал Антюфеев, командир 57-й стрелковой бригады майор И. Евстифеев, корреспондент газеты «Отвага» старший политрук Муса Джалиль, автор «Моабитской тетради», зачисленный в изменники Родины, а в 1956 году посмертно

награжденный Звездой Героя. Геббельс объявил о победе. Щербаков 29 июня с негодованием опроверг «очередную фальшивку гитлеровских борзописцев», сообщив, что 2-я ударная армия отошла на заранее подготовленный рубеж, прорвавшиеся было на ее коммуникации части противника «большей частью уничтожены», немцы потеряли только убитыми не менее 30 тысяч человек, наши части — до 10 тысяч убитыми и около 10 тысяч пропавшими без вести. Гальдер записал в дневнике: «На фронте группы армий «Север» волховскую группировку можно рассматривать как окончательно ликвидированную». 30 июня Гитлер произвел Георга фон Кюхлера в фельдмаршалы. Три дня спустя Георг Линдеман получил звание генерал-оберста.

12 июля в деревне Туховежи Оредежского района генерал Власов сдался в плен немецкому патрулю под командой гауптмана фон Швердтнера. При командующем находилась лишь повар-инструктор военторга М.И. Воронова — очередная походно-полевая жена. На следующий день Власова допрашивали в штаб-квартире Линдемана. Германское информационное бюро передало сообщение о пленении крупного русского генерала за Волховом.

Советское руководство продолжало поиски до 17 июля.

В 20-х числах над болотами, где скрывались кучки окруженцев, немецкие самолеты начали разбрасывать листовки с фотографией плененного Власова и призывами следовать его примеру.

Еще ничего не было известно о поведении генерала в плену, еще не вышла первая подписанная им листовка, и лишь через полгода будет опубликовано знаменитое «Смоленское воззвание» Русского Комитета, призвавшего русский народ встать на борьбу против большевизма, «Сталина и его клики» вместе с «национал-социалистической Германией Адольфа Гитлера», а уже в конце июля красноармейцам на политинформациях рассказывали, что генерал Власов, получив приказ командования, ничего не предпринял для того, чтобы его выполнить, и **сдался в плен вместе с армией**.

3 марта 1943 года в оккупационных газетах было опубликовано знаменитое открытое письмо Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», в котором, в частности говорилось:

«Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, никогда так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командир неделями получали по 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?»

Пришлось дать «гнусному изменнику» достойный отпор и поглубже разобраться в проблеме. В июле 1943 года газета «За Победу!» напечатала от имени Главного политического управления: «...Гитлеровский шпион Власов завел по заданию немцев части нашей Второй Ударной армии в окружение, погубил многих советских людей, а сам перебежал к своим хозяевам-немцам». На Власова свалили сначала гибель 2-й ударной армии, а затем и провал всей стратегической операции по прорыву блокады Ленинграда. Борзописцы-агитаторы и генералы-душегубы с радостью ухватились за эту версию и творчески ее развили: Власов родился в семье кулака, окончил духовную семинарию, обманным путем пролез в партию, выслужился в генералы по заданию немецкой разведки, выдал врагу секретные планы советского командования, открыл фронт и «перебежал к хозяевам» вместе с армией, которая составила ядро власовской РОА.

Это объяснение устраивало всех: Мерецкова, Хози-

на, Галанина, Василевского, Ворошилова, «коркиных» и «швагиревых», а самое главное, лично товарища Сталина. Вот только на всех бойцов и командиров 2-й ударной армии первого формирования на десятилетия легло клеймо — «власовец». Миф культивировался почти полвека, до самого развала СССР, и глубоко укоренился в массовом сознании. Ветераны сражений за Мясной Бор и Спасскую Полисть стеснялись признаться, что служили, а... знаем-знаем, в той самой, «власовской армии». Советская власть и родное Политбюро совершили очередную подлость по отношению к защищавшим их гражданам, втоптав в грязь и мертвых, и оставшихся в живых, ради сохранения иллюзии собственной непогрешимости. И это предательство совершил не Власов.

В 1992 году ветеран 2-й ударной армии Г.А. Стеценко написал военкому Гатчинского района: *«...разве все мы, живые и мертвые, виноваты в том, что генерал Власов сдался немцам живым? Я был там до последнего дня и знаю, что никакой армии Власов не сдавал. Как знаю и то, что никто из нас, попавших в фашистский плен, не пошел туда добровольно. И какая наша вина в том, что взяли нас на болоте, погибающими от голода и ран? Мучались и умирали в немецких лагерях за колючей проволокой не предатели — те устраивались получше. Голодные, обездоленные люди на клопиных нарах никого не предавали. На окраине Выры заросли густой травой рвы, где зарыты тысячи невинно замученных людей. Да разве только в Выре? А в Межно, Волосове, Луге? Разве правильно, что на тысячных могилах, где по несколько суток колыхалась земля (ведь бросали туда и еще живых), нет и маленьких дощечек, напоминающих о том, что жили на земле эти люди?. Когда я пишу все это, мне кажется, что я пишу с того света. Услышит ли кто-нибудь?»*

Ответа бывший рядовой 22-й отдельной стрелковой бригады не дождался.

Лишь 24 января 1995 года президент России Б.М. Ельцин подписал указ, полностью реабилировавший бывших военнопленных и репатриантов. Власть простила невиновных. Просить прощения — такой привычки у нее отро-

дясь не водилось. Тем более что она в России всегда преемственная, когда разговор идет о достижениях, и всегда новая, снова ни за что не отвечающая, вот в чем прелесть, когда речь о подлости по отношению к своему или другим народам.

Рассмотрению итогов Любанской операции Мерецков, непосредственно ею руководивший, в своей книге уделил один абзац, ограничившись стандартным набором аргументов разбитых советских полководцев: операция «имела большое значение» *(интересно, какое?)*, «наши войска сорвали наступление группы армий «Север» *(разве она собиралась наступать?)*, «оттянули на себя более 15 дивизий» *(имея под своим командованием 48 расчетных дивизий; как бы они пригодились под Вязьмой или Демянском)* и нанесли врагу «значительные потери» *(достойный итог стратегической операции)*.

С гораздо большим тщанием и увлечением бессменный командующий Волховским фронтом (наверно, единственный случай в сталинской кадровой политике, когда фронтом от момента создания до расформирования более двух лет командовал один и тот же человек. Но уж больно здорово насобачился воевать на болотах) занимается психоанализом личности Власова, выискивая и находя в ней врожденную патологию — «эмбрион» измены: «Возникает вопрос: как же все-таки случилось, что Власов оказался предателем? Ответ, мне кажется, может быть дан только один. Власов был беспринципным карьеристом. Его поведение до этого вполне можно считать маскировкой, за которой скрывалось равнодушие к своей Родине. Его членство в Коммунистической партии — не более чем дорожка к высоким постам. Его действия на фронте, например в 1941 году под Киевом и Москвой, — попытка отличиться, чтобы продемонстрировать профессиональные способности и поскорее выдвинуться».

На диагноз, поставленный маршалом, стали ссылаться другие «психоаналитики», не такие маститые и рангом пониже, — генералы И.С. Катышкин, К.Ф. Калашников и

прочие. Ведь все равно лучше не скажешь: Власов «демонстрировал профессиональные способности из беспринципного карьеризма». Сам Мерецков и его командармы в Любанской операции не блистали. Возникает вопрос: они не проявили профессиональных способностей из принципиальных соображений, чтоб их не сочли карьеристами? Про членство в партии можно не спрашивать — все они шагали по этой «дорожке». Всех их марксизм освободил от «химеры совести» и «так называемой морали» еще в те времена, когда Адольф Шикльгрубер гнил в окопах Западного фронта.

Майор Кузин, стремясь хоть как-то реабилитироваться в глазах Особого отдела, постарался дать на патрона самую негативную характеристику: «Власов **очень самолюбив**, считал, что только он способный и может работать, а остальных командиров боесоединений называл лодырями и дармоедами... Власов был очень **щедрый на государственные средства** для расходования на свои личные нужды и экономный на свои личные... К подчиненным Власов очень **требователен, а иногда даже жесток**, это создавало видимость, что он дисциплинированный, но всему этому противоречие — его поведение к начальникам, вышестоящим над ним».

По мне — это типичный портрет большинства советских генералов, номенклатурных партийных чиновников, вообще «руководителей» страны, где избирательное право наступало с шестнадцати лет, а расстрел давали с четырнадцати.

Точно такими же словами сослуживцы повествуют о Жукове, Еременко, Захарове, Гордове, Соколовском.

Как отметил писатель Николай Коняев: «Прекрасной была цель. Освободить Ленинград, спасти от голодной смерти многие сотни тысяч людей... Полководец, совершивший это в январе сорок второго, стал бы народным героем. Но в январе сорок второго этому полководцу и нужно было быть народным героем. Увы... Ни Кирилл Афанасьевич Мерецков, ни Михаил Семенович Хозин, ни сам Андрей Андреевич Власов явно не подходили на эту

роль. Они не способны были возвыситься над заботами о собственной карьере, и в результате с ними случилось то, что всегда происходит с людьми, поставленными на гребне событий и не способными переломить течение».

Советские энциклопедии, искусственно разделяя наступательные и оборонительные фазы Любанской операции, называют ее «не получившей полного завершения», дескать, немцев чуть-чуть недоокружили и операцию на этом закончили. Между тем битва за Волхов имела вполне конкретное «полное завершение»: разгром советских войск и уничтожение половины состава Волховского фронта. При этом нашим маршалам, получившим, видимо, на полях сражений пулеметно-пушечные ранения в головы, остатков ума хватило, чтобы гордиться удивительным в военном искусстве достижением: «...советские войска захватили инициативу и заставили 18-ю армию противника вести оборонительные бои»!

Для сравнения привожу анализ операции, сделанный рядовым солдатом 839-го артполка: «Почему гитлеровское командование не шло на прямое физическое уничтожение армии, а тянуло, тянуло, тянуло?

Немцы воевали умело, по-умному, используя просчеты нашего командования. А бездарность нашего высшего эшелона была очевидной: Ставка во главе со Сталиным губила, не задумываясь, собственные войска, будто они состоят не из людей, а из насекомых. «Вперед! Ни шагу назад!» А что из этого выйдет и какой ценой — неважно. Вот и получилось, что немцы истребили в новгородских лесах малыми силами войск и техники русские части, превосходящие численностью в несколько раз. «Отец всех народов» рассчитывал выиграть зимнее наступление за счет морозов и жестоко ошибся.

Но когда пришла весна, а с ней распутица, почему тогда не образумились? Вскрылись болота — ни одна машина не пройдет. Тут бы опомниться и повернуть войска назад, да где там! Снова погнали вперед, к заветной цели — на Любань!»

Даже простая пейзанка, из погреба наблюдавшая штурм родной деревни, узрела очевидное: безграмотность и недомыслие советских военачальников, гробивших своих солдат с бездушием истинных большевиков: «Много народа тогда полегло. Как, например, брали Финевку? Одна партия идет в атаку — перебьют. Других пошлют — и тех уложат. В «лоб» ничего не получалось. Взяли деревню и станцию, только когда в обход пошли — со стороны Керести. Немцы, наконец, побежали...» В стратегическом плане бездарно проведенная Любанская операция, поглотившая огромные военные ресурсы, повлекла за собой и провал сталинско-жуковского плана по разгрому группы армий «Центр». Это мнение противника: «То, что немецкий фронт на Волхове привлек к себе очень значительные силы, безусловно, существенно облегчило положение ведущей тяжелые бои и неоднократно прорванной обороны немецкой центральной группировки войск. **Те силы, которые советское командование ввело в использование при своем наступлении на Волхове, могли бы оказать значительное влияние на исход операции немецкой группы армий «Центр». Сталин совершил ту же ошибку, что и Гитлер, — он хотел наступать везде и поэтому не добился решающей победы нигде».**

В начале июля «в вышедшей из окружения» 2-й ударной армии в составе семи дивизий, шести бригад и одного батальона числилось всего 10 898 командиров и красноармейцев. Так, от 327-й стрелковой дивизии осталось 292 человека, от 59-й отдельной стрелковой бригады — 159, 57-й бригады — 99, а 19-я гвардейская дивизия состояла из 136 бойцов. Вся 46-я стрелковая дивизия уместилась в кузове грузовика, 92-ю дивизию, потерявшую Боевое Знамя, расформировали, так же как и 13-й кавалерийский корпус. В бою погибли дивизионный заместитель командующего генерал-майор П.Ф. Алферьев, комиссар Зуев (по другой версии, он застрелился), начальник штаба армии Виноградов, так и не примеривший погоны генерал-майора, командиры дивизий полковники А.Н. Попов, Ф.Е. Черный,

С.И. Буланов, А.Н. Ларичев. Не желая сдаваться в плен, покончили с собой начальник Особого отдела А.Г. Шашков, начальник политотдела И.П. Гарус, ряд других командиров и политработников. В «котле» сгинули целые части и штабы в полном составе. С момента установления полной блокады армия потеряла более 43 тысяч человек, из них 37,5 тысячи безвозвратно.

В командование 2-й ударной снова вступил столь удачно заболевший и столь же своевременно исцелившийся генерал Клыков (и прожил еще, дай бог каждому, до восьмидесяти лет).

Общие потери трех армий Волховского фронта в ходе «операции по выводу 2-й ударной армии из окружения», закончившейся 10 июля 1942 года, составили почти 95 тысяч человек — всех списали на Власова. В целом Любанская авантюра обошлась нам в 403 тысячи убитыми и ранеными. Безвозвратно — 150 тысяч человек. При этом потери 54-й и 4-й армий, все это время сражавшихся за Погостье, которое Гитлер приказал вернуть, и у Киришей, которые фюрер, полагавший, что оборона этой деревни стоит слишком много немецкой крови, предлагал эвакуировать, учтены только до апреля включительно — в соответствии с установленной «хронологией».

Глава 9

УСТЬ-ТОСНО-СИНЯВИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(июль — октябрь 1942 года)

Обстановку в Ленинграде летом 1942 года можно было назвать относительно нормальной, насколько это было возможно для любого советского прифронтового города.

Войска группы армий «Север» не имели в ближайшем будущем возможностей для ведения активных боевых действий и сидели в глухой обороне. Все стратегические резервы Германии и маршевое пополнение перебрасывались на юг для участия в «главной операции», дивизии группы фон Кюхлера пополнялись «во вторую очередь».

На Карельском перешейке стояла раздражающая наших активных генералов тишина, противостоящие стороны старались лишний раз друг друга не беспокоить: «Продолжая знакомиться с артиллерийскими частями фронта, — вспоминает Г.Ф. Одинцов, — я побывал в 23-й армии, которой командовал генерал-майор А.И. Черепанов... Меня поразила тишина, царившая в полосе этой армии. На южном крыле нашего фронта круглые сутки била артиллерия, стреляли минометы, слышалась пулеметная трескотня, а тут будто и войны нет. С начальником артиллерии армии полковником И.М. Пядусовым обошли всю нашу передовую у Белострова и не услышали ни одного выстрела. «Вы что, товарищ Пядусов, с противником уж не перемирие ли заключили? — укоряю начарта. — Нельзя давать ему спокойно жить!»

Заранее хорошо продуманная и подготовленная летняя навигация, открытая 25 мая, проходила успешно. Объем перевозок через Ладожское озеро был доведен до 7 тысяч тонн грузов и до 10 тысяч человек в сутки. Удалось даже наладить движение железнодорожного парома. Всего за навигацию 1942 года город получил более 790 тысяч тонн грузов, половину которых составляло продовольствие. Значительные запасы были созданы не только в Ленинграде, но и в Кронштадте, Ораниенбауме и на островах Финского залива. Для пополнения Ленинградского фронта и Балтийского флота прибыло почти 300 тысяч военнослужащих, 202 танка, 631 орудие, эвакуировалось 448 тысяч жителей. В июле по сравнению с январем смертность населения снизилась в 5,5 раза и составила 17 695 человек, в августе уменьшилась еще в 2 раза. Управление НКВД перестало фиксировать скоропостижные смерти на улицах.

Проблема голода была снята. Ленинградцы стали получать нормированные продукты наравне с жителями других городов страны. Солдаты на передовой получали 800 граммов хлеба, горячий приварок на завтрак и обед.

По дну Ладоги, между восточным и западным берегами Шлиссельбургской губы, был проложен трубопровод, по которому в город ежедневно поступало 300—400 тонн горючего. Он вступил в строй 18 июня и был практически неуязвим для противника. Важное значение для улучшения коммуникаций Ленинграда имела начавшаяся прокладка подводного электрокабеля от Волховской ГЭС. С начала июня ленинградцев вновь мобилизовали на оборонительные работы. Городские предприятия выпускали автоматы, станковые и ручные пулеметы, пушки, танки, снаряды, мины — всего около 100 видов военной продукции.

Воспрянувшие духом партийные руководители выступили с новой инициативой — превратить в солдат все оставшееся население города, мужчин, женщин и школьников, без отрыва от производства. 12 августа Ленинградский горком ВКП(б) принял постановление о тотальной военной подготовке обывателей. Корреспондент «Правды» Павел Лукницкий пишет:

«Я познакомился с примерной программой этого военного обучения. В ней речь идет об условиях борьбы с врагом в городе и о методах ведения в городе оборонительных боев. Говорится о том, как использовать условия маскировки для внезапного огневого налета и удара по врагу гранатой и штыком, о бутылках, наполненных горючей смесью, о том, как укрываться за стенами, в канализационных колодцах, в нижних этажах и подвалах домов и оттуда гранатами разить врага... Рекомендуется превратить каждый дом в бастион, укрепляя его чем придется; перекапывать улицы, возводить баррикады, использовать электропровода с током высокого напряжения, иметь под рукой любые тяжелые предметы — ломы, утюги, ступки, гири и камни... Как и где располагать пункты наблюдения? Как помогать соседу по дому, по двору, по квартире и комнате? Как подготовить окна для снайперского огня, бросанья гранат и для защиты от пуль и осколков?» Бороться с диверсантами, вести снайперский огонь тяжелыми предметами, «уничтожать врага короткими контратаками» и «заманивать танки в ловушки» учились все: архитекторы, инженеры, студенты, вагоновожатые, телефонистки, медсестры и балерины.

Но Ленинград все еще оставался в блокаде, а вместе с ним непрерывно пополнявшиеся войска 42, 55, 23-й армий, Приморской и Невской оперативных групп. Из Архангельского военного округа прибыли части 79-го укрепленного района и заняли оборону в полосе 42-й армии; в районе Колпино, позади 55-й армии, окопался вновь сформированный 14-й укрепрайон. Бронетанковые войска фронта в июле имели четыре бригады: 1, 61, 152 и 220-ю, два тяжелых танковых полка прорыва — 31-й и 41-й, укомплектованных британскими машинами, и три отдельных танковых батальона — 86, 118 и 287-й. Кроме того, были фронтовые учебные части: 12-й танковый полк и курсы подготовки командиров танков. В боевом составе насчитывалось свыше 420 танков и около 40 — в учебных частях. Количество орудий и минометов, по сравнению с сентябрем 1941 года, выросло вдвое. ВВС фронта и КБФ в середине июля имели 340 самолетов.

В состав Волховского фронта на 1 августа входили 33 стрелковые дивизии, 11 стрелковых, 1 воздушно-десантная, 7 танковых бригад, 1 укрепрайон, 4 отдельных танковых батальона, 28 отдельных артполков и 6 полков реактивных минометов. 14-я воздушная армия под командованием генерал-майора И.П. Журавлева, созданная на базе фронтовых ВВС, имела 116 боевых самолетов. В группе армий «Север» насчитывалось 45 дивизий, в том числе 3 танковых и 4 моторизованных. В связи с начавшей сказываться в Рейхе нехваткой людских ресурсов, все пехотные дивизии группы подверглись сокращению на одну треть по сравнению со штатной численностью: вместо девяти в них теперь было по шесть пехотных батальонов.

Новую операцию начали планировать практически сразу. «Едва только завершился выход из окружения отдельных групп бойцов и командиров, не сумевших прорваться у Мясного Бора, — вспоминает главный инженер фронта генерал-полковник А.Ф. Хренов, — а Ставка уже торопила с подготовкой новой наступательной операции». Он же подтверждает, что об обороне не думали ни дня, организовывать ее не умели и не собирались: «Начать с того, что на большинстве участков имелось всего по одному рубежу обороны, состоявшему из двух траншей (или, вернее, из того, что эти траншеи заменяло). А весь предшествующий опыт убеждал меня, что по-настоящему устойчивой может быть лишь оборона, располагающая, по крайней мере, двумя рубежами — передовым и основным. Но и те рубежи, что имелись, не отличались, на мой взгляд, достаточной надежностью. Основа такой надежности — система, связывающая все позиции огневым взаимодействием. Я же видел повсюду отдельные, каждая сама по себе, артиллерийские, пулеметные и минометные позиции. Подобное построение обороны оказывалось несостоятельным перед силой огня и внезапностью маневра гитлеровцев. Близость же неприятельского переднего края грозила тем, что каждая одиночная огневая точка без поддержки остальных могла быть легко блокирована и уничтожена».

Но никого сия проблема не волновала, немцев мы не

боялись, времени заниматься подобной «ерундой» не было. Советские войска и без того ни дня не сидели без дела, поскольку у наших генералов существовало твердое убеждение, что «оборона расхолаживает» солдата. Чтобы этого не случилось, а также с целью «обескровить противника», добиться «рассредоточения его группировки», создать «благоприятные условия» войска Ленинградского и Волховского фронтов активничали на всех направлениях.

Так, 42-я армия генерала Николаева с 20 июля по 26 августа и 55-я армия генерала Свиридова с 23 июля по 4 августа атаковали противника на нескольких участках в районах Урицка и Колпино. Ценой больших потерь частям 268-й стрелковой дивизии при поддержке 220-й танковой бригады удалось освободить Путролово и Ям-Ижору. 4-я армия генерала Гусева силами 311, 80, 44, 310-й стрелковых дивизий, 186-й и 195-й танковых бригад весь июль и август наступала на Кириши, удерживаемые посменно менявшимися батальонами 11-й и 21-й пехотных. Только за один день 11 июля по плацдарму было выпущено 9550 мин и снарядов, 29 июля израсходовано 2900 снарядов. Самой деревни уже не существовало, неприступной позицией противника оставалась возвышенность с рощей «Высокая», господствовавшая над местностью и закрывавшая обзор на немецкие переправы через Волхов, развалины химкомбината, превращенные в узел круговой обороны. Кириши стали одним из самых кровавых мест на Волховском фронте, через несколько дней боев в батальонах оставались единицы активных штыков. Пруссаки тоже несли большие потери, называя плацдарм «вторым Верденом». Железным ломом, окаймляя линию немецких позиций, громоздились 170 сгоревших, на солдатском жаргоне «рыжих», советских танков. Немцы вели к ним ходы сообщения и устраивали под днищем пулеметные гнезда.

Особых успехов никому достичь не удалось. Пользу, если верить тем, кто после войны разъяснял смысл этих действий, наши командующие видели в том, что они «держали гитлеровцев в постоянном напряжении», проверяли

наступательные способности своих войск и «как бы репетировали прорыв блокады».

По итогам Урицкой операции Говоров, грамотнейший генерал, первым из командующих Ленинградским фронтом озаботившийся реальной боевой подготовкой войск, издал разгромный приказ:

«При проведении операции на Урицк 29.7.42 командованием, штабами и войсками 42-й армии вновь повторен ряд крупных ошибок в подготовке боя, политическом обеспечении боя, управлении боем и организации взаимодействия родов войск, что вместе взятое привело к невыполнению частями боевой задачи.

Военный совет армии не принял мер к проверке системы управления боем 85-й стрелковой дивизии, не принял необходимых мер к устранению на месте выявленных в ходе боя ошибок в управлении, не проявил нужной требовательности и практически ничего не сделал для выполнения дивизией поставленной задачи. Военный совет позволил в течение всего боя вводить себя в заблуждение, не только не приняв мер к разоблачению лживых докладов, но даже не уловил явной неправдоподобности и противоречий в докладах исполнителей.

Не зная обстановки, Военный совет армии пошел по пути представления Военному совету фронта лживых, непроверенных докладов об успешном выполнении 85 сд поставленной боевой задачи, в то время когда дивизия даже не приступала к выполнению ее.

Командование 85 сд, 59 и 109 сп проявило трусость, управляя боем из блиндажей и не имея наблюдательных пунктов, в которых видно было бы поле деятельности их войск. В дивизии не нашлось командиров и политических работников, которые вовремя сумели бы вскрыть невыполнение боевого приказа и личным примером на поле боя увлечь части и подразделения для выполнения поставленной задачи.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Объявить выговор Военному совету 42-й армии — генерал-лейтенанту Николаеву и бригадному комиссару Панюшкину за вторично допущенные ошибки в руководстве операцией, в

результате которых войска не выполнили поставленных им задач.

Лиц командного и политического состава 85 сд, явившихся основными виновниками невыполнения боевой задачи, с должности снять, лишить или понизить в воинских званиях, лишить орденов и медалей и направить во фронтовой штрафной батальон.

Младший командный и рядовой состав, проявивший трусость на поле боя, изъять из подразделений и направить в армейскую штрафную роту».

Одновременно велась подготовка новой операции по прорыву блокады, в которой должны были принять участие силы Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом. Районом боевых действий был избран разделявший советские фронты выступ южнее Ладожского озера. Общий замысел состоял в том, чтобы встречными ударами по кратчайшему расстоянию разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и снять блокаду Ленинграда.

На этом пути советским войскам предстояло преодолеть хорошо подготовленную и сильно укрепленную оборону с большим количеством естественных и искусственных препятствий. За одиннадцать месяцев немцы приложили много усилий, чтобы сделать выступ неприступным. По всем естественным рубежам, вдоль рек и озер, оврагов и болот, по высотам и в рабочих поселках немцы создали оборонительные позиции со множеством узлов сопротивления и опорных пунктов с артиллерийскими и минометными батареями. Личный состав гарнизонов размещался в прочных блиндажах, был обеспечен надежной связью, передний край был прикрыт минными полями и проволочными заграждениями в несколько рядов.

В заболоченном грунте невозможно было вырыть траншеи, и немцы, постоянно думавшие не только о завоевании новых территорий, но и об удержании уже захваченного, строили заборы. В грунт вбивались два ряда кольев, стя-

гивавшихся проволокой. Колья оплели ветвями и сучьями деревьев, а пространство между ними заполняли бревнами и мокрой землей. Получалась стена высотой 2—2,5 метра и такой же толщины. Землю брали со стороны противника, создавая тем самым перед укреплением еще и глубокий ров, заполненный болотной водой. В заборе были дзоты и бойницы для стрельбы. Как показал опыт боевых действий, преодолеть такое препятствие оказалось чрезвычайно трудно. Обычно саперы подползали к забору, подкладывали под него мощный заряд и взрывом проделывали проход, в который устремлялась пехота. Иногда брешь пробивала артиллерия, выдвинутая на прямую наводку. Прорыв забора всегда требовал больших усилий и стоил много крови. К тому же за ним, как правило, обнаруживался еще один забор, замаскированные огневые точки и отсечные позиции. Но летом 1942 года советские военные инженеры отнеслись к такой «средневековой», к тому же весьма трудоемкой, фортификационной «конструкции» скептически.

Кроме того, сама местность здесь, по определению Мерецкова, для наступательных действий была «крайне мало пригодна». От побережья Ладоги до Синявино протянулись обширные торфоразработки, а южнее, в 1,5—2 километрах, — сплошные труднопроходимые леса с болотистыми участками и топями. Почти единственным сухим местом были известняковые Синявинские высоты, которые на 10—15 метров возвышались над окружающей их плоской равниной. Здесь располагалась ключевая позиция противника с круговой обороной, обзором и обстрелом на несколько километров. Все проходимые участки держались под огнем дзотов, артиллерийских огневых точек и были густо минированы. Лучшие условия для стороны, вынужденной обороняться небольшими силами, трудно придумать. Манштейн не преминул отметить: «...мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности». На что Мерецков, разобравшийся в топографии лишь к 1944 году, развел руками: «Конечно, торфяные болота севернее Синявино и сплошные леса южнее него представляли большие

трудности, особенно при использовании тяжелого оружия и мощной техники. Но где найти местность лучше этой?»

На самом деле очень уж соблазнительной выглядела идея внезапным ударом преодолеть каких-то 16 километров, разделявших два советских фронта. Наш полководец предполагал «при удаче» достичь Невы в течение двух-трех суток. Расчет делался и на тактическую и оперативную внезапность, на то, что немцы, воюющие «по правилам», такой «глупости» от противника не ожидают.

Выполняя указания Ставки, командующий Ленинградским фронтом генерал Говоров решил нанести два удара силами 55-й армии и Невской оперативной группы: один — в направлении Тосно, другой — на Синявино с целью соединиться с войсками Волховского фронта. Остальные соединения фронта должны были вести активные наступательные действия на урицком и старопановском направлениях, не позволяя немцам маневрировать силами. Кораблям Балтийского флота предстояло высадить десанты на противоположный берег Невы и Тосно, захватить мосты и переправы и обеспечить форсирование ударными группировками Ленфронта водных рубежей и развитие наступления. Военно-воздушные силы фронта насчитывали 185 исправных самолетов, Балтийского флота — 187.

Решение командующего Волховским фронтом сводилось к тому, чтобы таранным ударом крупных пехотных масс проломить вражескую оборону на 15-километровом участке между Гонтовой Липкой и Вороновом, обойдя Синявино с юга, выйти к Неве в районе Отрадного, соединиться с Ленинградским фронтом и вместе с ним разгромить мгинскую группировку противника. В районе предстоящего прорыва собирался 150-тысячный кулак из соединений 8-й армии генерала Старикова (128, 265, 11, 286, 327-я стрелковые, 3, 19, 24-я гвардейские дивизии, 1-я отдельная горнострелковая, 16-я танковая бригада, 107, 500, 502, 503, 507-й танковые батальоны), 4-го гвардейского стрелкового корпуса (259-я стрелковая дивизия, 22, 23, 32, 33, 57, 137, 140-я стрелковые бригады) и 2-й ударной армии генерала Клыкова (191-я и 374-я стрелковые диви-

зии), построенных в три эшелона. Суть идеи заключалась в том, чтобы высокими темпами пробиться к Неве до того, как прибудут немецкие подкрепления с других участков. Поддержку первого эшелона должна была осуществлять мощная артиллерийская группировка, состоявшая из 12 артиллерийских и 9 минометных полков, 4 отдельных минометных батальонов, 3 гвардейских минометных полков М-13 и 7 гвардейских минометных дивизионов М-30. С учетом приданных средств 8-я армия имела 1657 орудий и минометов и около 150 танков.

В районе Волхова командующий фронтом сосредоточил сильный резерв в составе пяти стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады. В лесу возле станции Войбокало был оборудован вспомогательный пункт управления, куда перебрался штаб Мерецкова. Всего для прорыва к Ленинграду выделялись 14 стрелковых дивизий, 7 стрелковых и 6 танковых бригад, 7 отдельных танковых батальонов. Планом предусматривалось также нанесение вспомогательных ударов в полосах действий остальных армий — 54, 4, 59 и 52-й. В состав 18-й армии генерала Линдеманна в середине августа входили 25 дивизий, в том числе одна танковая, одна горнострелковая и три охранные, 2-я пехотная бригада СС и легион СС «Норвегия». Оборону всего периметра шлиссельбургского выступа осуществлял 26-й армейский корпус в составе 227-й и 223-й пехотных дивизий и двух охранных полков; от среднего течения Невы до Урицка Ленинград окружал 50-й армейский корпус в составе полицейской дивизии СС, 121-й и 215-й пехотных дивизий и бригады СС; Ораниенбаумский плацдарм блокировали части 58-й и 225-й дивизий. Вокруг Погостья и у Киришей 28-й корпус — 96, 217, 93, 11, 21 и 269-я пехотные дивизии. От плацдарма Грузино до Новгорода параллельно шоссе держали оборону 1-й и 38-й армейские корпуса, в них входили 61, 1, 291, 254, 212-я пехотные дивизии. В резерве находились 12-я танковая и 5-я горнострелковая дивизии. Испанцы от Новгорода передислоцировались в район Тосно.

В начале августа план наступления был одобрен Ставкой ВГК. Фронт получил большое количество маршевых рот, танков, артиллерии большой и особой мощности, реактивных минометов, снарядов и материально-технических средств, в их числе 20 тысяч автоматов по личному указанию Сталина. В течение месяца численность самолетов в 14-й воздушной армии была доведена до 330 машин.

Для создания ударной группировки на направлении главного удара штабу Волховского фронта необходимо было перегруппировать 13 стрелковых дивизий и 6 танковых бригад, свыше 20 артиллерийских полков, значительное количество специальных частей и подразделений — в условиях крайне ограниченной дорожной сети в традиционно короткие сроки. В целях обеспечения скрытности переброски сил на правое крыло фронта был осуществлен целый ряд маскирующих и дезинформирующих мероприятий. Например, часть войск под предлогом отправки под Сталинград перевозилась в эшелонах из Малой Вишеры в Тихвин кружным путем через Москву, Вологду и Череповец. Одновременно имитировалась подготовка крупной операции в районе Новгорода. Все распоряжения отдавались устно и только лично членам военных советов армий и командиров командирам корпусов, которые для этого вызывались непосредственно в штаб фронта. Мерецков настолько все «засекретил», что даже спустя много лет, описывая ход проводившейся под его непосредственным руководством подготовки Синявинской операции, умудрился ни слова не сказать об имевшихся в его распоряжении силах и о противостоявшем ему противнике, а анализируя ход сражения, не вспомнил ни об одной из своих дивизий! Чего стоят мемуары полководца, в которых нет ни одной конкретной цифры, кроме высосанных из пальца немецких потерь, и никаких выводов, кроме глубокомысленного: «Что было, то было»? Веской причиной в пользу скорейшего проведения наступательной операции советские историки называют необходимость упреждающего удара с целью срыва готовившегося немцами нового

штурма Ленинграда. Бедняги совсем запутались, и уже не совсем понятно: чего же все-таки хотели в советской Ставке — «прорвать блокаду» или «сорвать штурм»? Идею с ходу подхватил опять проигравший сражение маршал Мерецков: «Только что закончилась тяжелая Любанская операция, оттянувшая от Ленинграда часть гитлеровских войск. Солдаты устали. Однако медлить было нельзя, поскольку гитлеровское командование готовилось к решительному штурму». В общем, что так, что эдак, все равно надо спешить.

Действительно, фюрер германской нации, убедившись, что выморить ленинградцев голодом и террором не получилось, склонялся к тому, что дело, начатое в сентябре 1941 года, необходимо довести до конца и «пройти оставшийся десяток километров». Однако он решил его отложить ради захвата бакинской нефти, установления связи с Турцией и прорыва на Ближний Восток. Как и предыдущие претенденты на мировое господство — Александр Македонский или Наполеон, — Гитлер был романтиком и тоже мечтал об Индии.

Летняя кампания для вермахта складывалась исключительно удачно. Менее чем за месяц немецкие войска разгромили Брянский, Юго-Западный и Южный фронты, продвинулись на главных направлениях на 400 километров, захватили Донбасс, Ростов, Севастополь, развернули наступление в большой излучине Дона на Сталинград. В сражениях на юге Красная Армия потеряла 570 тысяч солдат и командиров, 2436 танков, почти 14 тысяч орудий и минометов.

Дела шли настолько хорошо, что Гитлер собственными руками начал ломать продуманный до мельчайших подробностей план операции «Блау». Вообразив, что русские ввели в бой последние резервы и серьезного сопротивления оказать уже не способны, фюрер решил ускорить события и вместо предусмотренных последовательных операций — по овладению сначала Сталинградом, затем Кавказом — приказал провести одновременно два наступления

по расходящимся направлениям. Высвободившуюся после захвата Крыма 11-ю армию Манштейна (получившего за Севастополь звание фельдмаршала), которую согласно первоначальному плану предполагалось перебросить через Керченский протлив на Таманский полуостров, решено было задействовать под Ленинградом.

19 июля Генеральный штаб сухопутных войск информировал командование группы армий «Север», что в «настоящее время имеются соображения... вместо наступления на фронте Кронштадтской бухты начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым выключить Балтийский флот». Окончательное решение Верховного Главнокомандующего вооруженных сил Адольфа Гитлера было оформлено директивой № 45 от 23 июля 1942 года: «Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое название «Фойерцаубер» *(позднее — «Нордлихт).* Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования».

Так и получилось, что 12 августа вернувшийся в Крым из отпуска Манштейн узнал, что все разработанные его штабом графики форсирования Керченского пролива можно выбросить в мусорную корзину. Кстати, войска 11-й немецкой армии с середины июля «отдыхали от перенесенных ими тягот» и получали награды.

23 августа в Ставке фюрера в Виннице состоялось совещание, посвященное подготовке наступления на Ленинград, на которое был вызван командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Кюхлер. Гитлер подтвердил задачу: установить связь с финнами, овладеть городом и сровнять его с землей. Организация непосредственно штурма возлагалась на фельдмаршала Манштейна и штаб 11-й армии. Вместе с ними предстояло перебросить на север ветеранов крымской кампании — 24, 132, 170-ю пехотные, 28-ю егерскую дивизии и осадную артиллерию. В подчинение штабу 11-й армии переходили 12 дивизий,

в том числе 12-я танковая и бригада СС, расположенные фронтом на север; штабу 18-й армии — соединения на волховском участке. Для прохождения испытаний в боевых условиях под Ленинград был направлен 502-й танковый батальон новейших тяжелых машин Т-VI «Тигр». Немцы также сделали запрос через своего представителя при финской ставке на предмет участия финнов в «совместном предприятии» и их перехода к активным действиям на Карельском перешейке. Ответ гласил, что «участие Финляндии в наступлении на город исключено».

От прямого штурма Ленинграда Манштейн отказался сразу. Вокруг города была возведена глубоко эшелонированная система укреплений. Армейская оборона состояла из двух полос с промежуточными рубежами и отсечными позициями. Непосредственно за ними была создана внутригородская система обороны (ВОГ), состоявшая из внешней полосы и шести городских секторов. Внешняя полоса ВОГ делилась на четыре района: южный, западный, восточный и северный, оборудованные укреплениями полевого типа. Городские секторы представляли собой систему опорных пунктов и включали подготовленные к круговой обороне здания и заводские территории. За лето и осень 1942 года ленинградцы оборудовали более 8100 пулеметных и артиллерийских огневых точек, соорудили 17 км баррикад, 25 км противотанковых рвов и 52 км ходов сообщения. С кораблей на усиление обороны города передавалось 175 орудий малокалиберной артиллерии, для стрельбы по наземным целям в пределах городской черты привлекалось 14 зенитных дивизионов. В результате территория Ленинграда и пригороды были превращены, по существу, в сплошной укрепленный район. В составе ВОГ находилось около 10,5 тысячи бойцов воинских частей, почти 3 тысячи человек из войск НКВД, более 2,2 тысячи моряков. По первому сигналу свои позиции должны были занять еще 4 тысячи работников милиции и до 10 тысяч добровольцев из рабочих отрядов.

«На основе наблюдений нам стало ясно, — пишет Манштейн, — что наша армия ни при каких обстоятельствах не

должна быть втянута в боевые действия в черте города Ленинград, где бы наши силы быстро растаяли. Точку зрения Гитлера о том, что город можно принудить к сдаче террористическими налетами специально для этого предназначенного 8-го авиационного корпуса, мы так же мало склонны были разделять, как и умудренный опытом командир этого корпуса генерал-полковник фон Рихтгофен».

Поэтому замысел фельдмаршала состоял в том, чтобы после мощных артиллерийских и авиационных бомбардировок силами трех корпусов прорвать оборону противника южнее Ленинграда и продвинуться до самой окраины города. После этого два корпуса должны были повернуть вправо, с ходу форсировать Неву, обойти Ленинград с востока, лишив его всякой связи с Большой землей, и разгромить советские войска между рекой и Ладогой.

Наступление было назначено на 14 сентября.

И вот парадокс: Мерецков, едва успев поставить читателя в известность о том, что «медлить было нельзя...», буквально на следующей странице ошарашивает сообщением: «К сожалению, в то время никто из нас не знал, что немецкое командование готовило в те же дни операцию по окончательному овладению Ленинградом... Впрочем, противник, в свою очередь, ничего не знал о подготовке нашего наступления. Следует признать, что обе стороны сумели осуществить подготовку операций скрытно, с широкими мерами маскировки и искусной дезинформацией». Итогом научного творчества четырех институтов, писавших историю Второй мировой войны, стала вот такая нескладушка: советская Ставка решила упредить наступление противника, не имея о нем ни малейшего понятия.

Чтобы отвлечь внимание противника и сковать его силы на всем протяжении линии фронта, первыми переходили к активным действиям армии на других направлениях. Так в начале августа дивизии 59-й армии (2, 65, 191, 372, 374, 376, 377, 378, 382-я) при поддержке двух танковых бригад, трех полков РГК и полка гвардейских минометов переш-

ли в наступление с плацдарма на западном берегу Волхова, овладели опорным пунктом Дымно, но вскоре завязли у деревни Званки. И в дальнейшем, на протяжении почти полутора лет, армия генерала Коровникова «сковывала и отвлекала значительные силы противника» — обычно три пехотные дивизии.

15—17 августа войска 55-й армии Ленинградского фронта предприняли ряд безрезультатных атак в долине реки Большая Ижорка в направлении Октябрьской железной дороги.

Одновременно заканчивалась подготовка операции на левом фланге армии. Замысел состоял в том, чтобы силами 268-й стрелковой дивизии полковника С.И. Донского при поддержке артиллерии и авиации флота нанести удар по противнику, оборонявшемуся на западном берегу Тосны, форсировать реку и овладеть поселком Ивановское на противоположном берегу. Успешное осуществление этого замысла создавало благоприятные условия для развития дальнейшего наступления на Мгу и Синявино. В устье Тосны планировалось высадить тактический десант, который должен был внезапным ударом захватить и удерживать железнодорожный и шоссейный мосты до подхода танков и пехоты. Для участия в бою за высадку были созданы специальные группы флотской артиллерии и авиации, а также отряд высадки под командованием капитана 2 ранга А.М. Богдановича, в который входило до 38 различных катеров. В состав десанта выделили 280 бойцов из 942-го стрелкового полка дивизии Донского и 50 моряков Ленинградской военно-морской базы. Билет им был выписан только в одну сторону, поскольку в случае неудачи 268-й стрелковой дивизии обратная посадка на катера планом не предусматривалась. Командующий Балтийским флотом адмирал В.Ф. Трибуц решил лично руководить «морской операцией» с командно-наблюдательного пункта, оборудованного на берегу Невы: «Отсюда шли мои приказания командующим артиллерией и авиацией об усилении воздействия на противника».

55-й армии генерала Свиридова на рубеже от Ям-Ижоры

до Усть-Тосно противостояла полицейская дивизия СС под командованием генерал-майора Вюнненберга со штабом в селе Никольском. Резерв дивизии составляли саперный батальон и две пехотные роты. В районе предстоящей операции занимал оборону 2-й батальон 1-го полка СС.

19 августа в 11.00 десятки советских орудий ударили по немецким позициям. Одновременно дальнобойные батареи и пушки кораблей Балтийского флота парализовали артиллерию противника в Красном Бору и Отрадном. С Невы прямой наводкой били эсминец, канонерские лодки и бронекатера. Сухопутные и морские летчики нанесли мощный бомбовый удар. После 70-минутной артподготовки вслед за огневым валом от завода «Ленспиртстрой» в атаку ринулась пехота, поддержанная тяжелыми танками.

В 12 часов из деревни Кормчино вышел отряд катеров и под прикрытием дымовой завесы неожиданно для немцев высадил десант на восточном берегу Тосны. Десантники, преодолев рывком 1200 метров, оседлали обе дороги, ведущие к мостам, и начали продвигаться к Ивановскому. Следовавшие с автоматчиками саперы сразу же разминировали шоссейный мост, который немцы не успели взорвать.

Полки 268-й дивизии захватили Усть-Тосно и частью сил переправились по мосту на восточный берег. К 15 часам было занято Ивановское, а передовые советские подразделения достигли станции Пелла. Однако развития наступление не получило. Противник, опомнившись, непрерывно контратаковал, бросив в бой все резервы, вплоть до тыловых служб. Русские наращивали силы, высадив еще две волны десанта. Но захватить железнодорожный мост и продвинуться дальше на восток не смогли. В первый же день сказались традиционные недостатки в организации операции: армия и флот вели свою партию каждый в отдельности. Взаимодействия не было, поскольку не существовало в природе плана совместных действий. После высадки десанта, из-за отсутствия связи, артиллерия группы поддержки оказалась неспособной оказать ему реальную помощь в боях за расширения плацдарма. Бойцы рвались вперед, но не умели закрепляться на отбитой территории,

оставляя в тылу и на флангах немецких автоматчиков и неподавленные огневые точки.

«Наступление идет с переменным успехом, — записывала в дневнике переводчик 947-го стрелкового полка И.М. Дунаевская. — Огромные потери. А чего можно было ожидать, когда пополнение прибыло перед самой операцией и было брошено в бой едва ли не с ходу: оно не участвовало в учениях, командиры не знают бойцов, бойцы — командиров и едва знакомы друг с другом! И все-таки наш напор велик: немцы трусят, местами их берут «на ура», но артобстрел с правого фланга, от железнодорожного моста, с фронта и с тыла, из Красного Бора, господствующего над местностью, сводит наше продвижение вперед на нет. Тем временем комиссар полка старший батальонный комиссар Рязанов «занимается личной профилактикой», то есть заранее ищет виноватых, готовясь к предстоящему разбору полетов».

Немцы прочно встали в оборону на обоих берегах реки южнее Шлиссельбургского тракта и артиллерийско-минометным огнем разбили шоссейный мост, сделав невозможным проход на восточный берег, а с подходом батальона 151-го пехотного полка 61-й дивизии вновь заняли свои траншеи в Усть-Тосно, восстановив прежний передний край. Прорвавшаяся в Иваново советская группировка — десантники старшего лейтенанта А.Е. Кострубо и 952-й полк майора А.И. Клюканова — оказалась отрезанной от основных сил. Дивизия Донского в течение дня потеряла половину личного состава, в 947-м стрелковом полку, отброшенном на исходные позиции, выбыло 70%. Образовался еще один «пятачок» — Ивановский, имевший 600 м по берегу Невы до устья Тосны и 400 м до железной дороги, и еще одна «Долина смерти» — полоска земли между «бетонкой» и железнодорожной насыпью.

С западного берега пытались доставить на плацдарм продовольствие и боеприпасы, но редкие лодки достигали цели. Число защитников быстро таяло. К противнику прибыло подкрепление из 25-го полка 12-й танковой дивизии во главе с полковником Байером с задачей вернуть Ива-

новское. Немцы тоже признали, что потери их двух батальонов за два дня жестоких боев «были велики»: 33 убитых, 3 пропавших без вести и 205 раненых. 21 августа боевая группа Байера начала наступление с запада и в середине дня вновь захватила Ивановское.

Командующий 55-й армией решил 23 августа ввести в бой 136-ю стрелковую дивизию полковника Н.П. Симоняка, сформированную на основе 8-й гангутской бригады. Ей ставилась задача поддержать наступление 268-й дивизии, очистить от противника овраги на западном берегу, овладеть железнодорожным мостом. Задача осталась невыполненной. 342-й полк дивизии переправился на восточный берег реки выше по течению по наведенному саперами мосту, батальон 270-го полка с большими потерями был переброшен на плацдарм «морскими охотниками». Но и здесь добиться успеха в восточном направлении не удалось.

Бывший командир роты 342-го полка вспоминает атаку 2-го батальона: «На артподготовку отводилось очень мало снарядов. Она и проводилась всего пять-десять минут. Толку от нее было мало, скорее даже вред, так как стрельба с нашей стороны привлекала внимание противника. Мы шли в полный рост, насыпая вдоль насыпи.. продвинулись метров на шестьсот — немцы начали обстреливать. Попробовали ползком, но впереди оказались минные поля и проволочные заграждения. Пролетели два-три наших самолета. Ничего особенного не сделали, но вызвали своим появлением немецкую авиацию. Защиты от нее у нас практически не было. Если говорить честно, мы потеряли уже 70% своего состава. Не осталось ни одного из командиров взводов, ротных — всего двое. К вечеру из 460 человек в батальоне осталось: средних командиров — 8, младших — 9, рядовых — 23.

Мы продвинулись не более чем на 2 км от Тосны. В день отражали по пять-шесть контратак эсэсовцев... В бой ввели 269-й и 270-й полки. Они до рассвета продвинулись дальше нас на километр. Мне кажется, операция не удалась потому, что наступали не сразу всей дивизией, а отдельными полками, и артиллерии было явно недостаточно».

С немецкой стороны наступление советского полка сдерживала пехотная рота 636-го охранного батальона, усиленная пулеметами, поддерживаемая танкистами 25-го полка и артиллерией. Немцам тоже приходилось несладко, правда, их «ужасающие потери» у нас могут вызвать истерику. Ветеран полицейской дивизии Ф. Хуземан пишет: «23.08 в 11.50 — новая атака русских силами до двух полков на участке Гизеке *(западный берег Тосны)*, которая закончилась полным уничтожением противника. В 14.15 русским удается прорыв на том же участке. В 17.00 они начали наступление на 1-й полк западнее устья Тосны, но были отбиты. В 23.00 русские снова атакуют, им удается прорыв, который в 23.50 был перекрыт. Атака — прорыв — контратака следовали друг за другом все воскресенье 23 августа. Убитых было не сосчитать. Специальные команды похоронили примерно 100 человек. На перевязочном пункте побывало 212 раненых».

Две советские дивизии за период с 19 по 25 августа потеряли более 5000 бойцов, по наплавному мосту отошел на западный берег 952-й стрелковый полк — тридцать оставшихся в живых «клюкановцев».

Последующие дни были лишь повторением дней минувших, общая картина сражения оставалась неизменной. До конца августа соединения Ленинградского фронта пытались развить успех на Мгу, атакуя вдоль Кировской железной дроги, но сделать этого не смогли. 2 сентября в дело были введены 43-я и 85-я стрелковые дивизии — с тем же результатом. Из-за обоюдного истощения людских ресурсов бои на Тосне стихали, к тому же, ввиду начавшегося наступления Волховского фронта, немцам пришлось отвести 151-й пехотный полк и подразделения 12-й танковой дивизии. *(Кстати, о «ресурсах»: немецкий источник отмечает участие в боях с советской стороны мальчиков 15—16 лет, что подтверждают журналы безвозвратных потерь 55-й армии.)*

Генерал Говоров в очередной раз убедился, что «многие командиры и штабы забыли элементарные основы управления войсками и их организации, упустили из виду,

что забвение этих основ может сорвать и загубить любую операцию», как бы хорошо она ни была задумана: *«Они становятся на путь вредного упрощенчества, механически перенося способы управления более простыми формами боя в обстановку сложного боя. Они пренебрегают знанием обстановки, без чего немыслимо какое бы то ни было управление боем. Не зная действительной обстановки и, следовательно, положение своих войск и войск противника, они лишают себя возможности организовать последующие этапы боя, пуская тем самым дело на пагубный самотек. Все это неизбежно ведет к тому, что атака неуправляемых частей в ходе боя разбивается на несогласованные действия отдельных подразделений, наступление теряет свою целеустремленность, нарушается система взаимодействия родов оружия, противник, в результате этого, получает в свои руки инициативу, и наши части, неся из-за неорганизованности большие потери, не выполняют боевой задачи, несмотря на превосходство в силах. Штабы же дивизий армий, утратив связь с войсками, теряют тем самым и влияние на ход и исход боя,* ***превращаясь из штабов в места пребывания командиров, изолированных от своих войск*** *и, следовательно, лишивших себя возможности командовать».*

К 10 сентября фронт стабилизировался. В наших руках остались Усть-Тосно и небольшой плацдарм в Ивановском. «Кровавые потери» армии генерала Свиридова на всем фронте полицейской дивизии СС немцы, по данным, полученным от пленных и перебежчиков, оценивали в 21 тысячу человек.

В приказе, посвященном итогам Усть-Тосненской операции, командующий Ленинградским фронтом дал беспощадно-точную оценку действиям 55-й армии, которая в широком смысле применима ко всей РККА:

«Для этой операции были определены 5 стрелковых дивизий, танковая бригада, отдельный танковый батальон, значительное артиллерийское и минометное усиление и ВВС фронта. Несмотря на превосходство над противником, поставленная задача армией не выполнена.

Основными причинами невыполнения задач являются:

Полная беспечность и безграмотность Военного совета и штаба армии, командиров и штабов дивизий в организации и ведении тактической разведки противника, в результате чего ни перед боем, ни в ходе боя ни командарм, ни командиры дивизий не знали противника.

Командующий армией и командиры дивизий не умеют руководить артиллерией и минометами усиления и танками в современном наступательном бою. Огонь артиллерии и минометов не массировался на решающих направлениях. Тактические задачи артиллерии и минометов усиления ставились нецелеустремленно по этапам боя. Объекты огневого воздействия вообще не указываются артиллерии, выбор их предоставляется артначальникам самостоятельно. Минометный огонь, несмотря на неоднократные указания, массированно использован не был.

В результате непродуманного использования артиллерии и минометов огневая система противника на переднем крае, его минометные и артиллерийские батареи подавлены не были.

Ввод в бой танковых подразделений не был обеспечен рядом организационных мероприятий. Минные поля не были разминированы, в результате чего с вводом в бой танки несли потери на своих минных полях. Не были подготовлены дороги. У командира 268 сд была попытка решать задачи боем одних танковых подразделений, не увязав их действия с пехотой и не обеспечив артиллерийской поддержкой.

1.Штабы армий и дивизий оказались неподготовленными к управлению войсками. Начальники штабов армий и дивизий не руководили деятельностью подчиненных отделов и начальниками родов войск, не ставили им конкретных задач ни при организации боя, ни в ходе его.

Выяснение обстановки, положения и действий своих войск проходило с таким запозданием, что отдельные частные успехи войск не были своевременно использованы и развиты. Контроля за выполнением отданных приказов организовано не было. Начальники штабов занимались лишь фиксацией событий, не контролируя фактического положения войск и правдивости поступающих донесений...

В проведенной операции войска армии понесли большие потери в личном составе убитыми и ранеными. Цифра потерь говорит за то, что у начальствующего состава армии притупилось сознание необходимости максимального сохранения личного состава армии. Пренебрежение к неоправданным потерям бойцов и командиров является характерной особенностью командования 55-й армии. Даже тогда, когда нет активных боевых действий, 55-я армия несет самые высокие потери среди армий и групп фронта. Достаточно указать, что в период с 6 по 9.9 армия потеряла убитыми и ранеными 3800 человек...».

Естественно, командармы шибко умного командующего не любили, прозвав его между собой «аптекарем».

Как ни старался штаб Волховского фронта замаскировать свои намерения, полностью скрыть столь масштабные приготовления и перемещения войск от немецкой разведки было невозможно. Ее донесения аккуратно фиксировал генерал Гальдер:

25 августа: «На Волхове противник переносит вперед свои командные пункты».

26 августа: «Множатся признаки близкого наступления русских южнее Ладожского озера».

27 августа в 6 часов утра Мерецков начал рубить шлиссельбургский выступ. После двухчасовой артподготовки, завершившейся мощным 10-минутным налетом реактивных минометов, — стреляли, правда, привычным способом, по площадям, в том числе и орудия особой мощности — по всей линии, от Ладоги до Вороново, перешли в наступление восемь дивизий 8-й армии. Главный удар от Гайтолово наносил 6-й гвардейский стрелковый корпус, укомплектованный в основном курсантами пехотных училищ (это тоже наше ноу-хау — формировать стрелковые роты из без пяти минут офицеров). Первые два дня наступление развивалось довольно успешно. Преодолев Черную речку, взломав передний край обороны и вклинившись на стыке 227-й и 223-й пехотных дивизий противника на глубину 1—2,5 километра, соединения гвардейского корпуса под командованием генерал-майора С.Т. Биякова, отбивая

непрерывные контратаки, хотя и медленно, но настойчиво прогрызали путь к Синявино, на подступы к которому вышли 29 августа. Вектор атаки пролегал вдоль просеки высоковольтной линии электропередачи. Затем 3-я гвардейская дивизия полковника Н.М. Мартынчука нацелилась на Рабочий поселок № 5, наступавшая в центре 19-я гвардейская дивизия полковника Д.Н. Баринова должна была взять Синявинскую высоту и поселок Синявино, 24-я гвардейская полковника П.К Кошевого — через сплошной лес и болота выйти к озеру Синявинское. Левее 265-я стрелковая дивизия полковника Б.Н. Ушинского овладела опорным пунктом Тортолово и 1-м Эстонским поселком. На правом фланге 128-я стрелковая дивизия полковника И.Б. Грибова с ходу взяла Рабочий поселок № 8.

Противник использовал тактику обороны силами мелких групп, численностью не более роты, седлая тропы, удерживая опушки и поляны, широко используя снайперов, которые выводили из строя офицеров, расчеты пулеметов и орудий. На флангах прорыва немцам удалось удержать опорные пункты в районе Мишкино, Поречье и Гонтовой Липки. Жесткой обороной они сковали значительные силы атакующих и вынудили их вести многодневные кровопролитные бои.

Стремясь воспрепятствовать выходу соединений Волховского фронта к Неве на синявинском направлении и ликвидировать «весьма неприятный прорыв», германское командование спешно перебрасывало сюда дополнительные силы, в том числе прибывшую из Крыма 170-ю пехотную дивизию, части 121-й пехотной и 5-й горнострелковой. Они с ходу контратаковали. Немцы попытались также использовать «тигры», находившиеся в районе станции Мга. Однако танки, действовавшие на совершенно неподходящей для них местности, в условиях отсутствия мостов, способных выдержать их тяжесть, не смогли даже добраться до поля боя, и их пришлось отвести назад.

Начиная с третьего дня советское наступление застопорилось. В первую очередь потому, что танки и пехота остались без артиллерийской и авиационной поддержки,

в основном из-за безграмотности начальников, не сумевших распорядиться свалившейся на их головы техникой. Штаб артиллерии 8-й армии «не имел опыта управления большими массами артиллерии» (еще одна беда недоучек — слишком много дали пушек, а что с ними делать — не объяснили), поэтому этого самого управления и не организовал. А начальник артиллерии фронта и его штаб и вовсе не ломали себе голову подобными вопросами, возложив планирование, организацию и исполнение на нижестоящие инстанции. Никаких ударных группировок не создавалось, все приданные на усиление армии Старикова 24 артиллерийских и гвардейских минометных полка были равномерно распределены по дивизиям с плотностью 70—100 орудий на километр фронта, хотя имелась полная возможность на направлении главного удара создать плотность до 180 стволов на километр. Но принцип концентрации сил и средств никак не укладывался в генеральских головах. После обработки переднего края обороны противника (400—1000 м) сопровождение наступающих частей и обеспечение боя в глубине даже не планировалось. Таким образом, пехота ушла вперед, артиллерия осталась на месте и бездействовала.

Не могу сказать, чем занимались «соколы» генерала И.П. Журавлева, поскольку уже на третий день над полем боя их не наблюдалось. «В этот день резко изменилась не только наземная, но и воздушная обстановка, — свидетельствует П.К. Кошевой. — С утра по нашим войскам стала действовать очень активно авиация противника. Она налетала группами по 5—15 самолетов с интервалами от 20 до 60 минут... Авиация врага, появившаяся внезапно, висела над районом 1-го Эстонского поселка и Тортолово черной, ревущей массой. Бомбардировщики сменяли друг друга волна за волной в какой-то дьявольской карусели. Над полем боя стоял грохот разрывов тяжелых бомб и горький дым пожарищ». С этого момента и до конца сражения немцы удерживали абсолютное господство в воздухе. В результате атакующие полки несли большие потери и быстро утрачивали боеспособность (историографы 13-й воздуш-

ной армии, на своей шкуре эту «карусель» не испытавшие, напротив, заявляют, что на протяжении всей Синявинской операции «в целом в воздухе преобладала советская авиация», уничтожившая 215 самолетов врага. Жаль, что врагу это нисколько не мешало уничтожать нашу пехоту и танки).

Новоиспеченные советские автоматчики на радостях двое суток непрерывно строчили из своих ППШ и, расстреляв все мыслимые нормы, остались без патронов: «А получилось это потому, что на фронте впервые оказалось много автоматов... Как только начиналась атака, бойцы нажимали на спусковой крючок и без передышки выстреливали целые диски. Конечно, здесь сказывался и психологический фактор. С автоматом, прижатым к животу и непрерывно стреляющим, легче идти вперед».

31 августа наступил момент шаткого равновесия. Первый эшелон, углубившись в оборону противника на расстояние до семи километров и израсходовав «психологический фактор» до последнего цинка, выдохся. Потери 8-й армии за пять дней составили 16 185 человек. Немцы тоже не имели достаточно сил, чтобы восстановить положение. В этой обстановке Военный совет фронта принял решение о вводе в сражение с утра 1 сентября 4-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала Н.А. Гагена. Командующему Ленинградским фронтом было предложено использовать выгодный момент для нанесения встречного удара.

Но эти меры к лучшему обстановку не изменили. Гвардейский корпус попал под «дьявольскую карусель» еще в районах сосредоточения. Затем его соединения двинулись через обширные Синявинские болота, действуя подчас по пояс в воде, прокладывая себе дороги под непрерывным артобстрелом и бомбежками. Управление войсками то и дело нарушалось. Своя артиллерия и авиация развертывание корпуса прикрыть не смогли. В результате он понес большие потери еще до встречи с немцами. К 4 сентября наибольшая глубина прорыва войск Волховского фронта через лесной массив между Мгой и Синявино, где у нем-

цев опорных пунктов не имелось, составила 9 километров. До Невы оставалось не более шести, но дальше не удалось продвинуться ни на один метр. Противник стянул в район прорыва прибывающие крымские дивизии, подразделения 121-й и 96-й пехотных дивизий с других участков фронта. В районе Тортолово появились танкисты 12-й дивизии из группы Байера, высвободившиеся после боев за Ивановское.

Х. Польман приводит в своей книге выдержки из захваченного дневника советского командира: «4.9. Вчера был дан боевой приказ: прорыв на Ленинградское шоссе на Московскую Дубровку... похоже на то, что дальнейшее продвижение вперед без предварительного расширения вклинения на флангах — просто глупость. Однако наш 861-й стрелковый полк по решению командира корпуса, генерал-майора Гагена, сегодня целый день атакует, но не сдвигается с места. До 18 часов полк потерял 65% своего рядового состава и 100% командиров». Всего действовавшая в составе корпуса 294-я стрелковая дивизия потеряла в сентябре 6934 человека из 7288, вступивших в бой.

Виноватым сделали генерала Гагена, не сумевшего «осуществить твердого руководства», и назначили на его место генерал-майора С.В. Рогинского, что в принципе ничего не меняло.

Ожесточенные бои продолжались на флангах образовавшегося прорыва, где войска из состава ударной группировки фронта, блокировав Мишкино, Поречье и рощу «Круглая» севернее Гонтовой Липки, вели борьбу за овладение этими опорными пунктами. В роще, ставшей еще одним кровавым символом Волховского фронта, размещался батальонный узел сопротивления 366-го полка 227-й дивизии под командованием полковника Венглера. Этот опорный пункт, ежедневно получая пополнения, ежедневно атаковали подразделения 3-й гвардейской стрелковой дивизии. В первый же день наступления в Журнале боевых действий 13-го гвардейского полка появилась запись: «Подразделения продвижения не имеют. В первой роте осталось 13 человек, во второй — 8, в четвертой и шестой — 20. Комиссар

полка ранен, начальник артиллерии убит». Особым «сюрпризом» для наших солдат стали немецкие деревоземляные валы. В германских сводках этот опорный пункт получил прозвище «Нос Венглера», в солдатском обиходе — «проклятая дыра».

Фактически начинал повторяться сценарий Любанской операции: советские части сидели в лесах и болотах, немцы удерживали узлы сопротивления, истребляя нашу пехоту авиацией и артиллерией, накапливая силы на флангах прорыва. Просека оставалась единственной линией снабжения всех советских войск. Военный совет требовал «усилить темпы» наступления и как можно скорее выйти к Неве.

5 и 6 сентября была произведена частичная перегруппировка войск Волховского фронта. 19-я и 24-я гвардейские стрелковые дивизии выводились из состава 6-го гвардейского корпуса. При этом дивизия Кошевого была развернута фронтом на юг и фактически перешла к обороне, а ее полосу севернее Синявинского озера заняла 259-я стрелковая дивизия, которой ставилась задача опрокинуть противника и наступать к Неве. В прорыв входили 191-я стрелковая дивизия подполковника Н.И. Артеменко и 122-я танковая бригада подполковника А.В. Зазимко из фронтового резерва. Никаких сведений о противнике, о соседях они не имели, карт местности — тоже. Задача: взять Синявино и соединиться с Ленинградским фронтом. При передислокации практически все части этих соединений подвергались интенсивным налетам немецкой авиации. Вступив в бой за Синявино 7 сентября и продолжая нести большие потери, они вышли на юго-западный берег торфяного болота, но дальше немцы их не пустили: «Сотни самолетов-бомбардировщиков постоянно находились над нашим расположением и бомбили, бомбили без конца». Подполковник Артеменко был убит сразу, на третий день полегла треть 191-й стрелковой дивизии.

Некоторый успех был достигнут на левом фланге 8-й армии, где 327-я стрелковая дивизия полковника Н.А. Полякова обходным маневром, взаимодействуя с 286-й стрел-

ковой дивизией генерал-майора Б.М. Козика, овладела опорным пунктом Вороново и прочно в нем закрепилась.

8 сентября Военный совет Волховского фронта решил ввести в сражение третий эшелон — 2-ю ударную армию. Одновременно генералу Клыкову были переподчинены 4-й и 6-й гвардейские корпуса, что окончательно запутало систему управления. Для усиления было выделено 18 артиллерийских и минометных полков, 3 гвардейских минометных полка и 14 дивизионов М-30. Всего в армии насчитывалось 1244 миномета и 563 орудия (при этом надо иметь в виду, что в советских подсчетах никогда не учитываются 45-мм пушки и 50-мм минометы). Но стрелковые соединения первых двух эшелонов были выбиты, в батальонах осталось 7—10% первоначального состава, общие потери достигли 50 тысяч человек.

Разгоралось упорное встречное сражение, некоторые участки переходили из руки в руки по несколько раз.

Но тут на сцене появился Манштейн. Еще вечером 4 сентября фельдмаршалу позвонил Гитлер и приказал ему немедленно вмешаться, принять на себя командование кризисным участком фронта и, задействовав прибывающие из Крыма дивизии, предотвратить назревающую катастрофу. Манштейн сформировал две ударные группировки и 10 сентября нанес контрудар под основание советского прорыва. С юга наступал 30-й армейский корпус в составе 24, 132 и 170-й пехотных дивизий; с севера, через рощу Круглая, — 26-й корпус, в который вошли 121-я пехотная, 5-я горнострелковая и 28-я горнострелковая дивизии. Для Мерецкова и его штаба это было полной неожиданностью, никаких оборонительных мероприятий на этот случай советское командование не предусматривало. Между тем противник теснил советские войска с флангов, превращая вбитый в немецкую оборону клин в «бутылку». Наше командование по-прежнему продолжало ставить исключительно наступательные задачи. На северном фланге 128-я, а после нее 376-я стрелковые дивизии безуспешно штурмовали Липку. В глубине прорыва немцы нанесли контрудар от Келколово, раскололи боевые порядки 4-го

гвардейского корпуса и окружили 137-ю стрелковую бригаду. Из кольца она уже не вышла. 374-я стрелковая дивизия с танкистами 29-й бригады прорвала вторую линию вражеской обороны восточнее Большого болота. Но дивизия теряла по 500 человек в сутки, и к 20 сентября в ней насчитывалось 764 бойца. В стрелковом корпусе Рогинского осталось 853 активных штыка. В горловине прорыва 3-я гвардейская дивизия, 53, 22 и 137-я бригады с танками продолжали атаки на рощу Круглая; 286-я дивизия вела бои в немецких траншеях на северной окраине Мишкино; 265-я дивизия наступала юго-западнее Тортолово по реке Черная, но под непрерывной бомбежкой вынуждена была отойти. 16 сентября немцы вновь захватили 1-й Эстонский поселок, обороняя который целиком погиб 951-й стрелковый полк.

С 9 по 11 сентября генерал Говоров попытался организовать наступление в районе Московской Дубровки — чем-то запало в душу всем командующим именно это «неожиданное» для противника место. Основная цель состояла в том, чтобы прорвать вражескую оборону на левом берегу Невы, овладеть Мусталово и, развивая успех на Синявино, соединиться с частями Волховского фронта. В ударную группу были выделены 46, 86, 70-я стрелковые дивизии, 11-я стрелковая бригада. Однако двум дивизиям первого эшелона, усиленным двумя батальонами фронтовых курсов младших лейтенантов, не удалось даже форсировать реку. Попав под удары артиллерии и авиации противника, ленинградцы вскоре лишились почти всех переправочных средств. Малочисленные подразделения, которым удавалось достичь противоположного берега, сбрасывались обратно в воду. 12 сентября Ставка своей директивой, ввиду того, что Ленинградский фронт «оказался неспособным толково организовать форсирование реки Невы и своими неумелыми действиями глупо загубил большое количество командиров и бойцов», приказала операцию временно прекратить. Общие потери в ходе трех попыток составили около 738 человек убитыми, 2245 ранеными, 230 понтонов и лодок. Говоров снял командование Невской оперативной

группы. В первой половине месяца войсками Ленфронта предпринимались также попытки очистить от немцев район Ям-Ижоры, но и они оказались неудачными.

К 21 сентября после тяжелых боев Манштейну удалось замкнуть кольцо и перерезать единственную дорогу, по которой шло снабжение советских войск в «мешке» (Мерецков как раз докладывал Сталину очередной «план операции по разгрому Синявинской группировки противника и выходу на Неву, уверяя Верховного в прочности положения: «операцию считаю возможным провести наличными силами фронта»), а в последующие дни — отразить все атаки с востока, имевшие целью деблокировать вновь оказавшуюся в «котле» 2-ю ударную армию. В описании Кошевого вырисовывается уже до боли знакомая картина: «Наши попытки доставить боеприпасы и продовольствие днем на лошадях через лес и болота были сорваны противником. Группы подносчиков в два-три человека теперь пробивались с боем только ночью и нередко погибали на пути смертью храбрых. Не удавалось регулярно снабжать войска с помощью самолетов У-2. Они могли действовать лишь по ночам, и грузы падали больше в зыбкие трясины, откуда извлечь их было невозможно... На исходе 26 сентября поступила радиограмма прямо от командующего фронтом. Приказывалось стойкой обороной, особенно на левом фланге, не дать врагу распространиться на север. В заключение говорилось, что Родина нас не забудет».

По немецким данным, в окружение попало не менее семи советских дивизий, шести стрелковых и четырех танковых бригад. Немцы в эти дни снова предприняли довольно бестолковую попытку применить «тигры», но все они вышли из строя, попав под огонь советской артиллерии, или увязли в болотах.

Теперь Манштейн оказался наступающей стороной в условиях малопригодной для этого местности. Но он и не подумал гнать своих солдат в атаку в леса и болота, а тактически грамотно повторил любанский вариант ликвидации окруженной группировки: «Так как весь район «котла» был покрыт густым лесом, всякая попытка с немецкой сторо-

ны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным человеческим жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая начала вести по «котлу» непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки стволов когда-то гордых деревьев-великанов».

Мерецкову тоже запомнился этот «непрерывный огонь», однако, судя по его воспоминаниям, никакого окружения не было, хотя он признает, что «в те дни в районе охвата врагом наших войск создалась тяжелая обстановка. Соединения и части перемешались между собой, управление ими то и дело нарушалось». От собственной артиллерии толку по-прежнему было немного: «Штаб артиллерии армии осуществлял слабый контроль за использованием артиллерии РВГК, и она не всегда применялась по прямому назначению. Вследствие этого, борьба с вражеской артиллерией не была организована. Огонь артиллерии планировался, как правило, наспех. Не уделялось должного внимания и организации взаимодействия артиллерии с пехотой...»

Из 85 тысяч, числившихся в составе 2-й ударной армии перед началом операции, с учетом пополнения осталось 30 988 бойцов и командиров.

По этим причинам вечером 27 сентября командующий фронтом, не дожидаясь санкции Ставки, «с болью в сердце» отдал приказ о выводе войск, находившихся западнее Черной речки, на восточный берег, а бережливый (нет, не к людям — к технике) генерал Клыков добавил от себя: «Категорически запрещаю вывод без матчасти. Всех вышедших без матчасти возвращать обратно».

По Мерецкову, к **рассвету 29 сентября** «основная масса» советских войск возвратилась «примерно на старые позиции». Маршал все-таки «забыл», что к этому времени и на восточном берегу уже были немцы: 22 сентября они отбили Тортолово и захватили высоты севернее его, 25-го штурмом взяли Гайтолово и проникли южнее. Правда,

сплошного фронта не было, и отдельным советским подразделениям через торфяники и заболоченные низины удалось выбраться к своим. Без войск и без штаба выполз из окружения генерал Гаген.

Разведчик 4-го гвардейского корпуса Г.Г. Борисов вспоминает: «Числа 27 сентября мы получили приказ сняться с переднего края у озера Синявинское и прибыть в такой-то квадрат. Прибыли на место ночью... Нас, активных штыков при полевом штабе Гагена, оказалось 16 человек. Вечером 28 сентября Гаген приказал создать две группы: одну из троих человек с задачей разоружить три сгоревших броневика, снять замки с орудий и пулеметов. Второй группе (тринадцать человек) принять последние самолеты с патронами и сухарями. Все, что не сможем унести, утопить в трясине. Если по возвращении штаб не застанем, мы должны рассчитывать только на свои силы. При выходе 29 сентября штаб корпуса нарвался на оборону немцев и почти полностью погиб. Гаген просидел почти сутки в воронке с водой; зная, что мы должны выходить следом, узнал нас и вышел с нами».

Сталин, сквозь бодрые доклады, разглядел, что Мерецков и Клыков снова завели 2-ю ударную армию в ловушку и потребовал точного доклада и принятия срочных мер для спасения войск. «*В продолжение нескольких дней командование Волховского фронта и 2-й ударной армии не может дать точного и ясного ответа о положении с проходами южнее дороги Гайтолово, Келколово,* — передавал от имени вождя генерал Василевский. — *В результате такой преступной беспечности и лживой самоуспокаивающей и информации об обстановке создается впечатление, что ничего особенного не произошло, войска можно вывести про проходу южнее дороги Гайтолово, Келколово. На самом деле войска в этом проходе ввязываются в бой с какими-то неизвестными «мелкими группами» противника. Причем при наличии совершенно свежих, пополненных 314 сд, 73 сбр и пяти выходящих с запада дивизий эти группы не уничтожаются, а продолжают закупоривать горловину и не допускают вывода войск 2-й уд. армии. Такое положение может существовать только в ре-*

зультате отсутствия управления войсками. Как видно, командования фронта и 2-й уд. армии не хотят признать всей серьезности обстановки западнее р. Черная, не хотят взять непосредственно на себя руководство выводом частей 2-й уд. армии, а отделываются оторванными от действительной обстановки приказами о якобы возможном выводе войск 2-й уд. армии в район восточнее Гайтолово.

Ставка Верховного Главнокомандования ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. К 10.00 29 сентября 1942 г. по-честному донести об истинном положении частей западнее р. Черная и о наличии проходов в горловине юго-западнее Гайтолово.

2. Взять непосредственно на себя и свой штаб руководство выводом 2-й ударной армии в районе восточнее Гайтолово.

Подробный план вывода войск представить к ***18.00 29 сентября*** *1942 г.».*

По Манштейну, бои в «котле» закончились 2 октября. В ходе их немцы взяли 12 тысяч пленных, уничтожили 244 танка, свыше 300 орудий и 500 минометов. К этому времени в составе отведенных за западный берег шести советских дивизий (191, 259, 374, 294, 19-й гвардейской) и пяти стрелковых бригад (22, 23, 32, 33 и 53-й) насчитывалось 14 тысяч бойцов и командиров и 112 полевых орудий — в основном артиллеристы и тыловые подразделения. *«Не исключается,* — отчитывался Мерецков, — *что с западного берега будут еще выходить неорганизованным порядком отдельные лица».* В последующие десять суток «отдельных лиц» вышло лишь 470 человек. Согласно докладу командующего 2-й ударной армией Военному совету фронта, из 19-й гвардейской дивизии вышло 108 человек, из 374-й стрелковой — 687, из них 110 раненых, из 191-й дивизии — 600, из 259-й — 659, из 22-й стрелковой бригады — 22, из 23-й — 100, из 33-й — 234, из 53-й — 211, из 132-й — 288 бойцов.

Новое наступление Невской оперативной группы под новым командованием — генерал-лейтенанта Д.Н. Гусева — было назначено на 26 сентября. Форсирование плани-

ровалось осуществить на участке Анненская, 1-й городок тремя стрелковыми дивизиями и стрелковой бригадой.

Заблаговременно к Невской Дубровке и в район платформы Теплообеспечения были скрытно доставлены на автомашинах 30 плашкоутов Ладожской флотилии, 10 катеров и 2200 лодок. Чтобы скрыть от немцев сосредоточение плавучих средств и боевой техники, поперек правого берега четырьмя инженерными батальонами были отрыты глубокие траншеи, в которые вели из тыла тщательно замаскированные дорожные колеи. В этих «карманах» по ночам прятали лодки, секции понтонов и танки, которые на этих понтонах планировалось переправлять.

В назначенный день ударная группировка при поддержке 117 боевых самолетов, сухопутной и морской артиллерии совместно с десантами морской пехоты начала форсирование Невы и быстро захватила плацдарм в районе Арбузово и Московская Дубровка. Одновременно 136-я дивизия 55-й армии наносила отвлекающий удар на Тосненском рубеже.

К концу первого дня на левый берег удалось перебросить отдельные полки 70-й и 86-й дивизий и батальон 11-й стрелковой бригады. Второй эшелон из-за сильного огневого противодействия переправиться не смог. Ожесточенные бои на возрожденном Невском «пятачке» продолжались до 6 октября. Расширить захваченный плацдарм, прорвать оборону на всю глубину и соединиться с Волховским фронтом не вышло. Только за первые четыре дня операции советские части потеряли, по неполным данным, 8244 человека, израсходовали 133 тысячи снарядов и мин и почти все истребители. После поражения волховчан продолжение атак против имевшего возможность беспрепятственно наращивать силы противника не сулило никаких перспектив. В связи с оперативной нецелесообразностью удержания плацдарма на восточном берегу, Ставкой было принято решение об эвакуации. Когда все войска были уже сняты, с наступлением рассвета 9 октября разведка, высланная в район Московской Дубровки, противника не обнаружила. В связи с этим на левый берег Невы была переправлена

усиленная рота 70-й стрелковой дивизии, которая заняла плацдарм: справа — овраги севернее Арбузово, по фронту до шоссе и слева — школа в Московской Дубровке. С 20 октября «пятачок» приняла 46-я стрелковая дивизия полковника Е.В. Козика.

Напротив обосновались части 170-й пехотной. Открывшийся им пейзаж, представлявший собой гигантский могильник, поразил даже видавших виды ветеранов штурма Севастополя. «Только старые командиры, познавшие бойню Первой мировой войны, могли припомнить нечто подобное Невскому плацдарму, — зафиксировал историограф дивизии Х. Кардель. — Лишь изредка торчал раздробленный пень дерева на земле, перепаханной тяжелой артиллерией, реактивными минометами и авиабомбами. Подбитые танки стояли возле глубоких воронок и окопов, ведущих к русским траншеям. Из стен окопов торчали руки и ноги убитых русских солдат. Все остальное было засыпано землей после взрывов снарядов. Кругом были минные заграждения».

Таким образом, в ходе Синявинской операции Волховскому и Ленинградскому фронтам блокаду прорвать не удалось. Случайно вышло так, что при этом была сорвана попытка германского командования организовать решительный штурм города. Это и приписали себе в заслугу наши полководцы и летописцы славных дел «непобедимой и легендарной» с партбилетами в кармане, делая вид, что именно с такой целью операция и затевалась: «Расчеты гитлеровского командования взять штурмом город Ленина потерпели полный крах».

В самом деле, «крах расчетов» и отказ от проведения операции «Нордлихт» немецкий фельдмаршал подтверждает: «Если задача по восстановлению фронта 18-й армии и была выполнена, то все же дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи».

Можно было бы порадоваться успехам советской разведки, выкравшей вражеские планы, или прозорливости военно-политического руководства, разгадавшего намерения Гитлера, если бы не одно «но»... Информацией о перегруппировке германских дивизий из Крыма под Ленинград, с указанием «нужно проверить», Генштаб Красной Армии поделился с фронтами только 14 октября. А версию об «упреждающем ударе» подкинул сам Манштейн, считавший, что русские своевременно отследили переброску войск 11-й армии, и потому написавший в своих мемуарах о действиях Волховского фронта следующее: «...этим наступлением противник, очевидно, хотел упредить наше наступление». Вот только вышла книга лишь в 1955 году.

До того советские пропагандисты скармливали массам щербаковскую версию, согласно которой наступление на Синявино было предпринято с целью оттянуть часть сил вермахта с южного участка фронта: «Эта цель была достигнута. Несколько немецких дивизий, в том числе 4 пехотные дивизии, стоявшие в Крыму, а именно — 24, 28, 132 и 170-я, и **предназначавшиеся для операций под Сталинградом и на Тереке, спешно были переброшены в район Синявино** и здесь были разбиты или основательно растрепаны советскими войсками».

В любом случае сражение в Южном Приладожье из военной неудачи превратили едва ли не в победу Красной Армии. Потери противника в советских сводках оценивались в 60 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, до 200 танков, более 600 орудий и минометов и 260 самолетов. Маршал Мерецков, «уничтожавший» супостатов с лихостью завзятого политрука, переплюнул даже Совинформбюро, сообщив, что немцы потеряли около 60 тысяч только убитыми и пленными. Сталин сначала хотел Кирилла Афанасьевича с должности снять, но, убедившись, что тот разбил и «растрепал» самого Манштейна, передумал.

Правда, в Берлине считали, что победу, и немалую, одержали войска вермахта, разгромившие в Синявинском «котле» 7 советских дивизий, о чем и известили мир средства массовой информации Третьего рейха. Москва назва-

ла сообщение германского командования беспардонным враньем и озвучила свою трактовку событий: «Ни южнее Ладожского озера, ни в каком-либо другом месте гитлеровцы не окружали не только ни одной дивизии, но даже ни одного советского полка». Другого генерала Власова не нашлось, да и глупо бы выглядело — два раза наступать на одни те же грабли. Поэтому решили сделать вид, что немцы никого не окружали. Судя по публикациям в «Военно-историческом журнале», российский Генеральный штаб и сегодня так считает.

В ходе неудавшегося прорыва блокады и «успешного» отступления войска Мерецкова и Говорова потеряли более 40 тысяч человек безвозвратно и 73,5 тысячи ранеными, всего почти 114 тысяч бойцов и командиров, из 190 тысяч (в том числе «волховчане» — 157 тысяч), начавших сражение. У ленинградских историков эти цифры вызывают сомнение, как значительно заниженные: «Ибо вряд ли учитывают несчетные пополнения, уничтоженные немецкой авиацией по дороге от места выгрузки до передовой, и пополнения, поступившие в дивизии в ходе боевых действий». Кроме того, наши статистические исследования почему-то учитывают потери только НОГ, 8-й и 2-й ударной армий. Остальные шесть армий, беспрерывно наносившие «вспомогательные» и отвлекающие удары, участия в Синявинской операция вроде и не принимали. Из территориальных приобретений — «Наши войска сохранили на собой захваченные у противника узлы сопротивления Вороново и Поселок № 8» — «по-честному» рапортовал Мерецков. Врал, конечно.

Немецкие потери в «Первом Ладожском сражении» составили около 26 тысяч человек. Фельдмаршал Манштейн понес личную потерю: 29 октября 1943 года во время авиационного налета погиб его сын Геро фон Манштейн, лейтенант 51-го полка 18-й моторизованной дивизии 16-й армии.

Конечно, все было не напрасно: во-первых, сорвали немцам штурм, во-вторых, врага «обескровили», в-третьих, опять многому научились: «В ходе операции артиллеристы

фронта, пройдя хорошую школу, получили первый опыт организации действий больших масс артиллерии в наступлении и управления ею в бою. Изучение этого опыта потребовало специальной подготовки артиллерийских частей и усиленного внимания к отработке вопросов организации и ведения артиллерийской разведки... а также оборудования наблюдательных пунктов, огневых позиций, укрытий, землянок, планирования артиллерийского наступления, организации взаимодействия с пехотой и танками... Важное значение имело обучение артиллеристов ориентированию на местности (!!), определению точки стояния с использованием топографической карты, движению по азимуту». Ну это будут проходить на втором курсе.

Оценивая действия советских войск, ветеран полицейской дивизии СС Ф. Хуземан пишет: «Тогдашняя тупость русского командования применительно к пехотному сражению была совершенно очевидна. Однако вскоре это изменилось, и мы на собственной шкуре почувствовали, сколь много противник позаимствовал из нашей тактики».

Едва подсчитав убытки, Мерецков заверил Ставку, что войска Волховского фронта будут «вести себя активно», и выдвинул «соображения» по проведению серии частных наступательных операций. Однако Сталин, далеко не уверенный в разгроме Манштейна и опасавшийся ударов противника «одновременно на направлениях Мга, Кириши» и не исключавший даже попытки форсирования Невы, охладил пыл командующего. 3 октября он приказал никаких наступательных операций не затевать, а перейти к обороне. 5 октября Верховный определил, что Мерецкову опять нужна помощь Мехлиса, и вторично назначил Льва Захаровича членом Военного совета Волховского фронта, понизив в должности А.И. Запорожца.

Впору было не блокаду прорывать, а забирать войска от Ленинграда. Летом 1942 года Красная Армия потерпела ряд сокрушительных поражений: провалилась Усть-Тосно-Синявинская операция, кровавой баней обернулась про-

водимая Жуковым вторая Ржевско-Вяземская операция, а главное — полный разгром на юге, где 6-я армия Паулюса вышла к Волге и вела бои на улицах Сталинграда, 1-я танковая армия фон Клейста рвалась через Терек к бакинским нефтепромыслам. Страна стояла на краю гибели.

Зато к осени 1942 года у высшего военного руководства окончательно выветрились шапкозакидательские настроения. Стало ясно, что войска надо обучать, операции тщательно готовить, что наши уставы не соответствуют реалиям современной войны, а среди генералов преобладают «горловы».

Первым делом Верховный дал всем команду окопаться, и впервые за войну советские армии на всем протяжении советско-германского фронта приступили к созданию реальной обороны.

Так, Западный и Калининский фронты, перенимая немецкий и вспоминая отечественный опыт, учились рыть траншеи, привязывать их к местности, создавать эффективную многослойную систему огня.

Конкретно Волховскому фронту директивами Ставки от 5 и 14 октября приказывалось немедленно приступить к постройке не менее трех-четырех оборонительных рубежей и выселению из прифронтовой полосы на глубину 25 км всего гражданского населения. Города и населенные пункты следовало приспособить к долговременной круговой обороне, превратив «каждый дом, каждую улицу, каждый квартал в крепость», особое внимание уделить использованию каменных зданий, подвалов, подземных коммуникаций, колодцев, заводских труб, созданию развитой сети связи и сигнализации, использованию инженерных заграждений. Для руководства обороной назначить комендантов гарнизонов «из стойких командиров». В рекомендациях явственно чувствуется опыт Сталинграда.

Генерал Хренов съездил к роще «Круглая», осмотрел немецкие укрепления и пришел к выводу, что «перенять и развить опыт противника было не грешно». Без жалоб на трудоемкость и недостаток инженерной техники по всей линии фронта началось строительство деревоземляных

заборов с огневыми гнездами, убежищами для личного состава, складами и медпунктами. Совершенствовалась дорожная сеть. Выяснилось, кстати, что и деревоземляной забор, так же как паровоз или аэроплан, — это наша отечественная разработка, и придумали его призванные из запаса ленинградские инженеры, знатоки «старинного русского зодчества».

В Ленинграде по приказу Ставки укрепляли Невский рубеж, на базе Невской оперативной группы разворачивалась 67-я армия. Командующим назначили генерал-майора М.П. Духанова.

«Оправданна ли была столь большая затрата сил и трудов на возведение укреплений, которые противник так и не попытался штурмовать? — сам себя спрашивает генерал Хренов. — Не являлась ли эта титаническая работа напрасной перестраховкой, вызванной недостаточной способностью предвидеть ход событий? Отвечу сейчас, как и тогда: нет!.. Обстановка в целом могла обернуться так, что гитлеровцы, знай они о слабости нашей обороны, сконцентрировали бы силы на одном из участков и перешли к активным действиям. «Волховская засека» не давала им шансов на успех. Мы же, имея инженерное прикрытие, смогли в конце года вывести из обороны значительную часть сил, повысив этим наступательные возможности фронта».

И точно. 8 октября Сталин, в отличие от большинства генералов никогда не перестававший учиться, издал «Приказ о совершенствовании тактики наступательного боя и о боевых порядках подразделений, частей и соединений», в котором, в частности, указывал, что «поэшелонное построение боевых порядков подразделений и частей не только не соответствует требованиям современной войны, но приносит еще вред, так как оно ведет к ненужным потерям, обрекает значительную часть войск на бездействие и лишает наши войска возможности обрушиться на противника всей силой всех огневых средств». Приказом устанавливалось прекратить хождение в атаки глубоко эшелонированной толпой, а разворачиваться в цепь, сосредоточивая в первом эшелоне максимум активных бойцов и

огневых средств; командирам всем степеней для развития успеха или отражения внезапного удара противника иметь в своем распоряжении резервы, командирам не скакать с наганом в руке в боевых порядках, а управлять боем.

На следующий день был подписан исторический приказ № 307 об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии.

В ноябре советское командование приступило к разработке новой, пятой по счету, операции по прорыву блокады Ленинграда.

Глава 10
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ В 1942 ГОДУ

После потери всех своих баз в Финляндии, Литве и Эстонии Балтийский флот оказался заперт в «маркизовой луже» — небольшом пространстве между Кронштадтом и Ленинградом. Основные острова Гогландского плеса с конца 1941 года находились в руках противника, что обеспечивало устойчивость задуманного противолодочного рубежа, призванного надежно преградить доступ советским подводным лодкам в Балтийское море. Понимая значение этих островов, командование Балтфлота предпринимало неоднократные попытки вернуть их. Так, 31 декабря 1941 года отряд морской пехоты в составе 170 человек под командованием полковника А.А. Баринова, выйдя с острова Лавансаари и совершив 43-километровый ночной переход по тонкому льду, занял остров Большой Тютерс. На рассвете 2 января 1942 года отряд снова совершил ночной бросок и внезапным ударом овладел островом Гогланд. Однако в конце марта — начале апреля немецкие и финские отряды отбили их вновь, поскольку командование Ленфронта не нашло возможным своевременно выделить силы и средства для усиления гарнизонов. Новые запоздалые попытки советской стороны занять оба острова окончились неудачами, как скромно указывают историки отечественного флота, «из-за некоторых тактических ошибок» и тяжелых метеоусловий.

Таким образом, передовые позиции советских войск в заливе находились всего в нескольких милях к западу от Кронштадта на небольших островах Сескар и Лавансаари.

Балтийский флот не располагал ни одной базой, которая бы не простреливалась вражеской артиллерией. Выходы из Ленинграда и Кронштадта находились под ударами германских орудий и были стеснены минными постановками. Советские надводные корабли не имели никаких шансов выйти в открытое море, да и смысла в этом никакого не было. Поэтому их включили в состав обороны осажденного города, а значительная часть экипажей сошла на берег и влилась в ряды пехоты. Однако приказ Верховного Главнокомандующего об изгнании немецко-фашистских захватчиков с советской земли в 1942 году требовал от командования ВМФ внести свой вклад в «могучие удары». Народный комиссар Н.Г. Кузнецов, в свою очередь, издал директиву, в которой подчеркивалась необходимость активизировать наступательные действия на морских коммуникациях противника.

Военный совет Балтийского флота, выполняя указания наркома, представил свои соображения на летнюю кампанию:

«...Главной задачей флота на 1942 год является — нанести максимальный урон противнику на его коммуникациях и закупорить финские шхеры минами. Большая протяженность продольной коммуникации Финского залива и необходимость в связи с этим иметь промежуточную маневренную базу для действий наших легких сил и выхода подлодок ставят перед флотом первоочередную задачу — овладение о-в Гогланд и о-в Б. Тютерс».

Основная роль в планируемой операции отводилась подводным силам. Несмотря на большие потери, в составе Балтийского флота еще имелась 51 субмарина. Лодкам предстояло прорвать блокадные позиции в Финском заливе, вырваться на просторы Балтики и нарушить там вражеское судоходство. Предполагалось непрерывно в течение шести месяцев, вплоть до наступления ледостава, наносить удары по морским сообщениям на всем Балтийском море. Подлодки должны были действовать в три эшелона по 10—12 единиц в каждом.

План, разработанный штабом бригады подводных ло-

док под руководством капитана 1 ранга А.М. Стеценко, поначалу предусматривал оперативное обеспечение действий подлодок и даже взаимодействие их с авиацией. На ВВС флота возлагалась разведка системы дозорной службы и противолодочной обороны противника перед выходом лодок и нанесение ударов по неприятельским корабельным дозорам. План предполагал также наведение лодок авиацией на объекты атак. Но эти теоретические предложения так и остались на бумаге, поскольку к этому времени почти вся морская авиация задействовалась на сухопутных направлениях. Нереализованной осталась и идея создания специальной авиагруппы резерва Главного Командования из пяти бомбардировочных и минно-торпедных и пяти истребительных авиаполков, которая должна была наносить мощные удары по базам противника в Финском и Ботническом заливах, его надводным кораблям и конвоям, ослабляя тем самым его противолодочную оборону и обеспечивая условия для «работы» своих подводных сил.

В конечном счете балтийские подводники отправлялись в одиночное плавание, рассчитанное на максимальную автономность, до полного израсходования торпед. К 1 мая к выходу в море технически были готовы 10 подлодок. Их экипажи отрабатывали организацию службы, погружения и всплытия на вскрывшейся ото льда Неве между Литейным и Охтинским мостами.

Коммуникации на Балтийском море имели для Третьего рейха огромное стратегическое значение. Они обеспечивали использование ресурсов Прибалтики, поставки до 80% железной руды, а также промышленных изделий из Швеции, лесоматериалов и целлюлозы из Финляндии, переброску войск и вооружения на советско-германский фронт. Практиковались провоз стратегического сырья, закупленного Швецией в США и других странах и переотправка его в Германию. Транспортные суда противника ходили по Балтике свободно, без охранения.

Немцы и финны заблаговременно осуществили меры с целью устранения подводной угрозы их судоходству. Уже в

апреле на островах и побережье они установили артиллерийские батареи, посты наблюдения, радиопеленгаторные и гидроакустические станции; чтобы усложнить навигационную обстановку, снимали ограждающие знаки, разрушали маяки и другие береговые ориентиры. В первой декаде мая, едва Финский залив освободился ото льдов, приступили к созданию двух рубежей ПЛО, основу которых составляли минные поля, в районе которых патрулировали катера-«охотники» и другие малые корабли. С воздуха водное пространство контролировали самолеты-разведчики. На отдельных мелководных участках были выставлены стальные противолодочные сети. Первый рубеж перегородил Финский залив на рубеже Гогланд, Нарвский залив. Плотность заграждений достигала здесь 170 мин на квадратную милю. Второй рубеж проходил от полуострова Ханко на финской стороне до острова Нарген возле берегов Эстонии. В течение 1942 года немцы и финны выставили более 12 тысяч мин разных типов, включая донные и антенные, и минных защитников. Вместе с заграждениями 1941 года количество мин в Финском заливе превысило 21 тысячу. В прилегающих к заграждениям районах было развернуто свыше 100 различных кораблей и катеров. Эти силы и средства вкупе с минными позициями образовывали единый противолодочный рубеж глубиною свыше 150 миль, по оценке Трибуца, «равный десяти дуврским барражам» времен Первой мировой войны. Одновременно, стремясь помешать развертыванию сил Балтийского флота и окончательно его заблокировать, немецкая авиация производила постановку донных неконтактных мин в островном районе, на рейдах и фарватерах Кронштадта.

Тем не менее в течение июня—ноября командование Балтфлота направило на прорыв 35 подводных лодок. Выход каждой из них требовал больших затрат времени и сил. На переходе из Ленинграда в Кронштадт и далее до Лавансаари, который совершался в надводном положении, их огнем и дымовыми завесами прикрывали надводные корабли и катера. Авиация и артиллерия подавляли батареи

противника на южном берегу. На острове Лавансаари лодки производили полную зарядку аккумуляторных батарей и получали последние разведывательные данные. Там им постоянно угрожала авиация, поэтому все светлое время суток они лежали на грунте и к пирсам подходили только ночью. К западу от Лавансаари начинался самый тяжелый этап протяженностью около 200 миль, который лодки должны были преодолевать самостоятельно, без охранения и прикрытия, на предельно возможных глубинах, но не менее чем 10—15 метров от дна, чтобы избежать подрыва на донных минах. Форсировав гогландскую противолодочную позицию, субмарины вынуждены были всплывать для зарядки аккумуляторов. Это был еще один «смертельный трюк»: в условиях «белых» ночей семь часов находиться в надводном положении, грохоча дизелями на весь Финский залив, безошибочно выводя на цель вражеских «охотников». Затем следовало преодолеть еще одну позицию и занять назначенный район.

Из-за неприятельских минных постановок с воздуха, острой нехватки тральщиков и организационных трудностей развертывание первого эшелона задержалось почти на месяц. 25 мая в море вышла М-97, которой была поручена разведка ПЛО противника на Западном Гогландском плесе. Фактически лодка до заданного района не дошла, никаких разведданных не добыла, за 12 суток плавания командир «малютки» капитан-лейтенант Н.В. Дьяков не сумел обнаружить ни противника, ни его оборонительных средств.

Первый эшелон начал развертывание 3 июня и закончил его 4 июля. Из 11 лодок, запланированных к выходу, отправились в море 9, достигли назначенных позиций 7 (Щ-304, Щ-320, «Лембит», Щ-303, Щ-317, Щ-406). Подводная лодка Щ-405 И.В. Грачева, следовавшая на Лавансаари без сопровождения, 13 июня загадочно затонула на переходе, предположительно в результате аварии; М-95 Л.П. Федорова взорвалась на минах в районе Восточного Гогландского плеса два дня спустя.

Каждая из прорвавшихся в Балтику лодок находилась в море от пяти до семи недель. При действиях на комму-

никациях в качестве основного применялся позиционный метод. Все семь командиров доложили о победах. За два месяца советские подводники, израсходовав 47 торпед, и, как правило, не наблюдая результатов атак, записали на свой счет около 20 потопленных и поврежденных судов противника. В ряде случаев одиночные транспорты обстреливались артиллерийским огнем. Наибольшего успеха добилась первой преодолевшая противолодочные рубежи Щ-317 под командованием капитан-лейтенанта Н.К. Мохова. Она потопила 4 транспорта, в их числе один шведский, но 12 июля, уже на пути домой, погибла на минном заграждении; 4 судна уничтожила С-7 капитана 3 ранга С.П. Лисина, удостоенного за этот поход звания Героя Советского Союза.

Появление советских субмарин возле берегов Швеции, где германские суда ходили, словно в мирное время, без эскорта и с включенными ходовыми огнями, стало неожиданностью для немцев и финнов. Считая блокаду достаточно действенной, торпедирование первых судов они классифицировали как подрыв на минах и, вместо поиска и преследования подлодок, производили траление «опасных районов». Разобраться в обстановке помогло Совинформбюро, 11 июля раззвонившее на весь мир о триумфальных успехах балтийских подводников. Противник предпринял срочные меры по усилению сил ПЛО, ввел систему конвоев, перенес маршруты их движения в шведские территориальные воды и мелководные районы, увеличил плотность минных заграждений, усилил дозорную службу. Условия для действий подводных лодок начали резко ухудшаться.

Северо-восточнее Гогланда находится небольшой остров Соммерс, в противолодочной позиции противника исполнявший роль выносного поста наблюдения за движением советских кораблей и подводных лодок на Восточном плесе. На острове находился финский гарнизон из 92 человек при 12 орудиях калибром до 75 мм, двух минометах и 12 пулеметах. Командование КБФ приняло реше-

ние овладеть этим островом. Как абсолютное большинство наших морских и воздушных десантных операций первого периода войны, эта была продумана настолько чудно, что не могла не провалиться.

Высадка началась 8 июля. Ей предшествовал воздушный налет, который не причинил финнам сколько-нибудь серьезного ущерба, в силу отсутствия разведывательных данных об их обороне. Из 120 сброшенных бомб 37 упали в воду, остальные легли за пределами опорных пунктов противника. Из 256 советских десантников на остров сумели попасть 164 человека, еще 77 бойцов утонули или были убиты в момент высадки, 15 человек остались на борту катера. Огневая поддержка десанта была столь же неэффективна, как и воздушная, по тем же причинам — отсутствие разведданных, связи, корректировки огня. В ходе ожесточенного боя морская пехота сумела захватить один из четырех опорных пунктов.

Финны вскоре после начала высадки направили на помощь своему гарнизону 2 канонерские лодки, 5 сторожевых катеров и авиацию. В 11 часов утра они доставили на Сommерс подкрепление — 109 бойцов. После этого на финской стороне оказалось как огневое, так и численное превосходство. Днем советское командование тоже подбросило подкрепление из 57 бойцов и командиров. Около 17 часов три торпедных катера подошли к восточному берегу острова и начали высадку. При этом 13 человек утонули вместе с единственной радиостанцией. С берега были сняты 23 раненых, но связь с десантом установить не удалось.

К вечеру в район прибыли 2 финских минных заградителя, а также немецкие корабли — 2 тральщика, плавучая батарея и плавбаза. С советской стороны им противостояли канонерская лодка, сторожевик, 2 базовых тральщика, торпедные катера и катера-«охотники».

К утру 9 июля все было кончено. 149 десантников сдались в плен, около 150 погибли. Балтийский флот потерял торпедные катера ТКА-22, 31, 71, 83, 113, 121 и малый «охотник» МО-306; серьезные повреждения получили канонерка «Кама» и один тральщик. На затонувших и по-

врежденных кораблях погибли еще до 100 моряков. Потери финнов составили 21 человек убитыми, 63 ранеными. Несмотря на доклады советских моряков и авиаторов о потоплении и нанесении тяжелых повреждений десяти кораблям и катерам противника, в действительности ни финны, ни немцы не потеряли ни одного плавсредства. Чтобы устранить угрозу новых высадок десантов на Соммерс, финны вскоре поставили восточнее и южнее его минные заграждения «Онтаярви» и «Норппе».

Лишь с возращением подводных лодок первого эшелона 9 августа началось развертывание десяти лодок второго эшелона, которым пришлось действовать в более сложных и опасных условиях. Три из них получили повреждения перед форсированием Гогландской позиции и вернулись в базу. Вместо них были высланы две другие.

В августе была предпринята попытка поддержать прорыв подводников силовой акцией. Предполагался выход отряда надводных сил к островам Гогланд и Большой Тютерс для подавления сил ПЛО противника. Однако выход сторожевика «Буря» и тральщика «Фугас» в сопровождении сторожевых и торпедных катеров закончился гибелью обоих кораблей в ночь на 24 августа и отказом от этой попытки.

Район действий лодок второго эшелона (Л-3, М-96, С-13, «Лембит», М-97, Щ-407, Щ-309, Щ-310, С-9) охватывал широкий фронт от Ботнического залива до острова Борнхольм. Семеро из восьми командиров, прорвавшихся в Балтийское море, доложили об успехах. Особенно отличились Л-3 капитана 3 ранга П.Д. Грищенко, «уничтожившая» 6 транспортов и «вражеский миноносец новой постройки» (Героя, как можно было ожидать, он не получил, а был снят с мостика по доносу своего комиссара), подводная лодка «Лембит» капитан-лейтенанта А.М. Матиясевича, «потопившая» торпедами 3 судна, и С-13 капитан-лейтенанта П.П. Маланченко, «отправившая на дно» Ботнического залива 3 транспорта. В общей сложности результаты действий второго эшелона оценили в 14 уни-

чтоженных «фашистских транспортов». Израсходовано 49 торпед. В список потерь добавилась М-97, пропавшая без вести в начале сентября.

Противник, стремясь перекрыть всю толщу воды, предпринял дополнительную постановку антенных и неконтактных мин. В сентябре финны установили сетевое заграждение в Северном Гогландском проходе и в районе Калбодагрунд. Этот факт прошел мимо внимания флотской разведки, и штаб флота по-прежнему рекомендовал командирам использовать Северный проход для прорыва. В Финском заливе и Аландском море занимали позиции финские субмарины. В светлое время суток они лежали на грунте и вели гидроакустическое наблюдение, а ночью галсировали в надводном положении. В Ботническом заливе действовала поисково-ударная группа ПЛО.

Военный совет КБФ принял решение начать выход подводных лодок третьего эшелона, не ожидая возвращения последних лодок второго эшелона. Во избежание международных осложнений приказом наркома ВМФ им теперь запрещалось атаковать корабли под шведским флагом и любые суда в шведских территориальных водах.

Первая группа лодок третьего эшелона (5 единиц) начала выход из баз 15 — 23 сентября, вторая (4 единицы) — 1—10 октября и, наконец, третья (7 единиц) — 17 октября — 4 ноября. Причем Л-3, Щ-303, Щ-320, Щ-406, М-96, С-9, С-13 и С-7 прорывались через противолодочную оборону противника по второму разу.

Подводным лодкам третьего эшелона «удалось уничтожить» около 15—17 транспортов и несколько небольших боевых кораблей. С победой возвратились в базу С-13, совершившая под командованием капитана 3 ранга В.А. Тураева самый продолжительный боевой поход в годы войны (58 суток) и потопившая 3 транспортных судна, Д-2 капитана 3 ранга Р.В. Линденберга, отправившая на дно транспорт и повредившая железнодорожный паром «Дойчланд» (причем одновременно этот паром числится «повредившимся» на минах, выставленных подводным заградителем Л-3), Щ-406 капитана 3 ранга Осипова, уничтожившая

3 судна, С-9 капитан-лейтенанта А.И. Мыльникова, потопившая транспорт и повредившая танкер.

На этот раз за успех пришлось дорого заплатить: половина лодок погибла. Пропали без вести при форсировании противолодочных рубежей Щ-320, Щ-302, Щ-304, Щ-306. Были потоплены финскими субмаринами и сторожевыми катерами Щ-311, Щ-308, Щ-305 и Краснознаменная С-7. Командир последней, Герой Советского Союза С.П. Лисин, и три его матроса попали в плен. Балтийский флот лишился опытных экипажей, неоднократно форсировавших Финский залив. Погибли командиры И.М. Вишневский, Я.П. Афанасьев, Д.М. Сазонов, Н.И. Смоляр, А.С. Пудяков, Л.Н. Костылев, В.Д. Нечкин.

Сергей Прокофьевич Лисин прошел через финские, германские и, как полагалось «изменнику Родины», советские тюрьмы. Золотую Звезду ему вернули только в 1958 году.

Естественно, «морские волки» никак не могли в геройстве уступить «сапогам». О том, каким образом достигался неуклонный рост боевого счета и потопленного тоннажа балтийских подводников, сам Грищенко, будучи уже в отставке, поведал петербургскому автору Олегу Стрижаку: «Самым темным и путаным делом был счет побед. Победа нуждалась в «подтверждении». В идеале, то бишь по инструкции, надлежало делать так. Командир проводит атаку, поражает цель. Затем приглашает к перископу двух надежных, проверенных свидетелей. Те смотрят в оптику на тонущую цель, оценивают ее класс, водоизмещение и подтверждают, что цель затонула. О чем, за тремя подписями, пишется акт. И такие акты исправно писались всю войну и представлялись начальству, хотя последняя кошка на береговом камбузе знала, что это все — вранье.

Хорошо, если попадется лодке одинокая беззащитная лайба. Можно всплыть и, покуривая, глядеть с мостика, как она тонет. Но серьезные цели идут под охраной конвоев. Удалось командиру выйти на курс атаки незамеченным — его счастье. Но торпеда пошли — лодка себя обнаружила. Перископ вниз! Крутой дифферент на нос, и,

отваливаясь, поглубже и подальше. Корабли охранения сейчас вцепятся в тебя гидролокаторами, перепашут глубину сериями бомб. И единственное «подтверждение» — слышали взрыв. Или два. Куда попала торпеда — в транспорт? В корабль охранения? В скалу? Это на лодке никому не известно. А если попали в транспорт — утонул он или нет? А если утопили транспорт — велик ли он был? Один командир знает. Командир его видел в перископ несколько секунд, сквозь дождь, туман или в ночной мгле. И командир по возвращении рапортует: утопил сухогруз, двадцать тысяч тонн. Матиясевич Алексей Михайлович, знаменитый подводник (до войны — капитан торгового флота), спорил с командирами лодок: «Нет сейчас на Балтике таких больших судов! Ну, четыре, ну, пять тысяч тонн. А ты загнул — двадцать!»

Командиры лодок на него обижались. Сам Матиясевич писал в своих донесениях честно: транспорт, примерно две тысячи тонн. За это на Матиясевича обижалось начальство. Начальство получало ордена за подчиненных, и ему нужны были «весомые» победы...

С презрением и насмешкой Грищенко и Матиясевич говорили о Травкине. Травкин имел на своем счету одиннадцать побед, носил Золотую Звезду. Оказалось, что победа у него всего одна, незначительное судно. Остальное — плод продуманной дезинформации. Травкин имел «надежных» свидетелей, фельдшера и комиссара. Они глядели в перископ, подписывали акт. Только атака была ложной. Стреляли в берег либо в чистое море. Экипаж догадывался, но помалкивал. Война дело такое, вякнешь лишнее — и закопают тебя в штрафроте, в Синявинских болотах».

Система работала и устраивала всех. Да и ладно: экипаж неделями сидел в «трубе», которая в любой момент могла стать и часто становилась общей могилой, каждая минута похода была связана со смертельным риском, — простим военморам их «шалости». Другое дело, что после войны из этой «липы» выросла развесистая «Летопись морской славы», под сенью которой похоронили настоящую историю советского флота.

Наступление зимы и приближение ледостава заставили к началу декабря прекратить действия подводных лодок на неприятельских морских коммуникациях и возвратить их в базы. С июня по ноябрь 1942 года советские подводники, потеряв 12 экипажей, уничтожили на Балтике, по официальным данным, около 60 вражеских судов общим тоннажем до 150 тысяч тонн. По сведениям противника, подводные лодки КБФ за полгода потопили и повредили не более 10—15 транспортных судов, включая несколько шведских, торпедированных в территориальных водах нейтральной Швеции. Правда, в сентябре у германского командования возникали трудности с организацией конвойной службы ввиду нехватки кораблей охранения, вследствие чего в немецких и финских портах скопилось много транспортов, ожидавших очереди.

Глава 11

ОПЕРАЦИЯ «ИСКРА»

(12—25 января 1943 года)

Осенью 1942 года внимание всего мира было приковано к одной точке советско-германского фронта — Сталинграду. Город давно превратился в груды развалин, армия В.И. Чуйкова, истекавшая кровью, расчлененная на три части, удерживала лишь узкую полоску берега Волги. Обе стороны непрерывно наращивали силы, и Сталинград держался, превращаясь во «всепожирающий фокус», в котором сгорали батальоны, полки и дивизии вермахта. Гитлер снимал их с других участков фронта и бросал в гремевшее на юге сражение. С начала октября из группы армий «Север» начался отток самых боеспособных соединений. В район Сталинграда перебазировался 8-й авиакорпус, уехал за маршальским жезлом и вскоре тоже оказался под Сталинградом фельдмаршал Манштейн.

Из состава 18-й армии убыли 12-я танковая, 20-я моторизованная, 269, 93, 291, 58 и 225-я пехотные дивизии. Взамен Линдеман получил 69-ю пехотную, а также «условно пригодные» 1, 9 и 10-ю авиаполевую дивизии. Формирование авиаполевых дивизий, ввиду больших потерь в сухопутных войсках, началось по инициативе Геринга во второй половине сентября 1942 года. Первоначально они не имели полкового звена, а состояли из четырех батальонов и артиллерийского дивизиона, комплектовались личным составом наземных служб ВВС и зенитной артиллерии, не имевших навыков общевойскового боя, вооружение имели

легкое, в том числе и русские трехлинейки. Таким образом, германская группировка под Ленинградом уменьшалась количественно и ухудшалась качественно.

К концу 1942 года основные силы Ленинградского фронта — 42-я и 55-я армии — оборонялись на рубеже Урицк, Пушкин, южнее Колпино, Пороги, имея против себя 215-ю пехотную, 250-ю испанскую, 5-ю горнострелковую, полицейскую дивизию СС и 2-ю пехотную бригаду СС. По оценке штаба фронта — около 49 тысяч солдат и офицеров. Тридцатикилометровую полосу вдоль правого берега Невы от Пороги до Ладоги с небольшим плацдармом в районе Московской Дубровки удерживала сформированная в октябре на базе Невской оперативной группы 67-я армия под командованием «опытного и очень подготовленного в военно-теоретическом отношении» генерал-лейтенанта М.П. Духанова. В ее состав первоначально входили 45-я гвардейская, 46-я и 86-я стрелковые дивизии, 11-я и 55-я стрелковые, 35-я лыжная бригады, 16-й укрепленный район, 86-й и 118-й отдельные танковые батальоны, восемь артиллерийских и минометных полков. При этом 55-я бригада обороняла с юга военно-автомобильную дорогу, проходившую по льду Ладожского озера. По противоположному берегу Невы окопалась 170-я дивизия противника и охранный батальон — до 11 тысяч человек. На Ораниенбаумском плацдарме, осажденная 10-й и 9-й авиаполевыми дивизиями Люфтваффе общей численностью до 10 тысяч, находилась Приморская оперативная группа генерал-майора А.Н. Астанина в составе 48, 42 и 168-й стрелковых дивизий, 48-й (бывшая 2-я бригада морской пехоты), 71-й (бывшая 5-я бригада) и 50-й (сформирована на базе 3-го полка морской пехоты) стрелковых бригад. На Карельском перешейке, на фронте протяженностью 75 км, прикрывая северные подступы к Ленинграду, в долговременных оборонительных сооружениях «прочно удерживали свои позиции» четыре дивизии 23-й армии генерал-майора А.И. Черепанова. Так же прочно стояли напротив 15, 10, 2 и 18-я дивизии финской оперативной группы, насчитывавшей около 30 тысяч человек.

Действия наземных войск обеспечивали три авиадивизии созданной в ноябре 13-й воздушной армии генерал-лейтенанта С.Д. Рыбальченко — 450 самолетов. Балтийский флот, базировавшийся в устье Невы и Кронштадте, прикрывал приморские фланги войск фронта и поддерживал их действия своей авиацией и огнем артиллерии. Противовоздушную оборону города осуществляла Ленинградская армия ПВО, «Дорогу жизни» и перевалочные базы на берегах Ладожского озера прикрывали части отдельного Ладожского района ПВО.

Таким образом, кольцо блокады, в котором находились тридцать дивизий, непосредственно удерживали семь немецких и четыре финские пехотные дивизии.

Волховский фронт в составе шести общевойсковых и одной воздушной армий — 29 стрелковых, 1 артиллерийская, 3 авиационных дивизии, 1 укрепрайон, 8 стрелковых, 3 лыжные, 7 танковых бригад, танковый полк прорыва, 7 отдельных танковых батальонов, 29 отдельных артиллерийских и минометных полков, 4 полка и 4 дивизиона реактивных установок и прочее, прочее — под неизменным командованием генерала Мерецкова действовал на неизменной с момента его создания позиции — в 300-километровой полосе от Ладоги до озера Ильмень. На правом крыле от Ладожского озера до Кировской железной дороги находились соединения 2-й ударной и 8-й армий. В 14-й воздушной армии насчитывалось 400 самолетов. На этом же рубеже, чуть западнее, с севера на юг окопались девять дивизий противника — 227, 1, 223, 69, 132, 61, 11, 217, 21-я.

Всем войскам Ленинградского и Волховского фронтов противостояла 18-я полевая армия генерала Линдемана, насчитывавшая 23 расчетные дивизии, в том числе 18 пехотных, 3 авиаполевые, 1 горнострелковую дивизии, бригаду СС и отдельные части двух охранных дивизий — ни одной танковой и ни одной моторизованной. Их, как и всю группу армий «Север», поддерживали 150—200 самолетов 1-го воздушного флота.

22 ноября (под Сталинградом 19 ноября началась операция «Уран» по разгрому группировки фельдмаршала Паулюса) Военный совет Ленинградского фронта доложил Ставке ВКГ свои соображения о боевых действиях на зимний период. В документе, в частности, говорилось:

«...Ленфронт должен приступить к подготовке совместно с Волховским фронтом наступательной операции с целью прорыва блокады и достижения тем самым решительного изменения оперативного положения фронта... Оценивая различные направления для нанесения удара, мы считаем наиболее выгодным организацию прорыва фронта противника на шлиссельбургском направлении с шириной фронта прорыва 10 км и для Волховского фронта соответственно на участке Липка — Мишкино с нанесением обоими фронтами удара на Синявино».

Эти предложения Сталин утвердил 2 декабря. Конкретные задачи войскам фронтов определялись директивой Ставки от 8 декабря 1942 года: «Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка, Гайтолово, Московская Дубровка, Шлиссельбург, таким образом разбить осаду города Ленинграда, к исходу января 1943 года операцию закончить. Закрепившись прочной обороной на рубеже р. Мойка, пос. Михайловский, Тортолово, обеспечить коммуникации Ленинградского фронта...»

Говоров и Мерецков получили указания подготовить операцию с условным наименованием «Искра» к 1 января 1943 года. Координация действий обоих фронтов возлагалась на представителя Ставки маршала К.Е. Ворошилова.

Ничего оригинального созвездие стратегов не придумало, кроме как собрать еще больше войск и техники и нанести сокрушительный лобовой удар по кратчайшему расстоянию через шлиссельбургский выступ. Только на этот раз решили пробиваться еще ближе к ладожскому берегу. Преодолев примерно по шесть километров, войска двух фронтов должны были встретиться в районе железнодорожной ветки, которая шла через Рабочие поселки № 5 и

№ 1. Затем, повернув на юг, ударные группировки должны были выдвинуться на рубеж река Мойка, Тортолово, надежно обеспечив коммуникации Ленинградского фронта с юга. После десятидневного отдыха в первой половине февраля должна была последовать операция по разгрому противника в районе Мги и очищению Кировской железной дороги с выходом на линию Вороново, Сиголово, Войтолово, Воскресенское.

Естественно, условия местности не стали лучше, а немцы все свободное время, силы и умение вложили в совершенствование «приладожской крепости». Расположенные вдоль дорог рабочие поселки с каменными постройками были приспособлены к круговой обороне, все пространство вокруг них было превращено в сплошную укрепленную полосу с развитой сетью траншей, окопов, укрытий, блиндажей (имевших подземные ярусы), железобетонных стенок, деревоземляных заборов и валов, насыщенную огневыми средствами и плотно минированную. По сути, вся территория выступа превратилась в сплошной укрепленный район.

Эту «проблему» планировалось решить просто и незатейливо: рвать вражескую оборону должны были 22 стрелковые дивизии, 14 стрелковых и лыжных, 7 танковых бригад, насчитывавших более 300 тысяч бойцов и командиров, при поддержке 530 танков, 5300 орудий и минометов и 1000 самолетов 13-й и 14-й воздушных армий, ВВС Балтфлота и авиации дальнего действия. Группировка противника в шлиссельбургско-синявинском выступе состояла из четырех дивизий 26-го армейского корпуса и одного полка 5-й горнострелковой дивизии; по советским данным, 60 тысяч человек, около 700 орудий и минометов, до 50 танков и штурмовых орудий.

В процессе подготовки к операции советской стороной была применена оперативная «новинка»: впервые за 16 месяцев блокады, после четырех неудавшихся попыток прорыва, командующие Ленинградским и Волховским фрон-

тами встретились, согласовали свои действия, установили линии разграничения и сигналы взаимного опознавания и даже договорились о том, что если войска одного из фронтов не сумеют дойти до намеченной для них линии, то войска другого «не приостанавливают движения, а продолжают двигаться навстречу вплоть до соединения».

Видя достойный пример начальства, стали дружить штабами авиаторы и артиллеристы. Первые распределили объекты и разработали «челночный» способ действий, заключавшийся в том, что самолеты 14-й воздушной армии, нанеся удар по целям, садились на аэродромы Ленинградского фронта, где заправлялись, принимали бомбовый груз и вылетали для повторного удара. Аналогично поступала авиация 13-й воздушной армии. Вторые обязались помогать огнем друг другу и выполнять заявки стрелковых войск независимо от фронтовой принадлежности. Впервые пункты управления воздушных армий расположились вблизи КП командующих армиями прорыва.

Необычным было еще и то, что на подготовку был выделен почти месяц, в ходе которого предстояло накопить силы и средства, произвести их скрытную перегруппировку и сосредоточение, «научить войска прорывать сильно укрепленные позиции на лесисто-болотистой местности, сколотить подразделения, отработать вопросы взаимодействия пехоты с авиацией, танками и артиллерией».

Для проведения учебных занятий и тренировок в тылу были оборудованы учебные поля и специальные городки. Ленинградцы на Токсовском полигоне создали полосу обороны, схожую с той, которую предстояло прорывать. Здесь проводились полковые учения с боевыми стрельбами, пехоту тренировали следовать за огневым валом на расстоянии 100 метров. На участках Невы в городской черте отрабатывались способы преодоления поврежденных участков льда, штурма обрывистого, обледеневшего, укрепленного дзотами берега. Аналогичную подготовку проходили войска и на Волховском фронте, где сформировали 83 штурмовых отряда, включив в них саперов, автоматчиков, пуле-

метчиков, огнеметчиков, пушки и танки сопровождения. Особое внимание уделялось отработке приемов штурма деревоземляных заборов, торфяных, снежных и ледяных валов. Сложнее было с вопросами взаимодействия родов войск, они были более-менее согласованы только на начальный период боя.

Наиболее трудоемкой работой стала подготовка исходных районов для ударных группировок фронтов. Требовалось увеличить число траншей и ходов сообщения, укрытий для личного состава, отрыть и оборудовать огневые позиции для артиллерии, минометов, танков, устроить склады боеприпасов. Общий объем земляных работ на каждом фронте исчислялся сотнями тысяч кубических метров. Все работы выполнялись вручную, в темное время суток, без нарушения обычного режима поведения войск, занимавших оборону, с соблюдением мер маскировки. Одновременно устраивались дороги и колонные пути, гати и лежневки через болота, которыми изобиловали исходные районы, разминировались минные поля, готовились проходы в заграждениях.

Севернее Новгорода волховчане имитировали бурную деятельность, обозначая ложное сосредоточение большой массы войск и техники, регулярно проводили разведку боем.

На Ленфронте требовалось изготовить также средства для преодоления высокого берега Невы и участков поврежденного ледового покрова. Для этой цели заготовили сотни щитов из досок, штурмовые лестницы, багры, веревки с крючками и «кошки». После рассмотрения ряда вариантов (в том числе создания канала во льду Невы с последующим наведением понтонного моста или армирования льда путем вмораживания в него тросов) была решена проблема переправы через Неву танков и тяжелой артиллерии — по деревянным «рельсам», уложенным на шпалы.

С 15 по 18 декабря генерал Говоров провел военную игру по теме: «Прорыв общевойсковой армией подготовлен-

ной обороны противника с форсированием реки в зимних условиях». В основу игры была положена «реальная обстановка» в полосе предстоящего наступления, насколько ее представляли в советских штабах, в основном по данным аэрофотосъемки.

В действительности и на этот раз о немецкой обороне информацию имели довольно скудную. Возможно, для командующих фронтами было вполне достаточно взгляда на вражеские позиции с высоты птичьего полета — Мерецков, например, с гордостью сообщает, что аэрофотосъемка «дала богатый материал», — но на уровне пулеметной амбразуры вид открывается несколько иной, и поиск вражеских дзотов с помощью самолетов — пустая трата горючего. Между тем этим и ограничились. «Командиры частей и соединений не заботились о том, чтобы до начала наступления были полностью вскрыты характер обороны противника, ее сильные и слабые места, выявлены группировки, боевой состав и боеспособность противника, — пишет исследователь операции «Искра» полковник В.М. Ярхунов. — Часто командиры в основу своих решений брали данные аэрофотосъемок, не уточняя их средствами наземной разведки. Это приводило, особенно в условиях лесистой местности, к поверхностному и неполному изучению противника. В результате командиры подразделений и частей лишали себя возможности принять соответствующее обстановке решение. Недостатки в ведении разведки приводили к тому, что войска постоянно наталкивались на всякого рода неожиданности».К концу декабря подготовка к операции была в основном закончена. Однако из-за внезапно наступившей оттепели ледяной покров на Неве оказался недостаточно прочным, а болота — труднопроходимыми. Поэтому 27 декабря командующие фронтами обратились в Ставку с просьбой перенести начало наступления на 10—12 января. Согласие было получено. Маршал Мерецков указывает, что правильнее было бы начать активные действия вообще в феврале, но, в который раз, «Ленинград не мог столько ждать».

К ноябрю город почти обезлюдел. В результате массовой смертности, эвакуации и дополнительных призывов в армию население Ленинграда за один год уменьшилось на 2 миллиона и составляло 650 тысяч человек, из них 80% работали. Продовольственная проблема была решена, перебоев в снабжении населения продуктами не было. По данным профессора А.П. Веселова, перед прорывом блокады 270 тысяч ленинградцев получали повышенную норму продовольствия, по сравнению с общесоюзной, кроме того, 153 тысячи человек посещали столовые с трехразовым питанием.

Смертность населения составляла примерно 3,5 тысячи человек в месяц. Осенью по дну Ладожского озера проложили кабель, по которому в город подавалась электроэнергия от Волховской ГЭС. Горючее продолжало поступать по проведенному летом трубопроводу. 22 октября немцы попытались высадить десант на остров Сухо, батарея которого прикрывала ладожскую трассу, но совместными действиями гарнизона под командованием старшего лейтенанта И.К. Гусева, кораблей дозора и авиации флота были отбиты с большим для себя уроном.

С середины декабря возобновилась работа ледовой военно-автомобильной дороги, которая функционировала круглосуточно. Было начато строительство 35-километровой железнодорожной эстакады через Ладожское озеро, днем и ночью непрерывно шла забивка многометровых свай, которые устанавливались через каждые два метра.

В дневнике инструктора парткома Кировского завода Л.П. Галько есть запись от 27 декабря 1942 года: «Побывал в городе. Попробовал бегло сравнить обстановку сегодняшнего дня с обстановкой 27 декабря 1941 г. Тогда на улицах везли на саночках завернутых в тряпье покойников. Народ еле ходил, падал от истощения, не работали водопроводы, не было освещения. Сегодня положение совершенно иное. Утром я ушел в город после завтрака и чувствовал себя сытым. У Нарвских ворот сел на трамвай (в прошлом

году ходил с завода пешком). В трамвае народ оживленно беседует, чувствуется, что не голодны... С 15 декабря в ряде районов в жилых домах появился электросвет». Поэтому, в принципе, если бы это пошло на пользу делу и позволило полностью достичь поставленных целей, Ленинград мог бы еще месяц и подождать.

Во всяком случае, советские войска получили еще две недели на подготовку и возможность спокойно встретить новый 1943 год, а заодно и подвести итоги года прошедшего. Если в целом для страны и Красной Армии он был примечателен, с одной стороны, катастрофическими летними поражениями на юге, с другой — стратегической Сталинградской победой, то на северном крыле советско-германского фронта похвастать было нечем. Немцы за весь 1942 год не провели здесь ни одной наступательной операции. Наши армии атаковали ежедневно.

В итоге общие потери Ленинградского фронта составили более 319 тысяч убитыми и ранеными; в активе — освобождение поселков Путролово и Ям-Ижора и пропитанный кровью, нашпигованный металлом клочок земли у Московской Дубровки. Волховский фронт потерял 592 тысячи человек. Мерецков убеждает, что это нормально: «В этом состоит одна из особенностей военной профессии. Для спасения миллионов бросаем в бой десятки тысяч людей, зная при этом, что многие тысячи погибнут. Когда военачальник планирует операцию, он не только понимает, что будут человеческие жертвы, но и **предусматривает** примерно возможные потери, так как **не хочет просчитаться** и понести потом в результате недооценки ряда факторов еще большие потери. Такова военная логика... Я всегда сильно переживал любые потери. Вынужден сказать здесь об этом, даже если кто-либо и расценит это как присущую мне слабость». Всех их, конечно, абстрактно жаль, но своя рубашка ближе к телу. Из-за присущей командующему «слабости» и в силу «особенностей» его профессиональной подготовки Волховский фронт в 1942 году был выбит на 170 процен-

тов и стал абсолютным рекордсменом среди всех советских фронтов по такому показателю, как процент потерь к численности личного состава, обогнав даже Западный и Сталинградский. Интересно, Мерецков это предусматривал, «планируя операции», или все-таки просчитался? По итогам года — взята деревня Погостье и оставлена деревня Гайтолово, а насчет спасенных им миллионов маршал загнул.

«Подготовка не вызывает никакого сомнения в успешном исходе операции, — рапортовал в Москву маршал Ворошилов. — Об «Искра», по всем признакам, пока противник не смекает». Но ворошиловское благодушие скорее настораживало, чем успокаивало Сталина, и он на всякий случай решил послать в Ленинград Г.К. Жукова, «посмотреть, все ли сделано».

10 января 1942 года представитель Ставки генерал армии Жуков прибыл на Волховский фронт, встретился с Ворошиловым и Ждановым и посетил командные пункты 8-й и 2-й ударной армий. На следующий день он заслушал доклады начальников родов войск о готовности к операции, сделав несколько замечаний о применении артиллерии и танков. В это время под Сталинградом советские войска начали операцию «Кольцо» по ликвидации группировки Паулюса.

В ночь на 11 января войска заняли исходное положение.

Ленинградский фронт главный удар наносил силами 67-й армии по участку между 8-й ГЭС и Шлиссельбургом в направлении Марьино, Рабочий поселок № 5, Синявино. Общий замысел состоял в следующем: «Обороняя правый берег Невы и ледовую трассу оз. Ладожское частями 46-й стрелковой дивизии, 55-й стрелковой и 35-й лыжной бригад и 16-го укрепленного района, преодолеть реку Неву по льду, прорвать вражескую оборону на фронте Московская Дубровка, Шлиссельбург и, нанося главный удар в общем направлении на Синявино, уничтожить синявинско-

шлиссельбургскую группировку противника и овладеть опорными пунктами Арбузово, отм. 22,4, Рабочий поселок № 1 и Шлиссельбург. В дальнейшем установить общий фронт со встречной ударной группировкой Волховского фронта и развивать удар на юго-восток».

Армия генерала Духанова имела в своем составе 7 стрелковых дивизий, 6 стрелковых, 2 лыжных и 3 танковых бригад, 28-ю артиллерийскую дивизию, 5-ю тяжелую гвардейскую минометную бригаду, 3 полка реактивной артиллерии, 22 артиллерийских и минометных полка, большое количество отдельных дивизионов и батарей. Общая численность войск и техники составляла более 133 тысяч человек, 222 танка, 1873 орудия и миномета. Достигнутая плотность артиллерии достигала 150 стволов на километр фронта, вдвое превышая такой же показатель во время контрнаступления под Сталинградом. Чтобы надежно подавить живую силу и огневые средства противника на переднем крае и не повредить при этом ледовый покров на Неве, 286 орудий выставлялись на прямую наводку. Кроме того, для содействия войскам 67-й армии привлекалось 88 морских орудий калибром 130—406 мм.

Оперативное построение армии намечалось в два эшелона: в первом 45-я гвардейская, 286, 136 и 86-я стрелковые дивизии, 61-я танковая бригада и 86-й и 118-й танковые батальоны (всего 140 легких танков, способных преодолеть реку без дополнительного усиления льда); во втором — 13-я и 123-я дивизии, 102, 123 и 142-я стрелковые, 152-я и 220-я танковая бригады; в резерве — 11, 55 и 138-я стрелковые, 34-я лыжная бригады. 46-я стрелковая дивизия и 35-я лыжная бригада занимали оборону на правом берегу Невы на флангах армии. Танки, ввиду малой глубины операции и неподходящей местности, командарм решил использовать для непосредственного сопровождения пехоты.

Этим силам противостояли 328-й пехотный полк 227-й пехотной дивизии генерала фон Скотти, 170-я пехотная дивизия генерала Зандера в полном составе и 100-й полк 5-й горнострелковой дивизии, имевшие не более 30 танков,

около 400 минометов и орудий. Оборонительный рубеж немцев проходил по левому берегу Невы, высота которого достигает 12 метров. Берег был искусственно обледенен, густо минирован и почти не имел удобных естественных выходов. Имелись также два мощных узла сопротивления, один из которых состоял из сооружений 8-й ГЭС, кирпичных домов 1-го и 2-го городков, а для другого противник использовал многочисленные постройки Шлиссельбурга и его окраин. На каждый километр фронта приходилось 10—12 дзотов и до 30 орудий и минометов, а вдоль всего берега Невы протянулись траншеи полного профиля. Средний оборонительный рубеж проходил через Рабочие поселки № 1 и № 5, станции Подгорная, Синявино, Рабочий поселок № 6, поселок Михайловский. Здесь имелись две линии траншей, синявинский узел сопротивления, отсечные позиции, а также опорные пункты. Этот рубеж являлся позицией дивизионных резервов (до одного полка) германской группировки. С Синявинских высот хорошо просматривалось южное побережье Ладожского озера, которое оборонял разведывательный батальон 227-й пехотной дивизии, Шлиссельбург, 8-я ГЭС и Рабочий поселок № 5. Вся местность, особенно на участке железнодорожной линии между Синявино и 8-й ГЭС, простреливалась фланкирующим и перекрестным огнем.

Волховский фронт, успевший получить еще пять стрелковых дивизий, основные усилия сосредоточил на своем правом фланге, где главный удар наносила 2-я ударная армия — 12 стрелковых дивизий, 4 стрелковые и лыжные, 4 танковые бригады, 4 отдельных танковых батальона, 21 артиллерийский и минометный полк, 2 инженерные бригады и 6 отдельных саперных батальонов, — в командование которой в декабре вступил генерал-лейтенант В.З. Романовский. Армии предстояло прорвать оборону противника на участке деревни Липка, Гайтолово и, развивая наступление в направлении Рабочий поселок № 8, Синявино, соединиться с войсками Ленинградского фронта.

С севера должна была совершить обход по льду Ладожского озера 12-я лыжная бригада и атаковать противника западнее Липки. Фронт прорыва составлял 12 км, а главный удар армия наносила на 6-километровом участке. В дальнейшем предстояло развивать наступление в южном направлении. Для усиления войск в декабре были сформированы четыре зенитные артиллерийские дивизии, десять минометных полков и два полка реактивной артиллерии; Ставка выделила более 80 эшелонов боеприпасов. К участию в операции привлекалось 2885 орудий и минометов, накопивших по 4—6 боекомплектов (тоже впервые). На каждый километр фронта прорыва была достигнута плотность в среднем 160 стволов, на направлении главного удара — более 200, а на участке против рощи Круглая — 360 орудий и минометов. До 300 орудий выдвигалось на прямую наводку.

2-я ударная армия строилась в два эшелона: в первом — 128, 372, 256, 327, 314, 376-я стрелковые дивизии, усиленные артиллерийскими полками и саперными частями, 122-я танковая бригада и 32-й гвардейский танковый полк прорыва, 501, 502, 503 и 507-й танковые батальоны; во втором — 18, 191, 71, 11, 239-я стрелковые дивизии, 16, 98 и 185-я танковые бригады; в общевойсковом резерве — 147-я стрелковая дивизия, 22-я стрелковая, 11, 12 и 13-я лыжные бригады.

Действия 2-й ударной армии, насчитывавшей почти 140 тысяч человек, поддерживали 2100 орудий и минометов, более 500 реактивных установок М-8 и М-30 и 217 танков. Здесь были сосредоточены 2-я артиллерийская дивизия РВГК, две тяжелые гвардейские минометные бригады М-30 и четыре гвардейских минометных полка М-13.

8-я армия генерала Старикова, численностью свыше 52 тысяч бойцов и командиров, своими правофланговыми соединениями — 80, 265, 286 и 364-я дивизии и 73-я морская стрелковая бригада — должна была прорвать оборону противника на участке Гайтолово, Мишино и наступать в направлении Тортолово, поселок Михайловский. Их под-

держивали 785 орудий и минометов и 92 танка в составе 25-го полка прорыва, 107-го и 502-го танковых батальонов.

Против двух армий Волховского фронта оборонялись 227-я пехотная дивизия (без одного полка), 1-я пехотная, 374-й полк 207-й охранной дивизии и 425-й полк 223-й пехотной. Оборонительный рубеж противника проходил от деревни Липка через Рабочий поселок № 8, рощу Круглая, Гайтолово, Мишино, Вороново и далее южнее. По переднему краю шла сплошная траншея, прикрытая минными полями, надолбами и проволочными заграждениями, на некоторых участках была отрыта и вторая. Там, где болотистая местность не позволяла углубиться в землю, немцы возвели ледяные и насыпные валы, поставили двухрядные бревенчатые заборы. В особо мощные узлы сопротивления были превращены Липка, Рабочий поселок № 8, роща Круглая, деревни Гайтолово и Тортолово.

В ночь перед наступлением советская авиация нанесла массированные удары по позициям противника в полосе прорыва, аэродромам и железнодорожным узлам. Во всех полках, батальонах и ротах провели собрания и митинги.

В 9.30 12 января одновременно ударили 4800 стволов. Артиллерийская подготовка в полосе 67-й армии длилась 2 часа 20 минут и 1 час 45 минут — во 2-й ударной. Стена огня и дыма, поднявшись над немецкими позициями, закрыла весь горизонт. Под занавес, несмотря на неблагоприятные метеоусловия, тысячи бомб сбросила авиация 13-й и 14-й воздушных армий. В 11.15, включив на полную громкость «Вставай, страна огромная...», перешли в наступление волховские дивизии. Спустя 35 минут на невский лед под звуки «Интернационала» и прикрытием огневого вала скатились передовые части ленинградцев.

Каждой советской дивизии первого эшелона был нарезан трехкилометровый участок прорыва, одной стрелковой дивизии с приданным ей танковым батальном противостоял один немецкий полк. Началась знаменитая русская

атака: густыми цепями, волна за волной, до последнего солдата:

«Сомкнутым строем на одной линии они быстро шли через Неву по абсолютно ровному, покрытому снегом льду. Между ними было меньше метра. Впереди настоящие богатыри — моряки Краснознаменного Балтийского флота, за ними едва поспевали отряды саперов со своими миноискателями *(действительно, в дивизиях 67-й армии штурмовые группы комплектовались из моряков).*

В окопах у Марьино бойцы 2-го батальона 401-го гренадерского полка наблюдали ту же картину. «Они сошли с ума», — говорили там. Стрелки 240-го мотоциклетного эскадрона, державшие позицию на берегу справа от больницы Городка, кричали друг другу: «Они думают, что убили нас всех!» И еще крепче ухватились за свои пулеметы...

Страшный вал огня русской артиллерии продвинулся далеко вглубь. Передовые наблюдатели немецкой артиллерии тем временем склонились над рациями, вызывая свои батареи и полки, передавая им новые цели: «Заградительный огонь в квадрат...» Через мгновение снаряды полевых гаубиц и орудий завыли поверх немецких позиций и обрушились на лед Невы, завеса огня и стали опустилась перед немецкими опорными пунктами... Застучали немецкие пулеметы. Ударили минометы, защелкали ружейные выстрелы. Как подкошенные, нападавшие упали на лед. Многие снова поднялись. Побежали. «Ура!» Но только несколько человек достигли обледеневшего берега реки. Там они попали под прицельный огонь немецких пехотинцев. Они укрылись или погибли.

На льду появилась вторая волна. Третья, четвертая и пятая.

Перед больницей и электростанцией на Неве большими черными грудами лежали убитые и раненые. Волна за волной захлебывались, в основном даже не доходя до разбитых стальных балок в крутом берегу».

Советские командиры, изучавшие оборону противника по фотосхемам, почти сразу «натолкнулись на неожиданности». На правом фланге, на участке наступления 45-й

гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор А.А. Краснов, артиллеристы не сумели подавить долговременные огневые точки противника, поскольку не подозревали об их существовании. При форсировании реки полки понесли большие потери, из 30 машин 118-го отдельного танкового батальона противоположного берега достигло менее половины. За день упорных атак на позиции 399-го пехотного полка полковника Гризбаха дивизия Краснова овладела лишь небольшими участками первой оборонительной линии и незначительно расширила Невский плацдарм. Бои приняли затяжной характер.

Неудача постигла и левофланговую 86-ю стрелковую дивизию под командованием Героя Советского Союза полковника В.А. Трубачева, наступавшую на Шлиссельбург. Немцы встретили ее шквальным огнем артиллерии, минометов и пулеметов. Форсировавшие Неву севернее Марьино полки первого эшелона залегли на льду, не достигнув левого берега и понеся ощутимые потери.

268-я стрелковая дивизия под командованием полковника С.Н. Борщева, сменившего на этой должности генерал-майора С.И. Донскова, всеми полками успешно форсировала Неву и атаковала позиции 391-го пехотного полка. К исходу дня советские части продвинулись на 3 км севернее 2-го Городка, но окружить и уничтожить противника в городокском узле сопротивления им не удалось.

Наибольшего успеха в первый день добилась 136-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Н.П. Симоняк. Стремительной и дружной атакой ее полки с относительно небольшими потерями достигли восточного берега реки и почти с ходу овладели Марьино. Генерал Духанов привлек основную массу артиллерийских средств из армейской группы на поддержку частей этой дивизии и передал ей еще один танковый батальон. К вечеру генерал Симоняк захватил плацдарм в 3 км по фронту и в глубину.

Армейские саперы приступили к постройке ледяных переправ для средних и тяжелых танков. Дивизия Трубачева по приказу командарма отошла на исходные позиции,

а к концу дня переправилась через Неву на участке 136-й стрелковой дивизии с тем, чтобы, развернувшись из-за ее левого фланга, утром повести наступление в направлении Рабочего поселка № 3.

В ходе боевых действий в течение 12 января войска 67-й армии захватили в плен 33 солдата и офицера противника и потеряли около 3000 человек убитыми и ранеными. Особенно большие потери понесли фланговые дивизии. В районе Невского «пятачка» немцы ночью разбирали завалы из русских трупов, чтобы обеспечить сектора обстрела своим пулеметам.

Во 2-й ударной армии Волховского фронта наибольших успехов достигли части 327-й стрелковой дивизии полковника Н.А. Полякова. Они ворвались в рощу «Круглая», потеснив «хваленый» 366-й полк 227-й пехотной дивизии, которым командовал по-прежнему подполковник Венглер. Отчаянно сопротивлявшиеся немцы подбили около 50 советских КВ и «тридцатьчетверок», еще 15 машин затонули в болоте. Правее пыталась преодолеть систему обледенелых валов 256-я стрелковая дивизия полковника Ф.С. Фетисова, обеспечивая успех соседа. Еще севернее 372-я дивизия под командованием полковника П.И. Радыгина и 98-я танковая бригада весь день бились за Рабочий поселок № 8, который оборонял 2-й батальон 374-го гренадерского полка под командованием майора Циглера. Карьеры торфоразработок даже в зимних условиях оказались совершенно непроходимыми для танков, которые не могли даже развернуться из походного порядка в боевой.

К исходу первого дня наступления отдельным дивизиям армии Романовского удалось продвинуться на 2—3 км. Расстояние между 67-й армией и 2-й ударной сократилось до 8 км. Генерал Линдеман спешно выдвигал в район Мустолово, Рабочий поселок № 6 и Синявино ближайшие оперативные резервы — части 96-й и 61-й пехотных дивизий. Советская авиация получила задачу воспрепятствовать подходу немецких резервов, однако с этой задачей не справилась.

С утра 13 января бои приняли особенно упорный и ожесточенный характер. Противник теперь оказывал не только огневое сопротивление, но и, опираясь на узлы сопротивления, непрерывно контратаковал, стремясь восстановить утраченное положение. Едва правофланговый полк 45-й гвардейской дивизии попытался перейти в наступление восточнее Московской Дубровки, как был атакован двумя батальонами противника. После того как полк отбил контратаку, немцы вскоре повторили ее, но уже с двух направлений и силой до трех пехотных батальонов. В итоге гвардейцы генерала Краснова отразили все атаки, но и сами не продвинулись ни на шаг. Не принес желаемых результатов второй день боев и 86-й стрелковой дивизии.

286-я стрелковая дивизия возобновила наступление и к 15 часам продвинулась вперед на 1,5—2 км, однако в этот момент немцы, бросив в бой подоспевшие батальоны 96-й пехотной дивизии генерала Нельдехена, батарею 88-мм зенитных орудий и полтора десятка танков, ударили ей во фланг из района 2-го Городка и заставили отступить на исходные позиции. Здесь были задействованы столь неудачно дебютировавшие в сентябре танки T-VI из 1-й роты 502-го танкового батальона. На этот раз они проявили себя с наилучшей стороны: по немецким данным, четыре «тигра» подбили 16 советских танков, потеряв при этом одну машину. Советская дивизия потеряла около полутора тысяч человек. Приданная дивизии артиллерия не смогла оказать действенной помощи в отражении контрудара, так как ее передовые наблюдательные пункты все еще оставались на правом берегу Невы. Огонь велся по площадям, снарядов было израсходовано много, но боевой эффект оказался весьма низким, и только «благодаря героическим усилиям нескольких батарей немецкие танки не прорвались к переправам». (Вследствие низкого уровня организации стрельбы по конкретным целям, советская артиллерия, благодаря каторжным усилиям «тружеников тыла», отличалась фантастическим количеством расходуемых боеприпасов, отсюда, как следствие, постоянный снарядный голод. Как

заметил едва прибывший на Восточный фронт из Африки Ф. Меллентин: «У них были пушки и снаряды, и они любили эти снаряды расходовать... Однако были у русской артиллерии и недостатки. Например, негибкость планов огня бывала иногда просто поразительной».)

Лишь 136-я дивизия вновь сумела «прогрызть» за день еще 3—4 км в направлении Рабочего поселка № 5. Вечером командарм-67 ввел в дело 123-ю стрелковую бригаду, чтобы прикрыть левый фланг генерала Симоняка. 284-й стрелковый полк 86-й дивизии, обходя с юга Шлиссельбург, вышел к Рабочему поселку № 3.

В результате двухдневных боев войска 67-й армии захватили плацдарм до 10 км по фронту и 7 км в глубину. Почти все опорные пункты и узлы сопротивления оставались в руках противника. Инженерные войска энергично строили ледяные переправы для тяжелой техники. Правофланговая была обнаружена немцами и разрушена артиллерийским и минометным огнем. Северную переправу удалось закончить, но и она сразу выбыла из строя: первый же танк, нарушив правила преодоления реки, поломал ее и сам затонул. Оставалась центральная переправа в районе Марьино, вступившая в строй в ночь на 14 февраля. К рассвету по ней форсировали Неву тяжелые и средние машины 152-й танковой бригады полковника П.И. Пинчука. Одновременно генерал Духанов решил нанести удар со стороны Ладожского озера силами 55-й стрелковой бригады в направлении Рабочего поселка № 3 с задачей содействовать частям 86-й стрелковой дивизии в окружении противника в Шлиссельбурге.

Немцы начали переброску к месту прорыва частей 5-й горнострелковой дивизии.

Соединения 2-й ударной армии также подверглись яростным контратакам. Особенно ожесточенные бои шли в районе деревни Липка, Рабочих поселков № 7 и № 8. В этой обстановке генерал Романовский ввел в сражение в направлении Рабочий поселок № 5 18-ю стрелковую дивизию генерал-майора М.Н. Овчинникова и 98-ю танковую

бригаду подполковника Е.Г. Пайкина, а южнее рощи Круглая — 71-ю дивизию генерал-майора Н.М. Замировского.

Командиру 12-й лыжной бригады (ее ядро составляли матросы-североморцы) подполковнику Н.А. Себову была поставлена задача продвинуться от маяка Бугровского к южному берегу Ладожского озера, на Липку и Рабочий поселок № 1. Для этого предстояло преодолеть около 6 км открытого пространства Ладоги и прорвать укрепления и заграждения противника на Ладожских каналах.

За первые два дня наступления войска Волховского фронта прорвали вражескую оборону на 10-километровом участке от Липок до Гайтолово, но не захватили ни одного опорного пункта. Ежедневно советские войска, участвовавшие в операции, теряли более 6 тысяч человек.

14 января 67-я и 2-я ударная армии ввели в сражение большую часть сил вторых эшелонов, но окончательно переломить обстановку в свою пользу не смогли. При этом соединения первого эшелона не сменялись, а просто уплотняли боевые порядки, сокращали полосы наступления и продолжали бой.

«Вывод войск в исходное положение, — указывает Ярхунов, — совершался неорганизованно, нарушалась маскировка. Эти недостатки приводили к тому, что войска еще на исходном положении несли значительные потери и теряли необходимую силу удара до начала атаки... некоторые командиры в начале боя выпускали из своих рук управление боем, переставали следить за обстановкой и ее изменениями и не отдавали войскам никаких распоряжений. Это приводило к тому, что войска действовали самостоятельно, управление боем нарушалось, что, естественно, кроме потерь и неудач, ничего существенного дать не могло».

Соединения второго эшелона использовались неудачно, по частям, на широком фронте, управлялись плохо и попросту ломили кучей. Так, на правом фланге 67-й армии, в полосе 45-й гвардейской дивизии, была введена в бой 13-я дивизия, которой командовал полковник В.П. Якутович, а

затем 142-я стрелковая бригада полковника Н.А. Кощиенко. Они атаковали на фронте от северной окраины Арбузова до Московской Дубровки, но успеха не добились.

Вступившая в бой севернее 2-го Городка 102-я стрелковая бригада подполковника А.В. Балтука имела задачу обойти городокский узел с востока и соединиться с левофланговым полком 13-й дивизии, но, встреченная сильным огнем противника, осталась на исходном рубеже. На месте топтались части 268-й стрелковой дивизии. 123-я дивизия полковника А.П. Иванова с 152-й танковой бригадой перешла в наступление в направлении Поселка № 6. Однако взаимодействие пехоты с танками и артиллерией не было налажено, орудия сопровождения и артиллерийские наблюдатели остались в тылу, тяжелые КВ пустили через болото, в итоге за день боя удалось преодолеть один километр.

Основные бои развернулись на подступах к Рабочему поселку № 5, обороняемому 374-м гренадерским полком фон Белова. Здесь, непрерывно атакуя и отбивая контратаки, сражалась дивизия Симоняка с приданной ей 61-й танковой бригадой. Счет отбитой у врага территории шел на метры. 123-я стрелковая бригада сидела в обороне на южной опушке рощи Лилия, прикрывая левый фланг 136-й дивизии.

Два полка дивизии Трубачева пытались замкнуть кольцо вокруг Шлиссельбурга, но были уложены в снег немецким огнем на подступах к Рабочему поселку № 3. Еще один полк топтался на месте у Преображенской горы, прикрывавшей подступы к городу с юго-запада.

2-й батальон 55-й стрелковой бригады, наступая со стороны Ладожского озера, к 10 часам преодолел заграждения противника на южном берегу и вышел к Старо-Ладожскому каналу. Однако поддержки не получил, был немцами окружен и в ночь на 15 января прорвался обратно. Войска 2-й ударной армии вместе с введенными в бой соединениями второго эшелона, всего 9 дивизий и 3 танковые бригады, вели боевые действия на рубеже Рабочий поселок № 7,

Липка, незначительно продвинувшись вперед. В Рабочем поселке № 8 в полном окружении продолжал держаться батальон Циглера.

15 января 67-я армия наступала только на главном направлении силами 136-й стрелковой дивизии и 123-й стрелковой бригады. Продвижения нигде не было. Остальные соединения армии отражали контратаки противника и закреплялись на занятых рубежах. Немцы, подтянув за ночь из района Погостье две полковые группы 61-й пехотной дивизии генерала Хюнера, с утра ввели их в бой в районе Синявино и Поселка № 5. На участке прорыва возникло положение шаткого равновесия. Мерецков и Романовский, в свою очередь, бросили на чашу весов 239-ю стрелковую дивизию генерал-майора П.Н. Чернышева из резерва фронта, 11-ю дивизию полковника Е.И. Марченко, две лыжные и одну танковую бригады.

Под Шлиссельбургом на командира 330-го полка 86-й стрелковой дивизии полковника Г.И. Середина снизошло озарение, и он принял «смелое и весьма разумное решение»: обойти опорный пункт противника на Преображенской горе с востока и ударить немцам во фланг и тыл. Почему решение было разумным — понятно, умный в гору не пойдет, особенно если гора утыкана огневыми точками, амбразуры которых глядят аккурат на запад. А вот смелость полковнику понадобилась, чтобы проявить самое наказуемое в «системе» качество — инициативу. Начальство ведь приказало не обойти, а «овладеть». Уже к полудню 15 января полк Середина занял и гору, и юго-западные окраины города.

На следующий день ударная группа 67-й армии ворвалась с запада в Рабочий поселок № 5, но взять его не смогла.

На фронте 2-й ударной армии 256-я дивизия Фетисова сделала рывок вперед, сломив сопротивление противника южнее поселка, прорвала второй оборонительный рубеж и овладела железнодорожной станцией Подгорная. Теперь

фронты разделяло не более 2 км. Германские части, находившиеся в районах Шлиссельбурга, Липки и в лесах южнее Ладожского озера, оказались под угрозой окружения и уничтожения. В связи с этим особое значение для них приобретало удержание Рабочих поселков № 5 и № 1, через которые проходила с севера на юг единственная дорога на Мгу. Здесь держали оборону части 96-й и 61-й пехотных дивизий. Батальон майора Циглера, оставшись без боеприпасов и продовольствия, ночью скрытно оставил Рабочий поселок № 8 и незамеченным просочился через советское кольцо на юг. Ожесточенные бои развернулись за Шлиссельбург, где засел 1-й батальон 328-го пехотного полка 227-й дивизии. Трое суток, борясь за каждое здание, город штурмовал 330-й полк, а 34-я лыжная бригада подполковника Я.Ф. Потехина наступала в это время вдоль узкоколейки с целью отрезать пути отхода немецкому гарнизону в юго-восточном направлении. Трудность здесь заключалась в том, что дорога была укреплена многочисленными дотами, а бригада Потехина, недавно сформированная из восемнадцатилетних ленинградских юношей и впервые брошенная в бой, имела для подавления огневых точек лишь 45-мм пушки и 82-мм минометы.

На рассвете шестого дня операции части 372-й стрелковой дивизии и 122-й танковой бригады подошли к Рабочему поселку № 1 и узкоколейке южнее его. 18-я дивизия и 98-я танковая бригада приблизились к Рабочему поселку № 5, по которому вело непрерывный огонь более 500 орудий и минометов. 128-я дивизия в этот день сломила сопротивление противника в Липках. Успеху здесь способствовал обходной маневр 12-й лыжной бригады.

К исходу 17 января войска Волховского фронта захватили Рабочий поселок № 4 и станцию Синявино. Коридор, разделявший войска Ленинградского и Волховского фронтов, стал совсем узким, менее одного километра. Но этот последний километр оказался самым трудным. Бой принял исключительно ожесточенный характер. Генерал

Хюнер до последнего удерживал горловину, обеспечивая выход немецких частей из приладожской «бутылки» на юг, к Синявинским высотам.

Наконец, в 9.30 18 января 1943 года 123-я стрелковая бригада Ленинградского фронта после решительной атаки захватила Рабочий поселок № 1, и ее первый батальон встретился с первым батальоном 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта. В это время части 136-й дивизии обошли Рабочий поселок № 5 с юга и севера. И здесь в 11.45 произошла встреча воинов 269-го полка 136-й дивизии с передовыми подразделениями 424-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии.

Подразделения 34-й лыжной бригады, отбив несколько контратак противника с юго-восточной окраины Шлиссельбурга, к 10 часам вышли к Старо-Ладожскому каналу. Развернувшись фронтом на запад, они заперли все выходы вражеским войскам, оставшимся в городе. Во второй половине дня в деревне Липки лыжники-разведчики встретились с бойцами 128-й стрелковой дивизии и 12-й лыжной бригады Волховского фронта.

Батальоны 330-го стрелкового полка 86-й дивизии и броневики из 61-й танковой бригады к 16 часам освободили Шлиссельбург. А к концу дня все южное побережье Ладожского озера шириной от 8 до 11 км было очищено от немецких войск. Правда, значительной части группировки противника (примерно 8000 солдат и офицеров), бросив тяжелое вооружение, удалось уйти из мешка на новую оборонительную линию, спешно создаваемую севернее Синявино и по рубежу реки Мойка. Этот рубеж уже заняли 2-й полк полицейской дивизии СС, егеря 5-й горнострелковой и развернувшиеся фронтом на север полки 1-й пехотной дивизии. На подходе была 28-я егерская. В район Мги и Синявино прибывали 21-я и 11-я пехотные дивизии. По советским данным, немцы потеряли в шлиссельбургско-синявинском выступе более 13 тысяч человек убитыми и 1261 пленными. Наши трофеи составили 222 орудия, 178 минометов, 512 пулеметов, 9 бронемашин, 26 танков.

В том числе один из «тигров», который был захвачен в районе Рабочего поселка № 5 бойцами 18-й стрелковой дивизии и переправлен в Москву для детального изучения.

Как вспоминает Г.К. Жуков, именно за «Искру» получивший высшее воинское звание: «По ходу операции наблюдательный пункт командующего 2-й ударной армией, где мы находились, переместился в район поселка № 1. Я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду». Вообще, по версии маршала, всю операцию с момента ее начала до момента прорыва он находился на КП генерала Романовского. Под его личным контролем и чуть ли не при личном участии был вытащен с нейтральной полосы ценнейший трофей — подбитый нашими артиллеристами «экспериментальный образец нового тяжелого танка «тигр» № 1, направленный гитлеровским командованием на Волховский фронт для испытаний».

Но вот что интересно. Писать о своих победах всегда приятно, и мемуары об операции оставили многие советские генералы. Вот только Георгия Константиновича, как того крыловского слона, никто из них «не приметил».

Генерал Калашников, начальник политуправления Волховского фронта, вспоминает: «Вечером 17 января на КП 2-й ударной армии, в нескольких километрах от поселка, приехали К.А. Мерецков, И.И. Федюнинский, В.З. Романовский, Л.З. Мехлис. Был там и я. Уточнялись детали встречи с войсками Ленинградского фронта». Странно, что Жукова он не заметил. Ничего об участии Жукова не вспомнил и Мерецков. Ни разу, судя по всему, не видел Жукова ни заместитель командующего фронтом генерал Федюнинский, хотя не преминул отметить, что вечером 17 января «сидел в землянке генерал-лейтенанта В.З. Романовского», ни главный инженер фронта генерал Хренов. Все герои прорыва поместились в той землянке, кроме заместителя Верховного Главнокомандующего. Зато на Ленфронте много и охотно вспоминают Ворошилова: учил

бойцов бросать курить, проверял невский лед на проходимость танков, спокойно постоял под артобстрелом, дождался, пока разрывом не убивало «стоявшего неподалеку полковника», присутствовал на учениях и ходатайствовал перед Говоровым о выдаче красноармейцам дополнительной порции водки.

У загадки может быть только одна разгадка. Отсюда следует: либо все волховские генералы и маршал сознательно умалчивают о вкладе «величайшего», но опального полководца в снятие блокады, что тоже определенным образом их характеризует. Либо Жукова на командном пункте Романовского не было, присочинил, и это вполне вероятно, учитывая привычку Георгия Константиновича приписывать лично себе все победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

Около полуночи 18 января было передано официальное сообщение о том, что блокада Ленинграда прорвана. Этим же числом Г.К. Жукову было присвоено звание Маршала Советского Союза, затем последовало награждение орденом Суворова I степени № 1. Ордена Суворова получили генерал армии Мерецков и генерал-полковник (с 15 января) Говоров. Орденом Кутузова I степени наградили генерал-лейтенантов И.И. Федюнинского и В.З. Романовского, генерал-майора М.П. Духанова. Отмечать победы салютами товарищ Сталин еще не придумал. Особо отличившиеся в боях 136-я и 327-я стрелковые дивизии были преобразованы в 63-ю и 64-ю гвардейские, а 61-я отдельная танковая бригада стала 30-й гвардейской.

На этом месте Жуков и Мерецков резко обрывают свои воспоминания, хотя операция «Искра» была еще в самом разгаре и продолжалась до конца января. Ведь цели ее еще не достигнуты.

Как же «повернуть на юг и к исходу января выйти на линию...»?

А никак. Ничего не вышло, поэтому дальше нашим орденоносцам и вспоминать неинтересно.

19 января в состав войск 67-й армии для закрепления освобожденного района были переданы части 16-го укрепленного района и 125-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Они получили задачу, на случай возможных попыток противника восстановить блокаду, создать пять батальонных узлов сопротивления, подготовить к обороне рубеж: северная окраина 2-го Городка — Рабочий поселок № 5. Восточнее аналогичные мероприятия проводил Волховский фронт. Одновременно ближе к передовой перебрасывались базы снабжения, прокладывалась дорожная сеть.

Войскам Духанова и Романовского в течение суток следовало произвести перегруппировку, повернуть на юг и развивать наступление на Мустолово, Синявино, поселок Михайловский с целью разгрома оперативных резервов противника и выхода к реке Мойка. В перспективе предстояло занять станцию Мга, очистить от врага Кировскую железную дорогу и прочно занять линию Вороново — Сигалово — Войтолово — Воскресенск.

На новом фронте от Невы до «Носа Венглера» генерал Линдеман ввел в сражение части девяти дивизий — 61, 170, 227, 96, 223, 1-й пехотной, 5-й горнострелковой, 28-й егерской, полицейской дивизии СС и батальон испанцев. Правда, численность их полков сократилась до размеров батальонов, особенно велики были потери в офицерском составе.

Советское наступление возобновились 20 января в 10.30 после 10-минутной артиллерийской подготовки. 67-я армия силами 46-й и 123-й стрелковых дивизий, 102, 123, 138 и 142-й стрелковых, 152-й и 220-й танковых бригад наносила главный удар на Мустолово с ближайшей задачей овладеть городокским узлом сопротивления, Арбузово, Рабочим поселком № 6. Все атаки захлебнулись под огнем противника. Лишь в центре 123-я стрелковая дивизия, 142-я и 138-я бригады преодолели северную часть синявинских торфоразработок и продвинулись вперед на 2 км. 2-й ударной армии силами 147-й, 239-й стрелковых дивизий и 16-й танковой бригады удалось лишь занять Поселок

№ 6 на своем правом фланге и организовать в нем прочную оборону.

Генерал Говоров принял решение бросить в бой все резервы Ленинградского фронта и распорядился передать в состав 67-й армии 224, 142, 90 и 189-ю стрелковые дивизии, 250-ю и 56-ю стрелковые бригады, 1-ю Краснознаменную танковую бригаду. Одновременно на пополнение выводились 45-я и 63-я гвардейские и 268-я стрелковые дивизии. (Еще раз по поводу того, мог ли Ленинград подождать, пока армия качественно подготовит и доведет до конца операцию по деблокаде. Бывший командир роты И.М. Душенов утверждает следующее: «После прорыва нам дали много хлеба: по 900 г черного и 300 г белого. Мы отказались в пользу ленинградских детей. **Нас и так стали хорошо кормить: щи, каша гречневая и рисовая, американская тушенка...»**)

Фактически Духанов получал новую армию и старую задачу — прорвать немецкую оборону на реке Мга и разгромить мгинскую группировку. Однако свежие соединения находились в 30—80 км от района боевых действий и могли вступить в бой не ранее 25-го числа. Поэтому в период с 21 по 24 января 67-я армия продолжала попытки наступать в составе четырех стрелковых бригад и двух стрелковых дивизий.

Наконец, генерал Духанов решил ввести в дело 11-ю и 55-ю стрелковые бригады, а также сформировать армейскую подвижную группу в составе 220-й танковой и 34-й лыжной бригад. По замыслу командарма, стрелковые соединения должны были прорвать оборону противника и обеспечить ввод в бой подвижной группы, которой предстояло стремительным ударом вдоль дороги от Рабочего поселка № 6 овладеть Мустолово и отрезать пути отхода всей городокской группировке. Однако 25 января части 11-й и 55-й бригад ничего прорвать не смогли, соответственно, не состоялся и рейд ударной группы. До конца месяца последовательно и безрезультатно в сражение были брошены 224-я стрелковая дивизия и 46-й танковые полк.

Соединения ударной группировки Волховского фронта — 18, 256, 379, 239, 364, 191, 147, 80, 71-я стрелковые дивизии, 33-я стрелковая, 11-я лыжная, 16-я танковая бригады — вместе и порознь, сменяясь и перемешиваясь друг с другом до полной потери управления, штурмовавшие Синявинские высоты, все ту же рощу «Круглая» и рощу «Квадратная» у Рабочего поселка № 6, «вследствие сильного огня противника продвижения не имели и вели бой на прежних рубежах». Правда, «квадратной» рощей к концу месяца овладели.

Противник перебросил под Синявино 11-ю и 21-ю пехотную дивизии, до предела оголив остальной фронт: от Новгорода до Погостья, под Ленинградом и Ораниенбаумом у Линдемана осталось 14 пехотных дивизий. Но риск себя оправдал. Советские войска намертво завязли в немецкой обороне на рубеже севернее и восточнее 2-го Городка, южнее Рабочего поселка № 6, севернее Синявино, западнее Гонтовой Липки и восточнее Гайтолово. Кроме того, они продолжали удерживать плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки.

На этом операция «Искра» считается законченной.

В ходе ее не было достигнуто сколько-либо значительных военных успехов. Войскам 67-й армии Ленинградского и 2-й ударной Волховского фронтов удалось продвинуться на 6—9 км и пробить вдоль берега Ладожского озера сухопутный коридор шириной от 8 до 11 км. Очистить от противника Кировскую магистраль не получилось. За каждый отвоеванный у врага километр было заплачено полнокровной дивизией. 8-я армия Старикова не смогла сделать и шага. Советские потери за девятнадцать суток составили более 115 тысяч человек убитыми и ранеными, 417 орудий и минометов, 41 танк (по немецким данным, 225) и 41 самолет.

Но политическое и символическое значение прорыв блокады имел большое. Битва за Рабочий поселок № 5, в отличие от проигранного Любанского сражения, вошла в разряд стратегических операций Красной Армии.

18 января, как только в Ставку поступили сведения о прорыве блокады, ГКО дал указание прекратить сооружение свайно-ледовой железнодорожной линии через Ладожское озеро и направить все силы и средства на строительство новой железной дороги от Полян к Шлиссельбургу и временный свайный мост через Неву у Шлиссельбурга. Железнодорожную линию протяженностью в 35 км, названную Дорогой Победы, военные строители проложили через торфяные болота за 18 дней. Для экономии времени земляных насыпей не возводили, шпалы укладывали в утрамбованный снег. В 10 часов утра 7 февраля у перрона Финляндского вокзала ленинградцы торжественно встречали первый поезд, пришедший с Большой земли и доставивший 800 тонн сливочного масла. Через две недели в Ленинграде начали действовать нормы продовольственного снабжения, установленные для крупнейших промышленных центров страны: рабочие стали получать по 700—600 граммов хлеба в день, служащие — по 500, дети и иждивенцы — 400 граммов. Увеличились нормы снабжения другими видами продовольствия.

Однако узкий коридор насквозь простреливался немецкой артиллерией и не обеспечивал регулярного снабжения города-крепости, путь проходил в 4—5 км от линии фронта: «Составы приходилось водить под бомбежкой и артогнем. Осколки настигали и машинистов, и кочегаров, и кондукторов. Ремонт путей зачастую делался подручными средствами на живую нитку. С наступлением лета составы, вопреки всем существующим правилам и представлениям, двигались по ступицу в воде». В результате артобстрелов и бомбардировок железнодорожное сообщение часто нарушалось, а с началом ледохода прекратил функционировать мост через Неву. Основные грузопотоки по-прежнему шли по Дороге жизни через Ладогу; до 30 марта по ней в Ленинград было доставлено более 214 тысяч тонн грузов.

К тому же существовала угроза, что немцы сумеют восстановить положение. Населению знать об этом было не обязательно, но военные все прекрасно понимали. И нако-

нец, если блокада действительно была прорвана, то почему мы все время говорим и пишем про «900 дней и ночей»?

«Боевые действия Волховского фронта в 1943 году, — пишет Мерецков, — после прорыва ленинградской блокады, проходили в условиях едва ли не труднейших из всех, выпавших на долю его воинов. **С конца января и по декабрь этого года** наши войска, сохраняя в большинстве случаев перевес на правом крыле фронта, в районе Гайтолово, Мишкино, Вороново, осуществляли серию местных операций с задачами, во-первых, сделать непробиваемой южную стенку коридора, который связывал теперь Ленинград и Приволховье; во-вторых, раздвинуть коридор, чтобы укрепить связь с Ленинградом и Балтикой, сделать ее надежнее, лучше снабжать их и готовиться к последующим наступательным действиям... И вот почти двенадцать месяцев два боевых соседа, оба наших фронта, вели то затухающие, то разгоравшиеся боевые действия в направлении на станцию Мга. Одновременно мы осуществляли вспомогательные операции на некоторых участках».Таким образом, и 1943 год стал для солдат Ленинградского и Волховского фронтов годом непрерывных атак. Правда, маршал, как всегда, скромничает: задумывались операции вовсе не местные и не вспомогательные, а совсем даже наоборот. Другое дело — что из этого получилось.

Глава 12

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «ИСКРА»

(февраль — апрель 1943 года)

Когда в конце января стало очевидным, что усилия советских войск прорвать оборонительную полосу противника только ударами с севера являются безуспешными, в Ставке пришли к идее нанести фланговые удары и выйти в тыл немецкой группировке в районе Мга, Мустолово, Синявино силами пяти-шести дивизий 55-й армии Ленинградского фронта из района Красный Бор, Ивановское в направлении Мги и силами шести дивизий 54-й армии Волховского из «погостьинского мешка» в направлении Васькины Нивы, Шапки. Одновременно войска других армий продолжали наступление на Мгу с севера.

По целям и задачам это была все та же «Искра», согласно официальной истории — ряд не связанных между собой армейских операций, по мемуарам советских маршалов-генералов — и вовсе не было никакой операции. Так, бои местного значения. На самом деле задачи, поставленные перед Волховским и Ленинградским фронтами, являлись частью стратегического замысла, имевшего целью разгром всей группы армий «Север», освобождение Ленинградской области и создания предпосылок для выхода в Прибалтику. В намечаемом наступлении должно принять участие более 400 тысяч солдат Северо-Западного фронта и специально созданная Особая группа под командованием непотопляемого генерала М.С. Хозина — 1-я танковая, 68-я общевойсковая армии и Резервная группа, — которой

отводилась главная роль. После прорыва немецкой обороны южнее озера Ильмень Особая группа должна была нанести удар в северо-западном направлении, выйти в район Порхов, Дно, Струги Красные, перерезать коммуникации группы армий «Север», освободить Псков и совместно с 27-й армией нанести удар на Лугу. Войскам правого крыла Северо-Западного фронта после овладения Старой Руссой предстояло во взаимодействии с 52-й армией Волховского фронта взять Новгород. Группе Хозина предписывалось в это время овладеть районом Кингисепп, Нарва и отрезать пути отхода противника, ведущие в Эстонию. После чего оставалось «уничтожить волховскую и ленинградскую группировки» и собрать трофеи.

Операция на окружение мгинско-синявинской группировки началась 10 февраля.

От Колпино в направлении Тосно после двухчасовой артподготовки при поддержке 1-й Краснознаменной танковой бригады, 31-го и 46-го танковых полков атаковали 72-я, 43-я стрелковые и 63-я гвардейская дивизии 55-й армии Ленинградского фронта. Их встретили подразделения 250-й испанской дивизии под командованием генерала Эстебана-Инфантеса. По данным Кареля, у испанцев на 30-километровом участке было: 260-й пехотный полк в 2500 человек, а также три батальона общёй численностью около 2000 человек, несколько частей специального назначения, 24 орудия и ни одного танка; у русских — 33 000 человек, 60 танков, до 1000 орудий. За три дня боёв советским войскам удалось прорвать оборону противника, продвинуться на 4 км вдоль Московской железной дороги и овладеть населенными пунктами Красный Бор, Старая Мыза, Чернышево и станцией Поповка.

На острие удара находились гвардейцы генерала Симоняка. Как вспоминает И.М. Душевский:

«Комдив Н.П. Симоняк говорил: «Братцы, разобьем испанцев! Кто останется жив — все будете Героями Советского Союза».

Мы налетели на них как коршуны, и через три часа Красный Бор был наш. Для моей роты эта операция оказалась самой удачной... Хотели нас наградить, да отменили. Как сказал командующий 55-й армией В.П. Свиридов, взятие Красного Бора было операцией местного значения. Лишь немногие получили солдатские медали». На захваченных позициях закрепились части 14-го укрепленного района.

Немедленно в прорыв ввели подвижную группу под водительством заместителя командарма генерал-майора И.М. Любовцева. Группа имела задачу ударом вдоль линии Октябрьской железной дороги овладеть Ульяновкой. Однако 222-й танковой и 34-й лыжной бригадам, входившим в состав группы, не удалось развить успеха. Причина: «Из-за внезапно наступившей оттепели танкисты не могли действовать вне дорог, а лыжники превратились в обычных пехотинцев (?)». Врагу погода, разумеется, не мешала. Кроме того, даже по мнению арийцев, обычно с высокомерием относившихся к своим союзникам, испанцы дрались геройски: «Испанцы стойко сражались кинжалами, лопатами и ручными гранатами. Их исключительная доблесть заслуживает памяти потомков». Голубая дивизия потеряла 3200 человек, но продержалась до подхода спешно переброшенной из района Чудово 212-й пехотной дивизии генералаРеймана. Немцы контратаковали и потеснили советские части назад. Введенная в сражение 268-я стрелковая дивизия Борщева не смогла переломить ситуацию. На левом фланге армии 43-я стрелковая дивизия полковника Я.П. Синкевича и 34-я лыжная бригада подполковника Я.Ф. Потехина, потеснив противника на 3—4 км, вышли на берег реки.

Итогом двухнедельных боев стало освобождение войсками Ленфронта Красного Бора, но прорыв на Тосно не удался. Советские потери немцы оценили в 11 тысяч человек убитыми.

Генерал Свиридов перенес усилия на свой левый фланг и 23 февраля предпринял попытку развить наступление с Ивановского плацдарма. По плану удар с «пятачка» в сто-

рону Ульяновки, Тосно наносила 43-я стрелковая дивизия. Одновременно в тыл противнику, в Ивановское, по льду Невы вышла 56-я отдельная бригада, сформированная из моряков Кронштадта, численностью 4800 человек под командованием М.Д. Папченко. Моряки ворвались в немецкие траншеи, захватили мачтопропиточный завод и церковь.

Знакомый уже противник, переформированный в 4-ю панцергренадерскую полицейскую дивизию СС, и части 2-й пехотной бригады СС оказали сильнейшее сопротивление. Ожесточенный бой, длившийся один день, закончился гибелью десанта. Под убийственным огнем 43-я стрелковая дивизия в атаку так и не поднялась.

До января 1944 года позиции сторон здесь не изменились.

Наступавшая от Смердыни 54-я армия (115, 177, 198, 281, 294, 311-я стрелковые дивизии, 140-я стрелковая, 124-я танковая бригады, 6-я бригада морской пехоты), навалившись на 217-ю пехотную дивизию на фронте в 5 км, начала теснить немцев, но внезапно столкнулась с 96-й пехотной дивизией, переброшенной сюда с синявинского направления для отдыха и пополнения. Вместе с частями 61-й и 132-й пехотных дивизий полки генерала Нельдехена приняли участие в отражении советской атаки. Продвижение армии Сухомлина за февраль составило 3—4 км. По заведенной привычке превращать собственные поражения в победы Мерецков уверяет, что 54-я армия «свою задачу выполнила», она, оказывается, «сумела отвлечь на себя фашистские войска, предназначенные для прорыва к Шлиссельбургу». В ходе «отвлечения» сам командующий фронтом, в компании с Климентом Ефремовичем, как обычно потащившим всех на передовую, едва не угодил в плен к немцам.

Надо сказать, что командующий группой армий «Север» в этот момент меньше всего думал о прорыве к Шлиссельбургу, поскольку 15 февраля южнее озера Ильмень шесть общевойсковых и одна танковая армия Северо-Западного

фронта под командованием маршала Тимошенко начали операцию с целью разгрома 16-й германской армии и выхода в тыл 18-й армии Линдемана. Результатом этого наступления стала организованная эвакуация противником «демянского мешка», который он удерживал в течение 17 месяцев, и установление линии фронта по реке Ловать. Но это все. Общее стратегическое наступление на северо-западном направлении провалилось. Особая группа войск генерала Хозина была расформирована.

Забавно, как Мерецков, считающий свою задачу «выполненной», оценивает действия маршала Тимошенко: «...я делаю такой вывод: хотя к тому времени Красная Армия уже добилась крупных успехов, нашим военачальникам еще было чему учиться в сложном искусстве ведения современной войны».

На северном фасе синявинского выступа 67-й армии Духанова, перешедшей в наступление 12 февраля, через пять дней ожесточенных боев удалось взять развалины 1-го и 2-го Городков и 8-ю ГЭС и продвинуться на 5 км к югу в район Арбузово. Под угрозой окружения немцы оставили 17 февраля позиции перед Невским «пятачком». Закончилась легендарная и бессмысленная эпопея. В надежде на прорыв блокады этот плацдарм советские войска удерживали около 400 суток. Его перепахали разрывы снарядов и мин. После войны подсчитали, что на каждый его квадратный метр обрушилось до 12 кг металла. На каждом метре «пятачка» погибли 17 человек. А всего — около 250 тысяч советских воинов. Этого количества достаточно для комплектования 20—25 дивизий, или 3—4 общевойсковых армий. Плацдарм стал огромной братской могилой, так и не сыграв никакой оперативной роли.

На востоке, в полосе 4-й армии Волховского фронта, вновь была предпринята попытка сбросить немцев с Киришского плацдарма. Намаявшись с рощей «Высокая», военные инженеры вспомнили опыт Крымской войны и решили сделать под нее подкоп. Минную галерею две команды саперов 44-й дивизии с соблюдением строжайших мер скрытности начали вести еще в конце ноября 1942 года.

После проходки 180 метров под землей в конце галереи устроили взрывную камеру, заложили более 30 тонн взрывчатки, смонтировали взрывные сети. В 7 часов утра 23 февраля роща «Высокая» и располагавшийся в ней немецкий опорный пункт взлетели на воздух. Советский штурмовой батальон одним броском, не встречая сопротивления, занял новую позицию, но на этом все и закончилось. Дальнейшее продвижение было остановлено контратаками противника.

27 февраля нарком обороны товарищ Сталин указывал Жукову и Ворошилову, что главной причиной неудачи явилось то, что 67-я и 2-я ударная армии «действовали порознь и каждая на своем участке обязывалась прорвать огневую систему противника, что привело к распылению сил и средств, к бесцельным большим жертвам в живой силе и технике». Маршал Жуков, чьей задачей как раз являлась координация действий волховчан и ленинградцев, абсолютно ничего о своем участии в февральском прорыве не вспомнил. Его размышления за этот период посвящены перепитиям Сталинградской битвы, в которой Георгий Константинович участия не принимал, и плавно перетекают к Курской дуге.

Директивой Ставки наступление приказывалось временно прекратить, 2-ю ударную армию, в целях централизации управления, передать в состав Ленинградского фронта, ликвидацию синявинской «болячки» поручить генералу Говорову, представительство — маршалу Ворошилову. Правда, ровно через неделю Сталин передумал и приказал вернуть армию Романовского обратно.

В начале марта бои ненадолго стихли.

Немедленно была задумана новая наступательная операция по разгрому мгинско-синявинской группировки 18-й армии путем нанесения более глубоких фланговых ударов. Перед Волховским фронтом поставили задачу прорвать оборону противника на фронте Вороново, Лодва и, развивая удар южнее Мги, соединиться с войсками Ленинградского фронта в районе Вайтолово. Войска Говорова обязаны были проломить немецкие позиции у Красного

Бора, овладеть Ульяновкой и Саблино с последующим продвижением к Вайтолово и во взаимодействии с войсками Мерецкова «уничтожить или пленить» вражескую группировку. На «Синявинском фронте» 2-й ударной и 67-й армиям приказывалось временно перейти к обороне.

Начало операции назначили на 14 марта 1943 года, завершить планировали не позднее 25 марта. Организация взаимодействия между фронтами и координация их действий возлагались на маршала Ворошилова.

Для выполнения поставленной задачи командующий Волховским фронтом выделил 8-ю армию в составе десяти стрелковых дивизий, двух стрелковых и двух танковых бригад, всей артиллерии усиления, которой располагал фронт. В своем резерве Мерецков оставил одну стрелковую дивизию и две стрелковые бригады.

Командарм-8 построил войска ударной группировки в два эшелона. В первом было пять стрелковых дивизий (286, 256, 378, 374 и 265-я), четыре танковых полка (35, 25, 33, 50-й) и вся артиллерия усиления. Во втором — три стрелковые дивизии (239, 364 и 64-я гвардейская) и две танковые бригады (122-я и 185-я). К северу от намеченного участка прорыва, от Воронова до Гайтолово, занимали позиции 372-я стрелковая дивизия и 58-я стрелковая бригада. Перед фронтом армии генерала Старикова на участке прорыва оборонялись полки 223-й пехотной и 285-й охранной дивизий.

От Красного Бора на противника должна была обрушиться 55-я армия, имевшая в двух оперативных эшелонах 72, 291, 123, 131, 46, 189, 224, 13, 268-ю стрелковые дивизии, 56-ю и 250-ю стрелковые, 222, 152, 220, 30-ю гвардейскую танковые бригады и 31-й танковый полк прорыва!

Сложности в организации подвоза войск, боеприпасов и материальных средств в условиях начавшейся весны вынудили перенести начало наступления на 19 марта.

Наступление 8-й армии началось проведением артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 15 минут. За три дня войскам удалось прорвать передний край обороны противника на фронте 7 км и продвинуться вперед от

3 до 4 км. Подвижный отряд в составе 191-го гвардейского стрелкового полка 64-й гвардейской дивизии и танкового батальона 122-й танковой бригады под командованием майора Рудько прорвался к железной дороге Мга — Кириши, но был отрезан. Немцы перебросив к участку прорыва 11, 21 и 121-ю пехотные дивизии, непрерывно контратаковали, и бои приняли затяжной характер.

«За 21 марта, несмотря на ввод двух свежих дивизий для развития прорыва, части 8-й армии за день боя продвижения не имели, — доносил Ворошилов. — *Причины — огневое противодействие противника, а главное —* ***плохая организация управления войсками****. Две дивизии второго эшелона 20 марта были введены через боевые порядки войск первого эшелона. Ввод этих дивизий фактически не был организован, и вследствие отсутствия четкого руководства войска в лесу перемешались между собой, управление было потеряно.*

Истинное положение командование армии установило только к вечеру 21 марта, получая до этого от дивизий донесения о продвижении с указанием пунктов, которые в действительности не занимались. Весь остаток дня 21 марта и ночь на 22 марта ушли на приведение в порядок перепутавшихся войск».

1 апреля Мерецков ввел в сражение из резерва 14-ю стрелковую дивизию и 1-ю отдельную стрелковую бригаду, которые совместно с 64-й гвардейской дивизией должны были овладеть карбусельским узлом сопротивления врага и этим создать условия для развития наступления всей ударной группировки армии. Однако возросшее сопротивление противника, перебросившего 69, 121, 21-ю пехотные и 5-ю горнострелковую дивизии, одолеть не удалось. Сутки спустя наступление 8-й армии окончательно захлебнулось.

Армия ленинградцев, продвинувшись по сигналу «Ураган» на 3—4 км в сторону Ульяновки, была остановлена 4-й дивизией СС, легионом «Нидерланды», ротой «тигров» и переброшенным на грузовиках прямо на поле боя батальном 5-й горнострелковой дивизии. Затем подошли части 58, 170 и 254-й пехотных дивизий. Из 500 принявших бой

«фламандцев» уцелели 45 человек, но Саблино и Ульяновка оказались недостижимыми. «Потери с русской стороны были еще более ужасающими, — утверждает П. Карель. — Во втором сражении на Ладожском озере пролились реки крови. Торфяное болото у Синявино, леса у Колпино и Красного Бора являли собой одно жуткое поле брани».

30 марта генерал Говоров доложил, что достиг весомых результатов: во-первых, сорвал готовящийся германский удар на колпинском направлении (?), во-вторых, еще раз убедился «в исключительно важном значении в системе обороны противника ульяновского узла» (!), — и попросил разрешение прекратить атаки по причине стремительно заканчивавшихся снарядов, солдат и общего состояния войск. Шесть дивизий 55-й армии для продолжения боевых действий нуждались «в укомплектовании и приведении их в порядок».

Ворошилов в донесении Верховному от 1 апреля сообщил прямым текстом: из выделенных Ленинградским фронтом девяти дивизий осталось три. По мнению представителя Ставки, следовало свернуть операцию и дать войскам хотя бы месяц на приведение себя в порядок, накопление боеприпасов и обучение пополнений элементарным приемам наступательных действий: «Нужно научить хотя бы отдельные батальоны действиям в лесу».

Сталин согласился. 4 апреля армиям было приказано закрепиться на достигнутых рубежах и подготовить сильно эшелонированную оборону, что, как утверждается, «позволило 8-й армии успешно отразить последовавшие с 11 апреля неоднократные атаки превосходящих сил противника (?!), в том числе 5-й горнострелковой и 69-й пехотной дивизий». У генерала Старикова имелось всего ничего: 11 стрелковых, 1 артиллерийская, 2 зенитных дивизии, 3 стрелковых и 2 танковых бригады, 4 танковых, 15 артиллерийских и минометных полков.

Современные наши статистические исследования дают советские потери только по операции «Искра», которая считается завершенной 30 января 1943 года. «Армейские»

операции Ленинградского и Волховского фронтов они в расчет не принимают. Из доклада Ворошилова можно узнать лишь, «что потери в людях в обоих фронтах весьма велики», расход боеприпасов, по сравнению с достигнутыми успехами, большой, потери в танках значительные», и все это «результат не только и, по-моему, даже не столько потому, что силен враг, сколько следствие того, что мы недостаточно хорошо подготовились к этой операции.

Немецкие военные историки вполне резонно полагают, что в период с 12 января по 4 апреля вокруг Мги разворачивались три фазы Второго Ладожского сражения, в ходе которого потери двух советских фронтов составили 270 тысяч человек, 847 танков и 693 самолета. Если прикинуть по расходу бойцов в «Искре» — 6000 человек в день, то так оно примерно и выходит.

В апреле наступило временное затишье. «Хитрый ярославец» немедленно принялся за составление нового плана по разгрому мгинско-синявинской группировки противника. Уверяя Сталина, что враг «систематически ведет подготовку к штурму Ленинграда» и лишь активные действия Волховского фронта этот штурм «срывают», Мерецков просил еще танков, еще снарядов и пополнений, пополнений, пополнений. Пополнения генерал получил, а вместо танков — приказ совершенствовать оборону. Директивой от 16 апреля из состава Волховского фронта была выведена и передана Ленинградскому 2-я ударная армия. В начале мая в резерв Ставки отправилась 52-я армия. Вместо Ворошилова представителем Ставки был назначен маршал С.К. Тимошенко. За провал стратегического прорыва в Прибалтику, стоивший потери более 100 тысяч бойцов и командиров Северо-Западного фронта, маршала перевели в «координаторы» до конца войны.

Обе противоборствующие стороны пережидали распутицу, совершенствовали оборону, а Мерецков «все больше думал» над планами летней кампании. И как только командующий начал думать, а в этом деле главное начать, у него в голове забродили не бог весть какие оригинальные,

но местами вполне здравые мысли: «Что необходимо для того, чтобы упредить вражеский удар по нашим войскам у Ладоги? Вовремя нанести контрудар (*до преднамеренной обороны он еще не додумался, это выходило за рамки нашей доктрины*). А что нужно сделать для подготовки нашего наступления? Ослабить оборону противника. А как отвлечь его внимание от левого фланга фронта, если операцию придется проводить именно там? Конечно, привлекать внимание к правому флангу. А каким образом волховчанам оттягивать дивизии фашистов с других фронтов? Только уничтожая их соединения на нашем фронте. Наконец, как всего этого добиваться, сохраняя при этом свои войска? Переключиться на массированное использование нашей артиллерии и авиации».

Так, методом логического анализа, провоевав два года, генерал армии Мерецков додумался до массированного и систематического использования огневых средств с целью изматывания противника в ходе позиционной борьбы. Идея оформилась в план «Длительного артиллерийско-авиационного наступления в условиях собственной и вражеской стабильной обороны». Или попросту — «мельница».

Политработник Калашников уверяет, что Волховский фронт, непрерывно нанося немалый урон противнику, сам потерь не имел, «так как действовала в основном артиллерия с закрытых позиций». Однако это утверждение не стыкуется с той задачей, которую настойчиво решали под его руководством политотделы соединений: «Неутомимое воспитание у людей наступательного порыва». Это означало, что советское командование по-прежнему придерживалось принципа активной обороны, только артиллерии теперь было значительно больше, а на снарядах и бомбах можно было не экономить. Как сообщает Мерецков, на одних участках фронта проводилась по полной схеме массированная огневая подготовка с переносом огня, имитирующая начало наступления, на других — бойцов посылали в атаки без всякой огневой подготовки, чтобы не понижался «боевой тонус». Хотя командующий тоже считает, что люд-

ские потери у него были «несущественные», тем не менее Волховский и Ленинградский фронты теряли убитыми и ранеными в среднем до 2000 человек в сутки. Но в целом это нормальные боевые будни фронта, научившегося организовывать оборону.

«Мельница» работала с середины мая до начала июля. Сколько таким образом «перемололи» немцев — неизвестно, по утверждению Мерецкова, «тысячи солдат и офицеров». Сколько израсходовали снарядов — не сообщается, но и без Мерецкова ясно, что много. Зато совершенно точно, что генералы вермахта не были настолько тупицами, чтобы только через полтора месяца разгадать мерецковскую хитрость: «К началу июля, понеся достаточно большие потери, фашисты поняли наконец наш замысел и научились довольно искусно отводить свои войска из-под огневых налетов. А мы в ответ прекратили операцию, посчитав, что она уже сыграла свою роль». Думается, все было наоборот. Немцы владели искусством «отводить свои войска» с первого дня войны и довольно часто использовали этот прием. Скорее всего, в начале июля об этом догадалось наше командование и перестало выбрасывать боеприпасы на ветер.

Параллельно готовилась новая наступательная операция двух фронтов.

Балтийский флот в 1943 году

Германское военно-морское командование, учитывая уроки 1942 года, предприняло меры по подготовке к дальнейшему усилению противолодочных рубежей, поставив целью с началом весны «герметически» закупорить Финский залив. В апреле противник поставил между островом Нарген и Поркаала двойные противолодочные сети глубиной до 60 метров и протяженностью по фронту около 30 миль. Сетевое заграждение дополнили минные банки. Были значительно уплотнены уже существующие минные поля. Чтобы обеспечить устойчивость противолодочных сетей в условиях непогоды, их не углубили до самого дна, а

образовавшуюся придонную щель прикрыли 200 донными минами, исключавшими проход субмарин под сетью.

Все работы были завершены к 9 мая. Всего было поставлено 9834 мины и 1244 минных защитника. Одновременно немцы и финны произвели несколько активных минных постановок на Сескарском плесе, у острова Лавансаари и на подходах к Кронштадту.

Усиление противолодочного рубежа в Финском заливе весной 1943 года практически исключало использование подводных лодок Балтфлота на морских коммуникациях. Советское командование имело об этом достаточно достоверные данные, на штабных учениях выяснили, что ни одна лодка такой барраж не преодолеет, но, как обычно, пошли опытным путем: подводникам были поставлены прежние задачи.

Первой на переходе в Кронштадт прямо в Морском канале на неконтактной мине подорвалась и затонула Щ-323 А. Андронова.

7—9 мая от Лавансаари отошла группа лодок в составе гвардейской Щ-303, Краснознаменной Щ-406 и Щ-408. Только одна из них — Щ-303 — возвратилась назад. Форсировав Гогландские минные поля, ее командир капитан 3 ранга И.В. Травкин неоднократно пытался преодолеть Нарген-Порккалауддскую позицию — лодка трижды попадала в противолодочные сети, — но сделать этого не смог и, получив разрешение, чудом возвратился в Кронштадт. Две другие «щуки» — капитана 3 ранга Е.Я. Осипова и капитан-лейтенанта П.С. Кузьмина — были обнаружены противником и уничтожены ударами авиации и надводных кораблей.

Дальнейшие попытки форсировать Финский залив при такой плотности противолодочного рубежа не имело смысла. Чтобы обеспечить выход субмарин в Балтийское море, надо было либо уничтожить противолодочный рубеж силой, либо создать обходные пути, что было возможно только в результате овладения южным или северным побережьем Финского залива. Лодки уходили в поход одна за другой и не возвращались. Флотоводец Трибуц, ни усту-

пая в твердости сухопутным военачальникам, посылал на прорыв новый экипаж.

В августе с целью разведки обстановки западнее Гогланда вышли подводные лодки С-9 под командованием капитана 3 ранга А. Мыльникова и С-12 капитана 3 ранга А. Бащенко, обе погибли на минах. Подлодки М-90, М-96 и М-102, выходившие на разведку Гогландского плеса и Нарвского залива, благополучно возвратились в базу.

Рассказывают, что несколько старших офицеров Балтфлота составили челобитную в Москву, которую с оказией тайно передали начальнику Главного морского штаба адмиралу И.С. Исакову. Тот доложил Сталину. И только после звонка Верховного командующий флотом, заслуживший у подводников прозвище «Убийца», прекратил уничтожать свои подводные силы.

До октября 1944 года подводные лодки Балтийского флота, плотно заблокированные в восточной части Финского залива, в море не выходили.

Глава 13
МГИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
(июль — август 1943 года)

В конце мая 1943 года Говоров и Мерецков были вызваны в Кремль и получили приказ на проведение Мгинской операции. Замысел ее сводился к нанесению встречных ударов войсками Ленинградского и Волховского фронтов по флангам мгинско-синявинской группировки противника с целью ее окружения и уничтожения. Генерал Мерецков главный удар наметил силами 8-й армии Старикова, с востока на запад, в направлении на Вороново, поселок Михайловский, Мга. Для обеспечения левого фланга ударной группировки готовился вспомогательный удар на Карбусель, Турышкино. План генерала Говорова предусматривал усилиями 67-й армии Духанова овладеть Синявинскими и Келколовскими высотами, полностью очистить восточный берег Невы на участке Арбузово, Ивановское и установить общий фронт с 55-й армией и войсками Волховского фронта на линии Кировской железной дороги.

Чтобы встретиться в Мге, солдатам Ленинградского фронта нужно было преодолеть около 9 км, Волховского — 14 км, преодолевая вражеские укрепления, о которых возгордившийся своими успехами в строительстве «волховской засеки» генерал Хренов написал: «Гитлеровская оборона, скажем прямо, ничуть не уступала нашей и имела достаточно большую глубину».

В общем, снова готовился лобовой штурм тех же немецких позиций и опорных пунктов, когда-то бывших русски-

ми деревнями, с тех же направлений, по-прежнему — на Мгу. Всей разницы — новые «солдатики», новые «тридцатьчетверочки» и выросшее на порядок, в качественном и особенно в количественном плане, артиллерийское, авиационное и инженерное обеспечение. Можно стопроцентно согласиться с оценкой Польмана: «Никаких новых идей и целей, никакой широты замысла и внезапности, а всего лишь продолжение второго Ладожского сражения, чего немецкое командование никакими контрмерами не могло предотвратить, ибо не располагало необходимыми для этого средствами».

А и не требовалось от наших полководцев никакой «широты». Как утверждает Мерецков, Верховный Главнокомандующий в конце беседы подчеркнул: «Главное для вас — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий». Главные события летней кампании ожидались в районе Курской дуги, и ленинградские дела Сталин отодвинул на второй план. Не слишком рассчитывая на то, что без пяти-десятикратного превосходства в силах над войсками Кюхлера удастся отбить у немцев Мгу, Верховный имел в виду стандартные задачи вспомогательных направлений: сковать, «обескровить», не позволить противнику перебрасывать силы на центральный участок советско-германского фронта. Элементарная военная арифметика давно подсчитала, что подобное «уничтожение» одной немецкой дивизии обойдется как минимум в три своих, но наше командование подобное соотношение потерь устраивало. Экстенсивный метод ведения войны вполне сложился, машина смерти была отлажена и работала бесперебойно.

«В пехотных дивизиях, — пишет Н.Н. Никулин, —уже в 1941—1942 годах сложился костяк снабженцев, медиков, контрразведчиков, штабистов и т. п. Людей, образовавших механизм для приемки пополнения и отправки его в бой, на смерть. Своеобразная мельница смерти. Этот костяк в своей основе сохранялся, привыкал к своим страшным функциям, да и люди подбирались соответствующие, те, кто мог справиться с таким делом. Начальство тоже по-

добралось нерассуждающее, либо тупицы, либо подонки, способные лишь на жестокость. «Вперед!» — и все. Мой командир пехотного полка в «родной» 311-й дивизии выдвинулся на свою должность из командира банно-прачечного отряда. Он оказался очень способным гнать вперед без рассуждений свой полк. Гробил его множество раз, а в промежутках пил водку и плясал цыганочку. Командир же немецкого полка, противостоявшего нам под Вороновом, командовал еще в 1914—1918 годах батальоном, был профессионал, знал все тонкости военного дела и, конечно, умел беречь своих людей и перебить наши наступающие орды... Великий Сталин, не обремененный ни совестью, ни моралью, ни религиозными мотивами, создал столь же великую партию, развратившую всю страну и подавившую инакомыслие. Отсюда и наше отношение к людям. Однажды я случайно подслушал разговор комиссара и командира стрелкового батальона, находившегося в бою. В этом разговоре выражалась суть происходящего: «Еще денька два повоюем, добьем оставшихся и поедем в тыл на переформировку. Вот и погуляем!» Солдаты всегда были навозом. Особенно в нашей великой державе и особенно при социализме.

Вспоминаю, как генералу Симоняку сказали: «Генерал, нельзя атаковать эту высоту, мы лишь потеряем множество людей и не добьемся успеха». Вечно пьяный Симоняк *(ему на Ленинградском фронте доверили гвардейский стрелковый корпус)* отвечал: «Подумаешь, люди. Люди — это пыль, вперед!..»

Хозяин из Москвы, ткнув пальцем в карту, велит наступать. Генералы гонят полки и дивизии, а начальники на месте не имеют права проявить инициативу. Приказ «Вперед!», и пошли умирать безответные солдаты. Пошли на пулеметы. Обход с фланга? Не приказано, выполняйте, что велят. Да и думать и рассуждать не разучились. Озабочены больше тем, чтобы удержаться на своем месте да угодить начальству. Потери значения не имеют. Угробили одних, пригонят других. Людей много. А людей этих хватают в тылу, на полях, на заводах, одевают в шинели, дают вин-

товку и — «Вперед!». И растерянные, испуганные, деморализованные, они гибнут как мухи...

Удивительно различна психология человека, идущего на штурм и наблюдающего за атакой, когда самому не надо умирать, кажется все просто: вперед и вперед!»

Теоретически предполагалось, что наступление советских войск вынудит германское командование стянуть в район мгинского выступа крупные силы, подставив их под сосредоточенные огневые удары мощных артиллерийских и авиационных группировок, станция Мга должна была стать «магнитом, притягивающим к себе вражеские войска». В целом оперативная задумка напоминает известный анекдот, когда петух бежит за курицей и сам себя успокаивает: «Не догоню, так согреюсь».

Кроме того, командующий Волховским фронтом, подозревавший вероломных германцев в подготовке наступления с целью выхода к Ладожскому озеру и восстановления блокады Ленинграда, как обычно, собирался этот штурм сорвать. Мерецков неизвестно откуда насчитал в составе группы армий «Север» 68 дивизий и 6 бригад, «а в целом Кюхлер, с учетом его резервов и войск, расквартированных на временно оккупированной советской территории в тыловой зоне его группы армий, мог рассчитывать на десятки дивизий».

Уточним: «в целом» Кюхлер мог рассчитывать на 46 имевшихся в его распоряжении на начало июля дивизий и одну бригаду. В составе 18-й армии Линдемана, в основном за счет ослабления соседней 16-й армии, насчитывалось 28 пехотных, авиаполевых, горнострелковых дивизий и латышская бригада СС. В резерве командующего группой армий «Север» имелись 18-я моторизованная, 388-я учебная и 223-я пехотная дивизии. Три охранные дивизии обеспечивали «новый порядок» в тыловой зоне. В составе Волховского фронта, которому противостояли 15 пехотных дивизий противника, на 1 июля имелось 28 стрелковых 1 артиллерийская дивизия, 6 стрелковых, 6 танковых бригад, 2 укрепрайона, 5 отдельных танковых полков и 6 танковых батальонов.

В районе задуманного советской Ставкой избиения немецких войск — в «бутылочном горле» — зарылись в землю семь дивизий 26-го армейского корпуса: на востоке, у Карбусели, Вороново и Гайтолово — силами 212-й и 69-й пехотных дивизий, вдоль Кировской железной дороги 1-й пехотной и 5-й горнострелковой. На севере, по обе стороны от «Носа Венглера», стояла 290-я, на Синявинских высотах — 11-я дивизия и на реке Мойка — 23-я пехотная дивизия. В резерве Линдеман держал 121-ю пехотную и 28-ю егерскую дивизии. Силы противника наша разведка оценивала примерно в 100 тысяч человек, 140—160 танков и штурмовых орудий.

Советское командование сосредоточило в 67-й и 8-й армиях более 250 000 солдат и офицеров, 550 танков и самоходных установок.

8-я армия, получив дополнительные соединения из резерва Волховского фронта, имела в своем составе 11 стрелковых дивизий и 2 стрелковые бригады. Войска ударной группировки были построены в два эшелона: в первом — четыре стрелковые дивизии (184, 378, 256, 364-я), каждая из них усиливалась танковым полком; во втором — также четыре стрелковые дивизии (379, 239, 165 и 374-я) и две танковые бригады (16-я и 122-я). Резерв составляли 286-я стрелковая дивизия и 58-я стрелковая бригады. В распоряжении начальника инженерных войск армии полковника Германовича имелось 11 дивизионных саперных батальонов, три инженерных бригады и два отдельных саперных батальона фронтового подчинения. Прорыв намечался на участке 13,5 км.

В 67-й армии, прорывавшейся на участке Арбузово, Синявино, насчитывалось 8 стрелковых и 2 кавалерийских дивизии, гвардейская танковая бригада, три отдельных танковых полка.

Поддержку и прикрытие наземных войск должны были обеспечить авиаторы 13-й и 14-й воздушных армий, а также соединения авиация дальнего действия — около 1000 самолетов (у немцев имелось 140 машин). Только Мерецкову было разрешено израсходовать на операцию 850 тысяч

снарядов и мин — более тысячи вагонов. Наступление Ленинградского фронта предварялось десятидневной, Волховского — пятидневной обработкой немецких позиций, к которой только на участке 67-й армии привлекалось около 2900 орудий.

Летом 1943 года в советском Генштабе возникла мода присваивать крупным наступательным операциям фамилии русских полководцев. Так, войсками Брянского и Центрального фронтов проводилась операция «Кутузов», завершившаяся освобождением Орла, заключительный этап Курской битвы — «Румянцев», Смоленская операция Калининского и Западного фронтов — «Суворов». Наступление Ленинградского и Волховского фронтов получило название в честь автора известного прорыва — «Брусилов».

С 12 июля артиллерия Ленинградского фронта, согласно плану «подготовительного периода», приступила к планомерному разрушению сооружений вражеских опорных пунктов и узлов сопротивления, уничтожению огневых точек, подавлению «наиболее вредящих» его батарей, «изнурению» живой силы противника. С 17 июля в действие вступила артиллерия Волховского фронта.

Наконец, 22 июля в 6.35 после мощнейшей полуторачасовой артиллерийской и авиационной подготовки две советские армии двинулись на штурм. Огонь был настолько силен, что собственную пехоту напугал не меньше немецкой.

«Через час после начала артподготовки густая пелена дыма и пыли заволокла местность, — вспоминает бывший начальник оперативного отдела штаба артиллерии Волховского фронта полковник Д. Морозов. — Когда огонь артиллерии был снят с первой траншеи противника и перенесен на триста-четыреста метров в глубину, то даже опытным офицерам казалось, что огневой вал остался на прежнем месте. Что же касается молодых пехотинцев, то они совсем растерялись и боялись голову поднять от окопа. Мы, артиллеристы, на этот раз, как говорится, перестарались. Прошло двадцать минут, а пехота не под-

нималась... Нервничали командир дивизии генерал-майор Фетисов и командующий артиллерией Кеременецкий. Да и как сохранишь спокойствие в такой обстановке. А пехота, оглушенная громом канонады, никак не могла понять, что огонь артиллерии давно уже снят с объектов атаки. Пришлось нам перенести огонь артиллерии еще глубже и резко ослабить его плотность *(а все-таки неспроста наша пехота опасалась своей артиллерии?)*. Подошли танки. Вместе с ними пехота двинулась наконец вперед. Первая вражеская позиция была прорвана во многих местах... Вторую позицию, удаленную от первой на два — два с половиной километра, захватить с ходу не удалось. Слишком долго задержалась пехота с началом атаки, момент был упущен».

Снова, как и во всех предыдущих операциях, началось медленное кровопролитное «прогрызание» немецких укреплений.

На фронте Арбузово, станция Синявино в первом эшелоне атаковали три дивизии 30-го гвардейского корпуса генерала Симоняка. Частично взломав передний край, наши части вклинились в немецкую оборону, но были встречены сильным огнем и яростными контратаками, а затем и вовсе отброшены на исходные позиции. Результаты пытавшейся содействовать 55-й армии были еще мизернее.

В полосе 8-й армии события развивались аналогично, соединениям первого эшелона не удалось продвинуться дальше первой траншеи. В конце месяца в сражение были введены 379-я и 165-я стрелковые дивизии, сменившие 18-ю и 256-ю. Но и после этого положение не изменилось, советские войска топтались на месте, конечно, «перемалывая» по ходу дела силы противника.

В схватку вступали все новые соединения. Бои разгорелись жесточайшие, пленных не брали.

Генерал Линдеман почти сразу использовал свой резерв — 121-ю пехотную дивизию на восточном участке и 28-ю егерскую — западнее Синявинских высот. Пользуясь несогласованностью действий двух советских группировок, командующий 18-й армией успевал маневрировать силами, заменять потрепанные полки и удерживать позиции

на обоих направлениях прорывов. 24 июля он снял из-под Ленинграда 58-ю пехотную дивизию генерала фон Граффена и бросил ее в контратаку между Невой и Поселком № 6. При поддержке «тигров» немцы потеснили обратно части 67-й армии, но были остановлены сильнейшим фланговым огнем с западного берега. От Красного Бора была переброшена 254-я пехотная дивизия. Из состава 16-й армии фон Кюхлер передавал 126-ю пехотную дивизию, которая сменила 28-ю егерскую.

29 июля к операции присоединилась АДД. В ее первом налете участвовало 333 самолета, в последующих — от 100 до 150. Мерецков сетует, что генерал-полковник А.Е. Голованов пожадничал и выделил фронту «не так уж много боевых машин». А вот в докладе штаба 18-й немецкой армии от 10 августа о ходе боевых действий на северо-восточном участке фронта сообщалось: «В наиболее сильном налете вражеской авиации в один из дней участвовали 1110 самолетов. Наша авиация смогла задействовать не более 20 боеспособных истребителей». Кроме того, бензин и бомбы расходовались неограниченно.

В течение пятнадцати дней дальние бомбардировщики обрушивали удары с воздуха на коммуникации противника, начиная от Мги и Ульяновки и кончая Лугой, Нарвой и Псковом.

В ночь на 11 августа советская сторона задействовала еще семь дивизий. Так, генерал Стариков ввел в бой 256, 165 и 378-ю стрелковые. К исходу следующего дня они заняли опорный пункт Поречье. 12 августа дальние бомбардировщики Голованова были перенацелены на центральный участок советско-германского фронта.

Внезапно «сопротивление гитлеровцев возросло». Мерецков, по его собственному утверждению, был доволен: «Оказалось, что гитлеровское командование целиком сняло из-под Ленинграда две пехотные дивизии, предназначенные для штурма города *(в сентябре 1941 года фон Леебу не хватило для штурма 11 дивизий, в том числе трех танковых)*, и заткнуло ими дыру, чтобы локализовать прорыв, не дав ему превратиться в широкую брешь. Волховчане радо-

вались этому и гордились: шутка ли, ведь срывался план фашистов вновь пробиться с юга к Ладожскому озеру и выполнялось указание Ставки о максимальном уничтожении гитлеровских войск!» Сколько было уничтожено собственных войск, маршал Мерецков так никогда и не вспомнил.

Война, в зависимости от того, где находился очевидец, выглядит по-разному. Можно радоваться выполнению указаний Ставки, сидя в Малой Вишере в ста километрах от передовой, можно с НП дивизии ругать пехоту, которая не поднималась в атаку, а можно взглянуть с точки зрения «активного штыка», жизнь которого измерялась одной неделей, солдата, «ползущего на брюхе по фронтовой грязи».

Примерно в это время из района Погостье к станции Апраксин пост ночным маршем вышла и с ходу вступила в бой 311-я Кировская дивизия. Так вот ее бойцы не заметили ни радостных лиц волховчан, ни своей артиллерии, которая настолько «перестаралась», что к 17 августа исчерпала весь запас снарядов, отпущенных на операцию. Дивизия растаяла в три дня. Дневник сержанта 1067-го стрелкового полка разительно отличается от мемуара гордого успехами маршала:

«15 августа.

Подходим к передовой. Дивизия растянулась по траншеям. Как всегда путаница. То бежим, то ждем чего-то. Сравнительно тихо... укрылись в воронке... На дне воронки — каска. Пнул ее ногой — тяжело: в ней полчерепа, вероятно, с прошлого года. Идем дальше. Траншеи сходятся под железнодорожным мостиком, откуда один путь — в пекло. Навстречу ползут раненые, окровавленные и грязные, с изжелта серыми лицами, запекшимися губами и лихорадочно блестящими глазами. Кряхтение, стоны, матерная брань... Долго ли еще осталось нам жить? Говорят, в бой пойдем с хода, предыдущей дивизии хватило на два часа. «Бьет!.. Бьет, стерва!» — отвечают раненые на расспросы... Земля ухабистая — воронка к воронке. Тяжело... Слух напряжен и болезненно ловит каждый шорох. Вот... Летит! Кубарем катимся в траншею, глубже, ниже, в яму,

руками во что-то липкое... Грохот разрыва, падает земля. Пронесло. Встаем. Яма — сортир.

16 августа.

Ночью закопались в землю недалеко от немцев. Сидим в ямах. Вылезти и встать нельзя — убьет. Кажется, ветер состоит из осколков. Чтобы чем-нибудь занять время, забыться, играем в тут же выдуманную игру: двое выставляют из ямы автоматы прикладом кверху, чей скорее разобьет, тот выиграл... Пушку разбило. Ствол загнут крючком.

В полдень идем с пакетом в тыл. Трое. Сперва ползком, как змеи, до траншеи, а потом бегом, дальше. Ноги едва двигаются, дыхание с хрипом и свистом. Останавливаться нельзя. Те, кто пытался отдыхать, лежат теперь по обеим сторонам траншеи, и кровь тонкими черными струйками стекает по глинистым стенкам, скапливается на дне липкими лужицами... Начинается обстрел. Немцы, очевидно, нас заметили и бьют удивительно точно...

18 августа.

С 14-го числа не спал. Сидим в тех же ямах. Новую пушку закопали глубже прежней, и пока она цела. День назад прилетел из тыла наш снаряд и взорвался в пяти шагах от нас. Хорошо, что были в яме... Снаряд выворотил из земли покойника, еще свежего. Сегодня он греется на солнышке и попахивает. Здесь в земле целые наслоения. На глубине полутора-двух метров можно найти патроны, оружие, одежду, старые валенки. Все взмешано... Впереди, на нейтральной полосе, штук сорок танков. Одни рыжие, сгоревшие. Другие еще целые, но неподвижные — их расстреливают немцы из тяжелых мортир. Перелет — недолет, опять перелет. Трах! Многотонный танк разлетается в куски. Каково танкисту! Ведь он не имеет права покинуть подбитой машины... Один танк стоит близко от нас, передом к нашим траншеям. Он возвращался из атаки, когда был подбит. Вокруг башни его намотаны человеческие внутренности — остатки десанта, ехавшего на нем в атаку. Снаряды, предназначенные немцами для этого танка, летят в нас. Глубже вжимаемся в землю...

От дивизии нашей давно остался один номер, повара, старшины, да мы, около пушки. Скоро и наш черед. Каша опять с осколками: когда подносчик пищи ползет, термос на его спине пробивает... Гимнастерка и штаны стали как из толстого картона: заскорузли от крови и грязи. На коленях и локтях — дыры до голого тела, проползал. Каску бросил, их тут мало кто носит, но зато много валяется повсюду. Этот предмет солдатского туалета используется совсем не по назначению. В каску обычно гадим, затем выбрасываем ее за бруствер траншеи, а взрывная волна швыряет все обратно, нам на головы... Покойник нестерпимо воняет. Их много здесь кругом, старых и новых. Одни высохли до черноты, головы, как у мумий, со сверкающими зубами. Другие распухли, словно готовы лопнуть. Некоторые неопытные солдаты рыли себе укрытия в песчаных стенках траншеи, и земля, обвалившись от близкого взрыва, придавила их. Так они и лежат, свернувшись калачиком, будто спят под толстым слоем песка. Картина, напоминающая могилу в разрезе. В траншее тут и там торчат части втоптанных в глину тел; где спина, где сплющенное лицо, где кисть руки, коричневые, под цвет земли. Ходим прямо по ним.

20 августа.

Около недели не смыкал глаз, да и не хочется. Последние дни — стрельба из пушки по площадям и по вспышкам, то есть в белый свет, ползание из конца в конец по передовой под обстрелом и кровь, кровь, кровь. Народа осталось совсем мало. Вечером приказ: выдвинуть пушку на острие прорыва для поддержки пехоты. Настало наше время! Приказ надо выполнять! Ха! Там, где даже ночью опасно идти согнувшись, столпились мы кучей и во весь рост. Нас двадцать один — так много, потому что пушку надо нести на руках, настолько избита и вздыблена земля. До немцев меньше ста метров, я думаю, что они различают звездочки на наших пилотках. Но почему они молчат?.. Ни одного выстрела, словно немцы удивлены нашей до дикости глупой безрассудностью и с интересом ждут, что будет

дальше... Неожиданно сзади хлопок, толчок в спину поднимает меня в воздух! Лечу и сотую долю секунды думаю: «Конец!»...

22 августа.

Очнулся в яме около другой пушки нашей батареи. Сюда меня притащили вчера. Оказывается, мы наехали на противотанковый фугас и взорвались. Из двадцати одного человека остались двое: я и один легко раненный. Семнадцать человек не нашли. Лишь случайно, метров за сорок от взрыва, обнаружилась нога с куском живота. Она упала на землянку командира пехотного батальона...»

Вопрос: кто кого в данной ситуации «перемалывал»? Противнику, как видим, снарядов хватало, он их израсходовал в восемь раз меньше, чем советские артиллеристы. Потому как немцы стреляли не в площадь, а в цель, не подавляли, а уничтожали, и никогда не занимались такой глупостью, как подсчет плотности артиллерийских стволов на километр фронта.

На заключительном этапе Линдеман из района Киришей перебросил на грузовиках 61-ю пехотную дивизию, которая приняла полосу обороны 126-й дивизии у Поселка № 6. По всему периметру «бутылочного горла» немцы прочно удерживали все позиции.

В боях за Синявинские высоты особую славу заслужил 561-й батальон особого назначения — штрафной. Командир батальона Рихард Метцгер стал кавалером Рыцарского креста. В вермахте за уголовные и военные преступления тоже практиковалось «искупление вины кровью», с той лишь разницей, что не отделяли офицеров от солдат. Как сообщают немецкие авторы, через «пятисотые» батальоны прошло более 80 тысяч человек.

В результате ожесточенных боев ударные группировки 67-й и 8-й армий в течение месяца лишь незначительно вклинились в оборону противника. Напряженность в ведении боевых действий стала ослабевать.

22 августа Сталин приказал дальнейшее наступление прекратить.

«Русское командование, — утверждает Польман, — не сумело согласовать друг с другом свои наступательные операции на севере и на востоке таким образом, чтобы поставить немецкое командование в очень затруднительное положение. Впрочем, ожидать, что в третьем сражении на одном и том же поле боя появятся новые неожиданные идеи по части руководства боевыми действиями, не приходилось».

Анализ бывшего полковника вермахта совпадает с выводами командующего Ленинградским фронтом. Правда, генерал Говоров вину за неудачу сваливал на генерала Мерецкова:

«Основной и главной причиной, определившей особый характер операции, явилась способность противника к непрерывному восстановлению обороны путем последовательной смены по мере уничтожения дивизий одного обороняющегося эшелона дивизиями второго, затем третьего эшелона и т.д... Способность противника к непрерывному восстановлению обороны на синявинском направлении обусловлена неоправдавшимся расчетом на взаимодействие с соседним Волховским фронтом. Действия Волховского фронта не привлекли на себя оперативных резервов противника, что и позволило противнику часть сил снять с Волховского фронта и направить на Ленинградский фронт... По плану операции предполагалось, что резервы противника будут рассредоточены между обоими фронтами. На самом деле все семь пд оказались перед Ленинградским фронтом». Ну, что тут скажешь. Кюхлер и Линдеман сражались без всякого плана, используя любую возможность для достижения победы, а нашим кто мешал?

Впрочем, кто говорит о неудаче.

Мерецков, к примеру, с гордостью сообщает, что «сковал» неизвестно откуда взявшиеся 68 дивизий и 6 бригад противника и «перемолол» части 21 дивизии.

При этом советские потери составили около 80 тысяч человек убитыми и ранеными, противника — около 20 тысяч. Наши командующие теряли по 2660 солдат в сутки, Линдеман — 670. Уложив четверых своих бойцов, убивали-

таки одного немца. Значит, главная задача, поставленная Сталиным, выполнена: «Соединения 18-й армии вследствие больших потерь уже не могли угрожать Ленинграду. Гитлеровское командование больше не помышляло ни о восстановлении блокады, ни тем более о штурме города». А иванов бабы еще нарожают. Тревогу в Москве вызвал лишь фантастический расход боеприпасов. Начальник артиллерии Красной Армии генерал Н.Н. Воронов даже направил на Волховский фронт своего представителя разобраться, в чем дело. Но в ходе расследования стало известно, что товарищ Сталин положительно оценил результаты операции, и расследование было прекращено. В директиве № 30175 Верховный отметил, что «войска этих двух фронтов привлекли на себя значительные оперативные резервы противника, нанесли его войскам тяжелые поражения и тем самым выполнили **часть возложенной на эти фронты задачи».**

Про «часть» — станцию Мга — как-то забылось. Ее советские войска освободили лишь 21 января 1944 года. Несмотря на «достижения», Мгинскую операцию 1943 года наши генералы вспоминают неохотно, а иногда и вовсе делают вид, что ее не было. К примеру, генерал Борщев, командовавший дивизией, написал: «Летом 1943 года мы вели тяжелые оборонительные бои (?) у Синявинских высот».

Впрочем, у Сталина были все резоны для хорошего настроения. Лето 1943 года стало переломным в ходе Второй мировой и Великой Отечественной войн: советские армии начали движение на Запад. Первыми победными салютами ознаменовалась победа в Курском сражении. В ходе грандиозной битвы были уничтожены бронетанковые войска вермахта, освобождены Орел, Белгород, Харьков. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Красной Армии. Финляндия фактически прекратила боевые действия, ее правительство, все более убеждаясь в неизбежном крахе Тысячелетнего рейха, все настойчивее предпринимало попытки установить контакты с руководи-

телями антигитлеровской коалиции, зондировало позиции Лондона, Москвы и Вашингтона на предмет условий заключения мира. Англо-американские войска высадились на Сицилии и Апеннинском полуострове, выведя из войны Италию и открыв тем самым второй фронт в Европе.

Постепенно изменялась в нашу польза обстановка под Ленинградом, германский «нож», обильно орошаемый кровью, все более ржавел и стачивался. Положение войск фельдмаршала Кюхлера, измотанных непрерывными русскими атаками, значительно ухудшилось. Германское командование не могло усилить ее ни за счет стратегических резервов, ни за счет переброски сил из других групп армий. На протяжении всего 1943 года для Гитлера группы армий «Север» словно не существовало. Если фюрер и вспоминал о ней, то только для того, чтобы забрать наиболее боеспособные дивизии: за второе полугодие Кюхлеру пришлось расстаться с единственной моторизованной и семью пехотными дивизиями, взамен он получил пять дивизий, имевших большой некомплект в личном составе и боевой технике. Верховное командование по-прежнему ставило задачу прочно оборонять позиции и продолжать блокаду Ленинграда, но в тылу группы армий, приблизительно по линии старой границы СССР с Прибалтикой, началось строительство нового оборонительного рубежа — линии «Пантера».

В середине сентября войска Ленинградского фронта, преодолев несколько сот метров, отбили у противника проклятые Синявинские высоты. Частной операции предшествовала уникальная артиллерийская подготовка. Генерал К.П. Казаков, прибывший на должность командующего артиллерией 2-й ударной армии с другого театра, отмечает в воспоминаниях необычную расточительность ленинградцев в отношении расходования боеприпасов, по сравнению с местом предыдущей службы.

Это удивление было вызвано изобретенным в штабе генерала Одинцова новым методом огневой поддержки пехоты — «сползание огня»:

«В самом общем виде этот метод «сползания огня» был одним из методов артиллерийской поддержки атаки стрелковых подразделений. Если при огневом вале артиллеристы, стреляя по рубежам впереди своей пехоты, переносили огонь скачками в 100—200 метров, то есть на два-четыре деления прицела, то «сползание огня» вполне отвечало своему названию — артиллерийский огонь «сползал» с переднего края противника в глубину его обороны минимально возможными переносами — по 50 метров (одно деление), а зачастую и это маленькое расстояние делилось надвое с помощью уровня. Подобные переносы огня перекрывались рассеиванием снарядов, поэтому с наблюдательного пункта вы не видите никаких скачков. Артиллерийский огонь действительно ползет в глубину обороны противника, пропалывая ее дочиста, как хороший огород. Разумеется, по такой «прочищенной» местности наступать пехоте и танкам много легче. Естественный вопрос: почему этот метод не применять повсюду? Почему Штаб артиллерии Красной Армии не рекомендовал «сползающий огонь» артиллеристам других фронтов? Во-первых, что он требовал значительных расходов боеприпасов. А возможности для их пополнения были у нас не беспредельны — заводы давали столько снарядов, сколько могли дать. И если бы Главное артиллерийское управление удовлетворило полностью потребности одного фронта, широко применявшего «сползание огня», оно бы оставило без боеприпасов другие фронты. Вот почему Штаб артиллерии Красной Армии не мог рекомендовать метод «сползания огня»для всеобщего использования... Кроме того, противник уже широко использовал в обороне разные хитрости — ложный передний край или преднамеренный отвод своих войск в глубину. Представьте на минуту, что наша артиллерия обрушивает всю силу «сползающего огня» на опустевшую оборону. А чем пробивать оборону противника на следующей позиции, когда мы, пусть и легко, но с громадными затратами боеприпасов, пройдем эти три-четыре километра?»

В общем, ясно, что такая «поддержка» требовала огромного количества артиллерийских и минометных стволов,

а сколько при этом расходовалось снарядов, все главные пушкари — от Говорова до Казакова — стесняются сообщить. К тому же для прорыва следующей оборонительной позиции всю эту технику необходимо было передвигать на три-четыре километра вперед, оборудовать огневые позиции и ждать, когда подойдут новые эшелоны с боеприпасами. А до Берлина — почти две тысячи километров. Но генералу Говорову метод понравился, его-то и применили в ограниченной по масштабам операции по захвату Синявинских высот.

Утром 15 сентября советская артиллерия и реактивные минометы перепахали немецкие позиции. Авиаторы 13-й воздушной армии, ВВС Балтийского флота и 2-го корпуса ПВО совершили 721 боевой вылет. После подготовки, следуя вплотную за огневым валом, двинулся 30-й гвардейский стрелковый корпус — 45, 63 и 64-я дивизии. Атака продолжалась 30 минут. За это время гвардейцы заняли все три линии вражеских траншей на Синявинском рубеже, перемахнули гребень... и уперлись в четвертую, на обратном скате. Бои продолжались еще три дня, затем наступило затишье.

Армия Линдемана занималась подготовкой тыловых позиций и сокращением линии фронта с целью высвободить войска. Так, 2 октября 290-я пехотная дивизия оставила рощу «Круглая» — «Нос Венглера». Этот выступ фронта, названный по имени выдающегося командира 366-го полка полковника Венглера, был одной из самых скверных позиций, «дьявольской дырой» среди болот и искромсанных пней. Все как один, начиная от командиров рот до главнокомандующего группы армий, считали, что его давно надо было оставить, но Гитлер до тех пор отвергал подобные предложения как «пораженческие, пока противник в конце концов не заставил очистить эту позицию».

В ночь на 3 октября немцы начали отвод войск с западного фаса погостьинского выступа и эвакуацию киришского плацдарма, который удерживали около двух лет. Этот маневр командующий 4-й армией обнаружил только двое суток спустя, проспал. Мерецков позже заявил, что

помешали сложные метеоусловия: «Киришские болота под октябрьскими дождями вздулись от воды. Пока мы наводили переправу, чтобы нанести удар по отходящему врагу, он уползал на левый берег Волхова. Фронтовая авиация успела все же разбомбить его». Одним словом, Линдеман сумел отвести части за реку Тигода беспрепятственно и почти без потерь.

«Русские не сразу обнаружили отвод немецких войск, — пишет Польман. — Лишь после сильной артиллерийской подготовки они заняли уже оставленные немцами позиции и в сводках Верховного командования изобразили это как успешную наступательную операцию широкого масштаба с фантастическим количеством трофеев и потерь».

После случившегося конфуза командование Волховского фронта решило, что противник ударился в генеральное отступление, и бросило в решительное преследование 54-ю армию. Однако вскоре она уперлась в тыловую позицию, удерживаемую 96-й пехотной дивизией, и к 15 октября, после ожесточенных атак и контратак, наступление захлебнулось. Однако все эти небольшие тактические успехи Линдеману особой пользы не принесли: почти все высвобождавшиеся дивизии отправлялись на другие участки фронта. В октябре и ноябре из 18-й армии убыли 58, 69, 290, 81, 132 и 23-я пехотные дивизии. В Италию отправилась 5-я горнострелковая. Из политических соображений пришлось вернуть генералу Франко «Голубую дивизию». В результате многомесячных боев армия потеряла убитыми, ранеными и пленными 166 тысяч человек.

17 октября на Ленинград упала последняя немецкая бомба.

К концу 1943 года у Георга Линдемана, оборонявшего пространство от озера Ильмень до Финского залива, оставалось 19 дивизий, в их числе 5 авиаполевых, и 3 бригады. Кюхлер снова и снова пытался уговорить Гитлера отвести войска на линию «Пантера», но фюрер принципиально ничего не желал отдавать добровольно. Немецкие дивизии отметили последнее Рождество под Ленинградом. В советской Ставке в это время уже завершилась разработка и под-

готовка грандиозной стратегической операции с участием четырех фронтов, которая должна была закончиться полным разгромом группы армий «Север» и выходом Красной Армии в Прибалтику. Первым этапом операции должно было стать полное снятие блокады Ленинграда. На флангах 18-й армии были созданы группировки, превосходившие противника в людях втрое, в технике — впятеро.

14 января 1944 года грянул Первый Сталинский удар.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К 30 января советские войска прорвали оборону противника на фронте от Финского залива до озера Ильмень, нанеся поражение 18-й германской армии. На южном направлении противник был отброшен от Ленинграда на 100 км, на западном — на 80. Армия Линдемана распалась на две изолированные группировки: главную, отходившую к Луге, и западную, отступавшую к Нарве. 27 января в честь полного снятия блокады над Невой прогремел победный салют. И это была самая успешная фаза операции.

Дальше немцы опять стали действовать «не по плану». В результате войска Волховского фронта не сумели в установленные сроки овладеть Лугой, и это позволило противнику организованно отвести свои силы из мгинского выступа, из районов Чудово и Любани. Не смогли окружить супостата в районе Тосно и Павловска войска Ленинградского фронта. Весь февраль шли тяжелейшие бои севернее и восточнее Луги, немцев просто и незатейливо вытесняли с оккупированных территорий, они планомерно отступили на запад и закрепились на линии «Пантера». Нарву, Псков, Остров освободить не получилось, прорваться в Прибалтику — тем паче.

1 марта 1944 года наступление пришлось прекратить. В итоге полностью оказались уничтоженными 3 авиаполевые дивизии, 17 дивизий противника — разгромлены. Но и советские потери превзошли все предыдущие «показатели» — 314 тысяч человек. Полное освобождение Ленинградской области произошло лишь в июне—июле 1944 года, когда в ходе Выборгско-Петрозаводской опера-

ции Ленинградский и Карельский фронты нанесли поражение финской армии, потеряв при этом 91 тысячу солдат и офицеров. Красная Армия по-прежнему воевала большой кровью, по-иному она не могла.

Война за Ленинград закончилась.

Общие потери в ней Северного, Северо-Западного, Ленинградского, Карельского, Волховского фронтов и Балтийского флота с июля 1941 года, когда начинались первые бои на Лужском рубеже, по август 1944-го, принесший Л. Говорову звание маршала, составили около 3 миллионов бойцов и командиров, в том числе почти миллион — безвозвратные.

По сей день Невский «пятачок», Синявино, Гайтолово, Тортолово, Мишкино, Вороново, Поречье, Корбусель, Погостье, Кириши, Мясной Бор и многие другие места и сметенные с лица земли деревни, повторяя слова «волховчанина» Д.К. Жеребова, представляют собой гигантское ожерелье кладбищ, охватывающих Санкт-Петербург с востока в радиусе шестидесяти-ста километров».

«Мы помним вал из трупов почти в человеческий рост, который приходилось преодолевать, бросаясь в атаку на Синявинские высоты. Мы помним болото перед деревней Гайтолово, забитое мертвыми телами. По ним, как по гати, бежали атакующие. Мы помним «Круглую» рощу, знаменитую когда-то на Волховском фронте: около нее полегли дивизии 2-й ударной армии... Мы помним дом отдыха в селе Вороново, высоту «Лесную» — «высоту смерти», как ее называли солдаты... Можно было бы долго перечислять названия высот и опорных пунктов. Потери около каждого из них превышали, к примеру, жертвы Бородинского сражения... Трупы, трупы! Сколько их осталось на нашем пути!»

Мы должны были проиграть эту войну, но мы были правы, а они нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1973. 404 с.

Барбашин И.И., Харитонов А.Д. Боевые действия Советской Армии под Тихвином в 1941 году. М.: Воениздат, 1958. 80 с.

Беляев С., Кузнецов П. Народное ополчение в обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1959. 132 с.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: Полигон, 2004. 767 с.

Борщев С.Н. От Невы до Эльбы. Лениздат, 1970. 384 с.

Василевский А.М. Дело всей жизни. Минск: Беларусь, 1984. 542 с.

Верт А. Россия в войне 1941—1945. М.: ЭКСМО — Алгоритм, 2003. 736 с.

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. В 2 книгах. М: Воениздат, 1971.

Заслон на реке Тосне. Сборник воспоминаний защитников Усть-Тосненского рубежа в 1941—1944 гг. (Составитель И.А. Иванова). Санкт-Петербург: Политехника, 2003. 336 с.

Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М.: Воениздат, 1990. 342 с.

Дегтярев Г.Е. Таран и щит. М.: Воениздат, 1966.

Дзенискевич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград. Л.: Наука, 1970. 415 с.

Иванова И.А. Усть-Тосно — Синявинская операция 1942 года. Рукопись.

Иноземцев И Г. Под крылом — Ленинград. Боевой путь ВВС Ленинградского военного округа, Ленинградского фронта и 13-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1978. 272 с.

История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 томах. М.: Воениздат, 1975.

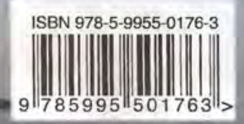
История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1974. 612 с.

Калуцкий Н.В. Огонь — на себя! М.: Воениздат, 1981. 206 с.
Карель П. Гитлер идет на восток 1941—1943. М.: Изографус — ЭКСМО, 2003. 557 с.
Карпов В. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира (Литературная мозаика). М.: Воениздат, 1992. 462 с.
Катышкин И.С. Служили мы в штабе армейском. М.: Воениздат, 1979. 208 с.
Коньков В.Ф. Время далекое и близкое. М.: Воениздат, 1985. 208 с.
Коняев Н. М. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М.: Вече, 2001. 462 с.
Коровников И.Т., Лебедев П.С., Поляков Я.Г. На трех фронтах. Боевой путь 59-й армии. М.: Воениздат, 1974. 327 с.
Кошевой П.К. В годы военные. М.: Воениздат, 1978.283 с.
Крылов В.А. Обыкновенные гвардейцы. М.: Воениздат, 1971. 262 с.
Лебедев Ю.М. По обе стороны блокадного кольца. Санкт-Петербург: Нева, 2005. 303 с.
Ленинградская битва 1941—1944. Сборник статей (Составители Г.И. Вавилина, Т.И. Коптелова, В.И. Позднякова). Санкт-Петербург: АО «Иван Федоров», 1995. 204 с.
Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2 томах. Санкт-Петербург—Москва: Нева—ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
Лукницкий П.Н. Ленинград действует... М.: Советский писатель, 1964. 1441 с.
Любанская наступательная операция январь—июнь 1942 года. Боевые действия второй ударной армии (Составители К.К. Крупица и И.А. Иванова). Санкт-Петербург: ИНКО, 1994. 127 с.
Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск: Попурри, 2004. 511 с.
Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999. 670 с.
Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983. 432 с.
Мильченко Н.П. Залпы над Невой. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
Мощанский И., Хохолов И. Невский бастион. Ленинградская стратегическая оборонительная операция 10 июля — 30 сентября 1941 года. М.: ПКВ, 2002. 72 с.
Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. М.: Изографус, 2002. 799 с.
На Волховском фронте 1941—1944. М.: Наука, 1982. 398 с.
Невский пятачок. Л.: Лениздат, 1977. 368 с.
Непокоренный плацдарм. Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма 1941—1944. Л.: Лениздат, 1987. 301 с.
Никулин Н. Н. Воспоминания о Войне. Рукопись.
Одинцов Г.Ф. Повелители огня. Л.: Лениздат, 1980. 296 с.

Окороков А.Д. Слово, ведущее в бой. М.: Воениздат, 1980. 451 с.
Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М.: Воениздат, 1961. 200 с.
Пантелеев Н.А. Морской фронт. М.: Воениздат, 1965. 317 с.
План «Д». План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2005. 186 с.
Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград 1941—1944. М.: Захаров, 2000. 127 с.
Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005. 525 с.
Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование (Под редакцией Г.Ф. Кривошеева). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
Русаков З.Г. Нашим морем была Ладога. Моряки Ладожской военной флотилии в битве за Ленинград. Л.: Лениздат, 1989. 173 с.
Советская военная энциклопедия. В 8 томах.
Стахов Х. Трагедия на Неве (Перевод М. Лебедева). Рукопись.
Танкисты в сражении за Ленинград. Л.: Лениздат, 1987. 335 с.
Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции (Составитель И.А. Иванова). Санкт-Петербург: Политехника, 2001. 359 с.
Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М.: Воениздат, 1985. 463 с.
Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1961. 248 с.
Хренов А.Ф. Мосты к победе. М.: Воениздат, 1982. 349 с.
Черепанов А.И. Поле ратное мое. М.: Воениздат, 1984. 303 с.
Чероков В.С. Для тебя, Ленинград! М.: Воениздат, 1978. 205 с.
Широкорад А. Корабли и катера ВМФ СССР 1939—1945 гг. Минск: Харвест, 2002. 943 с.
Щеглов Д. В ополчении. М.: Воениздат, 1960. 286 с.
Ярхунов В.М. Через Неву (67-я армия в боях по прорыву блокады Ленинграда). М.: Воениздат, 1960. 96 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Самая «неудобная» и скандальная книга популярного историка. Продолжение бестселлеров «Кроваво-Красная Армия» и «Танковый погром 1941 года». Новый взгляд на трагедию Ленинградской Блокады. Страшная правда о самом долгом и жестоком побоище Великой Отечественной, продолжавшемся более двух лет и унесшем миллионы жизней. Опровергая официальную советскую версию «обороны Ленинграда», эта книга доказывает, что на самом деле **никакой обороны не было**, что битва за Ленинград – *«это одно сплошное наступление Красной Армии, немыслимо кровавое, безуспешное, зачастую бессмысленное. Участвовавшие в этой бойне войска Ленинградского и Волховского фронтов не оборонялись никогда. Они непрерывно наступали. Месяцами атакующие на одних и тех же направлениях советские армии несли огромные потери, которые увеличивались десятикратно за счет необученности наших войск, слабой профессиональной подготовки отцов-командиров и пренебрежения к человеческой жизни. Битва за Ленинград продолжалась три года и обошлась нам в три миллиона убитых, пропавших без вести, получивших ранения военнослужащих. Еще один миллион погиб в самом городе...»* Эта книга впервые проливает свет на самую страшную бойню Второй Мировой, которая по уровню потерь превзошла даже печально известную «Ржевскую мясорубку», – до сих пор окрестности Ленинграда, где полегли миллионы наших бойцов, представляют собой огромное кладбище, охватывающее город в радиусе десятков километров...


ISBN 978-5-9955-0176-3